

М О Е К И З А — О — Ш Т Р А Т О Н

СЕРГЕЙ
РОМАНЯК

МОСКВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

ХУДОЖНИК ПЕТР ПАН

СЕРГЕЙ
РОМАНЮК

ОСЕКВА.
УТРАТЫ

ХУДОЖНИК ПЕТР ПАН

МОСКВА

ЛПО

ЦЕНТР

1992

ББК 85.113(2)1

Р 69

Рецензент проф. А.Ч. Козаржевский

Романюк С. К.

Р 69 Москва. Утраты. М.: Изд-во ПТО «Центр», 1992 —
336 с., ил.

В сборнике очерков рассказывается о разрушениях памятников истории и архитектуры в Москве после 1917 года. Для каждого здания дается описание его архитектурно-художественного облика, описываются исторические события, с ним связанные.

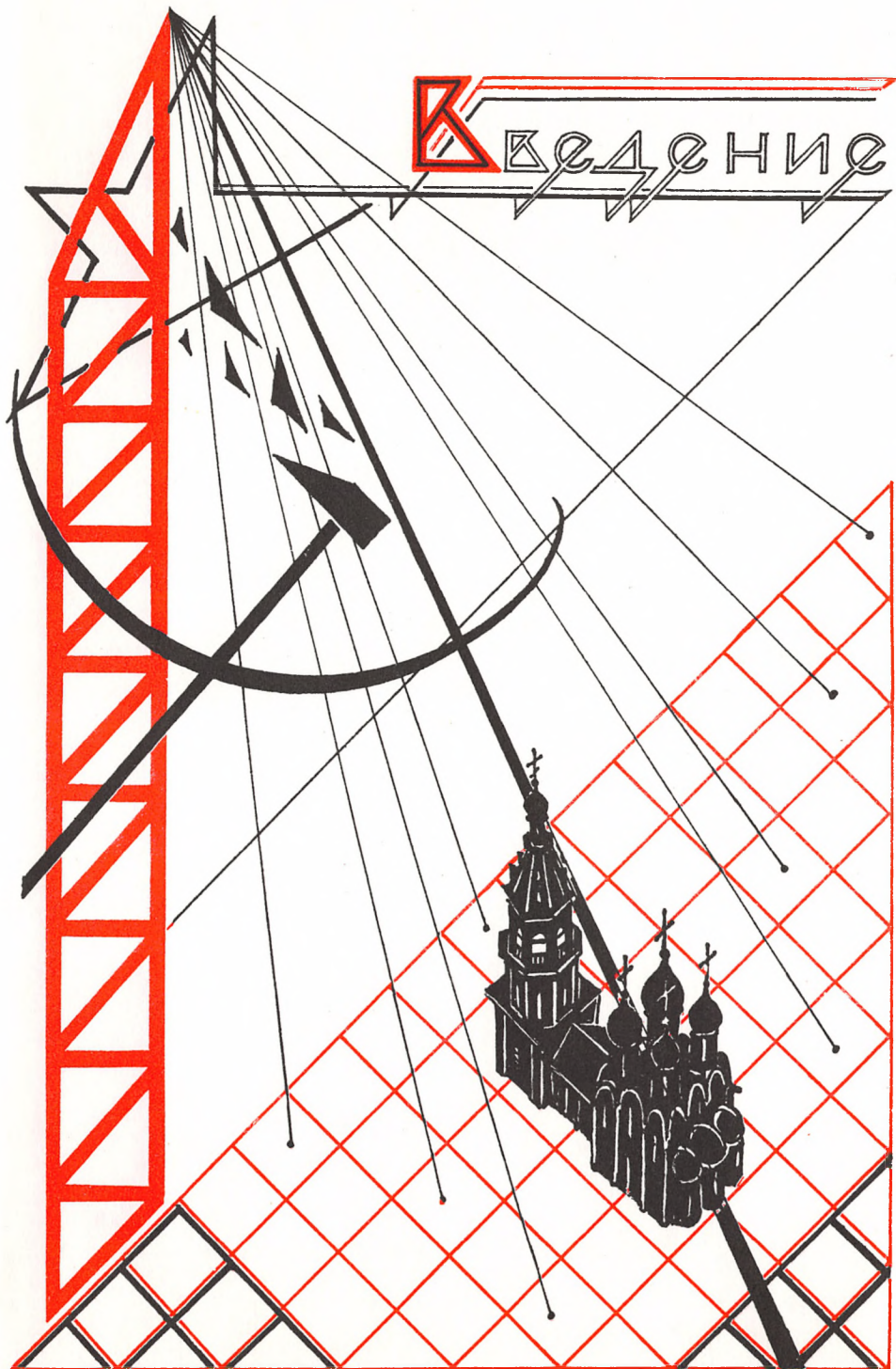
Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями.

Без объявления.

ББК 85.113(2)1

72Г1

ВЕДЕНИЕ

Многие лишь недавно стали понимать, чего лишилась Москва за последние семьдесят лет.

Когда-то она была городом уникальным, единственным в своем роде, вызывавшим неподдельное, искреннее удивление и восхищение как русских, так и иностранцев.

Вот впечатления о Москве дореволюционной русского художника и норвежского писателя:

«Москва до такой степени художественна, красива, что я готов далеко, за тридевять земель ехать, чтобы увидеть подобный город» (И. Е. Репин).

«Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город... Перед этой массой золота в соединении с ярким голубым цветом бледнеет все, о чем я когда-либо мечтал» (К. Гамсун).

Теперь же усилиями «строителей коммунизма» Москва, потеряв сотни великолепных построек, придававших ей уникальный облик, превратилась в нечто почти безликое.

Коммунистические культуртрегеры не пожалели памятников мирового значения, бывших гордостью русской культуры, они не пожалели и целых районов, уничтоженных полностью: известны участь храма Христа Спасителя, Сухаревой башни, Зарядья, арбатских переулков...

Но многие ли знают, какому форменному разгрому подвергся Кремль? Казалось бы, Кремль, сердце России, средоточие русской истории — кто бы мог посягнуть на него?

Но нет, нашлись. Нашлись коммунистические Иваны-не-помнящие-родства. Наши руководители сразу же после того, как они сбежали из Петрограда, в котором не чувствовали себя в безопасности, спрятались в Москве за высокими кремлевскими стенами. Так они, не подотчетные никому, устраивали себе гнездышко по своему вкусу: круша кремлевские постройки, древние монастыри и церкви, они строили вместо них конторы, залы заседаний, столовые, уборные. Именно они, кремлевские властители, отгородившись от собственного народа, охраняемые вооруженными до зубов чекистами, отдавали приказы с лица земли чудеса русской архитектуры. Именно они, властители страны, распорядились сначала закрыть, а потом снести уважаемые всеми кремлевские святыни — монастыри и церкви. Все эти бандитские действия совершались тихо, без шума, и документы о кремлевских сносах были надежно похоронены в недоступных никому архивах.

Нет документов не только о разрушениях в Кремле — для исследователей были закрыты архивы высших партийных органов, в которых находятся приказы вандалов о разрушении десятков тысяч зданий по всей стране — ведь только в одной Москве насчитываются сотни разрушенных памятников.

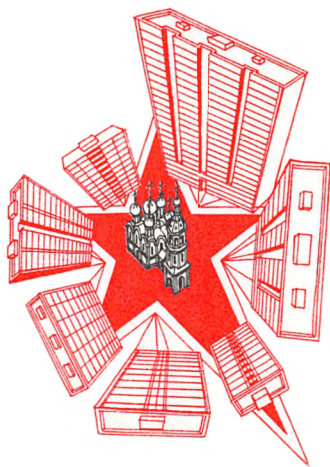
Буквально по крохам, из различных архивных источников, косвенно подтверждавших подобные факты, собирались сведения для этой книги о разрушенных московских памятниках истории и архитектуры.

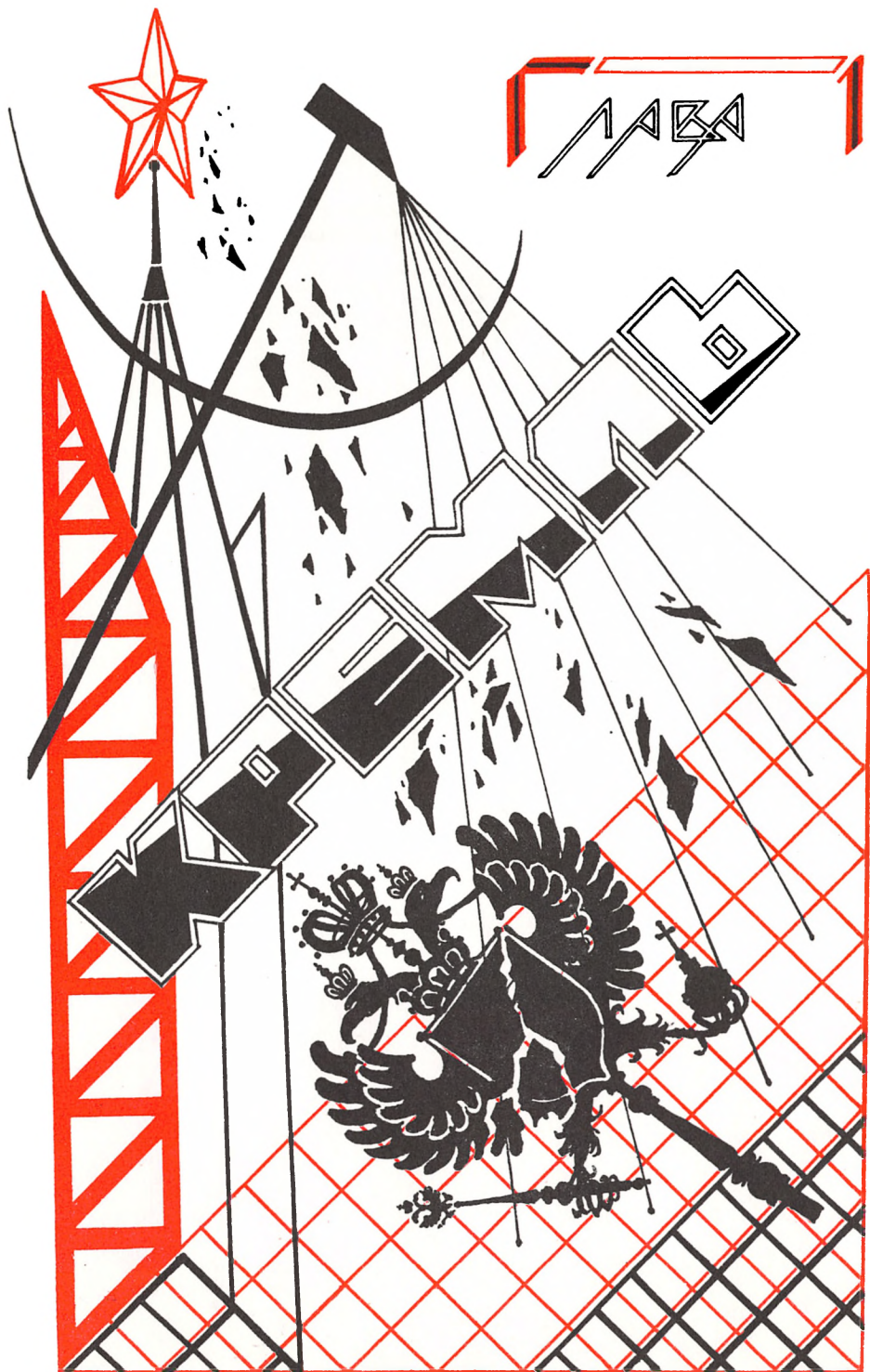
Из опубликованной литературы использовались изданные до революции книги, посвященные истории отдельных церквей, а также труды историка московских церквей М. И. Александровского. Я очень благодарен его ученику, незабвенному Валентину Сергеевичу Попову, щедро делившемуся со мной своими обширными знаниями.

Описание разрушенных памятников в этой книге ведется по отдельным историческим районам города — Кремлю и Китай-городу, Белому городу (внутри Бульварного полукольца), Замоскворечью, Земляному городу (внутри Садового кольца) и далее в пределах современной городской границы, а в каждой главе описание идет по ходу часовой стрелки — слева направо.

О многих из снесенных зданий не рассказано в этом описании, в нем перечислены лишь самые значительные наши потери.

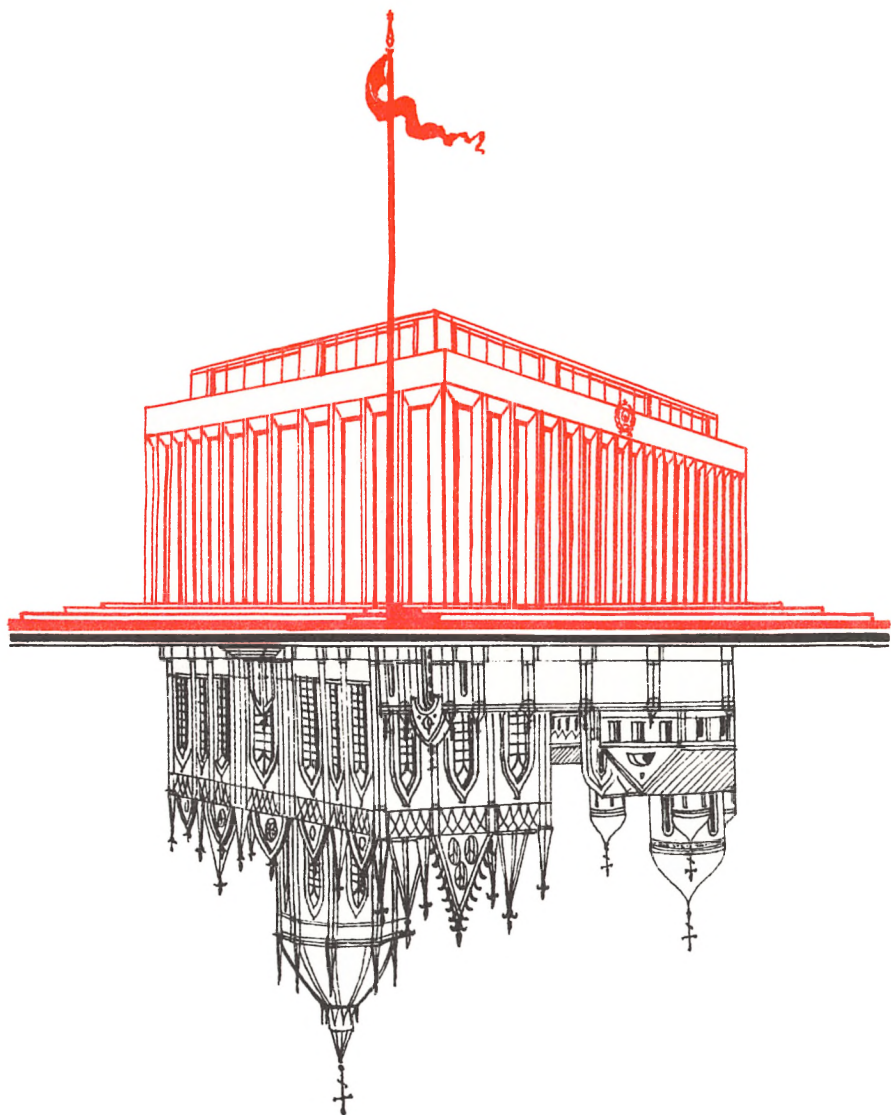
Итак, печальный синодик предлагается читателю...

Собор Спаса на Бору 11
Чудов монастырь 15
Вознесенский монастырь 25
Малый Николаевский дворец 28
Церковь Благовещения 31
Церковь святых Константина и Елены 32
Залы Большого Кремлевского дворца
и Оружейная палата 34
Памятник Александру II 37
Памятник великому князю
Сергею Александровичу 39

Собор Спаса на Бору

Во дворе Большого Кремлевского дворца еще сравнительно недавно можно было увидеть старинную небольшую церковь, почти вросшую в землю. Это был собор во имя Спаса Преображения, называвшийся «что на Бору».

По летописному известию в 1330 г. князь Иван Калита «заложил церковь камени на Москве, близ своего двора...» Само название собора — «что на Бору» — говорило, казалось, о древности его. Как объясняют все путеводители, тогда вокруг него шумел дремучий, вековой бор. Однако, эта, наиболее распространенная, версия вызывает определенные сомнения. Как выяснили археологи, проводившие изыскания на Кремлевском холме, уже в XI в. на его вершине был поселок с торжищем, и говорить, что через две сотни лет, во времена Ивана Калиты, вокруг Спасского собора еще был дикий лес, по меньшей мере, наивно. С гораздо большей вероятностью можно предположить, что собор был построен на месте древнего торгового — ведь слово «бор» означает еще «налог», «денежную повинность» (отсюда и такие слова, как «сбор», «поборы», «сбирать» и т. д.), и место, где собирали этот налог, так и называлось «Бор», и тогда церковь стояла именно «на Бору», то есть там, где находилась торговая застава, у слияния двух рек, Москвы и Неглинной — двух торных дорог древности.

В той старой церкви, по сообщению летописца, в 1319 г. было временно положено тело тверского князя Михаила Ярославича, убитого в Золотой Орде.

Убийство это было прямым следствием жестокого соперничества Московского и Тверского княжеств, между Юрием Даниловичем московским и Михаилом Ярославичем тверским. Оба они заискивали перед золотоордынским ханом, оба брались выколачивать с русских мужиков побольше дани — то побеждал в своих происках Юрий, то Михаил. Как рассказывает в своей «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев, «Юрий недаром жил в Орде, он не только оправдался в обвинениях Михайловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его, Кончаке, которую при крещении назвали Агафиею».

Михаила Ярославича вызвали в Орду, и он, предчувствуя недоброе, все-таки собрался ехать, несмотря на уговоры сыновей. «Не поеду, — отвечал им князь, — так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души».

Князя Михаила убили в ставке хана Узбека далеко от Русской земли — на Северном Кавказе, и оттуда тело его привез Юрий Данилович московский и положил в Кремлевском Спасском соборе, а оттуда уже потом отпустил тело в Тверь.

Тихий и упорный собиратель московских земель князь Иван Данилович, недаром получивший прозвание «Калита», что означало «кошелек», «мешок», выстроил на месте деревянного каменный храм. Был он третьим (по И. Е. Забелину — четвертым) в Москве — это невиданное еще строительство в далеком и окраинном городе северо-восточной Руси должно было свидетельствовать о богатстве московского князя. После строительства каменного собора князь Иван «сотвори ту монастырь, и собора в он черноризцы, и возлюбил его паче инех монастырей, и часто приходи в он молитвы ради».

Монахов он перевел издалека, из-за Москвы-реки, из Данилова монастыря, основанного его отцом. Кремлевский Спасский монастырь стал его любимым детищем, он «многу милостыню даяше мнихом ту сущим, ясти же, и пити, и одежа, и оброки и всяко требование нескудно подаваше им, и забороны велику творяше им, не обидимым быти никим же». Саму же церковь он «украсил иконами, и книгами, и сосуды и всякими узорчьем».

Перед кончиной князь Иван ушел в монастырь, основанный им, и принял монашество. Сын его — князь Симеон Гордый — по примеру отца также принял пострижение в этом монастыре.

Монастырский собор был одним из самых уважаемых — там погребали великих княгинь. Первое погребение состоялось в 1332 г., когда скончалась жена князя Ивана Калиты Елена Ивановна. В 1345 г. была похоронена великая княгиня Анастасия, жена Симеона Гордого, незадолго перед тем затеявшая роспись собора: «а мастера старшины и начялницы бысть России родом, а Гречистии ученицы: Гоитан, и Семен, и Иван, и прочие их ученицы и дружина». В Спасском соборе нашли свое упокоение великая княгиня Александра, мать Дмитрия Донского, в 1364 г., и князь Иван Дмитриевич, брат великого князя Василия, в 1393 г., и великая княгиня Мария, третья жена Симеона Гордого, в 1399 г. (через семьдесят с лишком лет при перестройках в соборе нашли ее нетленное тело).

Как и все московские храмы, Спасский собор много раз горел и подвергался надругательствам татар. Особенно губительным был разгром, учиненный Тохтамышем в 1382 г., когда он обманом взял Москву. Невозможно удержаться, чтобы не привести здесь печалование летописца: «И бяше тогда видети в граде плачь, и рыдание, и вопль мног, и слезы, и крик неутешаемый, и стонание многое, и печаль горкаа, и скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа, нужда ужаснаа, и горесть смертнаа, страх, и ужас, и трепет...»

Вся Москва лежала в дымящихся развалинах: «церкви святые запалены быша и падошася, а каменья стоаша выгоревши внутри и сгоревша вне...»

Дмитрий Донской возобновил Спасский храм и завещал ежегодное пожертвование в пользу монастыря немалой по тому времени суммой — 15 рублей. Многие князья жаловали монастырь деревнями, землей и иными угодьями. И Иван III, заботясь о престиже своей власти, начал большую перестройку в Кремле и повелел вывести из Кремля Спасский монастырь далеко за Язуз, на высокий и крутой берег Москвы-реки, где и был основан новый Спасский монастырь, а в Кремле осталась древняя церковь Спаса, ставшая дворцовой, великокняжеской.

Есть известие о том, что сын Ивана III великий князь Василий Иванович в 1527 г. построил новую церковь, но, как предполагал И. Е. Забелин, это известие может относиться лишь к пристройке к ней приделов с южной стороны, а сама же церковь осталась такой же маленькой, какой и была во времена Ивана Калиты. На это обратил внимание известный Павел Алеппский в своем описании путешествия антиохийского патриарха Макария в Россию.

С устройством новых церквей для великокняжеского двора, так называемых верховых церквей, Спасский храм становится приходским для дворцовой прислуги: «весь дворец, ключники, и стряпчие, и сытники, и приспешники, и поваря тут приходят, и рано для их служба живет, чтоб отправаясь шли, всяк на свой приспех, к Царьскому столу готовь».

В XVIII в. Спасский собор, как, впрочем, и весь Кремль, стал ветшать, лишась бдительного ока царя. Много раз собор осматривали архитекторы и неизменно доносили о всех новых и новых ветхостях, которые надо было исправлять. Вот в 1730 г. сообщалось, что сквозь своды шла течь, черепица во многих местах обвалилась и «поросло лесом, березы, осины и рябины».

Так шло до XIX века. В наполеоновское нашествие храм уцелел, хотя и был ограблен.

Только в 1850—60-х гг. храм отреставрировали по проекту известного тогда архитектора Ф. Ф. Рихтера и заново расписали. Особенное внимание при подновлении храма было обращено на место захоронения просветителя зырян (или, как их тогда называли, пермяков) святого Стефана Пермского.

Он еще мальчиком, живя в своем родном городе Устюге, научился чтению — «всей грамотичной хитрости и книжной силе». Таким любознательным людям, как Стефан, была тогда одна дорога — в монастырь, где он обрел многих своих товарищей, таких же искателей истины и света. Тринадцать лет провел Стефан в Григорие-Богословском монастыре в Ростове — и после этого он решил стать миссионером, как «издавна у него сдумано бяше». Он выучился зырянскому языку и принялся за составление

азбуки, так как зыряне «не знают, что есть книги», для чего он воспользовался употреблявшимися у них с давних времен знаками, пометами на вещах.

Миссионерская деятельность Стефана у зырян проходила с большими трудностями. Особенно сопротивлялись его проповеди языческие жрецы, а среди них некий жрец Пам: «плот супротивник преподобному и злоротоборец велик, неукротим супостат и боритель». Стефан и Пам как-то спорили друг с другом день и ночь, забыв о сне и пище, пока не решили доказать истинность своей веры и ложность противника испытанием огнем и водой. При большом стечении народа разожгли большой костер, прорубили две проруби во льду, в которые после испытания огнем должны были спуститься спорившие, но язычник Пам убоился испытаний и, посрамленный, удалился из зырянской земли, а Стефан одержал полную победу.

Деятельность его поддерживалась московскими князьями и церковными иерархами, и в 1383 г. он был рукоположен в сан епископа Пермского. На земле зырян епископ Стефан основывал школы, богадельни, монастыри, организовывал перевод книг на зырянский язык и их переписку. Он «во время трудные» раздавал голодающим свои деньги и хлебные запасы, делился с ними последним, охранял свою паству от нападений новгородцев-ушкуйников, соседних племен и от преследований московской администрации.

До нас дошел выразительный «плач Перми» о смерти Стефана: «Он молился о спасении душ наших перед Богом, а князю предлагал жалобы наши, печаловался о льготе для нас и о наших боярах; пред боярами и начальниками был усердным заступником нашим; много раз избавлял он от насильий, работ, тиунских взяток и облегчал нам подати».

Стефан проповедывал христианство в пермской земле еще несколько лет, а в 1396 г. был вызван в Москву, здесь скончался и был похоронен в Спасском соборе. В 1549 г. он был причислен к лику русских святых. В соборе сохранялись мощи святого Стефана Пермского и молящиеся могли видеть посох святителя.

Долгое время считалось, что собор Спаса на Бору был одной из древнейших построек в Кремле, но выяснилось, что в XVIII в., после одного из больших пожаров, здание его было переложено заново (возможно, с использованием старых частей), да так, что новое здание в точности соответствовало древнему образцу. Все это было определено при поспешно проведенных в 1932 г. исследованиях перед сносом собора, но теперь все исчезло и, как меланхолически отмечал один из авторов этого исследования, «как бы добросовестно ни была осуществлена эта новая модель древней постройки, она уже не может дать в руки исследователя наблюдений, которые позволили бы установить к какому времени относятся те или иные части исчезнувшего оригинала».

Все вопросы остались без ответа — собор Спаса на Бору к 1 мая 1933 г. был безжалостно разрушен.

Чудов монастырь

Даже в Московском Кремле, каждая пядь которого полна исторических воспоминаний, Чудов монастырь стоит на особом счету — так много событий случилось здесь, так много знаменитых в русской истории лиц связано с ним.

Основан монастырь был митрополитом св. Алексием, печальником и заступником за Русскую землю перед золотоордынскими ханами. Как повествуется в житии св. Алексия, в 1357 г. вызвала его к себе в Орду мать царя Джанибека Тайдула, много лет скорбевшая глазами. Всякий вызов в Орду был тогда тревожным — писали завещания, прощались с чадами и домочадцами, служили молебны. Когда митрополит в Успенском соборе совершал молебен перед отъездом, то случилось чудо — у гроба св. митрополита Петра «се от себя сама возгорелась свеча». Митрополит роздал молящимся часть этой свечи, а остальную взял с собою в Орду вместе с освященной водой.

В Орде он был торжественно встречен, введен в царские покои, там совершил молебен, возжег чудесную свечу, окропил глаза царицы святой водой и... чудо свершилось — Тайдула прозрела. Все получили богатые дары, а митрополиту был подарен татарский посольский (по другим источникам — конюшенный) двор в Кремле, где он устроил монастырь, а в 1365 г., как повествует летописец, “пресвященный Алексий, митрополит всея Руси, заложи церковь камену во имя святого архангела Михаила, честного его чуда, бывшаго в Хонех” (можно думать, что чудесное выздоровление Тайдулы произошло 6 сентября, в день празднования чуда Михаила архангела).

Но вероятнее всего, что посвящение церкви определялось самим смыслом чуда, совершенного архангелом Михаилом, защитившим христианский храм от пытавшихся разрушить его язычников. Митрополит Алексий этим посвящением подчеркивал значение сохранения православной церкви как оплота московского государства. Церковь эта “милостию же Божию и помощию святого архаангела Михаила, единого лета и почата и кончана и священа бысть”. Митрополит украсил новую церковь «и подписью, и иконами, и книгами, и златыми сосудами».

Сам митрополит Алексий скончался в 1378 г. и завещал положить его у алтарей построенной им церкви. Она простояла недолго — уже в 1431 г. во время службы «церковный верх... от ветхости весьма обвалился». Старый храм — одноглавый, с покрытием по трем закомарам, разобрали и выстроили новый, а во время подготовки фундамента обрели в земле нетленные мощи митрополита Алексия, которые и доньше почитают, но теперь уже не в Кремле, а в церкви Богоявления Господня, что в Елохове.

Новая церковь была меньше первоначальной, «обаче высока и зело пространна и прекрасна», но и она простояла не так много времени. Великий князь Иван III Васильевич в 1501 г. указал разобрать старую обветшавшую церковь и построить новую. Через два года, в тот же день 6 сентября в день празднования чуда архангела Михаила, церковь была торжественно освящена. Возможно, что ее, как и строившийся примерно в то же время Михайлоархангельский собор, строили итальянские архитекторы.

Считают, что неизвестный архитектор, создавший Чудовский собор, владел приемами итальянского Возрождения с таким же мастерством, как и Алевиз Новый.

Сам храм был очень красивым, его стройный и пропорциональный четверик украшен изящными декоративными элементами, несущими черты как ранней московской архитектуры, так и более поздних исканий. Искусствоведы, написавшие очерк о зодчестве XVI в. в капитальной «Истории русского искусства», так отзывались об этом храме: «Собор Чудова монастыря был одним из тех первых памятников XVI в., в которых с наибольшей полнотой сказались черты новой московской архитектуры... В нем с наибольшим совершенством оказались использованными новые архитектурные формы, сложившиеся в Москве в результате глубоких идейных сдвигов и работы зодчих различных художественных направлений».

Чудовский собор явился образцом для многих русских построек XVI в. Он был красив и внутри — над алтарным престолом обращала на себя внимание резная деревянная позолоченная сень. Это чудесное произведение — «рукоделья раба Божия Петра Ремизова» датировалась 1641 г.

Почти через 100 лет после кончины св. Алексия в основном им монастыре возвели церковь, освященную в его имя, а строителем был архимандрит Геннадий, который очень почитал св. Алексия. Однажды «вниде ему в ум» почитать святого и вскоре, около 1485 г., была построена Алексеевская церковь, в которую и были тогда перенесены мощи св. Алексия. В 1680 г. вместо этой церкви архимандритом Адрианом, последним, перед введением синодального управления всероссийским патриархом, были заложены две новые церкви, под одной кровлей — одна во имя св. Алексия, а другая — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Любопытно отметить, что Алексеевский храм, вероятно, был единственным в России, в который не разрешалось входить женщинам — прежде в Чудовом монастыре было много монашествующих, все они во время богослужений заполняли церковь и во избежании соблазна вход женскому полу был строго воспрещен. Это запрещение по традиции оставалось в силе и до последних дней существования монастыря. Особенно хорош был иконостас Алексеевской церкви — сделанный из бронзы в

1839 г. по рисунку М. Д. Быковского, царские двери работы знаменитой ювелирной фирмы Сазикова сияли серебром. Собор этот был еще и своеобразным воинским памятником: по указанию Николая I на его стенах были развешаны трофеи русско-персидской войны 1826—1828 гг.

В Алексеевскую церковь вело высокое псевдоготическое крыльцо, пристроенное в 1780 г. к двухэтажному монастырскому корпусу по проекту М. Ф. Казакова.

Под аркой между этими двумя храмами с 1686 г. в серебряной раке покоились мощи св. Алексия, рядом лежал посох его, а за стеклом на стене находилось одеяние.

Под монастырским храмом св. Алексия в 1906 г. устроили церковь-усыпальницу великого князя Сергея Александровича, убитого террористами в Кремле, освященную во имя преподобного Сергия Радонежского. Ее украшал замечательной работы резной белокаменный иконостас, иконы для которого написал художник К. П. Степанов. Из такого же белого мрамора изваяли надгробие, стоявшее в центре подземного храма. Это был и небольшой музей древностей, в котором находились ценные вещи из коллекции, собиравшейся великим князем: иконы XVI и XVII вв., нательный крест XIV в. в серебряном ковчеге, а также личные вещи его. В храме находились носилки, на которых переносились останки Сергея Александровича, и гренадерская шинель, укрывавшая их.

Автором проекта храма-усыпальницы был архитектор В. П. Загорский, а внутренняя отделка производилась по мысли и по рисункам П. В. Жуковского.

В Чудовом монастыре была и четвертая церковь — во имя св. Апостола Первозванного, построенная для монастырской братии, упраздненная в 1814 г., она была в 1881 г. устроена вновь как домовая митрополичья.

Монастырь издавна был весьма почитаем — в церкви Чуда Михаила Архангела крестили многих младенцев из царского дома: детей Ивана Грозного, в 1554 г. — царевича Федора. В 1629 г. патриарх Филарет крестил своего внука — будущего царя Алексея Михайловича, а в 1672 г. здесь был крещен и царевич Петр — будущий преобразователь России, император Петр Великий. В 1818 г. в этой церкви состоялось крещение царя-освободителя Александра II.

Чудов монастырь памятен событиями, имевшими большое значение для истории русской церкви.

Так, сюда был заключен митрополит Исидор, присланный в Москву из Константинополя в 1437 г. и давший согласие на унию — присоединение восточного православия к западному католицизму. Когда митрополит во время церковной службы помянул папу римского, великий князь Василий II возмутился, громогласно назвал его латинским прелестником и велел запретить его в Чудовом монастыре. В. О. Ключевский писал: «Если бы великий князь Василий Васильевич не обличал злокозненного врага, сатанина сына

грека Исидора, олатынил бы он русскую церковь, искажил бы древнее благочестие, насажденное у нас святым князем Владимиром».

Исидору удалось бежать из монастыря, но великий князь приказал не преследовать его. «Исидор ночью исшед тайно, — рассказывает летописец, — и со учениками своими, с Чернцом Григорием и Афанасием, и побежал с Москвы ко Твери, а изо Твери к Литве, да и к Риму». В Риме он и умер в 1462 г.

Чудов монастырь оказался связанным с, может быть, наиболее драматичными событиями в русской истории, когда само существование Руси как самостоятельного, суверенного образования было под угрозой.

Это было «смутное время», время разорения, нестроения и шатания всей русской земли, после которого она вышла обновленной, строящейся, укрепляющейся, пока через триста лет ее не постиг очередной удар, после которого, надо надеяться, она снова выйдет возрожденной.

Чудов монастырь оказался связанным с судьбой главных действующих лиц драмы «смутного времени»: Лжедмитрием I, Василием Шуйским и патриархом Гермогеном, и если для первого Чудов монастырь был только одним из этапов в самом начале его головокружительной карьеры, то для двух других он стал мрачным свидетелем их либо политической, либо физической смерти.

Было высказано много предположений о происхождении Лжедмитрия. По наиболее вероятным из них, он был сыном галицкого дворянина Богдана Отрепьева, стрелецкого сотника, погибшего в московской Немецкой слободе, вероятно, в пьяной драке.

Его сын Юрий попал в молодости к боярам Романовым, и, когда царь Борис Годунов обрушил свой гнев и преследования на них, Юрию Отрепьеву пришлось спасать свою жизнь в монастыре — он постригся в монахи под именем Григория и, пользуясь протекцией, попал в кремлевский Чудов монастырь. Его заступники просили архимандрита, «чтого его велел взять в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Знаменитая сцена Пушкина, в которой Пимен произносит:

Еще одно, последнее сказанье...—
И летопись окончена моя...

происходит в келье Чудова монастыря, в которой Григорий, проснувшись, рассказывает Пимену о смутившем его покое сне:

Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...

Григорий, обуреваемый честолюбивыми помыслами, бежит из Чудова монастыря, попадает в Польшу и оттуда, поддерживаемый поляками, приходит во главе войска в Москву. Он овладевает тронем, венчавшись на царство 21 июля 1605 г. в Успенском соборе Кремля.

Долго на московском троне сидеть Григорию Отрепьеву не пришлось. Через десять месяцев в столице вспыхнуло восстание — «17 мая в четвер-

том часу дня, прекраснейшего из весенних, — рассказывает Н. М. Карамзин, — восходящее солнце осветило ужасную тревогу столицы: ударил в колокол сперва у св. Илии* близ двора гостинного и в одно время загредел набат в целой Москве, и жители устремились из домов на Красную площадь, с копьями, мечами, самопалами».

Лжедмитрий, спасаясь от толпы, выскочил в окно и разбился. Его принесли во дворец и уже там убили. Тело его было выволочено на Красную площадь и положено на Лобное месте, где, как передает современник, «положили ему на брюхо гнусную маску (найденную в комнатах у Марини), дудку в рот, волынку под мышку, и медную деньгу в руку, как бы в награду за игру его».

Руководителем боярского заговора, свергнувшего Лжедмитрия I, был Василий Иванович Шуйский, «пожилой, 54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изынтриганившийся, прошедший огонь и воду, выдавший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побавившийся колдунов».

Его «выкрикнули» царем на Красной площади и он оставался им четыре бурных года, с 1606 по 1610 г., в государстве, пораженном голодом, сотрясаемом восстаниями, осажденном интервентами.

В середине 1610 г. положение царя Василия стало критическим — его войска потерпели сокрушительное поражение в сражении с польскими войсками под деревней Клушино. С запада к Москве приближался гетман Станислав Жолкевский, с юга — Лжедмитрий II, а в самой Москве раздавались призывы расправиться с правительством. Глава заговорщиков Захар Ляпунов 17 июля 1610 г. собрал у Арбатских ворот дворян и детей боярских и обвинил им о необходимости свести Шуйского с престола. После сходки на Красной площади толпа во главе с Ляпуновым отправилась в Кремль, захватила царя Василия и отвела в его городской дом, а вскоре туда, как рассказывает Н. М. Карамзин, «явились Захария Ляпунов, Князь Петр Засекин, несколько сановников с Чудовскими иконами и Священниками, и велели Шуйскому готовиться к пострижению, еще гнушаясь новым царевубийством, и считая келию надежным преддверием гроба. "Нет! — сказал Василий с твердостью. — Никогда не буду Монахом". И на угрозы отвечивал видом презрения; но смотря на многих известных Москвитян, с умилением говорил им: "Вы некогда любили меня... и за что возненавидели? за казнь ли Отрепьева и клеветов его? Я хотел добра вам и России; наказывал единственно злодеев — и кого не миловал?" Вопль Ляпунова и других неистовых заглушил речь трогательную. Читали молитвы пострижения, совершали обряд священный, и не слышали уже ни единого слова от Василия: он безмолвствовал, и вместо его произносил страшные обеты монашества Князь Туренин. Постригли и несчастную царицу, Марию, также безмолвную в обетах, но красноречивую в изъявлениях любви к супругу: она рвалась к нему, стнала, называя его своим Государем милым, Царем великим народа недостойного, ея супругом законным и в рясе Инока. Их разлучили силою: отвели Василия в монастырь Чудовский, Марию — в Ивановский».

Из Чудовского монастыря низложенного царя отвезли в Иосифо-Волоколамский монастырь, а там он попал в руки гетмана Жолкевского, который и увез его в Польшу, предварительно сняв с него иническое платье, «одев во изрядные ризы» — ведь королю Польши надо было видеть не пленного монаха, а пленного русского царя. В Польше Василий Шуйский и умер через два года после своего пленения.

---

* Здание этой церкви сохранилось на Ильинке, д. № 4.

В монастырском храме Чуда архангела Михаила, в глубоких белокаменных подвалах, по преданию был заключен патриарх Гермоген. Твердый защитник интересов православия, он не шел ни на какие компромиссы. Гермоген требовал крещения Марины Мнишек, чем и вызвал недовольство первого самозванца. Патриарх противился кандидатуре польского королевича Владислава на русский престол. Поддерживая Михаила Романова, он выступал против боярских предложений о присяге королю Польши Сигизмунду III.

На требование изменников-бояр остановить русское ополчение, приближающееся к Москве, Гермоген твердо ответил: «Я их благославляю против вас стояти и помереть за православную христианскую веру». Тогда-то и арестовали Гермогена.

Он не смирился с оккупацией Москвы и, находясь под домашним арестом, стал рассылать грамоты по Русской земле с призывами выступить против интервентов. Мужественный патриарх отвечал на угрозы врагов: «Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства, а вы, — говорил он боярам, — окаянные московские изменники, будете прокляты».

Последние дни жизни бесстарашного патриарха, которого называли «непоколебимым столпом», поддерживающим «великую палату» — Россию, — прошли в заключении: было ему «гонение и теснота великая». Гермогена посадили в подземную тюрьму, морили голодом — «опечалиша его кормлею и питием», и патриарх-страдалец скончался 17 февраля 1612 г. «по многом страдании и тесноте».

В воспоминание этих событий в нижнем этаже Михайлоархангельской церкви в 1913 г. освятили церковь во имя мученика Гермогена, тезоименитого патриарху.

Чудов монастырь приобрел известность и как средоточие просвещения на Руси.

Здесь была открыта одна из первых в Москве школ, учрежденных для подготовки «справщиков», т. е. ученых людей, знающих как исправить богослужебные книги, в которые при многочисленных переписываниях проникло множество ошибок.

Само дело исправления книг, по словам И. Е. Забелина, «не замедлило обнаружить всю глубину и необозримую широту тогдашнего русского невежества и его кровных чад: суеверия, легковерия, суемудрия и самомнения». Руководителем школы сделали грека Арсения, учившегося в Риме. Его привез в Москву в 1649 г. иерусалимский патриарх, и Арсений остался здесь. Позднее его приблизил к себе патриарх Никон, однако через несколько лет ученого грека обвинили в ереси и он, как образно пишет тот же И. Е. Забелин, «на одинокой и потому утлой своей ладье потонул в глубине всеобщего невежества... Говорили про него, что он волхв, еретик, звездочетец, исполнен скверны и смрада езуитских ересей».

Здесь же, в Чудовом монастыре, обретался и знаменитый писатель, богослов Максим Грек.

Максим Грек, или Михаил Триволис (таково было его настоящее имя) в 1518 г. прибыл из Афона в Москву по приглашению великого князя Василия III для перевода и исправления богослужебных книг.

После выполнения первого же поручения — перевода толковой Псалтыри — он попросился обратно, но не тут-то было: в Московское государство было трудно попасть, но еще труднее кому-либо выбраться, если власти считали его полезным или же боялись, что он расскажет на Западе о московских порядках.

Максима Грека заставили работать. Он переводил, писал, исправлял книги, проповедывал, но, что оказалось роковым для него, он не смог остаться в стороне от политико-религиозной борьбы. Максим Грек выступил на стороне так называемых нестяжателей, ратовавших за возвращение церкви к идеалам первоначального христианства — аскетизму, отказу от стяжания, т. е. стремления к приобретению, накоплению материальных ценностей.

Нестяжатели потерпели поражение и были осуждены на церковных соборах, и Максим Грек полностью испытал горькую чашу мучений и унижения. Его в оковах увезли в дальний монастырь. В заточении он провел двадцать два долгих года. Сменялись митрополиты, появлялись новые люди у кормила правления, но Максим Грек оставался в монастыре — напрасно он слал прошения, доказывая, что он не еретик, не враг московской державы, что он по десять раз молился за государя, напрасно он унижался: выпустить его не желали. Москва не любила, чтобы о ней неблагоприятно отзывались за границей.

В Чудовом монастыре жил и другой известный в истории русской культуры просветитель — Епифаний Славинецкий. Он получил образование в лучшем тогда высшем учебном заведении — Киево-Могилянской академии, продолжил обучение за границей. Его пригласили в Москву и поручили исправление богослужебных книг, и, по сути дела, та реформа, которую замыслил патриарх Никон, была практически проведена Епифанием Славинецким.

Это был настоящий ученый, чуждый каких-либо житейских дрязг и склок, не искавший теплых местечек, всем сердцем преданный науке. Он занимался не только исправлением книг, но и переводческой деятельностью. Сохранились архивные записи о выплате ему «гонораров»: «166 года [1658 г.] маиа 8 киевлянину старцу Епифанию, что в Чудове монастыре живет, перевел государю патриарху дохтурскую книгу, 10 рублей дано сполна».

Епифаний прожил в Москве 26 лет и погребен был в Чудовом монастыре. На его надгробной плите была просторная надпись, начинавшаяся так:

«Преходяй человеце! zde став да взираеши,
Дондеже в мире сем обитаеши;
Зде бо лежит мудрейший отец Епифаний...»

И сам патриарх Никон, эта яркая и противоречивая фигура в истории русской церкви, испытал здесь, в Чудовом монастыре, минуты унижения и позора. В небольшой Благовещенской церкви монастыря 12 декабря 1666 г. ему объявили приговор церковного суда, в котором русского патриарха обвиняли в хуле на великого государя, царя всея Руси. Тут были и два патриарха — Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский — главы восточных церквей, живших под гнетом

турок, приезжавших в Московию в надежде на вспомоществование, русские церковные деятели и бояре, присланные царем, князя Одоевский, Долгорукий, Воротынский и другие. В церковь, ярко освещенную свечами, вошел Никон, одетый в патриаршую мантию, с панагией на груди и в черном клобуке с сияющим жемчужным крестом на нем. Прочли по-гречески и по-русски приговор суда — лишить Никона патриаршего сана, и восточные патриархи начали снимать с него панагию и клобук. «Возьмите себе жемчуг, — сказал язвительный Никон, обращаясь к патриархам, — разделите его между собою; вы, бродяги, шатаетесь всюду за милостыней».

Низложенного Никона вывели из церкви, посадили в сани и на следующий день отправили в Ферапонтов монастырь в заточение.

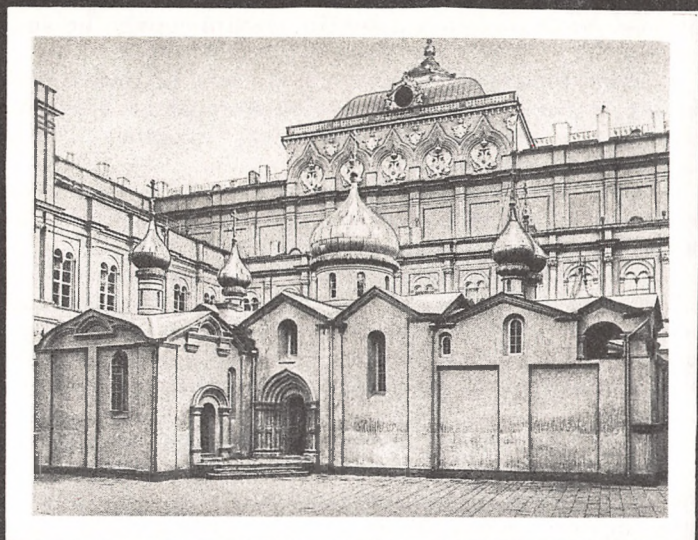
Монахом Чудова монастыря был и один из первых русских просветителей Карион Истомина. Он приехал в Москву из Украины около 1676 г. и сначала поселился вместе с Сильвестром Медведевым в Заиконоспасском монастыре, но потом перешел в Чудов монастырь. Карион Истомина — автор лучшего тогда русского букваря, вышедшего из печати в 1694 г., который он преподнес царице Наталье Кирилловне для обучения ее внука, царевича Алексея. Еще раньше он составил для одиннадцатилетнего царя Петра I книгу «Полис» — энциклопедию, в которой рассказывалось о самых разных вещах в стихотворной форме. Карион Истомина был автором и переводчиком многих сочинений по истории и педагогике, его поэтическое наследство очень велико.

Как и в других монастырях, в Чудовом монастыре было и кладбище. Тут была могила последнего казанского царя Едигера, принявшего крещение под именем Симеона: в монастыре были похоронены сват царя Алексея Михайловича боярин Борис Иванович Морозов, многие из знатных фамилий Трубецких, Оболенских, Хованских, Щербатовых, Куракиных, Стрешневых.

Сюда же, в Чудов монастырь, насильно отвели деда Петра I, боярина Кирилла Нарышкина. В 1682 г. во время стрельцкого бунта он был пострижен в монахи — тогда это было весьма распространенной формой принудительного отстранения политических противников от участия в управлении государством.

Во время оккупации Москвы наполеоновскими войсками в алтаре собора маршал Даву устроил свою канцелярию, где, сидя за священным престолом, подписывал бумаги и принимал просителей.

Вскоре после захвата власти большевиками новообразованное правительство и многочисленные учреждения были вынуждены эвакуироваться из Петрограда — пугала

Собор Спаса Преображения на Бору, 1880-е гг.

Чудов монастырь, 1880-е гг.

вполне реальная возможность захвата города немецкими войсками.

Правительство переехало в Москву 12 марта 1918 г. и сразу же, в день приезда, глава правительства В. И. Ленин ознакомился с патриаршей ризницей, дворцами, Грановитой и Оружейной палатами.

Тогда не все кремлевские здания были заняты новыми хозяевами и, конечно, они не чувствовали себя в безопасности даже за высокими стенами Кремля...

Как бесхитростно рассказывал первый советский комендант Кремля матрос П. Д. Мальков, «больше всего хлопот и неприятностей доставляли мне монахи и монахини, так и сновавшие по Кремлю в своих черных рясах... Вот тут и охраняй и обеспечивай Кремль от проникновения чуждых элементов!»

Я. М. Свердлов, которому подчинялся кремлевский комендант, считал, что «давно пора очистить Кремль от этой публики», и Ленин тут же дал свое согласие. «Ну что же, — передает его слова комендант, — я не против. Давайте, выселяйте. Только вежливо, без грубости».

Мальков отправился к настоятелю: «Есть, говорю, указание Ленина и Свердлова переселить вас всех из Кремля, так что собирайтесь».

Таким образом с 1918 г. Советское правительство затворилось в Кремле, схоронившись за высокими стенами и крепко запертыми воротами, и уже ни один «чуждый элемент» не мог проникнуть внутрь Кремля.

Насельников монастырей выгнали в 1918 г., но монастырские здания стояли еще почти десять лет и только в 1929 г., они уступили место новой постройке: понадобилось выстроить помещение для охранников — «военной школы имени ВЦИК», и для нее не нашлось другого места во всей Москве, как только на месте древних Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца. За дело взялся архитектор И. А. Иванов-Шиц, и к 1934 г. появилось здание, о котором современные авторы архитектурной истории Кремля пишут, что «оно невыразительно по формам». (Теперь здесь находится аппарат Верховного Совета СССР.)

Это «невыразительное» здание заменило собой совершенно неповторимые кремлевские постройки, от которых ничего не осталось, кроме нескольких фотографий.

Вознесенский монастырь

Монастырь находился у Спасских ворот, с правой стороны от улицы, ведшей к Соборной площади, и почти вплотную примыкал к кремлевской стене.

Один из древнейших в Москве, он производил незабываемое впечатление своими церквями, тишиной монастырского двора, утопавшего в цветах, красотой драгоценных окладов.

В главном монастырском храме находилась почитаемая древняя икона Божьей Матери Одигитрии, т. е. Путеводительницы, которая, как говорили, была спасена великой княгиней Евдокией во время нашествия Тохтамыша на Москву в 1382 г. Монастырь славился хорошим хором, а на Вербное воскресенье в монастыре устраивалось гулянье, где посетители могли вдоволь налюбоваться на изделия монахинь и купить их.

По преданию монастырь был основан великой княгиней Евдокией Дмитриевной, женой Дмитрия Донского. В этот монастырь она удалась под именем Ефросиньи и там же начала постройку каменного Вознесенского собора, закладка которого состоялась 20 мая 1407 г. Через полмесяца она скончалась, и была погребена в строившемся храме.

Ее невестка, великая княгиня Софья Витовтовна, продолжила строительство собора, но успела лишь вывести стены «по кольцо, где верху быти», т. е. до барабана и главы.

Пожары, княжеские междоусобицы, борьба за власть в Москве привели к тому, что храм в продолжение 50 лет стоял недостроенным. В 1467 г. великая княгиня Мария Ярославна, вдова умершего великого князя Василия II Темного, решила, разломав старый, уже порядком обветшавший собор, построить новый. Поручили строительство архитектору Василию Ермолину, и он сделал то, что еще не было видано в Москве — на старые стены были «надеты» новые.

Но и этот собор простоял недолго — он не смог выдержать опустошительных московских пожаров.

В 1518 г. по указу великого князя Василия III было начато строительство нового Вознесенского собора, законченного через три года: «того же лета [1521 г.] месяца мая 9 день священа церковь камена Вознесенье господня в монастыри великии княгине подле Чюдова монастыря в граде Москве на празник Вознесения господа нашего Иисуса Христа».

Автором его, возможно, был итальянский архитектор Алевиз Новый, приехавший в Москву в 1504 г. и много работавший в ней. Он, в частности, строил кремлевский Архангельский собор, декоративное убранство которого оказало большое влияние на развитие русской архитектуры.

Считалось, что именно здание Вознесенского собора, построенное при Василии III, дожило до наших дней, но, как свидетельствует летопись, при царе Федоре Иоанновиче, в

1587—1588 гг. был «поставлен храм камен на Москве в Кремле-городе в Девиче монастыре у Вознесения, о пяти верхах, болши старово».

Интересную гипотезу выдвинул искусствовед Л. А. Баталов, исследуя историю строительства собора Вознесенского монастыря. В это время было весьма необходимо для Бориса Годунова укрепить свое положение в Москве, и это он мог сделать только через сестру Ирину, жену царя Федора. И Годуновы строят в кремлевском девичьем Вознесенском монастыре новый собор, копию, как выяснил исследователь, великокняжеского Архангельского собора.

Еще со времени основательницы монастыря соборный Вознесенский храм сделался местом упокоения лиц женского пола из царствующей фамилии. В нем находилось более 30 могил. В соборе были похоронены Софья Витовтовна, дочь великого князя Литовского и жена Василия I; другая Софья, племянница последнего императора Византии, вторая жена великого князя Ивана III. Тут же было и погребение его первой жены, Марии Борисовны, дочери великого князя Тверского. В соборе сохранялись могилы великих княгинь, жен царя Ивана Грозного, начиная с Анастасии Романовны и кончая Марией Федоровной — матерью убитого в Угличе царевича Дмитрия.

После воцарения первого самозванца Мария Федоровна поселилась в этом монастыре, и сюда к ней приходил ее мнимый сын. Когда торжественная процессия, провожавшая невесту самозванца Марину Мнишек, сопровождаемая необычной для слуха москвичей игрой на барабанах и литаврах, вошла в Кремль, ее карета остановилась у ворот Вознесенского монастыря, из нее вышла Марина и была принята инокиней Марфой — важный акт комедии признания самозванца царевичем Дмитрием разыгрывался в Вознесенском монастыре.

Еще шесть дней до свадьбы Марина жила в монастыре, куда в это время регулярно приезжал Лжедмитрий.

В соборе Вознесенского монастыря находились могилы цариц Агафьи Семеновны, супруги Федора Алексеевича; Евдокии Лукьяновны, супруги Михаила Федоровича; Марии Ильиничны, первой жены царя Алексея Михайловича и его второй супруги Натальи Кирилловны, матери великого Петра. Последнее погребение в монастырском соборе датировалось 1731 г., когда умерла царевна Прасковья Ивановна, дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

Кроме главного Вознесенского собора в монастыре были еще две церкви. Одна из них — во имя преподобного Михаила Малейна (Малеин — от названия горы на Афоне, где он проводил жизнь в иноческих подвигах). Сразу за Спасскими воротами, немного в глубине, за красивой решеткой, стоял этот храм, выстроенный за удивительно короткое время — с

мая по сентябрь 1634 г. Строителями его были подмастерья каменных дел Бажен Огурцов и Семейко Белой.

Конечно, это не первая церковь на этом месте — еще в 1617 г. упоминается: «того же дни [1-го сентября] в Вознесенской девичь монастырь, к Государеву ангелу Михаилу дано фунт ладану». Возможно, здание этой церкви было выстроено между 1613 и 1617 годами, ибо именно в 1613 г. сюда в монастырь поселилась мать новоизбранного царя Михаила Романа Ксения Ивановна, урожденная Шестова, в монашестве инокиня Марфа. Нарочно для нее в монастыре построили дом, смиренно именуемый в документах «избушкой». Однако, в этой «избушке» были «шесть слюдяных окон, не малая изразчатая печь», а дверной и оконный прибор был «железный луженый».

Очень возможно, что именно царица-инокиня Марфа, мать Михаила Федоровича и супруга боярина Федора Никитича Романова, насильно постриженного под именем Филарета и ставшего потом патриархом и фактическим правителем государства, выстроила в Вознесенском монастыре храм во имя Михаила Малеева с приделом во имя мученика Федора, т. е. во имя святых, соименных мужу и сыну.

Этот храм пользовался особенным благоволением царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей, и он был буквально наполнен драгоценными дарами.

Третью церковь в монастыре освятили во имя св. великомученицы Екатерины. Выстроенная в псевдоготическом стиле, которым так увлекались в конце XVIII — начале XIX вв., она первой встречала посетителя, подходившего к Вознесенскому монастырю. Совсем не похожее на русское церковное здание, оно скорее было светским, даже несколько кокетливым, все украшенное мелкими декоративными деталями, как будто одетое в иноземную кружевную мантилью.

Еще в XVII столетии на этом месте находилась небольшая Георгиевская церковь, к началу XIX в. совершенно обветшавшая. Ее разобрали и заложили новую Екатерининскую в 1808 г. Проект ее принадлежал молодому тогда зодчему Карлу Росси.

В Москве по его проекту в 1807—1808 гг. построили на Арбатской площади театр, который поразил современников своим обликом — многие восторженно описывали красоту его фасадов и интерьеров. К сожалению, мы можем судить об Арбатском театре только со слов современников, ибо он стал первой жертвой грандиозного московского пожара 1812 г. и ни одного его изображения, ни планов, ни проектных чертежей не сохранилось.

Дебют Росси в Москве был настолько удачен, что его оставили в Москве и назначили в «Кремлевскую экспедицию». Росси поручили проектирование и постройку Екатерининской церкви. Она начинает строиться, но уже без него, так как Росси направляется в Тверь, где развертывает бурную деятельность по строительству жилых и общественных зданий.

Екатерининская церковь в Москве, будучи вчерне законченной, еще долго отделяется. С освящением ее не успели до пожара 1812 г., и только после окончания Отечественной войны, в 1817 г. церковь по проекту и под наблюдением А. Н. Бакарева была закончена.

Вознесенский монастырь, столь богатый и памятниками искусства и памятниками истории, был полностью разрушен, стерт с лица земли в 1929 г. Тогда погибло все — и собор со многими могилами, и кельи, и храмы.

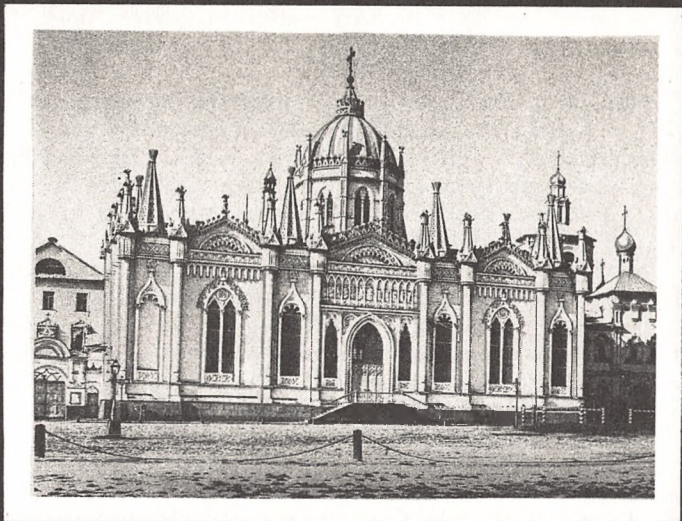
Погибло и единственное произведение Карла Росси в Москве — его Екатерининская церковь.

Малый Николаевский дворец

Рядом с Чудовым монастырем стояло небольшое уютное здание с изящной угловой полуротондой. Это был так называемый Малый Николаевский дворец.

Во времена Ивана III здесь находились двор брата государя князя Юрия Ивановича Дмитровского и несколько других дворов, принадлежавших боярам. Царь Иван IV приказал очистить весь участок и построить двор для своего глухонемого брата, князя Юрия Васильевича, что и было сделано в продолжение трех месяцев осенью 1560 г. Князь Юрий прожил здесь немного — он умер через четыре года и двор купил боярин Иван Шереметев Большой, заплативший за него огромную по тем временам сумму — 7800 рублей, да еще давший в придачу два других своих двора. После Шереметевых двором стал владеть известный политический деятель царствования Михаила Федоровича знатный и богатый боярин Борис Иванович Морозов, а с 1677 г. двор стал собственностью Чудова монастыря.

По указу Синода 1744 г. этот двор стал жилищем главы Московской епархии. Сюда 15 сентября 1771 г. пришла толпа москвичей, возмущенная запретом архиепископа Амвросия собираться у иконы на Варварской площади — дело было во время чумной эпидемии в Москве, и власти, естественно, боялись распространения эпидемии. Озлобленной толпе нужно было найти конкретных виновников трагедии, и гнев обезумевших от жажды крови обратился на Амвросия. Собравшиеся на Варварской площади бросились в Кремль, в палаты архиепископа и, не найдя его там — он успел укрыться в Донском монастыре — разгромили дом: «все окончины перебили, стулья переломали, оборвали и, одним словом, весь домашний убор с крайним ругательством в ничто обратили». На следующий день архиепископа нашли на хорах Большого собора Донского монастыря, выволокли невинную жертву оттуда и

Вознесенский монастырь, 1880-е гг.

Малый Николаевский дворец. Начало XX в.

зверски убили. Это было началом чумного бунта 1771 г., укротить который смогли лишь войска под командованием генерал-поручика П. Д. Еропкина.

Новый глава московской епархии архиепископ Платон в 1775 г. начал строительство дома для себя заново. Средства на постройку — 40 тысяч рублей — выдала сама Екатерина II, а архитектором пригласили Матвея Казакова, который строил для Платона ранее и архиерейские палаты в Твери и церковь св. Филиппа Митрополита в Москве.

Казаков возвел здание «в новейшем вкусе», со сдержанной обработкой лопатками по всему фасаду и очаровательной полуротондой из четырех колонн тосканского ордера, увенчанную бельведером с вензелем Платона. В здании была домовая церковь, освященная во имя св. апостолов Петра и Павла. Позднее, в 1824 г., здание надстроили деревянным, обложенным кирпичем, третьим этажом.

После смерти митрополита Платона архиерейский дом остался без хозяина и в 1817 г. поступил в дворцовое ведомство. Когда в следующем году в Москву приехал императорский двор, в этом здании поселился великий князь Николай Павлович с семьей. Здесь 17 апреля 1818 г. родился его сын, будущий российский император Александр II. Его отец часто останавливался в этом дворце, и впоследствии он стал называться Малым Николаевским.

Тут, 8 сентября 1826 г., состоялся знаменательный разговор Николая I с возвращенным им из ссылки Александром Сергеевичем Пушкиным.

За ним в Псковскую губернию, в Михайловское, послали фельдъегеря, и тот привел Пушкина, усталого, в дорожном платье, забрызганном грязью, прямо в кабинет императора. Как писал в своих записках декабрист Н. И. Лорер со слов брата А. С. Пушкина Льва, царь встретил поэта словами: «Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания с условием ничего не писать против правительства». «Ваше величество, — ответил Пушкин, — я давно ничего не пишу противного правительству, а после «Кинжала» и вообще ничего не писал». «Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири?» — продолжал государь. «Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства!» «Я позволяю вам жить, где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором, — кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами. — Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем».

Это был заранее рассчитанный жест только что коронованного императора: привлечь в глазах общества на свою сторону опального поэта, известного всей России вольнодумными стихами.

Николай задумал перестроить дворец в более приличествующем Кремлю русском стиле и заказал архитектору К. А. Тону проект перестройки, утвержденный в 1851 г., но до кончины Николая успели только выстроить крыльцо с шатровым верхом, а дальнейшую перестройку запретил новый император Александр II, сказав: «Мне гораздо приятнее иметь

старый исправленный без перемены дворец, чем вновь построенный с фасадом Тона».

В 1874 г. под руководством архитектора Н. А. Шохина началась реставрация порядком обветшавшего здания с условием строгого сохранения его внешнего и внутреннего вида. Во время работ открылись сооружения кремлевского рва времени Ивана Калиты, остатки древних зданий, а также были обнаружены более 2000 скелетов, захороненных потом во дворе монастыря у церкви Чуда архангела Михаила.

Тщательная реставрация окончилась в 1878 г. Малый Николаевский дворец достоял до 1929 г., когда он был сломан вместе с Чудовым и Вознесенским монастырями.

Церковь Благовещения

В царствование Ивана Грозного в одну из кремлевских башен недалеко от Житного двора был заключен (в те времена башни использовались как тюрьмы) какой-то воевода, облыжно обвиненный своими недоброжелателями. Все усилия его доказать свою невиновность были тщетны, оговор действовал успешно, и царь, скорый на расправу, приговорил его к казни.

Тоска, ужас овладели заключенным, не было уже никаких надежд, оставалась лишь одна молитва. Горячо молился воевода перед заступницей людей — Богоматерью, и молитва его была услышана. Во сне к нему явилась Богоматерь и велела просить Ивана Грозного об освобождении. Странно было это, да и какая была надежда, что грозный царь послушает его. Не стал невинно осужденный просить царя. Через несколько дней опять явилась Богородица и опять велела обратиться к Грозному, обещая свою помощь и заступничество. Ободренный узник решился и обратился к царю со своею просьбою — освободить его из узилища. Удивленный и разгневанный царь приказал привести к нему воеводу, но посланные вернулись обратно и сказали, что на башне-тюрьме, на ее наружной стене, обращенной к царскому дворцу, чудесным образом явилась икона, изображающая Благою весть о рождении Иисуса Христа, принесенную ангелом Марии. Пораженный царь даровал по этому случаю свободу узнику.

Так повествует легенда о чудесном явлении иконы на стене башни, названной Благовещенской. У иконы тогда же поставили деревянную часовню, замененную по приказанию императрицы Анны Иоанновны в 1731 г. каменной церковью, пристроенной рядом с башней так, что наружная стена башни с иконой оказалась внутри церкви. Автором проекта церкви был архитектор Г. Шедель. В дозорной вышке на верху кремлевской башни устроили колокольню и над ней укрепили крест.

В пожар 1737 г. здание церкви было значительно повреждено, но огонь не коснулся иконы, которая пользовалась большим уважением верующих — они приходили к ней и молились о заступничестве и помощи.

В 1891 г., боясь, что сырость, которая буквально пропитывала кирпич башни, повредит икону, стали осторожно ее прочищать, но к удивлению реставраторов, краски иконы оказались совершенно не тронутыми порчей. Сама башня, вход в которую был заложен, долгое время стояла в запустении. В 1892 г. вход открыли, башню очистили и туда перенесли придел св. Иоанна Милостивого, устроив белораморный иконостас.

Благовещенская церковь, видно, мозолила глаза Сталину и его приспешникам. В 1932 г. ее снесли, а церковный придел в башне уничтожили.

Церковь святых Константина и Елены

Церковь действительно стояла под горою, на подоле, как раз у кремлевской стены и совсем близко от проездных ворот башни, которая так и называлась — Константино-Еленинская. При Дмитрие Донском, эта башня носила название Тимофеевской по стоявшему неподалеку двору окольного Тимофея Воронцова-Вельяминова — через нее проходили великокняжеские войска на битву с Мамаем на Куликовом поле.

Впервые церковь св. Константина и Елены упоминается в летописном сообщении о пожаре 1470 г.: «того же лета, месяца августа I день, исходящу второму часу загореся Москва внутри города на подоле, близ Костянтина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь, вста бо тогда ветер силен с полунощи, и за рекою многы дворы погорели, а иных отнимали; а головы и береста с огнем добре далече носило, за много верст...»

Возможно, тогда церковь была деревянной, ибо в 1651 г. было повеление возвести каменное ее здание, но было ли оно исполнено или нет, неизвестно. Однако известно, что в 1692 г. каменную церковь, выстроенную иждивением царицы Натальи Кирилловны и царевича Алексея Петровича, освятил патриарх Адриан.

С этих пор церковь почти не изменялась — в продолжение и XVIII и XIX вв. она лишь ремонтировалась и заново украшалась — так, например, в 1756 г. под «смотрением» архитектора князя Д. В. Ухтомского делался новый иконостас и роспись на стенах храма. Церковь пережила и пожар 1812 г. — ее обширные подвалы служили убежищем для десятков москвичей.

Церковь святых
Константина и Елены,
1880-е гг.

Церковь Благовещения,
1880-е гг.

чей, потерявших имущество и кров. В 1836 г. церковь отреставрировали и украсили.

Так церковь св. Константина и Елены мирно жила до лета 1928 г., когда она почему-то привлекла внимание кремлевских разрушителей.

Ее снесли, место разровняли и засеяли зеленой травой и сейчас уже ничто не напоминает о ней.

Залы Большого Кремлевского Дворца и Оружейная палата

Также не пощадили «преобразователи» нашей жизни и уникальные залы Большого Кремлевского Дворца ради того, чтобы проводить свои съезды и сессии именно в древнем Кремле. Они решили сломать два зала Кремлевского дворца и на их месте устроить новый зал заседаний. Выбор пал на те залы, окна которых выходили на Москву-реку — Андреевский и Александровский.

По замыслу авторов Большого Кремлевского дворца, убранство его залов посвящалось русским орденам. Таковы Георгиевский, Екатерининский, Владимирский залы.

Андреевский зал посвящался старейшему и самому почетному ордену России — ордену святого апостола Андрея, прозванного Первозванным, потому что он первым откликнулся на зов Христа следовать за ним в деле проповедания веры. По преданию, апостол Андрей распространял христианство в русских землях. Он погиб распятым на косом кресте, получившем с тех пор название «андреевского».

Петр Великий учредил в 1699 г. русский военно-морской флаг с андреевским крестом и, примерно в то же время, орден св. апостола Андрея Первозванного «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные услуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям».

Первым из награжденных высшим российским орденом был генерал-адмирал Федор Головин, вторым — гетман Мазепа (в 1708 г. его лишили звания кавалера этого ордена), а сам Петр был награжден только шестым по счету в 1703 г. — за победный бой в устье Невы, в котором царь участвовал в чине бомбардир-капитана. По случаю этой победы Петр приказал выбить медаль с надписью «Небывалое бывает».

Орденом награждались очень немногие и, как правило, из числа высшей знати, заслуженных генералов и дипломатов, а члены царствующей династии становились кавалерами ордена при крещении или достижении совершеннолетия.

Орден представлял собой голубой крест с изображенным на нем распятым св. Андреем Первозванным, наложенный на двуглавого орла с красными коронами.

Этому, самому первому и высшему ордену Российской Империи, и был посвящен величественный Андреевский зал Большого Кремлевского дворца — длинный (около 50 метров)

тронный зал с голубыми стенами, с отделанными золотом колоннами и потолком. Он освещался 10 бронзовыми люстрами, а у входа находились два камина, сделанные из драгоценной серо-фиолетовой, необыкновенно твердой яшмы.

Рядом с тронным Андреевским находился великолепный Александровский зал, посвященный ордену св. Александра Невского.

Этот орден также задумывался Петром Великим, но первые награждения им были сделаны уже после его смерти Екатериной I. Один из высших российских орденов назван по имени выдающегося полководца и государственного деятеля Руси князя Александра Ярославича, получившего прозвание Невского после победы над шведами в 1240 г. на реке Неве.

Александр Невский был в то время самым известным политическим деятелем, как говорил митрополит Кирилл, извещая русский народ о смерти князя: «чада моя милая, разумейте, яко заиде солнце Русской земли». Он был причислен к лику святых и мощи его были в 1724 г. торжественно перенесены Петром I в основанный им Петербург — так император призвал благословение святого на новую столицу.

Орден св. Александра Невского также давался не часто. Достаточно сказать, что за всю Отечественную войну 1812 г. им было пожаловано лишь шесть человек. Позднее орденом награждались деятели, занимавшие высокие посты в государственной администрации — можно вспомнить известную картину И. Е. Репина «Заседание Государственного Совета» с кавалерами ордена св. Александра Невского, украшенными красными орденскими лентами.

Красный цвет отличал этот орден — красной была его муаровая лента, а орденский знак — александровский крест — был золотым, покрытым красной эмалью.

Под цвет ордена были и мраморные стены Александровского зала Большого Кремлевского дворца, поражавшего, как сообщал путеводитель по Москве 1903 г., своей роскошной отделкой.

На розовом мраморе стен выделялись сверкающие золотом витые колонны, на куполе его виднелись барельефные золоченые инициалы ордена «S. A.» (SANCTUS ALEXANDER — святой Александр) и серебряные звезды. В громадных стеновых зеркалах отражались редкий по красоте наборный паркет из драгоценных сортов дерева и грандиозные бронзовые люстры и бра, в которых в праздничные дни зажигали четыре с половиной тысячи свечей. Зал был украшен шестью картинами из жизни Александра Невского, написанными художником Федором Моллером — учителем В. В. Верещагина.

До начала 30-х годов партийные съезды, конгрессы Коминтерна, съезды Советов проводились в разных местах Москвы, но позже их стали собирать под защитой высоких кремлевских стен, где было явно безопаснее, чем в каком-либо городском зале, и вот в 1933—1934 гг. оба великолепных парадных зала — и Андреевский и Александровский — были уничтожены. Вместо них было повелено создать большой зал заседаний. Перестройка осуществлялась по проекту архитектора И. А. Иванова-Шица, и ему же принадлежало убогое оформление нового

зала. Уже 26 января 1934 г. в этом зале открылся XVII съезд ВКП(б) — так называемый «съезд победителей», проходивший «в обстановке всеобщего политического и трудового подъема советского народа, вызванного завершением 1-й пятилетки в 4 года и решающей победой ленинской политики социалистической индустриализации страны, производственного кооперирования крестьянства и ликвидации эксплуататорских классов». Почти все «победители», присутствовавшие на этом съезде, вскоре отправились в той же «обстановке всеобщего подъема» в лагеря и под пули убийц из НКВД.

Последствия все крупные собрания проходили в этом зале. Так продолжалось до 1961 г., когда в Кремле специально к открытию XXII съезда КПСС был построен Дворец Съездов: огромное здание, резко диссонирующее со всеми кремлевскими постройками, беспардонно вторгнувшееся в окружение других зданий. Этот «шедевр» советской архитектуры был создан по проекту придворного архитектора и Хрущева, и Брежнева — М. В. Посохина и его соратников, которым была выдана за поругание Кремля Ленинская премия.

Дворец съездов воздвигнут на месте зданий, стоявших к северу от Большого Кремлевского дворца — и, в частности, на месте здания, в котором находились коллекции Оружейной палаты. Оно было построено московским архитектором И. В. Еготовым, создавшим такие значительные произведения как павильон «Миловида» в Царицынском парке, Михайловская церковь в Донском монастыре, Военный госпиталь в Лефортове. Строительство Оружейной палаты началось в 1806 г. и закончилось к началу 1809 г., но отделка его была завершена только к лету 1812 г.

Авторы архитектурной истории кремлевских зданий Н. Я. Тихомиров и В. Н. Иванов так описывают старую Оружейную палату: «Протяженное двухэтажное здание новой палаты прекрасно завершило ансамбль Сенатской площади. Это было типичное для первого десятилетия XIX в. сооружение, в котором формы архитектуры классицизма уже приняли ярко выраженный местный московский характер. Первый этаж здания — рустованный; высокий второй — двухсветный. Центральная часть главного фасада была выделена коринфским портиком, над которым возвышался аттик и пологий купол. Фасад над окнами второго этажа украшали лепные барельефы на темы русской истории, а аттик был увенчан статуями выдающихся русских поборников просвещения. Барельефы, статуи и все наружные лепные работы были выполнены талантливым скульптором Г. Т. Замараевым».

Когда архитектор К. А. Тон построил здание Оружейной палаты в комплексе с новым зданием Большого Кремлевского дворца, еготовскую палату передали для размещения там войск, а перед зданием за чугунными цепями поместили пуш-

ки. Здесь стояли «Царь-пушка», «Троил» и «Аспид», отлитые Андреем Чоховым, «Орел», «Лев», «Волк» и многие другие.

С перестройкой Большого Кремлевского дворца, уничтожением двух великолепных залов его, со сносом собора Спаса на Бору, уничтожили и знаменитое Красное крыльцо Грановитой палаты, широкую площадку, куда вела Золотая Красная лестница с Соборной площади.

Эта лестница в XVII в. была украшена резными перилами, покрыта медной шатровой кровлей с орлами наверху, расписана золотом и красками, на трех ее площадках стояли каменные золоченые фигуры львов.

Именно здесь происходили леденящие воображение сцены стрельческих бунтов. Отсюда царица Наталья Кирилловна показывала им царевича Ивана и, «хотя у того крыльца деревянная решетка в дверях заперта была, — рассказывает современник, — однако ж те злочестивые изменники, подставя лестницу, дерзали говорить с самими их особами Царскими с великою невежливостью... нагло спрашивали его Царевича самого: «что он ли есть прямой Царевич Иоанн Алексеевич, кто его из бояр изменников изводит?».

Отсюда, с Красного крыльца сбрасывали бояр на копья стрельцов, а оттуда, «взем за ноги и вонзя копья в тело, влекут по улице в Спасские и Никольские ворота», а на Красной площади огромная толпа слушает выкрики стрельцов: «се боярин Артамон Сергеевич!», «се боярин Ромодановский!», «се Долгорукой!», «се думной дьяк едет!», отвечая «любо, любо, любо!»

Эта же лестница была местом более спокойных и торжественных событий. По ней шествовали государи в Успенский собор для обряда коронации, по ней же, после коронации, проходили в Грановитую палату.

С водворением марионеточного Верховного Совета в Большой Кремлевский дворец необходимо было для депутатов где-то устроить столовую, и вот вместо Красного крыльца построили уродливое плоское здание, смотрящее своими широкими безобразными окнами на Соборную площадь Кремля.

Памятник Александру II

Если новые хозяева не пощадили древних сооружений Кремля, то тем более они не пожалели еще сравнительно недавних, не имевших в их глазах никакой ценности.

Как только большевики переселились в старую столицу, они начали разрушать памятники царям. В Кремле их руки протянулись прежде всего к памятнику царю-освободителю Александру II.

Стоял памятник на исключительно выгодном для обозрения месте: на склоне кремлевского холма, обращенного к Москве-реке, и отовсюду из Замоскворечья виднелась колоннада и высокая шатровая сень над статуей Александра II.

Памятник строился на деньги, собранные по всей России в продолжение многих лет. Закладка его происходила 14 мая 1893 г., после продолжавшихся в течение почти трех лет земляных работ. Строили на совесть — фундамент закладывали на материковой скале. «Только это, — как писали тогда, — может придать ему вековую прочность». Само строительство и отделочные работы продолжались пять лет — только 16 августа 1898 г. памятник торжественно открыли.

Создавали памятник такие талантливые люди, как скульптор А. М. Опекушин, художник П. В. Жуковский, архитектор Н. В. Султанов.

Памятник представлял собою выдающееся произведение прикладного искусства. Это был мемориальный комплекс, состоявший из собственно самой статуи императора, шатровой сени над ней и большой колоннады. Статуя во весь рост, отлитая из темной бронзы, стояла на прямоугольном пьедестале с помещенной на нем надписью: «Императору Александру II любовию народа». Возвышавшаяся над статуей шатровая сень была облицована темно-розовым финляндским гранитом и украшена бронзой с позолотой. Кровля шатра была сделана из бронзовых листов, вызолоченных через огонь и залитых темно-зеленой эмалью.

С трех сторон сень со статуей была окружена сквозной арочной галереей, на сводах которой помещались 33 мозаичных портрета русских государей, начиная от Владимира и кончая отцом Александра императором Николаем I, выполненные по эскизам художника П. В. Жуковского, сына знаменитого поэта. По фризу колоннады можно было прочесть: «Сооружен добротным иждивением русского народа».

Этот памятник разрушили одним из первых — летом 1918 г. статуи Александра уже не было (сень дожила до конца 1920-х гг.). В дневнике одного москвича, опубликованном за границей, 3 сентября 1918 г. было записано: «Ехал вчера на трамвае по Каменному мосту и — увы! — видел оттуда, что памятники Александрам Второму и Третьему уже разорены...» И далее он добавляет: «Какие же суетники эти советские работники! Снятие памятников, флаги, красноармейские звезды, телеграммы Ленину, бюллетени о его болезни — ведь это "буржуазные" замашки. Не сказать ли им в таком случае: "Врачу — исцелися сам"».

Памятник великому князю Сергею Александровичу

Недалеко от Никольской башни, между зданиями Сената и Арсенала, на ступенчатом постаменте из темно-зеленого лабрадора стоял высокий бронзовый крест с эмалевыми вставками с изображенным на нем распятым Христом. Над крестом под волнисто-изогнутой кровлей виднелась скорбно склоненная Богоматерь, в резном фонаре теплилась неугасимая лампада. На кресте можно было прочесть: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят». Это были слова Иисуса о прощении своих врагов, ослепленных невежеством и злобою, обращенные к Богу-Отцу во время смертных мук его на кресте.

Этот крест-памятник, произведение художника В. М. Васнецова, был сооружен в 1908 г. на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Великий князь, бывший тогда генерал-губернатором Москвы, выехал 4 февраля 1905 г. из Малого Николаевского дворца, направляясь в свою резиденцию на Тверской улице. В 3 часа дня он проезжал в Кремле по улице между Арсеналом и Сенатом к Никольской башне, и в это время с тротуара сошел молодой человек и бросил какой-то предмет под коляску князя. Раздался страшный взрыв. Коляска, лошадь, извозчик и седок были буквально разорваны в клочки. Снег кругом был залит кровью. Вот выдержка из газетной корреспонденции: «От сотрясения воздуха побиты все стекла... Взрыв был слышен в Замоскворечье, на Сретенке, Мясницкой... Силой взрыва голова была отделена от туловища и разорвана на мелкие части, и бездыханное тело лежало на снегу без левой ноги, с большими повреждениями всего туловища. Одной руки не было, а другая лежала около шеи...»

Так, на сорок восьмом году, закончилась жизнь великого князя Сергея Александровича.

Четвертый сын императора Александра III, он родился в 1857 г., участвовал в турецкой кампании 1877—1878 гг. и получил за нее орден св. Георгия 4-й степени, путешествовал по Востоку, после чего основал Палестинское общество, целью которого было исследование древней Палестины и оказание помощи русским паломникам в Святую землю.

Он интересовался историей и принимал близкое участие в возведении здания Музея изящных искусств в Москве, будучи председателем «Комитета по устройству музея». Душа музея И. В. Цветаев, в своей переписке часто упоминает о беседах с великим князем, много способствовавшим становлению музея. Сам Сергей Александрович пожертвовал значительную сумму на зал Парфенона, а после кончины его вдова передала музею некоторые предметы из большой художественной коллекции Сергея Александровича.

В 1891 г. он стал московским генерал-губернатором и стяжал на этом поприще репутацию твердого охранителя самодержавия.

Незадолго до покушения великий князь стал получать анонимные письма с угрозами убить его, если он не прекратит преследования революционеров, но он пренебрег опасностью, только перестал выезжать вместе с женой, великой княгиней Елизаветой Федоровной (старшей сестрой жены Николая II).

Она одна из первых попала на место убийства своего мужа и подобрала среди окровавленных останков части головы и грудь великого князя.

Убийцей был некий Каляев, террорист, член боевой организации партии социалистов-революционеров, ставившей целью путем убийств достижение справедливого социального порядка.

Останки великого князя Сергея Александровича похоронили в храме-усыпальнице, устроенном в подклете Алексеевской церкви Чудова монастыря, а на месте убийства поставили памятник.

После смерти мужа Елизавета Федоровна посвятила себя благотворительности — она основала Марфо-Мариинскую общину сестер милосердия, приобрела для нее два участка на Большой Ордынке, пригласила архитектора А. М. Шусева и художника М. В. Нестерова для постройки и отделки церкви Покрова Богородицы. Сама Елизавета Федоровна многие годы работала в общине, ухаживая за больными — в Москве она пользовалась искренней любовью и уважением.

После захвата власти большевиками великую княгиню несколько раз пытались вывезти за границу, но она упорно отказывалась покинуть Россию, свою новую родину. В 1918 г. большевики арестовали ее вместе с великим князем Сергеем Михайловичем (двоюродным братом ее мужа), тремя сыновьями великого князя Константина и сыном Павла Александровича увезли на Урал в город Алапаевск.

Вскоре по приезде она и другие жертвы большевистского произвола были доставлены к заброшенной шахте и живыми сброшены туда, вслед за ними полетели гранаты. Раздались взрывы и удовлетворенные убийцы удалились — дело было сделано.

Но окрестные жители, подобравшись к шахте, еще слышали голоса глубоко внизу, а когда белые, взяв Алапаевск, извлекли тела мучеников, то оказалось, что голова одного из мальчиков была перевязана платком Елизаветы Федоровны... Там, в крошечной тьме, истекая кровью, прощаясь с жизнью, она находила в себе силы утешать и ухаживать...

Ответ на вопрос, как и когда снесли памятник, поставленный на месте убийства великого князя, прекрасное прозведение замечательного художника, мы можем найти в любопытном отрывке из рассказа коменданта Кремля.

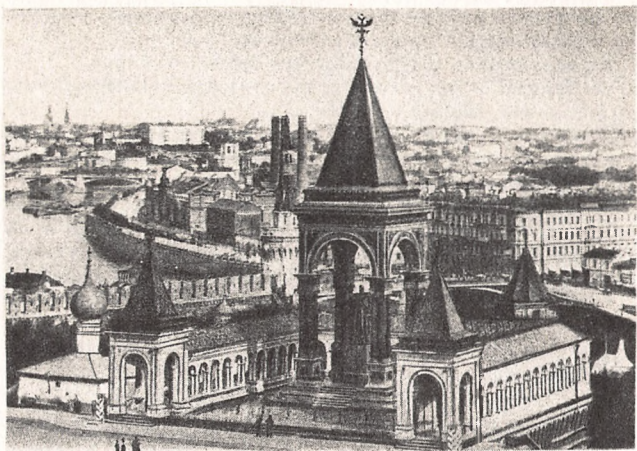
«Наступило 1 мая 1918 г. Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле, перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом шуточно погрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уж нехорошо, — и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

Памятник Александру II, начало XX в.

Памятник великому князю Сергею Александровичу, 1908 г.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбежал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно скомандовал Владимир Ильич. Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду.»

Не правда ли, милая картина? Группа большевиков распоряжается в Кремле, как в своем доме, а Ленин показывает своим подельщикам, как делать петлю на веревке...

MEZ

Китайгородская стена 47

Казанский собор 50

Иверские ворота и часовня 54

Никольский греческий монастырь 56

Церковь святой Троицы в Полях 60

Церковь Владимирской Божией Матери 62

Часовня святого Пантелеймона 63

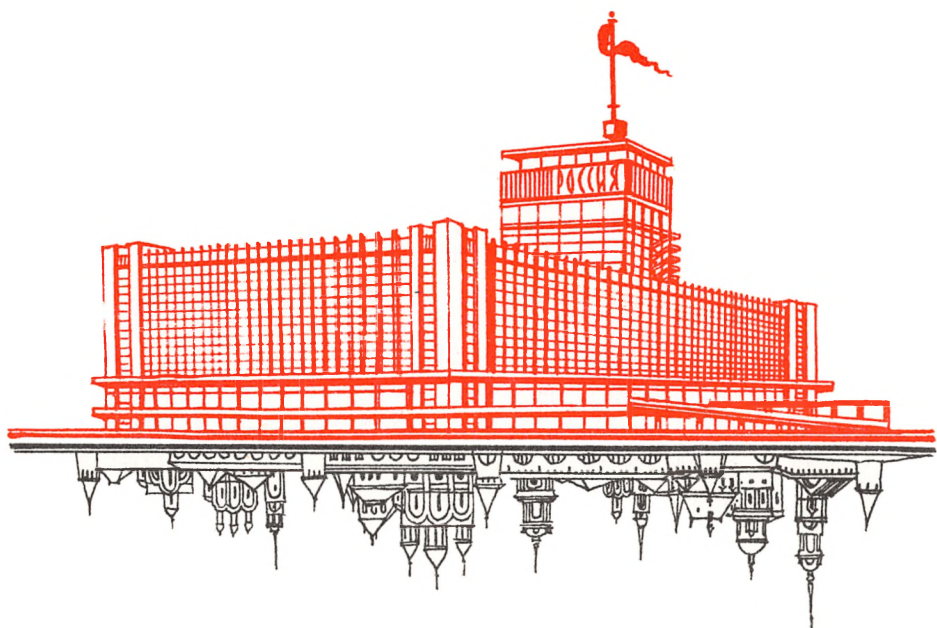
Церковь святого Николая чудотворца

«Большой крест» 64

Церковь святого Ипатия чудотворца 66

Москворецкая улица 68

Зарядье 69

Китайгородская стена

Еще недавно, лет пятьдесят тому назад, Москва могла гордиться совершенно уникальным сооружением, подобного которому в крупных городах почти нигде не осталось. Это была Китайгородская стена, непревзойденный образец русской средневековой крепостной архитектуры.

Приземистая стена, предназначенная для защиты от артиллерии, протянулась большим полукольцом на два с половиной километра, начиная от Арсенальной башни Кремля и приходя к тому же Кремлю, к его Беклемишевской башне.

Стена прерывалась четырнадцатью мощными башнями, стоявшими на важных стратегических направлениях и стороживших выходы из крепости. Из этих четырнадцати шесть было воротных — Воскресенские (в нынешнем Историческом проезде), Троицкие (напротив Рождественки), Никольские, или Владимирские, Ильинские и Варварские (там, где одноименные улицы — Никольская, Ильинка и Варварка — пересекали линию укреплений), Космодемьянские и Москворецкие (позади церкви Покрова, что на Рву).

Строительство в XVI в. оборонительных сооружений вокруг Китай-города вызывалось необходимостью оградить быстро растущий городской посад от иноземных захватчиков. В то время с переменным успехом шла Ливонская война, а внутренние районы Московского государства подвергались нашествиям крымских татар. Так, в 1521 г. войска хана Махмет-Гирея бесчинствовали совсем рядом с городом, разорили Николо-Угрешский монастырь и «мало города Москвы не доходили».

Еще при великом князе Василии III было решено защитить посад, но строить укрепления начали в 1534 г. при правлении его вдовы Елены Глинской: «Того же лета, на весну, Государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси, в первое лето государство своего по представлении отца своего великого Князя Василия Ивановича, помысли с своею матерью великой Княгинейю Еленою, и с Митрополитом Даниилом, и с своими доброхоты, с князи и бояры, повеле у себя на Москве поставити град деревян на посаде на болшее пространство богоспасенного и преименитого града Москвы. И по повелению Государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси поставиша град около всего посада, ибе же у них все торговые места».

Летописец далее продолжал: «повелением Государя великого Князя всеа Руси и благословением пресвященного митрополита Данила нарекоша граду имя Китай».

Возможно, что само название стены, а позднее и всего района города, огражденного ею, — Китай-город — обязано новому способу возведения этого сооружения. Слово «кита» обозначает связку, что-либо, сплетенное из ветвей. Есть, правда, и другие объяснения слова Китай-город.

Конструкция нового сооружения была, вероятно, новинкой, ибо заинтересованный летописец подробно описывал ее: «и устроиша хитрецы велми мудро, начен от камня большого древия и внутрь насыпаху землю и велми крепко утвержаху... и на версе устроиша град древян по обычаю» — остатки этого сооружения были найдены при работах метростроителей у Никольской башни.

Это была одна из первых в Европе крепостей такого типа, которые строились в это время итальянскими фортификаторами. Московскую крепость возводил итальянец — архитектор Петрок Фрязин (его еще называли Петр Малый), которому принадлежат и крепости на западных границах Руси, а также Воскресенская церковь в Кремле и, возможно, как предположил историк русской архитектуры С. С. Подьяпольский, церкви Вознесения в Коломенском и Иоанна Предтечи в Дьякове.

Удивительно, и, прямо говоря, странно то, что все это сложное сооружение не простояло и года! Уже в 1535 г. повелели «заложити каменную стену вкруг всего же града Китая» и начали строить грандиозное оборонительное сооружение, поглотившее массу труда и материальных ресурсов. 16 мая 1535 г. «Данил митрополит ходил со кресты около рва и молебны пел и место освятил, и по молебне заложил Петрок Малои новокрещеной Фрязин стрельницу, врата Троицкие, с тое же улицы к Пушечному двору, да третий врата Все-свяские на Варварской улице, да четвертые врата Козма-Демьянские на Великой улице».

Судя по словам летописи о том, что новая стена начата делаться «на большее утверждение граду», с первым сооружением просто вышла промашка — она, значит, не обеспечивала безопасности посада и весь труд пошел насмарку. Пришлось снова браться за работу. Теперь уже строили надолго — новая стена простояла четыреста лет и ничто ее не могло разрушить, ни всепоглощающее время, ни небрежение людей и лишь только необузданное невежество новых хозяев Москвы оказалось способным уничтожить ее.

По сравнению со стенами Кремля, Китайгородская стена представляла собой сооружение нового типа, рассчитанное на отражение артиллерийского огня. Широкие (до 6 метров) стены имели устройства для нижнего боя, бойницы и машикули, в

протяженных мерлонах на верху стены были прорезаны щели для пищалей, по стене шла большая боевая площадка, приземистые крепостные башни лишь ненамного возвышались над стенами.

Надо сказать, что формы башен не были подчинены только утилитарным военным соображениям, в их разнообразии проявлялись и эстетические вкусы строителя — того же итальянца Петрока Фрязина.

После того как крепость утратила свое значение и перестала использоваться по прямому назначению, ее башни превратились в склады, а к стене стали пристраиваться бесчисленные лавки. Угрюмые седые башни и стены стояли покинутые, поросшие кустами, равнодушно взирая на оживленную толчею у их подножья. Несколько раз возникал вопрос о ее сносе — стена ветшала, земляные бастионы Петра I закрыли стоки, увеличилась влажность и стена стала понемногу рушиться. Один из московских губернаторов предложил снести стену и на ее месте устроить бульвары, но уникальный памятник спас император Александр I, повелевший «сохранить все древние строения в Москве в их первобытном виде».

В 1830 г. московские власти опять предлагали снести часть стены — от Никольских ворот до Москворецкого моста, но на этот раз их поползновения остановил Николай I, который приказал не только не сносить стену, но «начать постепенное ее исправление».

К началу XX в. Китайгородская стена выглядела вполне хорошо, многие ее башни использовались как хранилища архивных дел, а в одной из них, выходящей на Театральную площадь, был даже устроен музей птицеводства.

В 1925—1926 гг. части Китайгородской стены реставрировались Н. Д. Виноградовым, но после этого она простояла менее десяти лет. В начале 1930-х гг. на Москву обратились взоры Сталина и его прислужников, старая Москва уже не удовлетворяла их имперским вкусам, они хотели создать нечто по их разумению величественное, долженствующее соответствовать величию только что наступившей «сталинской эпохи». Для этого в Москве предполагалось прорубить широкие проспекты, снести старую застройку, построить грандиозные новые сооружения.

В ожидаемом в скором времени светлом будущем Китайгородской стене места, конечно, не было и ее судьба была предreshена. Естественно, тут же нашлись борзописцы, постаравшиеся оправдать действия вандалов. Вот что писал журнал «Строительство Москвы» в № 8 за 1934 г.: «Китайгородская стена обратилась, по меньшей мере, в никому не нужный археологический хлам, не имеющий даже ценности исторического памятника, примера оборонительной техники того времени».

И вот в 1934 г. началось разрушение Китайгородской стены. Тысячи людей в продолжение нескольких месяцев кирками, молотами, лопатами, ломами разбивали окаменевший кирпич. Тысячи сгонялись на субботники и воскресники, регулярно посылались чекисты. Так, газета «Вечерняя Москва» за 8 апреля 1934 г. опубликовала снимок: двое в военной форме, взобравшись на стену, разбивают ее молотами. Подпись под фотографией гласила: «6 апреля был проведен массовый субботник по разборке Китайгородской стены на участке Ильинка — пл. Ногина. В субботнике приняли участие командиры и красноармейцы частей войск ОГПУ.»

К концу года стена от Третьяковского проезда до Варварской площади исчезла. «Старая, грязная стена волею пролетариев красной столицы сметена начисто и уступила место широкому блестящему проспекту», — это пассаж из журнала «Строительство Москвы».

Писатель из племени «что угодно» — Лев Никулин — так передавал свои впечатления: «Незабываема была ночь — канун 7 ноября — на глазах исчезала стена, отделяющая Китайгород от города Москвы... Исчезал безобразный выступ старого грузного дома на Моховой улице, мусор стройки, кирпичный и железный лом, стены и углы домов рушились и исчезали, как исчезают театральные декорации. На мостовых и тротуарах стоял изумленный прохожий... Он видел, как исчезала стена, которую он помнил с детства... Это были чудесные московские ночи».

Казанский собор

Красная площадь — место, священное для всякого русско-го, место, овеянное славными и горькими воспоминаниями долгой и трудной истории России. Каждое здание на ней хранит память о событиях, происходивших за сотни лет ее существования, каждое здание — памятник непреходящего значения.

Там, где на площадь выходит Никольская улица, сейчас виднеется слепой брандмауэр перед пустой площадкой, огороженной забором. На этом месте стояло церковное здание с колокольней. Это был храм-памятник, воздвигнутый в честь победы над интервентами, в память окончания долгой войны, грозившей России, по сути дела исчезновением ее как самостоятельного государства. Это был собор во имя иконы Казанской Божьей Матери, палладиума русского воинства в войне против польско-литовских интервентов в 1611—1612 гг.

Икона, согласно преданию, была чудесным образом обретаена в Казани после страшного пожара 1579 г. Трижды являлась во сне Богоматерь десятилетней девочке, говоря, что ее

образ зарыт в земле там, где находился сгоревший дом ее родителей. Стали искать и на глубине полутора метров обрели икону, которая была перенесена в соседнюю церковь священником Ермолаем. Со временем на месте обретения иконы основали Богородичный монастырь, игуменьей которого стала инокиня Марфа, та девочка, когда-то нашедшая икону.

Священник Ермолай стал позднее патриархом Гермогеном и он из заключения призвал принести икону Казанской Богоматери в стан первого ополчения. Потом ее доставили в Ярославль как раз тогда, когда туда пришли войска второго ополчения во главе с Мининым и Пожарским, и вместе с иконой воины вошли с победою в Москву.

Второе ополчение под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского стало формироваться в конце 1611 г. в Нижнем Новгороде. В марте следующего года оно выступило в поход и летом 1612 г. произошли основные события освобождения Москвы от власти захватчиков.

Решительная битва с войсками гетмана Ходкевича разыгралась 22—24 августа, а 22 октября отряды казаков штурмом взяли Китай-город. Через пять дней — 27 октября — поляки, затворившиеся в Кремле, сложили оружие и сдались. Русские войска собрались 1 ноября 1612 г. в разных местах Москвы, чтобы затем торжественно войти в сердце России — на Красную площадь и в Кремль. Ополчение Д. Т. Трубецкого собралось за Покровскими воротами, отряды Д. М. Пожарского — у церкви св. Иоанна Милостивого близ Воздвиженки. Обе колонны сошлись на Красной площади у Лобного места, куда из Кремля вышло духовенство с Владимирской иконой.

Икону Казанской Божьей Матери князь Пожарский перенес в свою приходскую церковь — Введенскую на Лубянке, а на Красной площади стал строить Казанский собор, памятник победе.

Ныне в различных статьях появляются самые разные и, к сожалению, не вполне проверенные сведения о соборе, особенно о времени его сооружения. Однако существует твердо установленная дата освящения Казанского собора. Она содержится в «Книге государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси выходам, каково на государе бывает платье». В книге этой было записано, что 15 октября 1636 г. «был Государь на освящении церкви пречистые Богородицы иконы Казанския, что у Земского двора на площади». Через неделю он опять посетил новоосвященную церковь на праздник Казанской иконы. Таким образом, казалось бы, можно утверждать, что собор был выстроен в 1636 г.

Но в опубликованной в конце XIX в. «Росписи жалованья, получаемого священно- и церковнослужителями московских соборов, церквей и монастырей» отмечалось, что церковь «пречистые Богородицы Казанские, что в Китай городе на площади против Николских ворот» получает годовую ругу (т. е. жалованье) с 1625 г. и, следовательно, тогда она уже существовала. Для объяснения этого расхождения в датах можно предположить, что в 1636 г. освящали собор, капитальным образом возобновленный после одного из пожаров, столь часто

посещавших Москву. В 1988 г. в восьмом номере сборника «Архитектурное наследство» обнародовали даже имя строителя собора — подмастерья Абросима Максимова, не обратив, правда, внимания на то, что этот Максимов, вполне вероятно, строил Казанскую церковь не на Красной площади, а в Коломенском.

Казанский собор за свою более чем двухсотлетнюю историю несколько раз подвергался переделкам — к нему пристраивались приделы, на старом основании колокольни возвели новые этажи, сам собор в XIX в. получил новое декоративное оформление.

В Казанском соборе в 1652 г. служил несгибаемый приверженец старой веры, неистовый протопоп Аввакум. Он даже жил в церкви, пользуясь приглашением священника Ивана Неронова: «я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь». В соборе Аввакум проповедывал и читал книги, к нему приходило много народу. Арестовали его прямо в соборе: «взяли от всенощной Борис Нелединской со стрельцами; человек с шестьдесят со мною взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриарховом дворе [в Кремле — Авт.] на чель посадили ночью». Оттуда его в телеге, «ростянув руки», отвезли в Андроньев монастырь и бросили в «темную полатку», в которой он сидел три дня и, как он вспоминал, «никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно». Позже Аввакума сослали в Сибирь, а кончил он свою жизнь заживо сожженным и нераскаянным после 15 лет заточения в земляной тюрьме в Пустозерске.

На ограде Казанского собора развешивались для продажи лубочные картинки, а во время войны 1812 г. карикатуры Яковлева и Терехова на Бонапарта и французов.

Два собора на Красной площади — Казанский и Покровский, стоявшие у двух противоположных концов ее, — напоминали о двух решительных шагах России к подлинной независимости: победе над Казанским ханством, одним из последних оплотов татаро-монгольских завоевателей, и освобождением от польского нашествия и концом смутного времени.

И вот в годы коммунистического господства оба этих памятника оказались под угрозой разрушения.

После тщательной реставрации Казанского собора, проведенной П. Д. Барановским в 1927—1930 гг., собор закрыли, а верующих, на чьи средства и была проведена реставрация, выгнали. Храм-памятник отдали Метрострою: в 1933 г. П. Д. Барановский сообщал в отдел по делам музеев Наркомпроса, что собор разделили на два этажа: наверху собора устраивают склад, а на первом этаже — столовую. По миновании надобности в складе и столовой собор снесли. Как писал в своем дневнике историк М. И. Александровский, 27 июля 1936 г. собор еще ломали, 9 сентября его уже не было.

До войны на месте собора устроили летнее кафе, после войны долгое время тут была мерзость запустения и, более того, верх кощунства — здесь устроили общественный туалет.

Китайгородская стена с Владимирской башней,
конец XIX в.

Казанский собор, 1920-е гг. (Никольская ул., 3)

Недавно общественности удалось добиться от властей решения восстановить на собранные народные деньги Казанский собор. После освящения фундаментов и места строительства восстановление началось.

Иверские ворота и часовня

Вместе с Китайгородской стеной исчезла и замечательная Воскресенская, или Иверская башня. Она погибла раньше, чем остальная стена, ибо башня стояла на пути полных энтузиазма масс, широкими, неудержимыми потоками рвущимися на Красную площадь свидетельствовать беспредельное обожание вождям, во время праздничных демонстраций. Кроме того, узкие ворота башни с трудом пропускали могучую военную технику Страны Советов, должную устрашать мир дважды в год.

Памятник с почти четырехсотлетней историей был безжалостно уничтожен. Среди воротных башен китайгородской стены не было подобной этой — высокой, с двумя проездами, увенчанной изящными шатрами.

Как и вся Китайгородская стена, эта башня была построена в 1535—1538 гг., но только она и противоположная ей — Москворецкая, на другой стороне Красной площади — имели по двое проездных ворот.

Башня и ворота в то время назывались по-разному: Неглинскими — они выходили к мосту через реку Неглинную, Курятными — за мостом находился рынок, где продавалась домашняя птица, или Львиными — рядом с башней, во рву около стены, стояли клетки со львами, которые привозились в подарок русским царям. Так, например, английский король Филипп и королева Мария в 1556 г. ошастливили царя Ивана IV присылкой льва с львицей и львенком.

Неглиненская башня считалась главной: ведь она выходила на одну из лучших московских улиц — Тверскую, по которой обычно въезжали в Москву иностранные посольства. Почти через полтора столетия после возведения в 1680 г. ворота были разобраны и построены заново. Они стали значительно наряднее, это уже была не суровая крепостная башня, а скорее триумфальный парадный въезд на главную площадь столицы и через нее — в Кремль. На широком основании башни возвели небольшое строение — светлицу — и увенчали ее двумя высокими шатровыми башнями.

С этого времени новопостроенные ворота поменяли свое имя. Царь Федор Алексеевич 10 июля 1689 г. указал: «по Китаю городу проезжие двое ворота, которые делают вновь, что наперед сего писаны прозванием Неглинскими, писать впредь Воскресенскими вороты, а Неглинскими не писать». Пере-

именование было вызвано тем, что на стене башни поместили икону Воскресения Христова.

Но примерно с того же времени ворота получили в народе и другое имя — Иверские, по особо чтимой иконе Божьей Матери, называвшейся Иверской, ибо впервые эта икона чудесным образом появилась в Иверском монастыре на Афонской горе в Греции.

По преданию появление иконы было связано с движением иконоклавов, т. е. иконоборцев, в Византийской империи в VIII в. Тогда в христианских храмах по указу императора Льва III изымались и уничтожались иконы.

Императорским чиновникам, посланным в город Никею, стало известно, что недалеко от города некая богатая вдова построила церковь и молится там перед образом Богоматери, держащей в руках младенца Иисуса. Они явились к этой женщине, предъявили ей императорский указ и, как бы сжалившись над нею, предложили ей откупиться. Она с радостью согласилась, но ночью, после долгой и усердной молитвы, отнесла икону к морю, где опустила ее в воду. К ее крайнему изумлению, икона, стоя на ребре, удалилась по воде от нее.

Явилась икона только через двести лет. Однажды иноки Иверского монастыря на Афоне увидели огромный огненный столб на море. Оказалось, что он находился над иконой Богоматери, однако икона никак не давалась монахам. Но одному из них, отличавшемуся строгой подвижнической жизнью, во сне явилась Богоматерь и сказала: «Я хочу вам дать мой образ. Ты с верою иди по волнам и прими его». Наутро все монахи вышли на берег моря, подвижник с молитвою без страха пошел по волнам, принял икону и поставил ее на берег, где тут же открылся источник целебной воды, существующий и доднесь.

Приняв этот бесценный дар, братия три дня и три ночи молилась, а потом поставила икону в соборный храм, но она оттуда сама собою переместилась на врата обители: Богоматерь пришла к инокам, чтобы охранять и заступаться за них. Вот откуда пошли названия Иверской иконы — «Вратарница» и «Заступница».

Прослышав о чудесной иконе-охранительнице Афонской горы, в Москве решили иметь ее копию. Первый список иконы датировался 1648 г. и был помещен в Новодевичий монастырь. Второй список заказал патриарх Никон для своего Иверского монастыря на Валдае, а третий привезли в Москву в 1669 г. и отдали Никольскому греческому монастырю, монахи которого приезжали в Москву с Афона. Этот список поместили в нарочно сделанную часовню у Воскресенских ворот Китай-города.

Часовня несколько раз перестраивалась, а в 1782 г. была выстроена заново по проекту знаменитого Матвея Казакова и знатно «украшена столярною работою». В 1801 г. часовню обшили железом, устроили медные вызолоченные пилястры, украсили гирляндами, и поставили наверху золоченую фигуру ангела.

Иверская икона была одной из самых почитаемых в Москве и во всех начинаниях, будь то сдача школьного экзамена гимназистом или начало многомиллионного купеческого торгового дела, просили ее покровительства.

В часовне у Иверских ворот обычно стояла копия знаменитой иконы, а саму икону с утра до вечера возили по всей Москве в особой карете, влекомой шестеркой лошадей. Икону хотели видеть во многих домах и часто ее ожидали в продолжение многих недель.

Башня Иверских ворот использовалась в течение многих лет по самому разному назначению. Так, при императрице Анне Иоанновне наверху находилась пробирная лаборатория Монетного двора, в конце XVIII в. тут поместилась типография Н. И. Новикова, а в XIX в. тут был архив Губернского правления.

В 20-х годах Иверские ворота были реставрированы. На средства Исторического музея восстановили на фасадах давно утраченные резные наличники, характерные для русской архитектуры конца XVII в., но уже в июне 1928 г. началась переписка о возможном сносе Иверской часовни, ибо, как утверждалось в письме административного отдела Моссовета, «часовня сильно стесняет уличное движение и не исключает возможность несчастных случаев». Президиум Моссовета в своем постановлении от 19 июня 1928 г. отмечал, что «Иверская часовня закрыта и в данное время разобрана». Нацеливаясь на самую башню, Моссовет просил ВЦИК РСФСР «разрешить сломку арок, соединяющих Исторический музей с владением № 1/3 по Никольской улице».

5 июля 1929 г. председатель Моссовета К. В. Уханов получил такое письмо: «Секретно. Лично. В связи с предполагаемым переустройством Красной площади предлагаю: 1) снести Иверские ворота вместе с часовней...» Подписано оно было небезызвестным Ем. Ярославским. Однако, не надо думать, что только он был таким злым гением, это ничтожество действовало по наущению более высоких лиц.

И вот в 1931 г. не осталось и следа от древних Воскресенских или Иверских ворот китайгородской стены, а через три года не стало и самой стены.

Никольский греческий монастырь

Никольский монастырь — один из самых древних в Москве. Первое упоминание в летописи о нем относится к 1390 г. Тогда он уже существовал и даже назывался «Старым». Под этим годом летописец сообщал, что новопоставленный митрополит Киприан «облечется в святительский сан... у Николы у Старого, и поиде во град Москву».

Никольский монастырь назывался также «что за иконным рядом», как и Спасский, что находился рядом: видно, лавки с иконами протягивались чуть ли не на половину Никольской

улицы, Звали его и по-другому: «у крестного целования» — сюда приводили к присяге тяжущихся — участников судебного разбирательства.

Еще одно название бытовало среди московского населения: «Большая глава», обязанное, вероятно, величине главы соборного храма. А название этого же монастыря — «что за ветошным рядом», — некоторым исследователям истории Москвы давало основание предполагать, что он мог находиться где-то в районе современного проезда Сапунова, бывшего Ветошного.

В 1556 г. Иван Грозный позволил останавливаться в Никольском монастыре монахам из греческих монастырей, приезжавшим в Москву для сбора милостыни, а почти через сто лет царь Алексей Михайлович в 1653 г. вообще отдал монастырь для «приезжих греческих властей и старцев и гречан для отправления божественных служб греческим языком». Не удивительно, что именно сюда, в Николо-греческий монастырь, в 1666 г. привезли копию почитаемой иконы Иверской Божьей Матери, находившейся в Греции, на Афоне. Ее сначала поставили в монастырской часовне, а в 1669 г. перенесли в нарочно устроенную часовню у ближних Воскресенских ворот Китай-города.

С тех пор Никольский монастырь получил название греческого и сюда каждые четыре года стали приезжать архимандрит и с ним монахи. Московские власти гостеприимно принимали их, но, правда, «под страхом опалы и гнева», монахам строго воспрещалось привозить с собой заграничные товары — видно и тогда москвичи были падки на заморские соблазны.

Никольский монастырь стал центром небольшой греческой колонии в Москве, проводником образованности и просвещения. Недаром в монастыре в продолжение нескольких десятков лет с конца XV — начала XVI века находилась книгописная мастерская, работавшая под руководством выдающегося художника Михаила Медоварцева, близкого ко многим представителям интеллектуальных кругов Москвы того времени.

В центре небольшого монастырского двора стоял собор св. Николая, который в 1729 (или 1724) г. был разобран и вместо него построен новый одноэтажный каменный собор; на нем в 1735—1736 гг. была надстроена еще одна церковь — Успения Пресвятой Богородицы. Эта последняя выстроена князем Дмитрием Кантемиром.

Никольский монастырь и в дальнейшем оказался тесно связанным с родом князей Кантемиров, славным в истории и Молдавии и России.

Молдавский господарь, князь Дмитрий Кантемир решил поддержать Петра I в его борьбе с Турцией, но война окончилась для Петра неудачно и, как писал он сам, «...сей марш зело отчаянно учинен был». В результате

Прутского похода 1711 г. Петр был вынужден отдать многое из того, что Россия приобрела такими отчаянными усилиями: Азов возвращался Турции, крепости, основанные Петром на юге, уничтожались...

Дмитрий Кантемир был вынужден уйти вместе с петровскими войсками в Россию. Есть сведения, что Петр I пожаловал ему дом в Москве на Никольской улице рядом с Никольским греческим монастырем.

Глава семьи делал многие пожертвования в монастырь, а когда в 1713 г. умерла его жена Кассандра, урожденная княжна Кантакузин, он начал строительство нового монастырского собора, которое, однако, остановилось в связи со всеобщим запрещением каменного строительства в России, исключая новую столицу, Санкт-Петербург, куда Петром направлялись все ресурсы.

Возобновилось строительство нового собора лишь после кончины Дмитрия Кантемира в 1723 г. — тогда на одноэтажном здании начали возводить Успенскую церковь, освященную 18 сентября 1736 г. Это строительство, по преданию, было связано с трагическим событием, якобы происшедшим в семье Кантемиров: дочь князя Мария проезжала по Никольской в карете, лошади понесли, и Мария была убита. Однако, на поверку, возведение Успенской церкви никак не связывалось с этим происшествием — Мария Кантемир умерла в 1757 г.

И в последствии княжеская семья не оставляла своим вниманием обитель на Никольской — ведь в монастырском соборе были похоронены сам Дмитрий Кантемир, его сын, дипломат и поэт Антиох Кантемир, дочери Смарагда и Мария. Так, в 1770 г. князь Матвей Кантемир построил в здании братских келий церковь св. Константина и Елены.

В некоторых сочинениях утверждается, что в конце XVIII в. монастырский собор разобрали и на его месте выстроили новый по проекту архитектора М.Ф.Казакова, однако, ни в списке его работ, ни в исследованиях, посвященных его творчеству, нет упоминания о том, что он был причастен к постройке нового собора.

Судя по фотографии его, снятой в 1880-х гг., это было произведение классического стиля. Именно это здание, стоявшее посреди ныне пустого двора за зданием под №11 по Никольской улице, и было снесено в 1935 г.

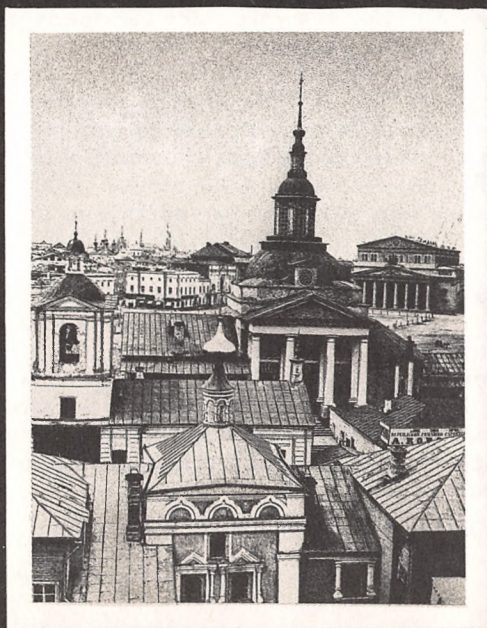
Хорошо еще, что благодаря настояниям посольства Румынии, удалось перед сносом спасти останки князя Дмитрия Кантемира.

Никольский монастырь,
1880-е гг. (Никольская ул.,
11-13)

Иверские ворота и часовня,
1880-гг. (Исторический
проезд)

Церковь святой Троицы в Полях

Долгая история была у этой церкви, история, начавшаяся в седые времена, когда церковь стояла совсем рядом с пустым полем за пределами города. С тем самым полем, на которое в древности выходили тяжущиеся доказать свою невиновность.

Это была вполне легальная форма производства дел — судебные поединки, известные с весьма давнего времени. Так, в Псковской судебной грамоте XIV в. есть упоминание о «поле», а в Судебнике 1497 г. подробно описаны обычаи поединка на поле и определены размеры пошрины, которая так и называлась — полевая пошлина: «а досудятся до поля, а у поля, не стояв, помирятся, и боярину и диаку по тому расчету боярину с рубля два алтына, а диаку осмь денег...» Можно было и нанять за себя битца на поле: «жонка, или детина мал, или кто стар или немощен, или чем увечен, или поп ино наймита нанять волно». Вот отрывок из судопроизводства 1547 г. между Сенкой, человеком бояр Приклонских, и поваром Микиткой: «И Сенка тако рек: уличаю, господине, их Божией правдою, целовав крест, да лезу с ним на поле битца и наймита шлю. И судья спросил Микитку повара: ты крест целуешь ли, и на поле с ним лезушь ли битися? — И Микитка тако рек: яз, господине, крест целую, и на поле с ним битися лезу, и наймита против его шлю».

Вот около такого поля и находилась церковь св. Троицы. Она прозывалась, «что у Старых Полей» или «на Старых Полях». Впервые она была упомянута в Никоновской летописи под известием о пожаре в 1493 г.: «был пожар по Иван Богослов и по Старую Троицу и Сретенская улица вся выгорела до всполья». Тогда уже эта церковь называлась Старой. Первое упоминание о ее каменном здании относится к 1626 г.: «Церковь каменная Живоначалная Троица, у Китая города у стены, что у Старых Полей». Это здание, вероятно, много раз перестраивалось, пока в 1825 г. не началось строительство нового храма, законченное в 1834 г. — это был ампирный храм с большой трапезной, куполом над четвериком собственно церкви и колокольной, возвышавшимися над зубцами китайгородской стены.

Церковь Троицы ушла от нас совсем не исследованная, осталась лишь обстоятельная книга о ней священника отца Николая Соловьева да несколько фотографий ее.

В 1934 г. в этом районе был осуществлен тотальный снос всех зданий, и вместо необыкновенно живописного уголка города с главами и куполами церквей, башней и старинной крепостной стеной явилось взору унылое пустое пространство, окруженное глазами плоских стен.

Церковь Троицы в Полях, 1880-е гг. (Никольская ул., за домом № 21)

Церковь Владимирской Божьей Матери, 1880-е гг. (Никольская ул., 14)

Церковь Владимирской Божией Матери

Вместе со стеной Китай-города, с Никольской или Владимирской крепостной башней уничтожили и изящную небольшую церковку, уютно устроившуюся у самой башни. Ее забавная главка вся, как еж, ошетилившаяся колочками, выглядит на многих фотографиях старой Москвы из-за высокой стены Китай-города.

Это был интересный образец скромной приходской церкви, выстроенной в стиле так называемого московского или, как еще его называли, нарышкинского барокко. Название это было обязано многим постройкам, появившимся в конце XVII в. в усадьбах рода Нарышкиных, особенно таким ярким, как Покровская церковь в Филях или Братские кельи Рождественского монастыря.

Церковь около Владимирской башни также была связана с Нарышкиными — на этот раз с Натальей Кирилловной, той самой, благодаря которой и возвысился этот небогатый и невидный мелкопоместный род из Тарусы после того, как она стала в 1671 г. царицей, женой царя Алексея Михайловича.

Уже царицей-вдовой Наталья Кирилловна выстроила эту церковь в Китай-городе. Начатая строением из доходов Стрелецкого приказа 30 июля 1691 г., она была освящена 29 октября 1694 г. во имя Владимирской иконы Божьей Матери — наиболее почитаемой святыни Русского государства. Наталья Кирилловна считала эту икону и своей покровительницей, ибо ее день ангела приходился как раз на тот же день, когда празднуется память Владимирской иконы. И в новую церковь Наталья Кирилловна пожаловала именно ту икону, которой ее перед свадьбой благословили родители. Икона эта много лет бережно хранилась в церкви.

Выбор места для строительства храма был отнюдь не случаен. На воротах башни китайгородской стены с давних пор находился список с иконы Владимирской Божьей Матери (отчего и башня называлась часто Владимирской). Место для иконы было выбрано в связи с тем, что башня стояла на той самой дороге, на которой москвичи в 1395 г. встретили самую икону, перенесенную из Владимира в ожидании страшного испытания — неминуемого нашествия полчищ Тамерлана. Предводитель неверных, однако, внезапно повернул назад и москвичи поверили в чудесное заступничество Богородицы и через два года после этих событий на Сретение (слово, означавшее встречу) основали монастырь на месте встречи иконы.

С постройкой китайгородской стены список с иконы поместили на воротах, а позднее устроили часовню, вместо которой затем построили церковь Владимирской Божией Матери.

Она всегда была небольшой и бесприходной, приписанной обычно к Заиконоспасскому монастырю. Однако внутреннее

ее убранство отличалось богатством — есть сведения, что в церкви находился иконостас, выполненный по рисунку В. И. Баженова (указ о создании иконостаса датируется 23 марта 1772 г).

Интерьер церкви был великолепен — иконостас блистал золотом, икона Владимирской Божьей Матери находилась в драгоценном жемчужном окладе с камнями, у царских врат икона Спаса Нерукотворного, написанная знаменитым изографом Симоном Ушаковым, в ризнице храма хранились старинная утварь, пожертвованная царицей Натальей Кирилловной и пелена, шитая шелком по серебряной парче императрицей Елизаветой Петровной.

Все это было разграблено, а летом 1934 г. церковь Владимирской Божией Матерью снесли.

Часовня святого Пантелеймона

Из-за стен Китай-города, если смотреть на них с Лубянской площади, таким гигантом смотрелось высокое сооружение, с измельченным сложным декором, увенчанное куполом на высоком барабане, прорезанном узкими окнами. Можно было подумать, что перед зрителем большая соборная церковь, однако это была всего-навсего часовня.

При Богоявленском монастыре, на том месте, где на Никольскую улицу выходил монастырский участок (современный дом №6), в 1873 г. по проекту П. П. Зыкова была построена небольшая часовня, посвященная св. Пантелеймону, прославившемуся исцелениями, и принадлежавшая русскому Пантелеймоновскому монастырю на Афоне.

Часовня была совсем небольшой, а молящихся в ней всегда было множество. В то время журнал «Всемирная иллюстрация» сообщал: «с раннего утра и до позднего вечера видите целыми группами входящих и выходящих людей, а также стоящих близ часовни в ожидании очереди приложиться к мощам св. великомученика и целителя Пантелеймона».

В 1880 г. потомственный почетный гражданин И. И. Сушкин, чей брат, архимандрит Макарий, был настоятелем Русского Афонского Пантелеймоновского монастыря, пожертвовал монастырю участок земли в конце Никольской улицы у Владимирской башни, и там в 1881 г. началось строительство грандиозного сооружения — новой часовни св. Пантелеймона. Автор проекта, архитектор А. С. Каминский, задумал создать новую высотную доминанту, отмечавшую выход Никольской к Лубянской площади и перекликавшуюся с целой системой вертикалей Китай-города. Любопытно отметить, что А. С. Каминский полностью перенес фасад старой Пантелеймоновской часовни на фасад своего здания.

Освящение построенной часовни состоялось 2 июня 1883 г., а в 1932 г. ее отобрали у верующих. Тогда в протоколах заседаний Моссовета опубликовали его решение: «Принимая во внимание, что группа верующих так называемой Пантелеймоновской часовни от пользования ею отказалась, подав о том письменное заявление, руководствуясь циркуляром ВЦИК и СНК от 8/IV-1929 г., указанную часовню закрыть, а помещение передать Управлению милиции гор. Москвы». Это решение было подготовительным этапом к сносу часовни вместе с уничтожением Китайгородской стены, церкви Троицы в Полях, Владимирской церкви.

В 1934 г. незаурядное произведение известного московского архитектора было сломано. Теперь тут чахлый скверик, огражденный слепой стеной соседнего здания.

Церковь святого Николая чудотворца «Большой крест»

«Одной из наиболее серьезных утрат следует считать снос церкви Николая «Большой крест», — этот спокойный тон авторов книги «Памятники архитектуры Москвы», изданной в 1982 г., вызывает сожаление, если представить значение потери и для Москвы и для русского и мирового искусства.

Летом 1933 г. разрушители культуры снесли одно из красивейших московских зданий — церковь святителя Николая, стоящую на старинной московской улице Ильинке и прозывавшуюся в народе «Никола Большой крест».

Возведена она была в 1680—1688 гг. богатыми купцами из Архангельска — братьями Филатьевыми, заказавшими построить себе такое великолепие, которое бы прославляло не только Господа, но и самих храмоздателей, их щедрость и ревность к богоугодным делам. Как и водилось тогда, часть церковного здания была оставлена храмоздателям — нижний этаж служил усыпальницей, а в собственно же церковь вели два входа через крыльцо, поднятое на трех арках и прекрасно украшенное резьбой по белому камню. Изящное здание было почти квадратным в плане, вытянутым в высоту и необыкновенно стройным; второй и третий ярусы были украшены капителями, а большие окна обрамлялись пышными наличниками (подобными можно сейчас полюбоваться на Преображенской церкви Новодевичьего монастыря). Однако, самое необыкновенное было наверху здания — здесь неведомый нам гениальный мастер в нижнем ярусе двухъярусного завершения поместил шестигранные окна, великолепной и необычной для Москвы формы, а верхний заполнил ребристыми раковинами, столь полюбившимися русским мастерам после фрязи-

Часовня святого Пантелеймона (Никольская ул., 25),
справа от Владимирских (Никольских) ворот Китай-
города, 1880-е гг.

Церковь святого Николая чудотворца
«Большой крест», 1880-е гг. (ул. Ильинка, 19)

на Алевиза Нового, построившего Архангельский собор в Кремле за полтора века до того. Такие же раковины зодчий поместил и в основание вытянутых шеек всех пяти куполов, украшенных рельефными звездами.

Интерьер церкви был под стать ее внешнему виду. Украшением его был резной величественный иконостас, похожий более на произведение ювелирного искусства. Достопримечательностью храма, от которой он и получил свое название, был высокий, в три аршина высотой (более двух метров) деревянный крест, устроенный теми же братьями Филатьевыми, в котором были заключены 120 частиц мощей различных святых.

Рядом с церковью стояла колокольня, выстроенная одновременно с ней, но увенчанная псевдоготическим завершением после пожара 1812 г.

Разрушили это чудо русской архитектуры под предлогом того, что церковь своим крыльцом выходит далеко на тротуар и мешает движению. Сначала — в августе 1933 г. — сломали крыльцо, а потом принялись и за саму церковь, которая вовсе никому не мешала, и через некоторое время на ее месте была лишь безобразная груда кирпича.

Сейчас здесь хилый газончик, окруженный слепыми стенами соседних зданий.

Зачем?...

Церковь святого Ипатия чудотворца

Во второй половине 1920-х гг. Центральный комитет партии коммунистов обосновался в просторных зданиях на Старой площади и довольно долго удовлетворялся ими, но застойные брежневские времена, если и были застойными, то только не для партийного аппарата. Для него эти времена стали очень оживленными — аппарат распухал и, как злокачественная опухоль, распространялся вокруг. Ему нужны были новые, еще более просторные помещения, и в конце 60-х гг. начали строить для одного центрального комитета огромное серо-бетонное здание, для чего перегородили целый переулочек в Китай-городе, называвшийся Ипатьевским.

В этом переулочке находилась церковь, главное здание которой, освященное во имя Вознесения Господня, было построено в 1756 г., а придельная церковь св. мученика Ипатия годом раньше — в 1755 г.

Снос церкви начался в конце 1940-х гг., но еще долгое время сохранялась ее алтарная часть. Она окончательно исчезла в 1965 г.

Церковь святого Ипатия
чудотворца, 1880-е гг.
(Ипатьевский пер.)

Церковь святого Николая
чудотворца на Москворецкой
улице, 1880-е гг.

Церковь святого Николая
чудотворца «Мокрого», 1880-е гг.
(Мокринский пер.)

Москворецкая улица

В 1938 г. снесли целый квартал, находившийся между Кремлем и Москворецкой улицей, по спуску от храма Василия Блаженного к набережной Москвы-реки.

Там было множество торговых заведений, магазинов, лавочек, амбаров и прочего в том же роде. У самой Москвы-реки, по воспоминаниям московского бытописателя П. И. Богатырева, «были живорыбные лавки с садками на реке, откуда и снабжалась Москва аршинными живыми стерлядями». В противоположном конце, ближе к Василию Блаженному, находились Нижние торговые ряды с множеством лавок в них.

Тот же П. И. Богатырев писал, что по улице «идут лавки, торгующие пряностями; здесь всегда острый запах. Торгуют воском и церковными свечами, а также мылом и знаменитыми в то время муромскими сальными свечами. Они были так крепки, что торговцы зимой на морозе стучали ими одной о другую, и они не трескались и не ломались. Нагара они давали мало и горели ярко. На противоположной стороне торговали веревками, рогами, разной бумагой».

В квартале у собора Василия Блаженного находились очень интересные здания, и он исчез неисследованным, даже фотографий его почти не осталось.

Наиболее приметной в этом квартале была церковь св. Николая чудотворца Москворецкого, выстроенная в 1829 г. на старинных, еще середины XVII в., фундаментах. Возможно, что первоначальное ее здание было построено при патриархе Филарете (1619—1633). В храме, главный престол которого был освящен во имя Благовещения Божией Матери, в 1897 г., был сделан прекрасный мраморный иконостас. На Москворецкую улицу выходила высокая колокольня церкви, выстроенная в 1857 г. по проекту архитектора Д. Н. Коринфского.

На правой стороне улицы, если смотреть с реки, располагались строения Мытного двора, где взималась пошлина с привозимых товаров. Рядом с Мытным двором выделялось небольшое узкое здание Спасской часовни, увенчанное главкой на вытянутом трибуне. Недалеко от нее проходила стена Китай-города и стояла большая крепостная Москворецкая башня с такими же двумя проездами в ней, как и в Иверской башне на северной стороне Красной площади. Как бывало обычно, над проездами помещали икону. Поэтому и здесь над воротами находился образ Спасителя. В 1685—1687 гг. его перенесли в нарочно для него построенную часовню на внешней стороне башни, а когда башню разобрали, икону поместили в Спасскую часовню на Москворецкой улице

Главка часовни, колокольня Никольской церкви вместе с

башенкой доходного дома образовывали целую сюиту вертикалей вместе с шатрами Покровской церкви (собора Василия Блаженного) и Спасской башни Кремля.

Зарядье

Не только отдельные здания, памятники архитектуры и истории исчезали под варварской рукой, не только разрушались комплексы зданий, такие как многие московские монастыри, но советской властью стирались с лица земли и целые районы Москвы. Так было уничтожено Зарядье.

Зарядьем с XVI в. стала называться большая часть Китай-города, ограниченная с востока и юга крепостной стеной, с запада — Москворецкой улицей, а с севера — улицей Варваркой, проходившей по бровке холма, резко спускавшегося к Москве-реке. Эта часть города находилась за торговыми рядами, выходящими на Красную площадь.

Поселение здесь зародилось, возможно, в первые века существования Москвы, под защитой небольшой крепости на вершине Боровицкого холма. Это был торгово-ремесленный посад у пристани на Москве-реке. К посаду от пристани шла дорога, получившая название Большой, или Великой, и на ней стоял храм св. Николы, покровителя плавающих и путешествующих, хранящий их от превратностей, подстерегающих на долгом и опасном пути.

Деревянный, тесно застроенный посад неоднократно подвергался нападениям то иноземцев, то дружин соседних князей. Его грабили, он целиком сгорал, но каждый раз заново отстраивался. Постепенно, с ростом численности московского населения, на посаде появляются и боярские усадьбы, более похожие на небольшие крепости. Известны такие дворы, принадлежавшие известным фамилиям Романовых, Милославских, Сулешовых.

На посаде стояло несколько церквей, бывших сначала деревянными, а впоследствии, с XVI в. каменными. Помимо домов, принадлежавших частным лицам, здесь появляются и казенные учреждения: Мытный двор — таможня, — стоявшая недалеко от «живого», т. е. наплавного моста через Москву-реку, городские тюрьмы, Английское подворье, Монетный двор.

Особенно широко развернулось в Зарядье каменное строительство в XVII в. после указа царя Михаила Федоровича, данного в 1629 г. и гласившего: «Которые люди похотят ставить палаты каменные, и тем людям от Государя... будет милостивое слово.» Именно начиная с этого времени, развивается и закрепляется планировка всего района Зарядья, одного из наиболее интересных и своеобразных районов Москвы.

Покушения на Зарядье начались буквально чуть ли не с первых лет советской власти — не только невежественные правители, но и такие, казалось бы, понимающие ценность древней московской застройки архитекторы, как А. В. Щусев и И. В. Жолтовский, принялись за позорное дело разрушения Москвы. Так, в плане реконструкции города, разработанном в 1918—1923 гг., этими двумя маститыми архитекторами, предусматривалось построить в Китай-городе «дома американского типа с вертикальными подъемниками и площадками», а в Зарядье проектировщики видели огромные бетонные террасы, некий подступ к преображенному Китай-городу.

В то время было, однако, не до этих грандиозных планов. К ним вернулись в начале 1930-х гг., когда Сталин с помощью преданного ему окружения решил создать подобающий ему, любимому вождю всех трудящихся, величественный антураж.

В 1934 г. объявили конкурс на проектирование «Дома Наркомтяжпрома» — народного комиссариата тяжелой промышленности. Его предполагали возвести на месте ГУМа. Грандиозное здание самых экзотических очертаний, высотой в разных проектах от 150 до 260 метров, нависало над крошечным, по сравнению с ним, Кремлем, который как бы проваливался в глубокий котлован между Наркомтяжпромом с одной стороны и Дворцом Советов с другой. В этих проектах все Зарядье застраивалось крупными общественными строениями.

Через два года — новый конкурс на тот же дом, но уже не на месте ГУМа, где, как и во всем Китай-городе, должен был быть сплошной сад, а в самом Зарядье.

И, наконец, в 1940 г. был объявлен еще один конкурс на застройку Зарядья, но теперь уже «Вторым Домом Совнаркома». Лучшим оказался проект архитекторов братьев Весниных. Они предлагали построить огромное, длиной 360 метров, сооружение в монументальных формах, в центре которого вздымалась 17-этажная башня. Перед войной уже началась активная подготовка к строительству и газета «Московский большевик» за 28 февраля 1941 г. уже сообщила: «Трест «Строитель» приступает к сооружению второго Дома Совнаркома СССР. Окончить его должны к ноябрю 1942 г.»

Появлению этого «шедевра» помешала война, и, как бы кощунственно это не звучало, именно война спасла нас от необходимости созерцать этот кошмар, будь он построен.

Вернулись к помпезным проектам, призванным увековечить «благодатную» сталинскую эпоху, после войны — в январе 1949 г., когда в газетах появилось решение о строительстве высотных зданий. В Москве, пораженной жесточайшим жилищным кризисом, в Москве, где люди жили в ужасных, почти непредставимых условиях, советское правительство решило потратить громадные денежные и материальные ресурсы на строительство дорогих вычурных зданий. Вот уж, хоть и не по этому случаю, но прав оказался «лучший поэт сталинской эпохи» В. Маяковский, воскликнувший в подобострастном экстазе:

«Такую страну
и сравнивать не с чем, —
где еще
мыслимы
подобные вещи!»
И думаю я
обо всем,
как о чуде.
Такое настало,
а что еще будет?»

Надо сказать, что вопрос «что еще будет?» был вполне резонан.

По этому проекту в Зарядье намеревались воздвигнуть 32-этажное высотное здание по проекту Д. Н. Чечулина и совсем рядом с древним Кремлем должен был вырасти исполинский монстр.

Во всю развернулась подготовка к строительству, и все постройки Зарядья, за исключением нескольких зданий по Варварке, ставшей с 1922 г. улицей Разина, были снесены. Но в 1953 г. Сталин умер, и политика в области строительства стала несколько более благоразумной. В 1956 г. утвердили проектные задания на строительство значительно более скромного здания гостиницы «Россия». Но общественность, болевшая за город, резко выступила и против этого. «Уничтожить археологический заповедник Зарядья — восьмивековую летопись Москвы — архитектурная безграмотность, граничащая с преступлением», — это из письма в газету «Советская культура», подписанном историком Б. А. Рыбаковым, художником С. А. Чуйковым, скульптором Е. Ф. Белашовой и другими в 1961 г.

Но их голоса намеренно не были услышаны. Гостиницу выстроили в 1964—1967 гг. и несмотря на то, что она была меньше, чем предусматривал первоначальный проект, своим чуждым обликом бесцеремонно вторглась в московский пейзаж, безнадежно испортив панораму Красной площади. И то, что напротив здания гостиницы оставили несколько архитектурных памятников, отнюдь не восхищает. Конечно, спасибо за то, что хоть не снесли, и — смотрите, какие мы культурные! — еще отреставрировали, но вместо Варварки — красивой московской улицы, мы получили несколько не связанных между собой, сиротливо стоящих музейных экспонатов, да еще и беззастенчиво разрубленных подъездной эстакадой. Кроме того, на Варварке снесли незаурядные здания, образовывавшие интересный ансамбль с домами на противоположной стороне.

При сносе всего Зарядья исчезло множество первоклассных памятников.

Расскажем только об одном — о церкви святителя Николая, именуемого «Мокрым». Это та самая церковь, что была построена нашими предками у первой в истории Москвы торговой пристани на Москве-реке. Сюда они приходили, благодаря святителя за удачное путешествие, молились перед его иконой, где он был изображен с мокрыми волосами — ведь сколько спас он в кораблекрушениях!

Церковь находилась на Великой улице, шедшей от Тимофеевских или Константино-Еленинских ворот Кремля и была одной из первых замощенных московских улиц.

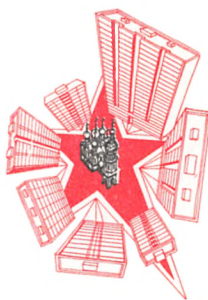
Каменное здание церкви св. Николая, выстроенное женой окольникового Е. А. Чириковой, относилось к концу XVII в. В подклете находилась Никольская церковь, освященная около 1695 г., а наверху — церковь Покрова Пресвятой Богородицы, законченная в 1697 г.

В 1802 г. основное здание церкви получило декоративное оформление в модном тогда псевдоготическом стиле, который так блистательно ввел в московский архитектурный обиход Матвей Казаков. В том же 1802 г. к церкви были пристроены трапезная и колокольня.

В 1947 г. все было снесено.

Самое основное, что мы потеряли при строительстве «России» — мы лишились целого уникального старинного квартала московского средневекового города, и он ушел от нас не изученным, не зафиксированным и мы теперь даже не знаем, что за сокровища там таились... Было известно, что в Зарядском переулке во дворе стоял старинный дом со сводами и лестницей, сложенной внутри толстой стены, а в Мокринском переулке было двухэтажное здание с древними сводами в обоих этажах...

А что было еще?

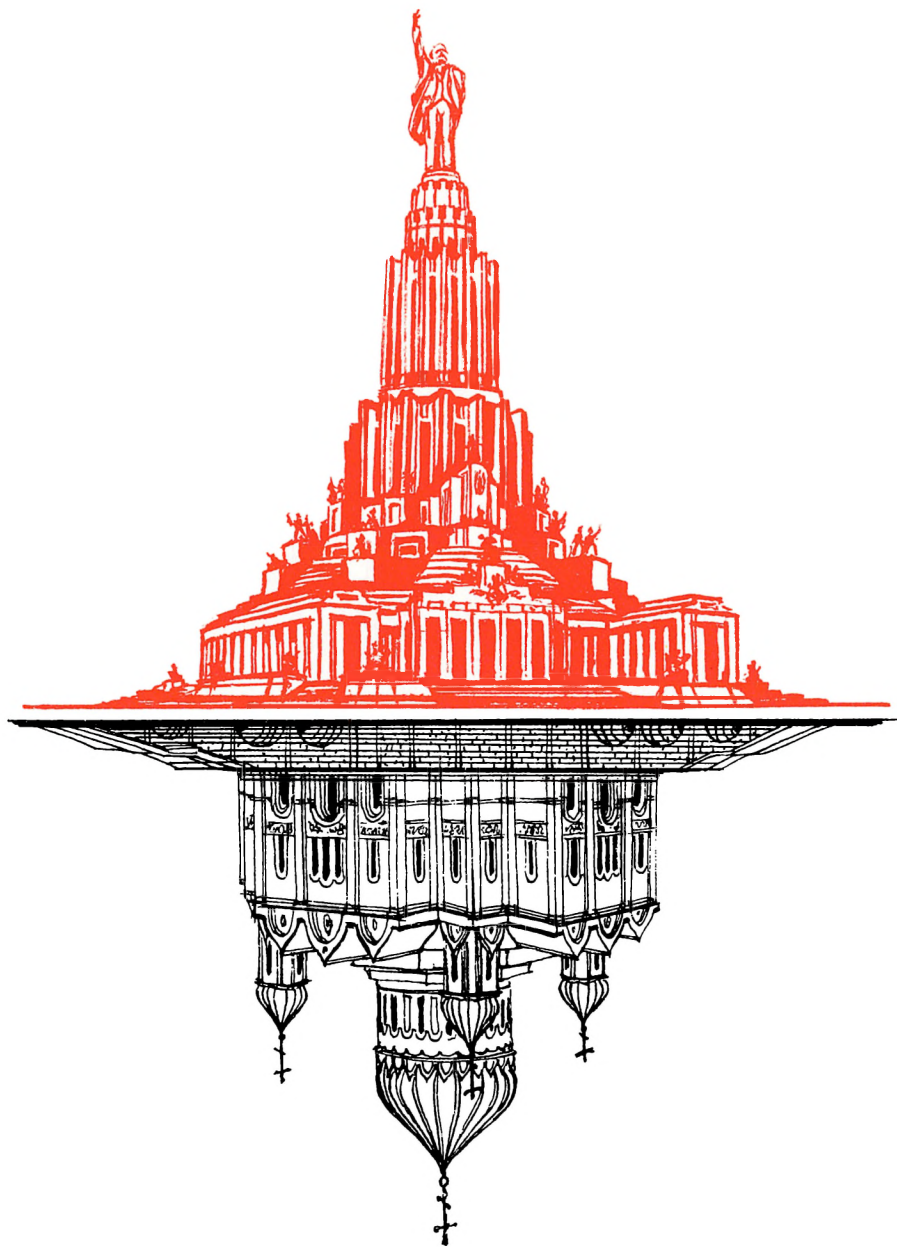

МЭЗ

- Дом типографщика
С. И. Селивановского 127
Церковь святого Алексия
митрополита 130
Церковь святого Сергия 132
Церковь Рождества Пресвятой
Богородицы в Столешниках 132
Церковь святого Григория
Богослова 134
Церковь Вознесения в
Варсонофьевском переулке 135
Церковь Введения на Лубянке 138
Дом князей Голицыных 142
Сретенский монастырь 143
Церковь святого Иоанна
Предтечи 144
Церковь Гребневской Божьей
Матери 146
Златоустовский монастырь 147
Церковь святого Евпла 149
Церковь Флора и Лавра 152
Армянская церковь Воздвижения
Креста Господня 154
Церковь святого Николая, что
в Столпе 156
Храм Христа Спасителя 77
Памятник императору
Александрю III 86
Церковь Похвалы Богородицы
в Башмакове 87
Церковь Ржевской Божьей Матери
у Пречистенских ворот 88
Церковь святого Николая
чудотворца Стрелецкого 88
Церковь Знамения на
Знаменке 90
Арбатская площадь 92
Церковь Воздвижения Креста
на Воздвиженке 96
Архив МИД 99
Никитский монастырь 100
Церковь Николы чудотворца
в Хлынове 103
Охотный ряд 104
Часовня святого Александра
Невского 110
Церковь святого Георгия
на Красной горке 112
Тверская улица 114
Памятник Скобелову 118
Церковь святого Николая
чудотворца в Гнезdnиках 121
Церковь святого Дмитрия
Солунского 121
Дом Кологривовых на Тверском
бульваре 124
Георгиевский монастырь 127
Церковь Успения в
Котельниках 159
Церковь Спаса Преображения,
что на Глинищах 161
Церковь святых Кира и Иоанна 162

Храм Христа Спасителя

Трудно писать сейчас о храме Христа Спасителя, так много появилось за недавнее время различных статей, заметок, сочувственных, негодующих, справочных — разных. Если раньше почти ничего не было известно о нем — все тщательно скрывалось властью имущими — то ныне говорят даже о восстановлении храма и специалисты всерьез рассуждают о крепости его фундаментов. Интерес к храму не иссякает и со временем даже увеличивается и в этом моем синодике погибших о нем нельзя не сказать.

Лидеры советского государства желали видеть на месте храма-памятника, храма-символа другой символ, воплощение нового строя, строя всеобщего коммунистического господства. Они хотели выстроить грандиозное здание высотой почти в полкилометра, заканчивающееся статуей Ленина и что характерно для советского строя, не имевшее практической пользы, несущее, в основном, лишь идеологическую, пропагандистскую нагрузку.

Конечно, коммунистов не смущало то, что храм был не только собственно церковью — зданием, в котором отправлялись религиозные службы, а также то, что он был одной из самых уважаемых святынь московских, но их не остановило и то, что он был памятником победы русского народа в Отечественной войне, и то, что он был несравненным образцом русского искусства. Даже наоборот, думаю, это являлось основной причиной разрушения храма и планирования на его месте сооружения, задуманного быть символом новой советской религии, обожествляющей своих идиологов-руководителей.

История храма Христа Спасителя начинается с 1812 г. Тогда русское государство стояло перед смертельной опасностью, равной которой не было, по крайней мере, целое столетие, с того времени, когда армия Петра противостояла лучшей европейской армии во главе с самым известным полководцем, непобедимым Карлом XII. Ныне русская армия должна была встретить удар огромной, по сути дела, всеевропейской армии Наполеона, в которой участвовали не только французы, но и поляки, немцы, итальянцы и многие другие.

Стоял вопрос — быть ли России независимым государством или стать вассальной частью наполеоновской мировой империи. То, что Россия смогла выстоять и не только изгнать Наполеона из своих пределов, но свергнуть его с престола и покончить с притязаниями агрессора, рассматривалось многими современниками и, прежде всего самим императором Александром

ром I как некое чудо, ниспосланное свыше, как явный признак благоволения вышних сил к России и ее судьбе. И вполне естественным было желание императора выстроить, как это всегда бывало на Руси, храм, как знак благодарности и как памятник знаменательному событию.

Мысль о построении храма возникла у Александра, вероятно, раньше, но она была общенародно выражена лишь тогда, когда последний наполеоновский солдат покинул Россию. Это произошло в восемь часов вечера 14 декабря 1812 г.: небольшой отряд под командованием маршала Нея, остаток почти полумиллионной армии, перешел через реку Неман на прусскую территорию, покинув Россию. Закончилась борьба двух гигантов мировой истории, от исхода которой зависела судьба не только Европы, но, в конечном счете, и всего мира.

Император Александр I, будучи в Вильне, в день рождества 1812 г. подписал особый манифест. В нем говорилось «В ознаменование благодарности нашей к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы, в первопрестольном граде нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа».

Надо отметить, что в христианском мире существовало множество храмов, освященных во имя тех или иных событий земной жизни Спасителя — его рождению, воскресению, преображению или вознесению, но не было ни одного храма, посвященного самому Иисусу Христу. Московский храм должен был быть первым. И по предположению императора, и по важности, и по исключительности события храм должен был представлять нечто еще невиданное, необыкновенное, служить символическим изображением всего сущего на Земле, как предуготовления к вечному существованию в мире ином.

Был объявлен конкурс на составление проекта храма и многие известные и опытные архитекторы взялись за работу, но внимание императора привлек проект молодого и никому не известного художника Карла-Магнуса Витберга.

К.-М. Витберг родился в 1787 г. в Петербурге в семье выходца из Швеции и, «избрав себе историческую живопись», окончил Академию художеств с золотой медалью. Воодушевленный победой России в войне, он был целиком захвачен мыслями, выраженными в манифесте императора Александра I и идея создания храма-памятника овладела им. Особенное значение для него имела поездка в Москву. Первое посещение древней столицы, недавно освобожденной от оккупантов, еще не оправившейся от разрушений, произвело на него огромное впечатление и еще более укрепило в дерзком намерении.

«Рожденный в Петербурге на плоском месте, взошедши в Кремль, я был поражен красотой его положения, величием вида, раскрывающего полгорода. Мысль о храме, соединенная с изящностью места, возобновилась в душе моей», вспоминал он.

Не имея никакого архитектурного образования, он все-таки решил принять участие в конкурсе. На два года Витберг заперся в мезонине здания московского почтамта на Мясницкой, где ему предоставил квартиру добрый знакомый, управляющий почтамтом Д. П. Рунич. Два года, не пользуясь ничьей помощью или советом, Витберг изучал руководства по архитек-

туре, и, наконец колоссальная работа завершилась составлением проекта, о котором заговорила вся Москва.

Витберг получил признание многих, но, самое главное, императора Александра I, сказавшего ему: «Вы отгадали мое желание, удовлетворили моей мысли об этом храме. Я желал, чтоб он был не одна куча камней, как обыкновенные здания, но был бы одушевлен какой-либо религиозной идеею; но я никак не ожидал получить какое-либо удовлетворение, не ждал, чтоб кто-либо был одушевлен ею. И потому скрывал свое желание. И вот я рассматривал до 20 проектов, в числе которых есть весьма хорошие, но все вещи самые обыкновенные. Вы же заставили камни говорить».

Александр не только одобрил проект Витберга, но и убедил его принять на себя руководство самим строительством. Сначала Витберг предполагал строить храм в Кремле, но император, считая, что «неприлично разрушать древний Кремль», предложил новое место — крутой холм Швивой горки. Однако Витберг выбрал для храма вероятно самое выгодное и красивое место — Воробьевы горы, эту, по выражению императора Александра, «корону Москвы». Торжественная церемония закладки храма Христа Спасителя происходила 12 октября 1817 г., в пятую годовщину ухода наполеоновской армии из Москвы. Процессия во главе с императором Александром шла несколько верст через весь город и вдоль всего пути стояли пятьдесят тысяч солдат и офицеров различных полков русской армии. К месту закладки навели понтонный мост и на склоне Воробьевых гор устроили террасу. На церемонии присутствовали 400 тысяч зрителей, больше, чем все население Москвы того времени.

По проекту Витберга все сооружение должно было состоять из трех частей, как бы из трех храмов — тела, души и духа. Первый храм, подземный, во имя Рождества Христова, был темным и сумрачным — там должны были быть похоронены герои, павшие в Отечественную войну; второй храм — во имя Преображения — более светлый, находился уже на поверхности земли, и в нем рассказывалась все евангельская история, и, наконец, над ним третий, последний, под грандиозным куполом — во имя Воскресения Христова — прозрачный, почти воздушный, где не было никаких изваяний или изображений.

Но воплотить свою мечту в жизнь Витбергу не довелось. Все грандиозное мероприятие, требовавшее огромных средств, работы многих сотен людей, точной координации десятков различных служб, конечно же, было не под силу молодому и неопытному художнику: его запутали, и он сам запутался. Покровитель же его, император Александр I, внезапно скончался. Было назначено разбирательство и в результате Витберга признали виновным «в злоупотреблениях и противозаконных действиях в ущерб казне».

Николай I не забыл об обещании старшего брата: он приказал продолжить работу над храмом-памятником. Сначала речь шла о строительстве на Воробьевых горах, но после заключения комиссии о ненадежности грунтов, Николай выбирает новое место — в центре города, рядом с Кремлем, где стояли постройки Алексеевского монастыря. По мнению современных исследователей, место для сооружения храма Христа Спасителя было выбрано исключительно удачно — не так близко к самому Кремлю, чтобы новая постройка диссонировала с его ансамблем, но в то же время и так, чтобы ощущалась связь храма с древними постройками Кремля и Красной площади.

Закладка храма Христа Спасителя на новом месте происходила 10 сентября 1839 г. на глазах многотысячной толпы. Крест-

ный ход шел из кремлевского Успенского собора с Владимирской и Иверской чудотворными иконами. После закладки начался колокольный звон, продолжавшийся целый день, и пушечная пальба. Вечером стены Кремля были иллюминированы, а Александровский сад наполнен гуляющими.

Строили храм долго и основательно: только через 10 лет свели главный купол, большой крест поставили в 1855 г., в 1860 г. сняли леса, но в течение еще почти двадцати лет шла его внутренняя отделка. Освящение храма происходило 26 мая 1883 г. — его приурочили к коронации императора Александра III. Приделы осветили несколько позже: 12 июня того же года — придел св. Николая чудотворца, 8 июля — придел св. Александра Невского.

Автором проекта, утвержденным Николаем I 10 апреля 1832 г., был Константин Тон, самый известный тогда архитектор — тот самый, кому русская архитектура была обязана возрождению интереса к национальным формам после чуть ли не столетнего увлечения Европой. Его помощниками были А. И. Резанов, И. И. Свиязев, Н. В. Дмитриев, И. С. Каминский и другие архитекторы.

К. А. Тон создал проект огромного здания — пятиглавого храма (высота его до креста составляла 102 метра, выше колокольни Ивана Великого), с большой центральной и четырьмя угловыми башенками-колокольнями с четырнадцатью колоколами. Стены храма, облицованные светлым камнем, контрастировали с темной бронзой высоких дверей, гранитом цоколя, широкими лестниц и сверкающим золотом глав. Над проемами порталов находились прекрасно выполненные скульптурные композиции — 48 горельефов на темы русской и библейской истории. Авторами их были А. В. Логановский, Н. С. Пименов, П. К. Клодт, Н. А. Рамазанов, П. А. Ставассер и другие.

Интерьер храма поражал яркостью, богатством, разнообразием. Поверхности стен, простенков, арок, куполов были покрыты сплошным ковром многоцветных росписей, над созданием которых трудились известнейшие художники. В алтаре находилась картина Г. И. Семирадского «Тайная вечеря», на куполе — изображение Саваофа работы академика живописи А. Т. Маркова, на стенах — картины, изображавшие Вселенские соборы, выполненные В. И. Суриковым. Собор украшали работы художников Н. К. Бодаревского, В. М. Максимова, А. Д. Литовченко, А. И. Корзухина, Т. А. Неффа, Е. С. Сорокина, П. В. Васина и других.

Вместо традиционного русского сплошного иконостаса, в храме сделали так называемую кувуклию — небольшую беломраморную восьмигранную часовню, внутри которой находился святой престол.

Интерьер храма блистал замечательным подбором лучших отделочных камней — итальянского и бельгийского мрамора,

лабрадорита, порфира, разных видов яшм. Полы выкладывались мозаикой из полированных кусочков мрамора и порфира. Особенно хороши были оконные рамы, балюстрада и прочие украшения, сделанные из бронзы, паникадила, подсвечники, выполненные на заказ по особым рисункам, многие из которых принадлежали архитектору Л. В. Далю. Общее руководство проектом интерьера храма осуществлял архитектор А. И. Резанов. Церковная утварь и облачения также делались по специальному заказу.

Храм Христа Спасителя явился не только прекрасным произведением искусства, но и незаурядным примером применения передовой инженерной науки. Многие решения Тона были уникальными в строительной практике того времени. Глубина заложения фундамента составляла 30-40 метров. С этой глубины начинали закладывать в котлован бут с щебнем и битым кирпичом, каждый слой заливали известью, выравнивали и ждали, пока не схватится прочно. Так сделали монолит, способный выдержать колоссальную нагрузку и простоять века. Штукатурка внутри здания была положена на металлическую сетку, отстоявшую от самой стены: так, чтобы между штукатуркой и стеной создавался зазор с циркуляцией воздуха, что предохраняло роспись от сырости — она тоже могла бы сохраняться столетия. Физик, профессор университета М. Ф. Спасский разработал специальную систему громоотводов: металлические покрытия куполов тщательно пропаивались и к ним присоединялись медные заземленные шины. Перед храмом на площади были поставлены первые в Москве лампы Яблочкова, возбуждавшие неопишемое удивление публики. В самой конструкции здания также применялись различные новшества, и Тон имел полное право сказать, что ему принадлежит честь введения «совершенно новых и не бывших в России способов и приемов строительного искусства, коим храм поставлен единственным памятником архитектурного дела и технической стороны не только для России, но и для всей Европы».

Замечательной чертой храма Христа Спасителя было то, что он являлся не только церковью, но и мемориальным музеем, для которого была построена двухэтажная сводчатая галерея, шедшая по периметру всего здания. В галерее находились 177 мраморных досок с именами погибших, раненых и награжденных офицеров. На досках приводились даты и описания сражений, имена командующих войсками, названия воинских соединений и частей народного ополчения, перечень народных пожертвований. Были там также тексты главных документов Отечественной войны 1812 г. и войны в Европе 1813 г. Там же находились трофейные знамена и ключи покоренных городов.

Так стоял величественный храм в Москве, ставший со временем ее неотъемлемой частью, видный далеко отовсюду.

Можно сказать, что храм строился на века, но никто не мог предсказать столь скорую его гибель.

Уже в первые послереволюционные годы над ним нависла опасность небрежения. Архитектор-смотритель храма Н. И. Поздеев в 1918 г. писал в Президиум ВЦИК, что храм необходимо отапливать и что отсутствие отопления может губительно сказаться на росписях храма. Ему ответили, что храм отапливать невозможно, но наивный идеалист не успокаивался: он, видите ли, считал, что «невозможность отопления здания храма легко может быть устранена сокращением на мало заметные один — полградуса отопления всех зданий ВЦИК». Можно вообразить себе реакцию чиновников этого самого ВЦИК!

С января 1918 г. образовалось «Братство храма Христа Спасителя», которое в те трудные времена приняло на себя поддержание храма в порядке. Средств не было, и братство звало к доброхотным жертвователям. Патриарх Тихон выступил с призывом: «Прошу русских православных людей прийти на помощь храму Христа Спасителя и призываю Божье благословение на жертвователей».

После уничтожения патриаршества храм передали так называемой обновленной церкви во главе с митрополитом Александром Введенским, сотрудничавшим с советской властью. Но к началу 1930-х гг. судьба храма была окончательно решена: его выбрали показательной жертвой нового режима.

Еще на первом съезде депутатов только что образованного государства — Союза ССР, созванном в конце 1922 г., С. М. Костриков (Киров), недавно перед тем успешно закончивший кровавое «присоединение» народов Закавказья к Советской России, призывал съезд: «...нам скоро станет тесно, нам потребно будет более просторное помещение, которое бы могло вместить представителей трудящихся всего мира. Поэтому нам необходимо заняться возведением рабочего дворца на лучшей площади Москвы, столицы СССР, чтобы этот дворец был эмблемой пролетарской мощи... Покажем, что мы, «полу-азиаты», можем украшать землю самыми лучшими памятниками искусства и пролетарского творчества, великолепными дворцами, и пусть они знают, что мы пришли к власти всерьез и надолго... Нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян...»

Первым же с предложением разрушить храм Христа Спасителя выступил не один из лидеров коммунистов, а некий Балихин, недавний выпускник Вхутемаса. В 1924 г. он состряпал записку о построении памятника Ленину, в которой писал, что «для него — лучшее место Москвы — площадь, где стоит храм Х. Спасителя. Как исторический и художественный памятник, считал Балихин, — храм не представляет никакой ценности».

Его письмо в газету «Правда» — этот бред вывихнутого сознания нельзя читать без внутреннего содрогания:

«Памятник ЛЕНИНУ должен продолжать дело ЛЕНИНА, быть центром распространения его идей на весь мир, — говорилось в письме, — стать штабом мировой революции, штабом III-го Коммунистического Интернационала, центром Мирового Союза Советских Социалистических Республик... Многотысячные массы пролетариев... будут читать на экранах памятника —

чему учил ЛЕНИН; читать лозунги и сообщения об успехах революции на западе и востоке... Проекторы будут освещать окрестные деревни и селения, парки и площади, заставляя всех и ночью обращать мысли к ЛЕНИНУ...». И так далее и тому подобное.

Редактор «Правды» И. И. Скворцов-Степанов, отвечая восторженному недоумку, неожиданно оказался пророком: «Боюсь, мы покажемся заслуженно смешными, если будем печатать такие декламации с планами сноса целых кварталов... и таких громад, как храм Христа. Снести-то, пожалуй, хватит силенок...».

Любопытно отметить, что мысль снести храм Христа Спасителя носилась тогда, так сказать, в воздухе. Так, писатель Валентин Катаев в 1925 г. в романе «Остров Эренфест» почти провидчески писал: «...где некогда была Волхонка, на месте храма Христа Спасителя, возвышалось гигантское куполообразное здание музея Всемирной Революции».

Идея снести храм, посвященный Иисусу Христу, и построить вместо него памятник Ленину не пропала втуне — к ней вскоре вернулись и, как следует из воспоминаний архитектора Б. М. Иофана, «великий вождь всех народов» Сталин принял решение построить Дворец Советов на месте храма Христа Спасителя: «1931 г. тов. Сталин вместе с Советом строительства Дворца Советов, во главе с его председателем тов. Молотовым, посетил предполагавшееся место постройки — на участке храма Христа Спасителя... В этот день место строительства Дворца Советов было выбрано... Тов. Сталин с большой тщательностью ознакомился с участком, внимательно выслушивал и разбирался в мнениях архитекторов...»

Вот впечатления очевидца, известного кинооператора Владислава Микоши, посланного снимать разрушение собора.

«Тогда все, что я должен был снимать, было как страшный сон, от которого хочешь проснуться и не можешь. Через широкие распахнутые двери выволакивались с петлями на шее чудесные мраморные творения. Их сбрасывали с высоты на землю, в грязь. Отлетали руки, головы, крылья ангелов, раскалывались мраморные горельефы, порфирные колонны дробились отбойными молотками. Стаскивались стальными тросами при помощи мощных тракторов золотые кресты с малых куполов. Погибала уникальная живописная роспись на стенах собора. Рушилась привезенная из Бельгии и Италии бесценная мраморная облицовка стен. Стиснув зубы, я начал снимать. Изо дня в день, как муравьи, копошились, облепив собор, военизированные отряды. За строительную ограду пропускали только по особым пропускам.

Шло время, оголились от золота купола, потеряли живописную роспись стены. В пустые провалы огромных окон врывался ледяной со снегом ветер. Рабочие батальоны в буденновках начали вгрызаться в стены, но стены оказали упорное сопротивление. Ломались отбойные молотки. Ни ломы, ни тяжелые кувалды, ни огромные стальные зубила не могли преодолеть сопротивление камня. Храм был сложен из огромных плит песчаника, которые при кладке заливались вместо цемента рас-

плавленным свинцом. Всю зиму работали военные батальоны и ничего не могли сделать со стенами. Тогда пришел приказ. Мне сказал под большим секретом симпатичный инженер:

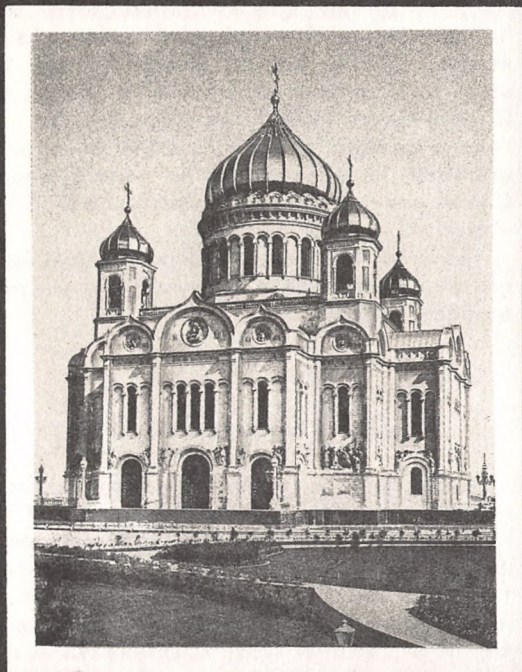
— Сталин был возмущен нашим бессилием и приказал взорвать собор».

Храм Христа Спасителя взорвали 5 декабря 1931 г. На следующий день газета «Вечерняя Москва» сообщала: «Ровно в 12 часов дня раздался первый взрыв: рухнул один из 4-х пилонов, на которых держался большой купол здания. Через полчаса другим взрывом был обрушен второй пилон, а еще через четверть часа и остальные. Последующими взрывами были обрушены внутренние стены и части наружных. Остатки здания будут снесены через несколько дней».

Из богатейшего убранства храма удалось спасти очень немногое. Вот протокол Комиссии по изъятию музейных ценностей от 17 августа 1931 г.: комиссия отобрала несколько рельефов — они сохранились в музее архитектуры в Донском монастыре, а «из ранее намеченных к сохранению 4-х картин Семирадского, 4-х картин Сурикова и по одной картине художников Маковского, Прянишников, Басина, Верещагина и Сорокина» комиссия решила сохранить лишь по одной картине Семирадского и Сурикова. От многих замечательных работ комиссия решила отказаться: беломраморная инкрустированная алтарь-часовня представила для комиссии «интерес лишь научно-технический», «бронзовый золоченый парапет с подсвечниками и висящими над ним паникадилами художественной музейной ценности не представляет», «в передаче Коломенскому музею резных деревянных входных дверей отказать». Как сообщалось в нашей печати, в отличие от комиссии специалистов, часовню смогла оценить жена президента Соединенных Штатов Америки Элеонора Рузвельт, купившая ее и подарившая Ватикану.

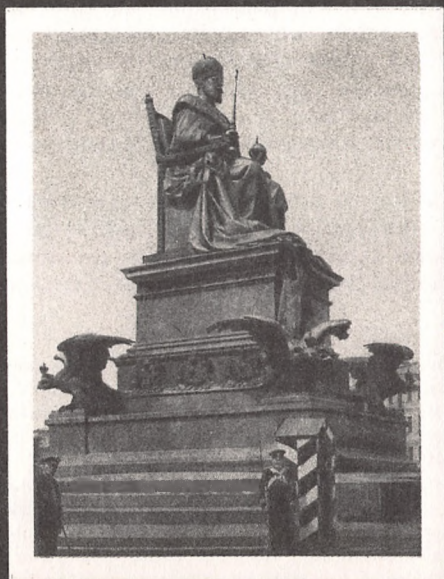
Часть драгоценного отделочного камня храма пошла на облицовку стен гостиницы «Москва», четыре яшмовых колонки поставили в зале заседаний ученого совета Московского университета... Жалкие крохи былого великолепия...

С 1932 г. началась подготовка к возведению Дворца Советов. Для того, чтобы представить, как он должен был выглядеть, приведу несколько данных о нем из прессы того времени: возводилось здание высотой 415 метров со стометровой статуей Ленина на нем (как отмечалось в описании Дворца, эта статуя — 6000 тонн — должна быть «тяжелее и выше» статуи Свободы), указательный палец 6 метров, голова по объему несколько менее Колонного зала Дома Союзов. Гранита на облицовку здания должно было пойти 300 тыс. квадратных метров. Большой зал должен был вмещать 21 тысячу человек, высота его купола — 100 метров, малый зал планировался на 6 тысяч мест. Вместо тесных кварталов Волхонки и соседних улиц хотели насыпать несколько сот тысяч кубометров земли, Музей изобразительных искусств отодвинуть на 100 метров, вокруг устроить огромные площади, залитые асфальтом, со стоянками на 5 тысяч автомоби-

Памятник
Александру III,
начало XX в.
(набережная храма
Христа Спасителя)

Храм Христа Спасителя,
1880-е гг.

Возведение коммунистического монстра началось очень энергично, и сделали уже довольно много, но... помешала война. После войны было не до того, правда, высотные здания все-таки строились в расчете на будущий Дворец Советов... В 1956 г. его решили было строить на Ленинских горах, однако, и этому намерению не суждено было осуществиться, а в выемке на месте взорванного храма Христа Спасителя устроили плавательный бассейн с подогреваемой водой.

Вот так бесславно кончилась амбициозная затея — построить «на тысячи лет» монумент коммунистическому господству во всем мире.

Памятник императору Александру III

Если взглянуть на храм Христа Спасителя со стороны реки, то на фоне его особенно хорошо смотрелся памятник императору Александру III. Оба этих сооружения были конгениальны, и автор памятника императору, воздвигнутого значительно позже самого храма, конечно же, рассчитывал на одновременное восприятие памятника вместе с храмом. Критики, осуждавшие этот памятник за излишнюю, по их мнению, монументальность, видимо, совсем не учитывали намерение автора, старавшегося соединить зрительный образ обоих произведений.

Лицом к Москве-реке на троне, поставленном на массивном красном гранитном пьедестале, восседал самодержец, держа в крепких руках державу и скипетр. Памятник окружали великолепные, экспрессивные фигуры орлов с распростертыми крыльями — работа скульптора А. Л. Обера, около памятника днем и ночью стоял почетный караул из воинов-ветеранов.

Памятник начали возводить через шесть лет после кончины Александра III. Вступив на престол после убийства отца в 1881 г. тридцатилетним, он скончался, не дожив до своего пятидесятилетия нескольких месяцев. Никто не ожидал, что император умрет так скоро.

Александр III любил простую пищу, свежий воздух, охоту, физические упражнения и никогда не жаловался на плохое здоровье. До тех пор, однако, пока однажды он вместе с семьей не попал в железнодорожную катастрофу. Во время своего возвращения из Крыма в Петербург 17 октября 1888 г. у станции Борки, недалеко от Харькова, императорский поезд на всем ходу сошел с рельсов. Вагоны, скрежеща и ломаясь, покатились с насыпи. Гибель всего императорского семейства и самого императора казалась неминуемой, но Александр спас всех тем, что долгое время, до прибытия помощи, на своих руках выдерживал всю тяжесть крыши огромного вагона, у которого подломились стойки. С тех пор он стал страдать от бо-

лезни почек. Лечиться он не любил, и когда уже пришлось обратиться к врачам, то было поздно. Ни молитвы отца Иоанна Кронштадского, ни искусство знаменитого врача Г. А. Захарьина императора не спасли — Александр III умер 20 октября 1894 г.

После его кончины объявили всенародную подписку на памятник ему и к началу сооружения собрали почти два с половиной миллиона рублей. Местом для памятника выбрали набережную Москвы-реки у храма Христа Спасителя. Для составления проекта обратились к одному из известнейших тогда скульпторов — Александру Михайловичу Опекушину, архитектором пригласили А. Н. Померанцева, автора здания Верхних торговых рядов в Москве и зданий Нижегородской выставки.

Окончен памятник был через 12 лет после начала сооружения — его торжественное освящение происходило 30 мая 1912 г. Московский городской голова Н. И. Гучков, обращаясь к присутствовавшему на освящении императору Николаю II, сказал, что Москва принимает этот памятник, «сооруженный русским народом», и можно быть вполне уверенным, что «памятник — это драгоценное достояние — будет храниться в верных надежных руках».

Как надежны были эти руки, выяснилось через шесть лет: памятник императору Александру III был разрушен одним из первых после переезда советского правительства в Москву — это произошло летом 1918 г.

Еще долгое время стоял пьедестал памятника, на котором можно было прочесть: «Здесь будет воздвигнут памятник «Освобожденный Труд», который заложил Ленин 1 мая 1920 г.»

Весьма симптоматично, что не воздвигли.

Церковь Похвалы Богородицы в Башмакове

Вместе с храмом Христа Спасителя погибла и стоявшая рядом с ним небольшая церковь Похвалы Богородицы. Впервые она упоминалась еще в 1475 г.

Разрушенное в наше время здание церкви было построено в 1705 г. думным дворянином и печатником Домением Башмаковым на его дворе. В церкви был придел св. Николая чудотворца, в котором находилась чудотворная икона, славившаяся по всей Москве. Церковь обладала иконостасом 1705 г., шестиярусным, искусной работы, целиком резным, с иконами работы изографа Кирилла Уланова.

Сломали церковь Похвалы Богородицы в 1932 г.

Церковь Ржевской Божьей Матери у Пречистенских ворот

Москва — столица обширной земли — всегда была средоточием почитаемых святых икон из других русских городов и сел. Некоторые из них переносились в Москву, навсегда оставаясь в ней, иные после недолгого пребывания в столице и часто после снятия копии, отпускались обратно.

Одной из чтимых икон была икона Ржевской Божьей Матери — чудотворная икона, явившаяся в 1539 г. в деревне Клочки близ города Ржева и в следующем году перенесенная в Москву. Икону, после снятия списка, отпустили обратно, а список поместили в церковь, стоящую в Чертолье, местности на краю города, где в 1585—1593 гг. соорудили каменную крепостную стену Белого города. В 1686 г. в Чертолье разразился большой пожар — церковь сгорела и тогда «данных денег для пожарного разорения имать не велено». В это время она перестраивалась околичным Петром Тимофеевичем Кондыриным заново и в 1689 г. уже значилась каменной. Потом к ней пристраивали приделы Алексея, человека Божия, и св. Николая чудотворца.

В конце XIX в. церковь пришла в ветхость, и архитектор А. А. Никифоров в 1896—1898 гг. строит вновь трапезную и по старому образцу возводит шатровую колокольню.

Интерьер церкви Ржевской Божьей Матери славился своим необычным белокаменным иконостасом со стеклянной мозаикой, устроенным академиком живописи В. Д. Фартусовым.

Церковь сломали в 1929 г. и на ее месте выстроили жилой дом.

Церковь святого Николая чудотворца Стрелецкого

Старинная московская улица Знаменка (название которой было недавно восстановлено после переименования ее в 1925 г. в улицу Фрунзе) тоже немало претерпела в советское время: на ней когда-то стояли три незаурядных памятника московского зодчества — церкви Знамения (от нее улица и получила свое имя), Николы Стрелецкого и св. Тихона, уже на Арбатской площади. Рядом с последней на улице находилось несколько интересных жилых домов, а в Крестовоздвиженском переулке была целая коллекция выдающихся архитектурных памятников XVII и XVIII вв.

Разрушение улиц начали с церкви св. Николая чудотворца Стрелецкого. Поводом послужило строительство метро, и, конечно, надо было снести все, что, якобы, мешало ему.

Церковь
Похвалы Богородицы
в Башмакове, 1880-е гг.
(набережная храма
Христа Спасителя)

Церковь Ржевской
Божьей Матери, 1880-е гг.
(Пречистенский бульвар, 8)

Живописная горка главок церкви, тесно посаженных на стройном четверике, увенчанном кокошниками, завершала перспективу Моховой улицы от Воздвиженки и замечательно смотрелась в контрасте с великолепным домом Пашкова на крутом Ваганьковском холме.

Выстроена была церковь в самый расцвет московского церковного возрождения после трудных лет невзгод и разорений Смутного времени. Тут, у стратегически важного перекрестка торговых путей, у перевоза через Москву-реку, рядом с Боровицкими воротами Кремля и устьем реки Неглинной размещалась одна из стрелецких слобод, в которой и выстроили эту церковь — св. Николая чудотворца, называвшегося «Стрелецким». Были и другие наименования: «что в Стрелецкой слободе», «против Боровицкого мосту у богоделен» или «у знаменской решетки» (в начале улицы стояла решетка, застава, запиравшаяся на ночь от лихих людей).

По документам церковь известна с начала XVII в. но, очевидно, была построена раньше. Каменное ее здание выстроили в 1682 г. по прошению отборного стрелянного стрелецкого полка и освятили в том же году 19 октября. К основному четверику в 1807—1810 гг. пристроили классическую трапезную и колокольню, и до самого разрушения церкви можно было любоваться деталями и классического стиля и московского барокко — сложным карнизом с изысканными декоративными деталями, очень красивой формы троечастными наличниками-корунами четверика церкви и изящными колонками колокольни.

Летом 1932 г. церковь св. Николая чудотворца Стрелецко-го была снесена.

Церковь Знамения на Знаменке

Тогда же, в 1931 году, порушили еще одну церковь на Знаменке — ту, от которой улица получила свое название — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.

Первое известное нам упоминание о церкви находилось на одном из ее колоколов, который был отлит для нее «подаянием приходских людей» в 1600 г., но надо думать, она существовала еще раньше.

Улица Знаменка, одна из древнейших в Москве, была частью торгового пути из Новгородской земли в приокские города еще в XIII в. и, возможно, что строительство церкви на этом пути было связано с поселением здесь новгородских купцов — сам праздник Знамения имел новгородское происхождение.

Церковь Знамения
на Знаменке, 1880-е гг.
(ул. Знаменка, 19)

Церковь святого Николая
чудотворца «Стрелецкого»,
1880-е гг. (ул. Знаменка, 1)

Когда в 1170 г. сын Андрея Боголюбского Мстислав осадил Новгород с большим войском суздальцев и дружин союзных князей, город спасла икона Богоматери, которую архиепископ вынес на крепостную стену. Стрела суздальца ударила в икону, та обратилась к городу и начала источать слезы и в тот же момент гнев небесный поразил наступавших. Новгородцы одержали решительную победу и с тех пор установили праздник Знамения Пресвятой Богородицы.

В одном из известий о «воре-расстриге», Дмитрие Самозванце, появившемся в Польше в самом начале XVII в., упоминается Знаменская церковь. В протоколах допросов сторонников самозванца было записано: «Сказывал де им с пытки князь Дмитрий Мосальской Горбатой, а был он на Костроме от вора воевода: который де вор называется Царем Дмитрием и тот де вор с Москвы,.. от Знаменья Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка...»

Каменное здание церкви упоминается в 1657 г., колокольня датировалась 1667 г. (она перестраивалась в середине XVIII века).

Неисследованное и незафиксированное здание церкви было в 1931 г. снесено и в настоящее время на его месте просто ничего — пустая заасфальтированная площадка, на которой удобно располагаются автомобили находящегося рядом министерства обороны.

Арбатская площадь

Еще до принятия документа, направленного на тотальное разрушение Москвы — так называемого генерального плана 1935 г. — Арбатская площадь подверглась перестройке: уютная, зеленая, красивая, она начала уничтожаться.

Искажение ее облика началось со сноса церкви Бориса и Глеба, находившейся у выхода на площадь древней московской улицы Воздвиженки.

Первые русские святые — Борис и Глеб, сыновья великого князя киевского Владимира — были предательски и безжалостно убиты своим братом Святополком, рвавшимся к власти, недаром прозванным в народе окаян-ным. Когда их отец скончался, Святополк захватил власть и сел на киевский престол, рассчитывая задобрить киевлян щедрыми подарками. Дружина, однако, не смирилась с насильственным захватом власти Святополком, и дружинники стали уговаривать Бориса силой свергнуть брата. Борис с негодованием отверг предложение дружины, и на следующую ночь наемные убийцы, подсланные Святополком, убили Бориса и его слугу, пытавшегося закрыть своим телом господина. Другой брат, Глеб, успел убежать из Киева, но смерть вскоре настигла его — по наущению Святополка Глеб был убит его слугой. Оба брата пали мученической смертью в результате борьбы, в которой Святополк, ослепленный жадностью власти, отринул все основы нравственности.

Первое известие о Борисоглебской церкви содержится в Софийском временнике в сообщении о пожаре, случившемся 28 июля 1493 г.: «...и выгоре посад за Неглимною от Духа Святого, по Черторью и по Борис Глеб на Арбате». Арбатом в то время называлась нынешняя Воздвиженка. У конца этой улицы, в Занеглименье, великий князь Василий Иванович в 1527 г. выстроил вместо старой деревянной церкви каменную. Она стояла на ратном пути, по которому московское войско проходило к западным границам, откуда русскому государству часто грозила опасность.

Более чем через 200 лет церковь снова начали перестраивать. Приходский священник 18 ноября 1762 г. подал прошение о перестройке, в котором сообщал, что старая церковь «от многих лет построенная, пришла в крайнее обветшание и починить ее стало неудобно».

Возможность выстроить новую церковь появилась лишь после того, как причт заручился поддержкой такого влиятельного вельможи как граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, который согласился дать средства на новую церковь. Только что восстановленный во всех своих чинах и званиях новой императрицей Екатериной II, да еще и получивший звание генерал-фельдмаршала, граф был полон надежд и стремился снова играть важную роль при дворе. Однако, надежды его не оправдались, престарелый царедворец не вписывался в компанию молодых и энергичных Орловых, утвердившихся у кормила власти.

Проект новой церкви граф заказал сделать одному из лучших тогдашних архитекторов — Карлу Бланку. По этому проекту и была выстроена новая, большая, красивая церковь в 1764—1768 г. Осветили ее 6 декабря 1768 г.

Храм святых Бориса и Глеба был весьма известен в Москве. В нем хранилась древняя храмовая икона — большая, с житиями, чтимая верующими — перед ней часто совершались молебны. В церкви также находилась и икона преподобного Нила Столбенского с частицей его мощей, а также икона святого Иоанна Милостивого из соседней церкви, находившейся на углу двух Кисловских переулков — Последнего и Среднего. Замечательно было и старинное резное изображение сцены на Голгофе — Спасителя, распятого на кресте с предстоящими ему Богородицей и Иоанном Крестителем и двух, также распятых на крестах, разбойников.

Здание церкви Бориса и Глеба, ее стройные шатер и колокольня были самыми заметными на площади и организовывали ее пространство наилучшим способом.

Снесли ее в 1931 г.

Такая же участь постигла церковь св. Тихона, находившаяся несколько южнее наземного вестибюля старой, первой станции метро «Арбатская».

Это было довольно необычное сооружение. Собственно церковь состояла из двух половин-четвериков, каждая из которых завершалась куполом с небольшой главкой. Половинки эти были выстроены в разное время: северная, самая древняя, с приделами святых Тихона и Никиты, относилась к 1690 г., а южная, с престолом Воскресения Словущего, — к 1756 г.

Церковь была украшена тонким, изящным барельефом работы замечательного московского скульптора Г. Т. Замараева, работавшего также над украшением Останкина и многих других общественных и частных зданий города. Ему, в частности, принадлежат львиные маски над оконными проемами старого здания Университета, настолько полюбившиеся москвичам, что они были повторены во многих сотнях копий по всему городу.

Есть сведения, что барельеф, находившийся на южном фасаде Тихоновской церкви, был снят с дома С. С. Апраксина на Знаменке (теперь перестроенный дом № 19).

По документам — ладанным книгам Патриаршего приказа — церковь впервые упоминается в 1620 г., однако, можно думать, что она существовала и раньше. В пожар 1629 г. «церковь Тихона Чудотворца древяна сгорела» и, вероятно, вскоре после этого была построена заново. Есть известие, что каменное здание церкви освящал 16 июня 1690 г. патриарх Адриан в присутствии царевны Софьи.

Граф Гавриил Иванович Головкин, живший неподалеку богатый вельможа, устроил над трапезной старой церкви свой домовый храм, а в 1756 г. вместо нее пристроил к южной стене старого храма новую церковь во имя Воскресения Словущего.

С постройкой второй очереди метро, когда на Арбатской площади началась значительная реконструкция и возведение еще одного наземного вестибюля «Арбатской», строителям, с благословения власти имущих, было совершенно необходимо разрушить древнюю и уникальную церковь св. Тихона, что они и успешно выполнили в 1933 г.

С площади убрали скульптурный шедевр — памятник Гоголю работы Н. А. Андреева. По мнению идеологов новой культуры эта статуя искажала образ великого писателя. В 1936 г. был объявлен конкурс на новый памятник, который должен был «отражать подлинный облик». Этот «облик» оказался запечатленным в статуе Н. Томского, установленной в 1952 г. Здесь уже не тот Гоголь, страдающий болями и бедами родной страны, а этаким чиновник, подтверждающий всем своим видом известное утверждение: «жить стало лучше, жить стало веселее». И уже верхом бестактности является надпись на постаменте «От Советского правительства»!

Арбатская площадь, начало XX в.

Церковь святого Тихона чудотворца,
1880-е гг. (Арбатская пл.)

Гоголю от правительства!

В 60-х гг. снесли дома там, где сейчас проходит начало Новоарбатского проспекта, уничтожили дома в начале улицы Арбат, оставив там зияющую дыру, в 70-х снесли старинные дома на восточной стороне площади, выстроив уродливое здание советского «Пентагона» и, наконец, окончательно изуродовали площадь, прокопав под ней автомобильный туннель.

Церковь Воздвижения Креста на Воздвиженке

Часто горела Москва, но такого ужасного пожара, как в 1547 г., люди не помнили. В полдень 21 июня поднялась буря и начался пожар. «И бысть буря велика, и потече огонь, яко же молния и пожар силен и промче во един час за Неглинною огнь», записал летописец. Горело все, что могло гореть: «и палаты, украшенные златом, и казенный двор с царьскою казною, и церковь на царском дворе у царские казны Благовещение златоверхое, деисус Андреева писма Рублева златом обложен и образы украшены златом и бисером многоценным греческого писма прародителей его от много лет собранных». Горели и дворцы, и избы, и церкви. Долго еще перечислял летописец потери москвичей и в заключение написал: «Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от бога послася за умножение наших согрешений».

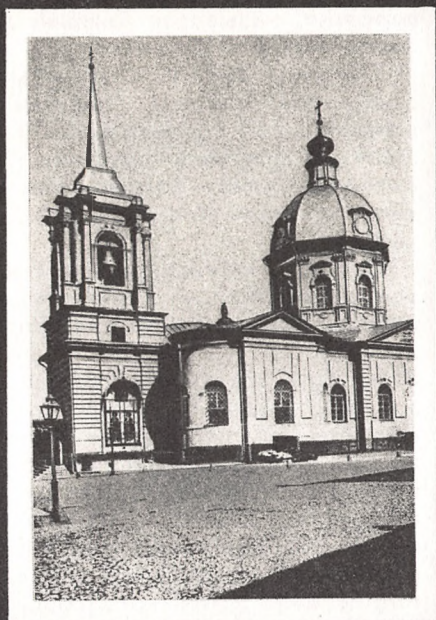
Царь Иван Васильевич с молодой царицей Анастасией Романовной спасся в это время в селе Воробьево, откуда, с высокого берега над Москвой-рекой, он смотрел, как гибнет его столица, пожираемая ненасытным огнем.

Пожар начался от церкви Воздвижения, стоявшей на улице, получившей от нее свое название — Воздвиженка (с 1930 г. улица Коминтерна, с 1963 г. часть Новоарбатского проспекта). К этой церкви 20 июня, за день до пожара, пришел юродивый, почитаемый всей Москвой — Василий Блаженный. Стал перед церковью юродивый и «плакашеса неутешно». Дивились прохожие, не зная чему приписать горе юродивого, а на следующий день начался страшный пожар.

В то время здание церкви было деревянным. После пожара его построили из кирпича, «плинфяна», как говорили тогда. К 1701 г. оно уже обветшало, и тогда заложили новое двухэтажное здание. В 1711 г. была закончена нижняя церковь с престолом во имя Успения Пресвятой Богородицы, а верхнюю Крестовоздвиженскую, построили только в 1725 г. — такой большой срок понадобился потому, что Петр запретил с 1714 г. все каменное строительство в России, за исключением Петербурга. Осветили же церковь еще через три года — в 1728 г.

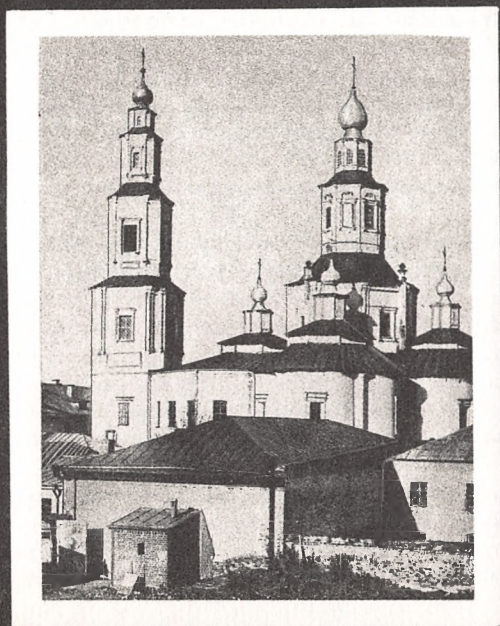
Церковь стояла в монастыре, который так и назывался Крестовоздвиженским, но с прибавлением «что на Острове». Так,

Церковь Воздвижения Креста,
1880-е гг. (ул. Воздвиженка, 7)

Церковь святых
Бориса и Глеба, 1880-е гг.
(ул. Воздвиженка, 15)

вероятно, назывался бывший здесь когда-то небольшой лес среди полей.

По описи 1787 г. в монастыре были каменные настоятельские покои, братские, тоже каменные, кельи, и все было окружено оградой с двумя воротами — одни выходили на Воздвиженку, а другие в переулок. Над святыми воротами, далеко выходя на улицу, возвышалась колокольня с церковью св. Никиты, епископа Новгородского, а около ворот стояла каменная часовня.

В 1812 г. монастырь почти не пострадал, только был ограблен и испоганен — в нижней церкви стояли лошади, а в алтаре расставили кровати для солдат. В 1814 г. монастырь упразднили и Крестовоздвиженскую церковь обратили в приходскую. Для нее вместо обветшавшей колокольни, которую разобрали, в 1848 г. начали строить новую. Материал от старой колокольни использовали при строительстве домов для духовенства — они сохранились по Воздвиженке. Сначала предполагалось построить колокольню точно на месте бывшей, но так как она далеко выступала за линию застройки по Воздвиженке, то решили этого не делать, а выстроить ее несколько в глубине церковного участка. Но тут против выступил протопресвитер Успенского собора, заявивший, что новая колокольня закроет вид на «единственный по своему фасаду храм», и предложил построить ее с западной стороны, что и было сделано в 1849 г. по проекту архитектора П. П. Буренина.

Далеко видна была эта стройная, изящная колокольня, составлявшая с церковью неразрывное целое. Главный храм был необычен для Москвы: вокруг центральной башни высотой более 40 метров, составленной из трех последовательно уменьшающихся восьмигранников, были сгруппированы четыре цилиндрических объема, увенчанных небольшими главками. В облике всей постройки явно просматривались черты украинского зодчества.

В этом храме были похоронены такие значительные русские государственные деятели, как Михаил Илларионович Воронцов, принявший самое непосредственное участие в возведении на престол Елизаветы Петровны, бывший вице-канцлером, а потом и канцлером Российской империи, руководителем ее внешней политики, много сделавший для Ломоносова. Место его захоронения отмечала замечательная мраморная доска. В церкви находилась могила Василия Яковлевича Левашова, генерал-аншефа, участника многих петровских войн, в 1744—1751 гг. московского генерал-губернатора. В монастыре были также могилы князя В. Г. Ромодановского, боярина И. Ф. Стрешнева, жены известного просветителя Ф. М. Ртищева Ксении, генерал-майора Ф. М. Каменского и многих других.

Крестовоздвиженская церковь памятна нам тем, что в ней 6 июня 1856 г. происходило бракосочетание писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина с Е. А. Болтиной.

Дожил этот незаурядный храм до 1934 г., когда его снесли полностью. Сейчас на его месте какие-то неказистые сараи в глубине неухоженного двора, которые тогда использовались строителями метро, да так и остались — некуда было складывать материалы...

Архив МИД

Воздвиженку открывал чудесный, как будто из сказки, терем — с фигурными наличниками, крутой крышей, острыми башенками, и шатровой колокольной церкви, соединенной переходом с главным зданием. Все это сказочное разнообразие было окружено ажурной каменной оградой со стройными башенками.

Это было здание главного архива Министерства иностранных дел России, «дедушки русских архивов».

Оно было специально построено для хранения ценнейших и уникальных документов. Архив вел свою родословную от собраний документов — духовных, жалованных, договорных грамот и других государственных актов — при дворе великого князя Ивана Даниловича Калиты и его преемников. Так с давних времен начал складываться Царский архив. Позднее в него стали вливаться документы присоединяемых территорий — Галицкого, Серпуховского, Тверского княжеств, Новгородской республики.

Архив хранился в Кремле, в палатах Казенного двора, находившихся между Архангельским и Благовещенским соборами. Возможно, именно там находилась и знаменитая библиотека Ивана Грозного. В дальнейшем архив перешел в Посольский приказ и к его преемнику — Коллегии, а потом Министерству иностранных дел.

На протяжении многих лет архивом заведывали известные ученые, много сделавшие для публикации документов — Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, С. А. Белокуров.

В архиве хранились документы о важнейших событиях истории России: следственное дело об убийстве царевича Дмитрия, документы об избрании Михаила Романова на царство, письма Петра Великого... Даже краткое перечисление богатств архива заняло бы очень много места.

В продолжение почти ста лет — с 1770 по 1874 год — архив находился в старинных палатах думного дьяка Емельяна Украинцева в Хохловском переулке. Именно там служили «архивные юноши», среди которых были братья Тургеневы и Булгаковы, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов, А. К. Толстой. Один из них, А. И. Кошелев, вспоминал, что «архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи и звание «архивного юноши» сделалось весьма почетным».

В 1874 г. архив переехал в новое здание на угол Моховой и Воздвиженки.

Этот обширный участок в XVII в. принадлежал боярину Василию Ивановичу Стрешневу, родственнику Евдокии Лукьяновны Стрешневой, жены царя Михаила Федоровича. Сохранились планы его усадьбы, на которых показаны каменные палаты, стоявшие в глубине двора, и Ирнинская церковь рядом. После кончины бездетного боярина двор в 1661 г. перешел в казну, а в 1674 г. пожалован Кириллу Полуэктовичу Нарышкину, деду царя Петра I. После него двором владела его вдова Анна Леонтьевна, потом сын Лев и внуки Александр и Иван. На протяжении всего XVIII в. Нарышкины были владельцами старинных палат.

После 1812 г. в доме находилось Горное правление, а в 1868 г. участок был передан Московскому главному архиву МИД, и здесь на древних подвалах стало возводиться новое архивное хранилище по проекту академика архитектуры Якова Реймерса, помощника К. А. Тона в художественной отделке храма Христа Спасителя.

Освящение построенного дома происходило 22 июля 1874 г. и с тех пор архивный дом стал одной из московских достопримечательностей: «здание по внешности, башенками, своим обширным двором, своим превосходным входом, — словом, всею своею отделкою бросается в глаза каждому, и немудрено, что приезжий — русский ли, или иностранец, осматривающий достопримечательности Москвы — непременно посетит эти палаты».

Рядом с домом архива стала сооружаться точно такая же церковь, какая когда-то стояла здесь у Нарышкиных. Она была освящена значительно позже, чем сам архив — 29 мая 1882 г.

Так и стояло это сказочное здание в центре города, пока его не сломали и на его месте не начали строить корпуса библиотеки им. В. И. Ленина.

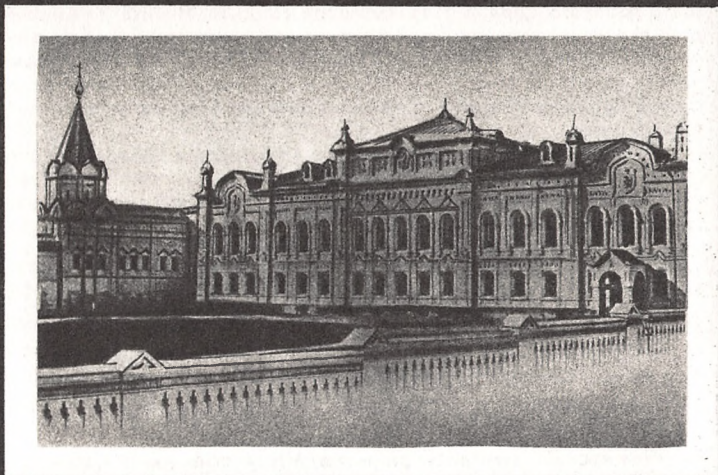
Никитский монастырь

Этот монастырь дал название всей улице, которая до переименования в улицу Герцена в 1920 г., называлась Большой Никитской.

Никитский монастырь был основан по преданию в середине XVI в., и существовавшая еще раньше церковь святого великомученика Никиты стала его главной церковью. Основал монастырь не кто иной, как боярин Никита Романович Юрьев, отец будущего патриарха Филарета и дед первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича.

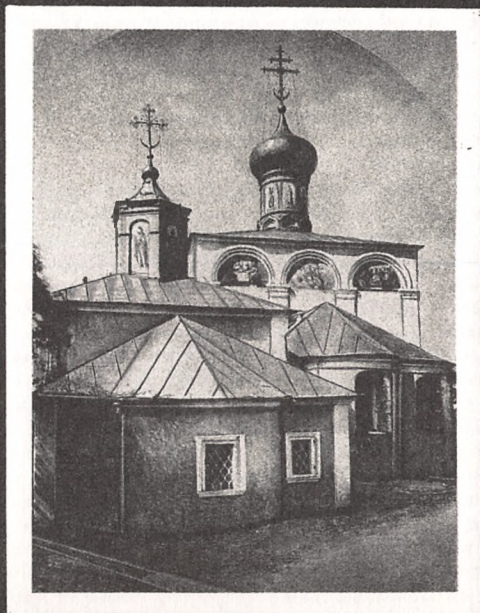
Семья Романовых приобрела особенное влияние, когда сестра боярина Никиты Анастасия стала женой великого князя Ивана IV Васильевича, буду-

Здание архива Министерства иностранных дел, начало XX в.
(ул. Моховая, 22)

Никитский монастырь, 1880-е гг.
(Б. Никитская ул., 7)

щего грозного царя. Сразу же после свадьбы Никита Романович стал рындой, а потом окольничьим и боярином. Сохранилось известие о том, что на свадьбе Ивана Васильевича 3 февраля 1547 г. ему была оказана великая честь: он мылся с великим князем в мыльне и спал у его постели. Но родство с царем и близость к нему не спасали боярина от немилости непостоянного царя...

Совсем недалеко от Никитского монастыря в Шереметевском переулке (ныне ул. Грановского) боярин Никита Романович имел большой двор с каменными палатами. Этот двор еще в 1638 г. принадлежал его внуку Никите Ивановичу Романову.

Перед революцией 1917 г. в Никитском монастыре было три церкви: главная — св. Никиты, выстроенная в 1534 г.; недалеко от нее, южнее — церковь св. Дмитрия Солунского постройки 1625 г., а за воротами монастыря, в колокольне — церковь Воскресения Словущего, которая была выстроена взамен старой и ветхой в 1868 г. по проекту архитектора М. Д. Быковского.

Никитский монастырь находился совсем рядом с университетом, и студенты его часто заходили сюда. Один из университетских питомцев — будущий писатель Иван Гончаров вспоминал, как он видел в соборе Никитского монастыря Александра Сергеевича Пушкина, кумира молодежи. Гончаров, по его словам, был «жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича».

Очевидно, Гончаров видел Пушкина осенью 1832 г., в тот самый приезд его в древнюю столицу, когда он посетил Московский университет, присутствовал там на лекции профессора И. И. Давыдова и участвовал в споре с историком М. Т. Каченовским о «Слове о полку Игореве».

После смерти Пушкина студенты университета почтили его память заупокойной службой именно в ближайшем к университету Никитском монастыре, а не в университетской церкви св. Татьяны, где начальство могло бы пресечь нежелательные демонстрации.

Приведем обширную цитату из мало известных воспоминаний очевидца и участника этих событий, показывающую, в частности, что полицейские методы мало изменились с того времени.

«В начале февраля 1837 г. в Москве было получено известие о смерти Пушкина. Это известие взволновало студенческий мирок. На Никитской улице, в доме князя Вадбольского [теперь это дом № 10 по улице Герцена — Авт.], в квартире г-жи Линденбаум, которая содержала меблированные комнаты, отдаваемые внаймы, большей частью, студентам, была назначена сходка. Вечером студенты собрались и поставили на обсуждение вопрос: что делать? Дебаты произошли жаркие. Имена Данзаса, д'Аршиака, Дантеса, Геккерена не сходили с уст, крики благородного негодования, проклятия и угрозы раздавались то и дело. Некто Баранов, богатый помещик, степняк, натура горячая и необузданная, вызывался ехать в Петербург и драться с Дантесом, а если бы он отказался, отстегать его хлыстом. Его предложение не приняли. Другие тоже не прошли. Остановились на том, чтобы отслужить по Пушкине панихиду... День назначили праздничный — следующее воскресенье; место — Никитский монастырь. Пригласили певчих, заказали полное освещение церкви. Хлопотали было поставить печальный катафалк, но игуменья не разрешила... Началась обедня, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обедню, другие прохаживались по монастырскому двору. Но полиция про-

ведала, явился квартальный со своими будочниками, за ним прибыл частный пристав, позднее пожаловал и сам полицеймейстер. Развязно вошел он в храм, еще развязнее подошел к игуменье и довольно долго беседовал с ней келейно: ясно было, что что-то тут затевается.

Но вот обедня кончилась, полицеймейстер незаметно уехал. Народ стал выходить из церкви. Потушили свечи. Потянулись монахини, в церкви стало пустеть, а панихида не начиналась. Два, три студента пошли в алтарь за объяснениями к священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Он ответил, что панихиды не будет. Спрашивают: "почему?" "А потому, говорит, что по живом человеке панихиды не служат". "Как по живом!" — изумляются студенты. "Да так, отвечает, — Пушкин жив... не верите, спросите мать-игуменью". Обращаются к игуменье, та отозвалась, что по сведениям, сообщенным ей сейчас полицеймейстером, Пушкин, хотя и болен, но еще жив. Бросаются к приставу, пристав утверждает, что подобное известие только что получено из Петербурга. Студенты, обрадованные такой вестью, расходятся по домам. Спустя час или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентам не позволили...»

Небольшой третьеклассный Никитский монастырь был своеобразным тихим оазисом в самом центре шумного города. На улицу выходили лишь здания келий и монастырская ограда, которые, по всему вероятию, были построены замечательным русским архитектором Д. В. Ухтомским. Об этой ограде, протянувшейся по Большому Кисловскому переулку, вспомнил Л. Н. Толстой, описывая прогулку Константина Левина: «...слепая стена монастыря, мимо которой, свистя, что-то нес мальчик, и извозчик ехал ему навстречу в санях, почему-то осталась ему в памяти».

Как и водилось раньше, монастырь был центром милосердия и образования — монахини Никитского монастыря устроили там больницу и богадельню; при монастыре работала женская Никито-Романовская школа.

Все исчезло с приходом большевиков. Монастырь закрыли, монахинь разогнали, уничтожили и больницу, и школу, и богадельню.

Место Никитского монастыря выбрали для строительства энергоподстанции метрополитена. В 1935 г. сломали все — и древний монастырь и новую колокольню.

В начале строительства, при рытье котлованов для фундаментов, нашли множество скелетов погребенных на монастырском кладбище. Все выкинули и уничтожили.

Кто ответит за осквернение могил?

Церковь Никола чудотворца в Хлынове

По Большой Никитской, с правой стороны, между домами № 22 и № 24 есть небольшой тупик, называющийся Хлыновским. Известно, что город Вятка до 1781 г. был известен под

названием Хлынов — он упоминался впервые под этим именем в летописном известии 1472 г., но он существовал еще раньше как поселение новгородцев.

Почему же в центре Москвы оказался тупик, названный именем этого северного города?

Распространенное объяснение этому заключается в том, что здесь находилась Никольская церковь, что в Хлынове, которая в свою очередь называлась так потому, что в ней некоторое время (с 1552 по 1556 г.) находился почитаемый образ Николы Великорецкого из города Хлынова.

Это объяснение, однако, не выдерживает критики, ибо задолго до этого события название «Хлыново» встречается в московских юридических документах. Так, в отводной на земли начала XV в. и во Владимирском летописце под 1514 г. было записано: «князь великий Василий другую церковь камену заложил Благовещение святой богородицы за Неглиною на Старом Хлынове». Освящена она была через два года — 31 июля 1516 г. Можно предположить, что здесь еще издревле была сельская приходская церковь.

Есть известие о том, что в XVI в. тут находился Введенский девичий монастырь, выгоревший в Смутное время и упраздненный в 1629 г.

Каменная церковь с главным престолом Введения во храм Пресвятой Богородицы и двумя приделами — Знаменским и Никольским на месте нынешнего школьного здания в Хлыновском тупике была выстроена в 1773—1775 гг.

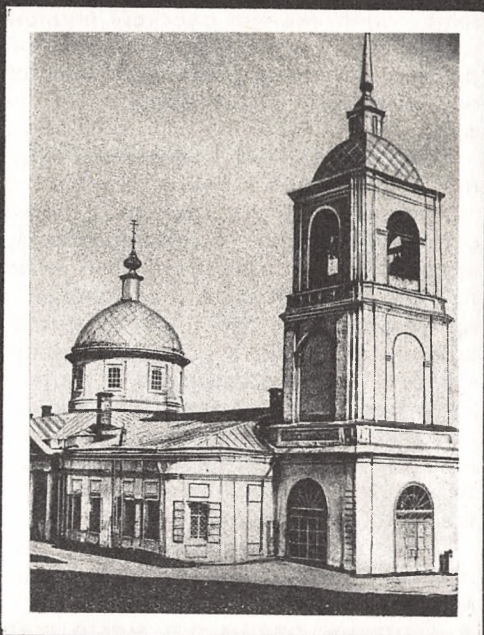
Так мирно жила эта церковь с долгой историей в тихом московском тупике, пока ее в 1929 г. не закрыли, а в 1936 г. сломали.

Охотный ряд

Историк Москвы П. В. Сытин так писал об Охотном ряде советского периода: «В центре Москвы, между улицей Горького и площадью Свердлова, высятся два новых многоэтажных здания: гостиница «Москва» и Дом Совета Министров СССР. Широкий проезд между ними, достигающий 60 м, залит асфальтом и по обеим сторонам обсажен деревьями. Это — часть запроектированной большой магистрали, которая пройдет от площади Дзержинского до Ленинских гор. И только название ее — Охотный ряд — напоминает о далекой старине».

Но до недавнего времени даже название не напоминало нам о «далекой старине» — имя Охотный ряд было стерто с карты города во времена Хрущева, одного из тех «Иванов, не помнящих родства», которые так успешно подвизались на

Церковь святой Параскевы
Пятницы в Охотном ряду,
1880-е гг.

Церковь святого Николая
чудотворца в Хлынове,
1880-е гг. (Хлыновский
тупик, 3)

ниве уничтожения русской национальной культуры. В прошлом году после долгих требований общественности новоизбранные депутаты Моссовета наконец-то утвердили возвращение исконных имен московских — среди них был Охотный ряд.

Одно из самых колоритных мест старой Москвы — Охотный ряд. Сколько о нем написано слов и восторженных и уничижительных, о его трактирах, прославившихся на всю Россию, о его обитателях, охотнорядских мясниках, тоже получивших всероссийскую известность, но несколько иного рода. Это было «чрево Москвы», кормившее ее самой разнообразно провизией. Это было «государство в государстве», — писал современник. — Здесь свои нравы, свои обычаи, здесь ядро старого московского духа. В Охотном ряду всегда можно было купить такие гастрономические редкости, которые по карману только очень богатым людям. Тут можно было найти зимой клубнику и свежую зелень. Все лучшие московские трактиры, где вас удивляют осетриной, телятиной и ветчиной, снабжаются Охотным рядом».

Само слово вполне понятно — торговый ряд, в котором продают дичь, добытую охотниками. Там же торговали домашней птицей.

Охотным рядом это место стало называться тогда, когда сюда после пожара 1737 г. перевели часть лавок с территории, на которой позднее образовалась Манежная площадь. Ранее на месте Охотного ряда тоже находились торговые ряды, называвшиеся Солодовенным, Житным и Мучным. После того пожара вместо сгоревших 140 лавок Мучного ряда казна построила здания Монетного двора. В одном из них содержался плененный Емельян Пугачев, находившийся под следствием. После перевода Монетного двора в Петербург его помещения заняла Берг-коллегия.

В 1798 г. Павел I передал весь участок бывшей Берг-коллегии обер-полицейстеру Москвы П. Н. Каверину с тем, чтобы он выстроил на нем лавки для торговцев Охотного ряда, переводимых с Манежной площади. Новый владелец выстроил не только ряды деревянных лавок, но построил также несколько каменных зданий. В 1815 г. Каверин продал участок купцу Д. А. Лухманову, который построил по периметру его торговые каменные ряды. В дальнейшем большой участок Охотного ряда застраивался мелкими лавками, амбарами, складами, а в 1892 г. по проекту архитектора С. С. Эйбушитца в Охотном ряду строятся двухэтажные торговые здания, во дворе которых находились рыбные и мясные лавки.

Восточная граница участка, выходившая на Театральную площадь, была занята строениями, фасады которых составляли единый ансамбль площади. Форма ее была предписана императором Александром I, а проекты зданий разработаны

Осипом Бове. На самом углу площади с проездом Охотного ряда в 1819—1821 гг. построили здание для Сенатской типографии, которое в 1880-х гг. было перестроено для гостиницы «Континенталь» (там в советское время помещался кинотеатр «Востоккино»). Другой угол этого участка — южный, с Воскресенской площадью — занимало здание, принадлежавшее купцам Патрикеевым и выстроенное для них по проекту архитектора Н. И. Козловского. В нем находился знаменитый на всю Россию «Большой патрикеевский трактир» Ивана Тестова, «первоклассный трактир, где москвичи не раз угощали обедами высочайших иностранных особ». На подмосковной ферме специально для его трактира выкармливались в торогом и содержались в особой чистоте знаменитые поросята. «Поросенок у Тестова — это одна из достопримечательностей Москвы», — писал один из современников. Славилась и многие другие его русские блюда, и особенно раскрытые пирожки — расстегаи. Когда Ф. М. Достоевсий приезжал в Москву, он обязательно посещал трактир Тестова. Его жена вспоминала, как они после прогулок по Москве, «уставшие и проголодавшиеся обычно ехали завтракать к Тестову. Муж любил русскую кухню и нарочно заказывал для меня, петербургской жительницы, местные блюда, вроде московский селянки, расстегаев, подовых пирожков...»

Южная часть квартала Охотного ряда, выходящая на Воскресенскую площадь, была занята длинным двухэтажным зданием, построенным после пожара 1812 г., в котором находился еще один известный в Москве трактир — Гуринский. Его облюбовали купцы и считалось, что «для иногороднего коммерсанта побывать в Москве и не зайти к Гурину было все равно, что побывать в Риме и не видеть папы».

На месте Гуринского трактира в 1879 г. архитектор Н. В. Васильев построил «Большую московскую гостиницу», в советское время называвшуюся «Гранд-отель». В гостинице, приезжая в Москву, любил останавливаться Антон Павлович Чехов, а в ее ресторан любил заходить Петр Ильич Чайковский.

И еще один знаменитый трактир находился в Охотном ряду, но с его северной части, выходя к фасаду Благородного собрания. Это был трактир раскольника Егора Константиновича Егорова. «По всему трактиру виднелись большие иконы старого письма, с постоянно теплящимися лампадами, — читаем в записках современника. — Здесь подавался великолепный чай, начиная от хорошего черного и кончая высшего сорта лянсином. Кормили здесь великолепно, но особенно славился этот трактир «воронинскими» блинами. Был какой-то блинник Воронин, который и изобрел эти превосходные блины». Популярность этого трактира была очень велика, и всякий провинциал, прибывший в Москву, спешил к Егорову «блинков поесть». Писатель Иван Шмелев вспоминал, как перед поездкой

всей семьей на Воробьевы горы посылали «к Егорову взять по записке, чего для гулянья полагается: сырку, колбасы с языком, балычку, икорки, свежих огурчиков, мармеладцу, лимончиков...»

Все эти колоритные старомосковские места долго при советской власти не прожили. Как было московским властителям примириться с такими вольностями — частными трактирами, да с «воронинскими» блинами? Им требовалось в центре их столицы что-то помпезное. Решили они на месте Охотного ряда выстроить гостиницу. И если уж гостиницу, так огромную, с таким же и рестораном. В 1935 г. выстроили гостиницу, а первоначально, как водится, снесли все старинные здания, все лавки и трактиры. Сначала архитекторы было спроектировали нечто конструктивистское, но времена менялись и диктатуре потребовалось здание, отвечающее ее имперским запросам. К двум авторам, Л. И. Савельеву и О. А. Стапану, подключили еще одного — А. В. Щусева, и он, переделав первоначальный проект, соорудил большое здание, известное теперь как гостиница «Москва».

Если посмотреть на фасад здания с Манежной площади, то можно увидеть, что оно состоит как бы из двух половин, существенным образом отличающихся друг от друга. С этим обстоятельством связан любопытный рассказ, вполне могущий быть достоверным.

Сталину, мнившему себя специалистом во всех областях человеческого знания, в том числе и в архитектуре, представили на утверждение два различных проекта фасада новой гостиницы, нарисованных на одном листе, сложенном пополам. «Отец народов» размахисто подмахнул проект, и, конечно, уже никто не осмелился что-либо изменить: так и построили одно здание с двумя разными фасадами.

Полностью гостиницу «Москва» до войны выстроить не успели и только в 1970-х гг. доломали здание «Большой московской», а вместе с ней и последний остаток ампириной Театральной площади — угловой дом, в котором когда-то находился трактир Тестова.

Но исчез не только собственно Охотный ряд, но и те здания, которые стояли с севера от него — а там находились подлинные жемчужины русской культуры: рядом друг с другом стояли прекрасные каменные палаты XVII столетия — бояр Голицыных и Троекуровых — и церковь св. Параскевы Пятницы. Как писал И. Э. Грабарь в 1925 г., прослышав о первых попытках что-то построить на их месте, «тут можно было бы сделать уникальный уголок московской старины, необыкновенно украсивший бы город». К сожалению, об этом проекте теперь можно писать лишь в сослагательном наклонении. Из трех памятников каким-то образом уцелел лишь один — троекуровские палаты — и то наверное потому, что они оказались задвинутыми во двор нового здания и совсем не видны с улицы.

На месте мрачного «Дома Совета Министров» стояли прекрасные палаты, изукрашенные излюбленным декором конца XVII в.: изящными наличниками, тонкими колонками, красивыми орнаментальными поясками.

По сведениям «Росписного списка» 1638 г., этим участком владел князь Андрей Голицын, оставивший его в наследство сыновьям. Один из них, Василий Андреевич, выкупив доли братьев, стал в 1642 г. полным хозяином. Его же сын, князь Василий Васильевич Голицын в 1684—1685 гг. стал перестраивать дедовские палаты — для него, всесильного первого министра царевны Софьи, они казались маленькими и старомодными. Новые палаты получились на славу: огромные (по высоте равные современному четырехэтажному дому), состоящие из нескольких разновысоких объемов, живописные, с островерхими крышами, покрытые блестящей медью, богато украшенные многоцветными поливными изразцами, и — неслыханное дело — с настоящими стеклами в окнах, они производили необычайное впечатление. Иностранцы описывали их как восьмое чудо света. Еще более поражало внутреннее убранство голицынского дома: обширные залы с портретами, висящими на стенах, украшенных дорогими тканями, зеркала, тисненая кожа, полированное дерево. Палаты князя были соединены длинным переходом с его домовою Воскресенской церковью.

Домовая церковь составляла второй этаж церковного здания — в первом находилась церковь св. Параскевы Пятницы, которая упоминалась в различных документах в первой четверти XVII в. Возможно, она была еще древнее и стояла на месте старинного торгового места. Церковь во имя этой святой часто ставилась на торговых местах. Постройку церкви В. В. Голицын начал ранней весной 1686 г. и, возможно, она уже в конце этого же года была освящена. Колокольня ее была построена значительно позже — в 1793 г., а в 1877 г. в нижней церкви увеличена алтарная часть.

После падения Софьи князя Голицына сослали и все его имущество отобрали в казну. Московский дом пожаловали грузинским царям, владевшим им в продолжение почти 180 лет.

В 1920-х гг. голицынские палаты начали реставрировать и в процессе освобождения палат от позднейших наслоений, к удивлению и восхищению знатоков и просто любителей искусства, выяснилось, что Москва обладает прекрасным архитектурным памятником — уникальным сооружением эпохи расцвета русской архитектуры конца XVII столетия. Естественно, возник проект восстановления этих палат совместно с соседними палатами боярина Троекурова и церковью св. Параскевы Пятницы. Но у большевиков были другие планы, и И. Э. Грабарь, обеспокоенный возможностью переустройства этого ме-

ста, писал: «В последнее время ходили слухи о чудовищном проекте сломки обоих зданий и постройки на всем протяжении от Дома Союзов до Тверской гигантского небоскреба для Госбанка. Слухи эти встревожили всех любителей московской старины. Действительно, что может быть нелепее с точки зрения азбуки целесообразного городского строительства, как это ненужное строительное уплотнение и без того уплотненного центра, с неизбежным затемнением окружающей местности. Не застраивать небоскребами надо этот центр, а наоборот, раскрыть его следует, удалив мешающие наросты, облепившие со всех сторон усадьбы Голицына и Троекурова, и разбив здесь сквер с чудесной, единственной архитектурной перспективой. Когда этот сквер будет разбит, он объединит в одно целое как эти два замечательных дома, так и соседний Дом Союзов... На месте грязных, позорных для мирового города задворков появится чудесный уголок, достойный Москвы, кующей новую жизнь, но охраняющей старину».

Призывы Грабаря остались втуне. В 1928 г. и палаты Голицына, и церковь Параскевы были снесены. В древнем Охотном ряду решили строить престижный дом для Совнаркома по проекту А. Я. Лангмана. Построили довольно быстро — с 1933 по 1935 г. И это не удивительно: ведь, как писал журнал «Архитектура СССР», «строительство было возложено на Народный комиссариат внутренних дел».

Часовня святого Александра Невского

Первым уничтоженным советскими властями церковным зданием была часовня святого Александра Невского, стоявшая напротив гостиницы «Националь», там, где сейчас проходит проспект Маркса.

До сноса зданий, которыми была застроена нынешняя Манежная площадь, на пересечении Тверской и Моховой улиц находилась небольшая Моисеевская площадь. На ней стояла часовня, выстроенная по проекту незаурядного московского зодчего Дмитрия Чичагова. По результатам конкурса на лучший проект, объявленного в 1880 году, первую премию получил архитектор В. А. Коссов, а третью — Чичагов, но жюри выбрало именно его проект. К тому времени по всей России были собраны добровольные пожертвования в сумме 24 044 рублей, и 31 июля 1882 года состоялась закладка часовни, а 28 ноября 1883 года, в пятую годовщину взятия Плевны она, как писали газеты, «при большом стечении народа», была торжественно освящена.

Это была чугунная пирамида, украшенная изображениями воинских доспехов и увенчанная ажурным крестом. С двух

сторон пирамиды стояли каменные столбы с двуглавыми орлами. Внутри часовни был помещен образ святого благоверного князя Александра Невского.

Часовня являлась памятником в честь тех, кто положил свои жизни во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Борьба славян на Балканском полуострове против турок никогда не прекращаясь, приобрела особенный размах в 70-е годы прошлого столетия. Особенно сильной она была в Болгарии: «мы — рабы», — говорил о положении своего народа Христо Ботев.

Болгары и другие славянские народы видели в единоплеменной России своего естественного союзника и избавителя от турецкого гнета.

Живой и непосредственный отклик среди русского народа получило известие о зверском подавлении восстания болгар и мысль о помощи делом народам-братьям приобрела в России большое распространение.

«Болгарские безобразия, — писал Иван Сергеевич Тургенев, — оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне — и коли этому нельзя помочь иначе как войною, — ну, так война!»

Со всех концов России стали поступать пожертвования деньгами и вещами, офицеры подавали в отставку и отправлялись на Балканы. Всеми делами помощи болгарам занималась русская общественность в лице славянских комитетов. В Москве сбором средств и отправкой добровольцев руководили А. А. Пороховщиков и И. С. Аксаков. «Вербовочное присутствие» находилось во дворе ресторана «Славянский базар» на Никольской, и здесь, как вспоминал сам Пороховщиков, «с раннего утра до поздней ночи не расходилась толпа, ожидавшая очереди для опроса, собирания предварительных справок и решения участи».

Порыв энтузиазма охватил всех, и когда Россия объявила войну, то она всеми рассматривалась как справедливая война за спасение славян от уничтожения.

До объявления войны русское правительство старалось урегулировать все вопросы мирным путем, но, как говорил Александр II в Кремле, в случае неудачи мирных переговоров «я имею твердое намерение действовать самостоятельно и я уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует».

И действительно, вся Россия поддержала императора, когда он объявил войну 12 апреля 1877 года.

Военные действия оказались затяжными и трудными. Особенно тяжелыми были битвы за Плевну, за Шипкинский перевал. Но после взятия Плевны русская армия смогла выйти к самому Константинополю и Турция запросила мира.

Война окончилась победой. Она сыграла важнейшую роль в становлении национальной независимости балканских народов, но победа досталась тяжелой ценой. Россия потеряла убитыми и ранеными более 200 тысяч человек.

Вот этим-то сотням тысяч русских солдат и офицеров и был поставлен памятник-часовня святого Александра Невского. Весь доход, который поступал от часовни, шел на содержание приюта увечных воинов, что находился во Всехсвятском.

И именно эта часовня была выбрана первой для уничтожения, именно она была безжалостно разрушена в конце 1922 года.

Церковь святого Георгия на Красной горке

Церковь святого Георгия Победоносца — одна из старейших в Москве, ее название — «что на Красной горке» — дошло до нас очарование седой старины.

Красной горкой в народе назывался весенний праздник, встреча весны и весеннего солнца, сопровождавшийся хороводами и играми. К этому времени приурочивались и свадьбы — считалось, что поженившиеся на Красную горку будут счастливы всю жизнь. Отмечался праздник в воскресенье Фоминой недели, т. е. первой недели по пасхе, но корни его уходили еще в языческие времена. Место для празднования обычно выбирали на пригорке, прогреваемом солнцем. В деревнях на горке ставилось соломенное чучело, вокруг которого собирались сельчане. Они пели песни и угощали друг друга, а потом с плясками и песнями сжигали чучело, олицетворявшее зиму.

На таком пригорке, на высоком берегу речки Неглинной и стояла церковь Георгия, святого, издавна почитавшегося на Руси как покровителя скотоводства: в день, когда отмечалась память этого святого, обычно выгоняли скотину в поле.

Когда здесь впервые появилась церковь остается неизвестным, но, вероятно, о ней упомянул летописец в описании пожара, случившегося в Москве в 1493 г.: «...в неделю, в 7 час дни, загоряся церковь от небесного огня святого Николы на Песку, и в том часе воста буря велиа зело и кину огонь на другую сторону Москвы реки ко Всем Святым, а оттоле за Неглину к каменной церкви к Егорию святому...» Есть известие об этой церкви от 1619 г., в котором она называется «за Неглинною, против кузниц», в 1625 г. — «за Неглинною на горке».

В 1629 г. сообщалось, что церковь «Георгия Стратотерпца на Горке древяна сгорела», и каменное здание ее было выстроено между 1652 и 1657 гг. Перестраивалась она еще в 1737 г., тоже после пожара, а позже были еще различные достройки и перестройки, но основное здание сохранялось.

В 1818 г. Георгиевскую церковь приписали к Московскому университету — в ней исповедывались профессора, преподаватели и студенты, жившие в университетских зданиях; священники этой церкви принимали участие во всех событиях жизни университета. Так продолжалось до 1837 г., когда в новоприобретенном здании для университета на углу Большой Никитской освятили новую церковь в память святой Татьяны, в день поминовения которой была подписан указ об основании Московского университета.

С тех пор Георгиевская церковь стала обычной приходской и спокойно дождала до советских времен, когда была сначала закрыта, а потом и снесена: 10 апреля 1932 г. Моссовет про-

Часовня святого Александра Невского, начало XX в.

Церковь святого Георгия на Красной горке, 1880-е гг. (ул. Моховая, 16)

сил ВЦИК РСФСР разрешить снести церковь св. Георгия, «как находящуюся на участке, отведенном для жилищного строительства».

Разрешение, конечно, было получено, и церковь снесли, на ее же месте выстроили новый дом. Он проектировался архитектором И. В. Жолтовским, которому в то время, когда в Москве сотни тысяч жили в ужасающих условиях, дали возможность строить этот дом, не стесняясь в средствах: на потолке вручную делалась лепнина, дверные проемы обрамлялись также лепными деталями, все скобяные изделия — ручки, шпингалеты, петли — все отливалось по особым формам, да еще потом шлифовалось вручную, двери во всем доме были полированные — как писали в рецензии на этот дом, «на дверях всего дома мы при всем усердии не могли обнаружить ни одного сучка». Не было, конечно, ни одного сучка и на паркетных полах, «с соответствующим подбором по семи рисункам». В каждой квартире — «обязательно отдельная комната или альков для домашней работницы».

В общем, как писали тогда, это был «высеченный из камня памятник политике партии». Можно предположить, не рискуя ошибиться, кто должен был вселиться в такие квартиры... Дом Жолтовского явился провозвестником десятков и десятков пышных и безвкусных домов, выстроенных по всей стране для партийной бюрократии и их лакеев.

Тверская улица

В каждом городе есть своя главная улица.

В Нью-Йорке это Broadway, в Лондоне — Picadilly, в Одессе — Дерибасовская, в Париже — Champs Elysées, в Петербурге — Невский проспект. Главная улица не обязательно самая широкая или самая красивая. Хотя нью-йоркский Broadway переводится как «широкая дорога», он, отнюдь не широк, другие улицы этого города, как например, Park Avenue, шире его; не обязательно самая оживленная — в Лондоне Picadilly не такая деловая улица, как, скажем, Oxford street; не обязательно самая красивая — в Петербурге есть улицы красивее, чем Невский.

Выбор улицы на звание главной зависит от многих причин, рациональных и иррациональных. К первым можно отнести городскую географию и историю — судьбы города, его рост и развитие, экономику города и еще многое другое, а ко вторым — необъяснимые пристрастия и антипатии горожан, заставляющие их покидать вполне удобные, красивые, широкие проспекты и идти куда-то в другое место — на узкую, кривую и горбатую улицу того же города.

В Москве главная улица — Тверская. Повелось это издавна, вероятно, еще с XIV—XV вв., когда она была дорогой, соединяющей столицы двух самых могущественных княжеств феодальной Руси, соперничавших в продолжение многих лет за первенство — Москву и Тверь. Немалую роль играли и

экономические соображения — ведь по этой же дороге шли товары в богатую Новгородскую республику. Потом, уже в XVIII в., Тверская стала частью главного пути Российской империи: из новой столицы — Петербурга в старую, в первопрестольную, белокаменную Москву. По Тверской следовали пышные иностранные посольства, въезжавшие в Кремль с Тверской через Иверские (Воскресенские) ворота Китай-города и Красную площадь. По той же Тверской шествовали и коронационные процессии русских императоров, следовавшие в Успенский собор Кремля.

С XVII в. на Тверской появляются богатые каменные боярские палаты, она продолжает застраиваться красивыми зданиями и в последующем. В начале XVIII в. на Тверской изумленные москвичи могли созерцать невиданный еще в Москве дворец, который был похож скорее на иноземное здание, чем на русские палаты. Историк Москвы А. А. Мартынов писал в 1874 г.: «Мы еще помним первобытный наружный вид этих палат, и можем наверное сказать, что они составляли украшение Царской, или Тверской улицы». Это был дворец богача князя Матвея Петровича Гагарина, сибирского губернатора, нажитый, как говорили шепотом в городе, трудом несправедливым. Петр I, узнав о взяточничестве Гагарина, под предлогом участия в суде над царевичем Алексеем вызвал его в Петербург. Гагарин был арестован, судим и приговорен к смертной казни.

Но не только гагаринские палаты составляли украшение Тверской. На улице стояли дворцы Долгоруких, Демидова, Трубецкого, Чернышева и многих других именитых российских фамилий. В XIX веке улица становится очень оживленной, появляются роскошные магазины, рестораны, гостиницы. Дома покрываются вывесками различных заведений. Бытописатель Москвы 40-х гг. XIX века П. Ф. Вистенгоф так характеризовал Тверскую тогда: «Тверская — главная Московская улица... здесь находятся лучшие гостиницы для приезжающих, магазины, кондитерские лавки, множество красиво отстроенных домов.»

Живописная, разноликая, оживленная Тверская была настоящей главной улицей быстро растущего города. На ней открываются первый в Москве частный театр и первый кинематограф, лучший в России гастрономический магазин. В первые годы XX в. возводятся новые здания, сооружается памятник русскому национальному герою генералу М. Д. Скобелеву.

Однако, почти сразу после революции, еще задолго до принятия в 1931 г. генерального плана реконструкции Москвы, на Тверской начинаются сносы. Первым пал памятник Скобелеву — энтузиасты-разрушители стащили статую с пьедестала и разломали ее; вторая жертва — часовня св. Александра

Невского в начале Тверской в память убитых русских солдат в войне 1877—1878 гг..

Новый этап разнузданной ломки улицы начался после принятия генерального плана реконструкции. Как писали тогда в прессе, «встал вопрос о рациональном проведении «кесарева сечения» кварталов старой Москвы в соответствии с требованиями новой социалистической системы жилищного хозяйства столицы». Тверская, которая к тому времени потеряла свое исконное имя и превратилась, непонятно по какой причине в улицу Горького, первая легла на операционный стол.

Как писал журнал «Архитектура СССР» в 1938 г., «последнее столетие не знало примеров ансамблевого городского строительства такого размаха». Да, такого издевательства над городом, действительно, не знало последнее столетие, и не только оно.

Улицу стали спрямлять, с нее начали срезать землю, по обе стороны ее сносить старинные здания.

В начале улицы одним махом порушили десятки уникальных зданий. По правой стороне исчезли строения усадьбы камергера Петра Петровича Бекетова, снесли прекрасный образец классического жилого дома в усадьбе графа Ираклия Моркова на углу с Камергерским переулком, памятный тем, что там жил художник В. А. Тропинин. На противоположной стороне улицы сломали усадьбу графов Гудовичей, дома Олсуфьевых, дворец князя А. А. Прозоровского. Многие здания, которые украшали улицу, задвинули, не считаясь с расходами, внутрь дворов и переулков. Кто сейчас может полюбоваться Саввиновским подворьем, замечательным творением талантливого архитектора И. С. Кузнецова, сотворившего здание-сказку, передвинутым большевистскими ценителями изящного во двор дома № 6?

В результате вместо уникальной московской улицы, аналогов которой вы не найдете нигде, получился разностильный, застроенный невыразительными зданиями проспект, который с тем же успехом мог «украсить» любой крупный город страны.

На сотни метров протянулись унылые дома под один и тот же фасад в стиле соцреализма — произведение архитектора А. Г. Мордвинова. Как отмечал тот же журнал, «чрезвычайно важной заслугой архитектора А. Мордвинова является тот факт, что, работая над образом советского жилого дома, он стремился архитектурно выразить черты жизнерадостного быта советской семьи». Вероятно, с той же целью — создать образ советского дома — он поставил на крыше одного из своих произведений жизнерадостные фигуры советских людей, но их, правда, за полной ненужностью и вследствие угрозы для жизни пешеходов сняли. Исчезновения фигур с «образа» никто не заметил.

Тверская улица, начало XX в.

Памятник М. Д. Скобелеву, начало XX в.
(Скобелевская площадь)

Интересна история с фигурой на другом мордвинковском доме. По левой стороне улицы Горького, от здания Моссовета до Пушкинской площади построили дома также по его проекту. На том, что выходил на Тверской бульвар автор водрузил большую женскую статую, изображавшую женщину которая держала в одной руке одновременно... и серп и молот, таким образом выражая, вероятно, необыкновенную силу советских женщин. Простояла она тоже недолго, из-за разрушения материала и коррозии каркаса ее сняли в 1950-х гг. Ради строительства этого «шедевра» со статуей разрушили красивое классическое здание церкви св. Дмитрия Солунского с уникальной древней шатровой колокольней.

Тверскую полностью изменили, но слава Богу, что хоть ее древнее название вернулось в наш город.

Памятник Скобелеву

В центре города, на Тверской, напротив здания Моссовета, (до революции резиденции генерал-губернатора) уютно устроилась маленькая площадь, часть которой занята сквером с фонтаном. Это — Советская площадь, названная так в 1918 г. (Вероятно, это было первым переименованием в Москве, так сказать, первой ласточкой целого шквала переименований, обрушившегося на город в 20-х и 30-х гг.)

Ранее на месте площади находился большой участок, принадлежавший князьям Долгоруким, с каменными, Г-образными в плане палатами. В 1790 г. Екатерина II разрешила приобрести этот участок в казну. Она писала московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому, что на участке «долженствует устроено быть площади», предназначенной для воинских караулов. Проект устройства площади и зданий на ней поручен был архитектору М. Ф. Казакову, который предполагал выстроить по северной и южной сторонам дома, соединенные галереями на колоннах, перед которыми должен был стоять «общественный камин» — печь для обогрева воинского караула.

Площадь распланировали в 1792 г., но здания, предусмотренные казаковским проектом, построены не были из-за отсутствия денег в казне. Позднее, уже после пожара 1812 г. построили здание Тверской полицейской части, стоявшее в глубине площади. Это был центр управления одного из районов города; там находилась и гауптвахта, где короткое время содержался под арестом известный позже драматург А. В. Сухово-Кобылин, обвиненный в убийстве своей возлюбленной Луизы Симон-Диманш.

Именно эта площадь была впоследствии выбрана местом установки памятника чрезвычайно популярному в России боевому генералу, герою русско-турецкой войны Михаилу Дмитриевичу Скобелеву.

Незадолго до смерти он выступил против агрессивных устремлений Германии и Австро-Венгрии, в защиту независимости балканских народов, чем навлек неудовольствие императорского двора. Возвратившись в Россию из Парижа, где он произнес свою речь, он приехал в Москву и скоропостижно скончался 25 июня 1882 г. Смерть его, еще молодого генерала — ему не исполнилось и 39 лет — вызвала тогда большие толки по всей России.

Средства на памятник, задуманный в связи с 25-летием со дня его кончины, собирались по всей стране. В 1910 г. на объявленный конкурс были представлены 27 проектов, из которых жюри выбрало проект непрофессионального скульптора, отставного подполковника П. А. Самонова. Сбор денежных средств шел успешно, и дело возведения памятника двинулось вперед. Отливка фигур производилась в петербургской мастерской Морана, и в начале 1912 г. на Тверской площади начался монтаж памятника. Особенные трудности вызвала установка конной статуи генерала, но уже к 24 июня 1912 г. все было готово к открытию.

На площади строились войска, прибыли почетные гости, сподвижники Скобелева, духовенство. Упала завеса, и перед присутствующими предстал впечатляющий монумент: на пьедестале, из серого гранита, сделанном в виде крепостного бастиона, возвышалась конная статуя Скобелева с шашкой в поднятой руке, окруженная солдатами и офицерами. С правой стороны стояла группа из семи фигур, представлявших эпизод защиты знамени во время военных действий в Средней Азии, а с левой был изображен случай из русско-турецкой войны: офицеры и солдаты, поднявшиеся в атаку.

В нишах пьедестала находилось одиннадцать бронзовых барельефов, с изображенными на них батальными сценами. Там же, на пьедестале поместили текст приказа Скобелева, данный им в 1877 г. под Плевной: «Напоминаю войскам, что скоро и нам может предстоять боевое крещение: прошу всех об этом знать и крепить дух молитвою и размышлением, дабы свято до конца исполнить, чего требуют от нас долг, присяга и честь имени русского».

И вот этот памятник открыл собою скорбный синодик погибших памятников во время советской власти. Его начали разрушать уже летом 1918 г. Как писали тогда в газетах, сносом занялись якобы сами рабочие по своей инициативе, без всякого принуждения со стороны новых властей. Таким особым нетерпением к памятнику Скобелева отличились рабочие завода Гужона (теперь «Серп и молот»).

Коммунистические правители очень внимательно следили за сносом памятника. Они уже через два месяца после своего

бегства из Петрограда в Москву выразили желание, чтобы к 1 мая 1918 г. «были сняты некоторые наиболее уродливые истуканы». К числу «наиболее уродливых» коммунисты отнесли памятник Скобелеву, о котором художник В. И. Суриков сказал: «Отличный памятник. Очень мне нравится».

Ленину регулярно докладывали о ходе работ по сносу памятника Скобелеву — он ведь был инициатором декрета «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», принятого 12 апреля 1918 г. и подписанного кроме Ленина еще Луначарским и Сталиным. Сам Ленин пристально следил за выполнением этого декрета: он несколько раз требовал сведений о ходе работ по декрету и даже сам написал постановление «О бездеятельности...» в выполнении декрета.

Вместо памятника «бессмертному народному герою», как называли до революции М. Д. Скобелева, поставили памятник советской конституции.

Несколько позднее — в 1923 г. — власти опять занялись площадью, лежащей перед окнами Моссовета. Тогда они решили разрушить ампирное здание Тверской части. Ну, что ж, как решили они, так и сделали — начали сносить. Газета «Известия» 8 июля 1923 г. сообщала, что «после заседания члены президиума Моссовета во главе с председателем Л. Б. Каменевым отправились осматривать работы по сносу зданий в целях расширения Советской площади. Членами президиума был сделан ряд ценных указаний».

«Ценные указания» Льва Борисовича со товарищи не спасли положения: в статье специалиста, опубликованного в журнале «Строительная промышленность» после завершения работ, прямо говорилось: «площади не получилось». Видно, неудачи такого рода просто преследуют советских преобразователей и, как выясняется, с самых первых лет коммунистического руководства.

Здание Тверской части снесли, оставив в качестве своеобразного украшения лишь колоннаду с портиком и превратив ее, по совету А. В. Щусева, в пропилеи. Но они также прожили не долго: в «Вечерней Москве» 4 августа 1927 г. сообщалось: «Вчера МКХ [Московское коммунальное хозяйство — Авт.] приступило уже к разборке колоннады на Советской площади. К завтрашнему вечеру колоннада будет снесена». В 1928 г. на многострадальной площади появился уродливый ящик Института Маркса—Энгельса—Ленина (а потом и Сталина). Перед войной, в 1941 г., как говорят, по личному указанию «вождя» снесли памятник конституции, чтобы уже после войны поставить на площади фигуру основателя Москвы, князя Юрия Долгорукого.

Церковь святого Николая чудотворца в Гнезdnиках

Многие москвоведы спорят о происхождении этого названия. По мнению одних, тут было особенно много птичьих гнезд на деревьях; по мнению других, здесь жили ремесленники — «мастера частей (!) дверных петель».

Я, однако, склоняюсь к наиболее правдоподобному объяснению, исходя из значения слова «гнездо». В XVII в. оно значило определенное количество стрел. Так, в одном из документов того времени есть такое выражение: «два гнезда стрел».

В Гнезdnиках жили ремесленники, изготавливавшие стрелы, которых требовалось тогда немалое количество. Этому нашлось подтверждение в переписи 1648 г., в которой упоминается двор «Ивашки гнезdnика». Такое предположение выглядит еще более вероятным, если вспомнить, что совсем рядом находились оружейные слободы, где работали бронь и холодное оружие.

Приходская церковь гнезdnиков была выстроена в 1629 г., возможно, на месте более старой, деревянной. В 1724 г. был «запечатан указ о строении церкви по челобитью Никицкого сорока церкви Николая чудотворца, что в Гнезdnиках, попа Петра Юдина с прихожаны, велено им вместо ветхой каменной церкви на том же церковном месте построить вновь каменную ж церковь» Церковь соорудили в 1727 г., причем в новом здании оставались части старых стен.

Главный престол церкви посвящен празднику Благовещения Пресвятой Богородицы, а придельные храмы — св. Дмитрию Ростовскому и св. Николаю чудотворцу. Колокольню, стоявшую отдельно от церкви, соорудили в первой половине XVIII в. и перестроили в 1870 г.

В 1930 г. все, что было на церковном дворе, снесли и построили типовое школьное здание.

Церковь святого Дмитрия Солунского

Известный русский искусствовед В. В. Згура писал в 1920-х годах о церкви св. Дмитрия Солунского: «построена несомненно хорошим архитектором; колокольня шатровая, архаичная по типу».

Редкость в Москве — колокольня была старше самой церкви. Обычно колокольни перестраивались раньше — конструкции не выдерживали сотен лет ежедневного раскачивания многопудовых колоколов и ударов тяжелых колокольных языков, сотрясавших все сооружение. Но при церкви св. Дмитрия Солунского чудом еще сохранялась древняя каменная колокольня, вероятно, еще первой половины XVII в., представлявшая собой единственное в Москве оригинальное сочетание звонницы, стоявшей на мощном кубическом основании, и шат-

рового верха с отделанным парными колонками ярусом звона.

По словам одного из московских путеводителей прошлого века, церковь «обращает на себя внимание довольно прекрасной архитектурой. Вообще, храм имеет в себе нечто величественное. Внутренность храма прекрасна».

Еще одна необыкновенная в Москве редкость отличала этот храм — на его апсиде, с южной ее стороны, можно было увидеть образ Спасителя, тот самый, который когда-то стоял на Тверских воротах Белого города. На Руси это было обычаем — помещать на крепостных воротах образа, призывая таким образом небесного покровителя на защиту от врагов.

Сама церковь известна по документам с 1625 г., но несомненно существовала на этом месте еще раньше. В 1644 г. она была, вероятно, выстроена заново, ибо тогда причту была выдана благословенная грамота на освящение трех престолов — «Иоанна Предтечи, да Николы чудотворца, да св.мученицы Екатерины». В 1791 г. начали строить новое здание с красивыми очертаниями купола, отмечавшего выход Тверской улицы к концу бульваров.

Главный престол был во имя св. Троицы, а придельный был посвящен святому Дмитрию из города Солуни, почитаемому и греками и славянами.

В III в. он был проконсулом в этом городе и за приверженность христианству и за бесстрашную проповедь истинной веры перед римским императором Максимианом Дмитрия убили: он был пронзен копьями в Солунской тюрьме.

На Руси св. Дмитрия Солунского издавна почитали как покровителя в борьбе против иноземцев, а в одном из духовных стихов он — борец против татарского нашествия: ведь день, когда празднуется память этого святого, 26 октября, был днем ангела Дмитрия Донского, победителя Мамая на Куликовом поле.

Суббота перед 26 октября в русском народном календаре называется «родительской», иногда «дедовой», субботой. Этот день был днем поминовения всех усопших и по преданию был установлен великим князем Дмитрием Донским в память погибших в Куликовской битве.

Снос церкви св. Дмитрия Солунского произошел во время реконструкции Тверской улицы — ее расширили, сломав многие здания.

Скрепя сердце, специалисты, как было отмечено в протоколе заседания Центральных реставрационных мастерских от 7 февраля 1933 г., согласились на снос церкви, но при обязательном сохранении колокольни.

На самом деле ни согласие, ни возражение их не играли никакой роли для разрушителей: все — и церковь и колокольня — было снесено в самом начале 1934 г.

Церковь святого Дмитрия
Солунского на Тверской,
1880-е гг. (ул. Тверская, 17)

Церковь святого Николая
чудотворца в Гнездицах,
1880-е гг.
(Б. Гнездниковский пер., 4)

Дом Кологривовых на Тверском бульваре

Один из самых интересных образцов московского ампира разрушили большевики на Тверском бульваре — особняк, выстроенный в начале XIX в. дворянами Кологривовыми.

Генерал от кавалерии Андрей Семенович Кологривов, а потом его жена Екатерина Александровна скупили тут несколько мелких участков и построили дом, выходящий главным фасадом на бульвар. В апреле 1823 г. в уже готовом доме проводилась внутренняя отделка.

В конце прошлого века писали: «Среди московских особняков трудно указать другой образец такой простой архитектуры и вместе с тем такой исключительной нарядности. Впечатление парадности достигнуто скульптурными украшениями, а более всего — совершенством пропорций, легко намеченными карнизами и уступами. Дом Кологривовых — энциклопедия классических архитектурных декораций: великолепный александровский орел на фронтоне, помещенный после приобретения дома в казну, характерный орнаментальный фриз по карнизу, розетки по карнизу второго этажа, так изысканно и сдержанно размещенные, решетка балкона, опирающаяся на кронштейны из рыцарских шлемов, наконец, прекрасные маски на замках нижнего ряда окон — все это делает простые массы дома наряднее сложных и затейливых колоннад».

Известный искусствовед В. В. Згура приписывал авторство этого дома — выдающегося образца ампириной архитектуры — Доменико Жилярди.

Дом Кологривовых на Тверском бульваре был хорошо известен в Москве начала XIX в. В нем иногда давал балы танцмейстер Петр Иогель, за много лет переучивший танцам всю Москву: еще маленького Пушкина водили на детские балы Иогеля. На одном из его балов он, уже тридцатилетний знаменитый поэт, увидел шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову. Много лет считалось, что этот бал происходил в доме Кологривовых на Тверском бульваре. Основанием для этого считали письмо москвича А. Я. Булгакова брату в Петербург, написанное 21 февраля 1829 г., в котором живо описана обстановка балов Иогеля: «Сам я, хотя и нездоровый, поехал на всемирный бал, который Иогель дает всякий год для своих учениц. Он столько трудился около нашего кадрили и такие сделал, можно сказать, чудеса, что не мог я ему отказать повезти хотя бы Катеньку [старшую дочь А. Я. Булгакова — Авт.]... Там была бездна, 500 человек, и хотя дом Кологривова на бульваре велик, с двумя залами, было тесно и жарко... Признаться, порадовался я: Катенька, очень просто одетая, обращала глаза всех на себя, так что, право, было непристойно. Ты знаешь нашу публику. Многие дамы водили мимо Кати своих знакомых, крича и толкая их в бок: вот, вот она в белом платье, а иные просто останавливались, смотрели в глаза». В своем письме Булгаков не упоминал ни о Гончаровой, ни о Пушкине, и значительно более вероятно, что знаменательная встреча поэта с будущей женой произошла не здесь, в доме на Тверском бульваре, а в зале Благородного собрания, где Иогель в тот год также давал балы.

Дом обер-полицмейстера на Тверском бульваре, конец XIX в.
(Тверской бульвар, 22)

Георгиевский монастырь, 1880-е гг. (ул. Б. Дмитровка, 3)

В ноябре 1830 г. дом Кологривовых со всем участком и строениями на нем приобрела городская дума для помещения канцелярии московского обер-полицмейстера, и в залах бывшего великосветского особняка, где когда-то гремела музыка, стали слышны другие звуки: звон шпор и топот сапог. Сюда в 1834 г. на первый допрос привезли Герцена, арестовав его в доме отца на Сивцевом Вражке.

Но Герцен еще раньше побывал здесь, пытаясь узнать о судьбе своего друга Николая Огарева, арестованного ранее. Сначала он посетил нескольких своих московских знакомых, а потом, как он писал в «Былом и думах», «ехавши от Орлова домой мимо обер-полицмейстерского дома, мне пришло в голову попросить открыто дозволение повидаться с Огаревым». Позволения дано не было, а ночью 21 июля самого Герцена арестовали и через две недели пребывания в Пречистенской полицейской части (в Штатном переулке) привезли сюда и подвергли допросу.

В этом доме до самой революции 1917 г. находилась московская полиция, и особняк был свидетелем нескольких террористических актов, предпринятых революционерами.

Так, в июне 1905 г. член боевой организации эсэров Куликовский явился на прием к московскому градоначальнику графу Шувалову и убил его четырьмя выстрелами в упор; 30 октября 1906 г. те же эсэры бросили бомбу, надеясь убить градоначальника Рейнбота, но попытка эта кончилась неудачно.

Во время вооруженной борьбы за власть в октябре 1917 г. это здание было центром сопротивления большевикам: там укрепились отряды, состоявшие из гимназистов, чиновников, студентов. Днем 28 октября большевиками было принято решение образовать «отряд особого назначения» для штурма здания, и с утра следующего дня после оружейного обстрела его удалось занять. В советское время в доме находились некоторые городские службы, в том числе, адресный стол московской милиции.

По плану перестройки Москвы всю сторону Тверского бульвара от Пушкинской площади до Никитских ворот предполагалось строить заново и частью задуманного ансамбля должно было стать здание музыкального театра имени В. И. Немировича-Данченко. Для него почему-то не нашлось другого места, как то, где находился архитектурный памятник — дом Кологривовых. В 1935 г. его разрушили, а ведь там еще сохранялись части оригинального интерьера, многие дворовые постройки и даже садовые затеи.

Георгиевский монастырь

Что за необходимость была разрушать церкви бывшего Георгиевского монастыря? Обычная отговорка — «мешают уличному движению» — здесь не работает: церкви стояли в глубине квартала. Их просто разрушили, и по сути дела, ничего, за исключением типового здания школы, на их месте не построили.

Здесь находилась церковь святого Георгия, упомянутая в сообщении летописи о пожаре 1493 г.: «Июля 28. В 7 часов загореть от свечи церковь св. Николы на песку, и вста буря велия, и кинуло огонь на другую сторону Москвы реки ко Всем Святым на Кулишках и оттоле на Дмитровку к св. Георгию».

По преданию, в начале Большой Дмитровки находилась старинная родовая усадьба боярина Юрия (Георгия) Захаровича Кошкина, деда царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана IV. На месте этой усадьбы, около Георгиевской церкви и был основан монастырь дочерью боярина Федосьей Юрьевной. Предание утверждало, что именно в ее доме воспитывалась будущая царица Анастасия.

В монастыре было две церкви. Одна из них, древнейшая, — святого Георгия — была перестроена заново в 1701—1704 гг. Другая, освященная во имя иконы Казанской Божьей Матери, выстроена боярином Родионом Матвеевичем Стрешневым в 1652 г.

Стрешневы породнились с царствующей династией Романовых, когда царь Михаил Федорович женился вторым браком на Евдокии Стрешневой, будущей матери царя Алексея Михайловича и бабушке императора Петра Великого, и поэтому строительство церкви в монастыре, который пользовался покровительством Романовых, выглядит вполне естественным. Возможно, здание этой церкви было старше 1652 г., ибо было известно, что в ее здании находились более древние конструкции. Все это осталось неисследованным и необъясненным — крушили, ведь, не смотря.

Стерли с лица земли храмы бывшего Георгиевского монастыря в 1935 г.

Дом типографика С. И. Селивановского

Совсем, казалось бы, невидный дом стоял на углу Большой Дмитровки и Космодемьянского (Столешникова) переуллка. Прохожие, не ведавшие о его прошлом, проходили мимо, не поднимая глаз — ничего не привлекало их внимания и только любопытствующий заглянуть в глубины отечественной истории испытывал чувство уважения при взгляде на него.

В этом доме находилась самая старая частная московская типография, работавшая многие годы под управлением отца и сына Селивановских. Семен Иоанникович Селивановский начал заниматься типографским делом еще в XVIII в., когда разрешалось заводить частные типографии. Первые книги Селивановского появились в 1793 г., а в XIX в. он после некоторого перерыва, вызванного запрещением в последние годы правления Екатерины частных типографий, снова развевает свое дело.

Около 1809 г. он приобретает на углу Большой Дмитровки участок с двухэтажным каменным домом и несколькими строениями, где размещается его типография, ставшая к тому времени крупным предприятием. Еще большее развитие она получает впоследствии, и в Москве по количеству изданий она прочно занимает первое место. Селивановский выполняет ответственный заказ графа Н. П. Румянцева по печатанию на его средства «Собрания государственных грамот...», «Древних российских стихотворений...» и многих других изданий исторических первоисточников. Селивановский напечатал «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы...» в 1796 г. и лучший московский путеводитель XIX в. — четырехтомную «Москву или Исторический путеводитель...» И. Г. Гурьянова в 1827—1831 гг.

Какие только имена не появляются на изданиях С. И. Селивановского! Тут В. А. Жуковский и И. И. Дмитриев, К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев-Марлинский, С. Н. Глинка и Д. В. Давыдов, Д. В. Веневитинов и А. Ф. Мерзляков, и многие другие.

В его доме на Большой Дмитровке в 1814—1815 гг. жил Н. М. Карамзин; трудился над составлением фундаментального ключа, т. е. указателя к его «Истории Государства Российского», археограф П. М. Строев; в 1825—1826 гг. нанимал квартиру друг Грибоедова Степан Никитич Бегичев. В этом доме на литературных вечерах побывали многие писатели и артисты: тут в октябре 1837 г. после чтения Николаем Полевым драмы «Граф Уголино» встретились В. Г. Белинский и знаменитый актер П. С. Мочалов.

Издатель С. И. Селивановский находился в центре культурной жизни Москвы, и не удивительно, что его имя упоминается на допросах арестованных декабристов.

Вот показания декабриста В. И. Штейнгеля: «Еще в 1824 г. Рылеев говорил мне: нельзя ли в Москве приобрести членов между купечеством, которые могли бы быть полезны пособием и приготовлением других из своего сословия к свободным правилам... На вопрос Рылеева я тогда решительно отвечал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно верить тайны общества, что один только Селивановский — известный типографщик — пообразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в общество содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий слугащих».

Дом типографика Селивановского, 1973 г. (ул. Б. Дмитровка, 15)

Церковь святого Алексия митрополита
в Глинищах, (Глинищевский пер., 5)

В Петербурге обеспокоились — еще и купечество может быть замешанным в заговоре. Да к тому же было известно, что Селивановский в последнее время занимался составлением и изданием какой-то подозрительной энциклопедии. И из Петербурга полетела депеша к московскому военному генерал-губернатору Д. В. Голицыну с приказом изъять сию энциклопедию. Голицын сообщил в ответ: «Получив вечером 9-го числа [мая 1826 г. — Авт.] письмо Вашего Превосходительства от 7-го числа на счет московского типографщика Селивановского, я в тот же час поручил исполнить Высочайшую о нем волю господам Московскому обер-полицмейстеру и чиновнику, при мне находящемуся, Статскому Советнику Турганеву. Они в 4 часа по утру сего числа, прибыв в дом Селивановского, забрали у него издаваемую им энциклопедию в трех книгах, уже напечатанную...»

Тогда же чиновники изъяли у Селивановского деловые документы и переписку вместе с его письменными показаниями. Но тогда типографщик счастливо отделался, власти не нашли у него ничего предосудительного, но на подозрении он все-таки остался.

Его типография действовала еще долгое время. После кончины Семена Иоанникиевича в 1835 г. ею управлял его сын Николай Семенович, а потом его дочь Ю. Н. Петрова. Еще в 1864 г. в «Московских ведомостях» можно было увидеть рекламное объявление: «Типография, словолитня и гальванопластика Семена Селивановского, в Москве, с 1793 года... Принимает типопечатание. Адресовать на Большую Дмитровку, в дом Г-жи Петровой, в контору типографии».

Застройка этого участка не очень сильно менялась с течением времени. К зданиям, выстроенным Селивановским в послепожарное время, добавился в 1872 г. лишь корпус по Большой Дмитровке.

Все здесь можно было бы сохранить, но... расположенному по соседству институту Маркса—Энгельса—Ленина необходимо было найти место для хранения их партийных документов. В октябре 1973 г. сломали столь памятный дом Селивановского и выстроили партийный архив, «украшенный» уставившимися на прохожих по Большой Дмитровке ликами «основоположников».

Церковь святого Алексея митрополита

Недалеко друг от друга находились две церкви, снесенные почти в одно и то же время. Это церкви св. Алексея митрополита, «что в Глинищах», и преподобного Сергия на Большой Дмитровке.

Первая из них стояла в Глинищевском переулке (переименованном в 1943 г. в улицу В. И. Немировича-Данченко) и была выстроена (или, может быть, перестроена) около 1689 г. дьяком Большой казны Иваном Алферьевым, похороненным близ самой церкви в 1700 г. Иконы в ней были писаны ее прихожанином, царским иконописцем Тихоном Ивановичем Филатьевым, мастером Оружейной палаты, учеником знаменитого изографа Симона Ушакова.

По документам церковь была известна с 1625 г., а в 1657 г. числилась каменной. В 1750-х гг. в ней устроили придел иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости, в 1767 г. заново построили колокольню, однако, по заключению известного знатока истории московских церквей М. И. Александровского, вся церковь претерпела весьма мало изменений с конца XVII в. и представляла собой цельный и ценный памятник зодчества.

И вот 15 декабря 1928 г. президиум Моссовета записал в своих протоколах: «отвести земельный участок по Глинищевскому переулку № 5-7 под постройку жилого дома издательства «Рабочая Москва». Возбудить ходатайство перед президиумом Мособлсовета о сносе церкви, находящейся на участке». Конечно же, разрешение не заставило себя долго ждать.

Общественность (тогда еще можно было говорить о ней) взволновалась. Известные наши художники попытались спасти приговоренную церковь. Они написали письмо «отцам» города: «В настоящее время возникает опасность для замечательного памятника конца XVII в., церкви Алексея митрополита в Глинищах. В целях разгрузки движения Моссовет поднял вопрос о сломке этой церкви, единственной в Москве, сохранившей свое первоначальное изразчатое покрытие глав, столь типичное для древней Руси. Не только в Москве, но и в других старых городах подобных покрытий до настоящего времени не уцелело, за редчайшим исключением [церковь Сергия в Залужья в Пскове — она была разрушена во время последней войны — Авт.], и уничтожение этого памятника равносильно уничтожению картины знаменитого художника». Подписались под этим обращением И. Грабарь, М. Нестеров, А. Васнецов, К. Юон, А. Архипов, В. Бакшеев, С. Малютин — какие имена!

Но что партийным чиновникам, заседавшим в Моссовете, все эти доводы? Что для них картина знаменитого художника? Что для них уникальное покрытие глав? Что для них вся культура вообще? Все доводы, убеждения, резоны были — по Библии — бисером, метаемым перед свиньями.

Церковь в 1930—1931 гг. снесли и на ее месте через 7 лет выстроили огромный, с преувеличенно грубыми, тяжелыми формами фасадного декора жилой дом по проекту А. В. Щусева, в котором расселили артистов МХАТа.

Церковь святого Сергия

Она известна по документам с 1625 г. — тогда церковь была еще деревянной, а в 1652 г. стала каменной; еще раз перестраивалась она в конце XVII в. Очевидно, тогда же появились прекрасного рисунка наличники вокруг окон, столь характерные для московского барокко. Так назывался архитектурный стиль второй половины XVII в., возникший в московском государстве под западным влиянием.

Главный престол церкви был посвящен Успению Пресвятой Богородицы, а приделные — преподобному Сергию и св. Николаю чудотворцу (в трапезной); в 1700 г. пристраивается еще один придел — иконы Владимирской Божьей Матери. Колокольня, что было весьма редким в Москве, современна самой церкви, но колокола на ней были сравнительно молодые — датированы 1806 г.

И вот не нашлось другого места для постройки в 1934 г. жилого дома для работников милиции...

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках

Эта церковь стояла на углу Петровки и Столешникова переулка — там, где сейчас небольшая площадь, то сплошь заставленная автомобилями, то кафе с дрожащими стульями, на которых, опасливо присев, торопливо насыщались «гости столицы» — ходоки по московским магазинам.

Рождественская церковь занимала всю эту площадь. В центральной части церкви, увенчанной традиционным пятиглавием, между большими апсидами и широкой трапезной, сохранялись части древних стен церкви, построенной в 1620 г. Она была приходской для небольшой слободы столешников-столяров. Интересно отметить, что внешний облик ее был подобен соборной церкви боровского Пафнутьева монастыря. В 1836—1841 гг. старая церковь была обстроена, трапезная увеличена, и само здание приобрело несколько расплывший вид. Украшением церкви была чудесная шатровая колокольня, сохранившаяся в полной неприкосновенности.

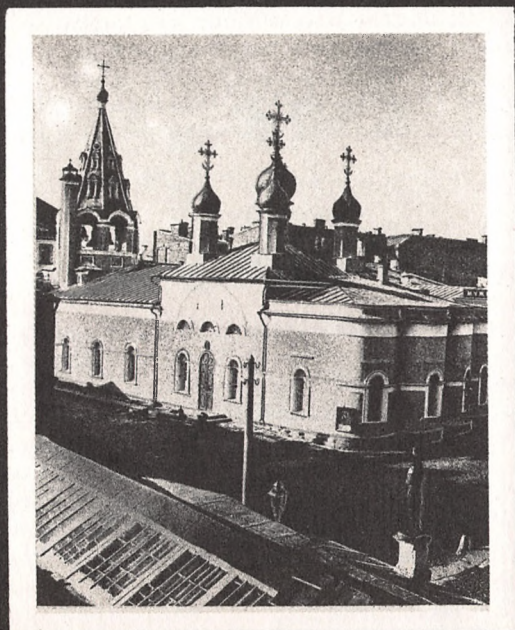
А вот как происходили события, предшествовавшие сносу церкви.

В начале 1926 г. в газете «Рабочая Москва», органе Московского комитета партии большевиков и Моссовета, появилась статья под названием «Церковь, которую надо снести». В ней говорилось: «Все знают церковь на углу Петровки и Столешникова переулка. Еще прошлым летом был поднят вопрос о сломке этой церкви, но вмешательство Главнауки приостано-

Церковь Рождества
в Столешниках, 1880-е гг.
(Петровка, 13)

Церковь святого Сергия
чудотворца в Глинищах,
1880-е гг.
(ул. Б. Дмитровка, 21)

вило разрешение этого вопроса. Главнаука на одном из куполов усмотрела признаки исторической ценности и никак не хочет лишить жителей Петровки этого «приятного соседства». Мы получили несколько писем от читателей, в которых они настаивают на сломке этого, никому не нужного здания, отчего значительно выиграет уличное движение в этом районе».

В том же году Президиум Моссовета постановил «выяснить вопрос о возможности сноса» этой церкви в целях, как было сказано в постановлении, «разгрузки движения».

Для проформы предложили «согласовать вопрос о сносе с Главнаукой». Согласовать, однако, не удалось — Главнаука была против. Специалисты утверждали, что снос церковного здания никаких проблем не может разрешить, ибо оно движению никак не мешает и, кроме того, совсем недавно проводилась частичная реставрация здания церкви. В письме они утверждали, что Рождественская церковь в основной своей части «...весьма миниатюрна и большого пространства не занимает. В начале XIX в. здание было испорчено толстой штукатуркой, скрывшей древние декоративные детали; при обследовании, начатых в 1925 г., было обнаружено, что почти все древние детали сохранились, и часть их была открыта, выявив очень изящный облик сооружения».

Не только Главнаука была не согласна со сносом; к хору протестов присоединились и Московское архитектурное общество, и общество «Старая Москва», и Государственная академия материальной культуры, и просто Академия наук, и даже губернский инженер, а под посланным в Моссовет письмом, в котором авторы буквально умоляли не сносить церковь, стояло 1345 подписей.

Ничего не помогло — 11 июля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР разрешил снести церковь, а 15 сентября того же года все уже было кончено...

Церковь святого Григория Богослова

Так получилось, что на этом месте несколько раз строились церковные здания. Есть известие, что в 1620 г. тут была построена деревянная Спаспреображенская церковь, замененная к 1631 г. каменной. На ее же месте 1709 г. выстроили новую каменную церковь с колокольней. Тогда же царский стольник Иван Иванович Бутурлин Большой устроил придельный храм Сретения (т. е. встречи) иконы Владимирской Богоматери. И, наконец, в 1878—1880 гг. архитектор И. С. Каминский построил новое крупное здание церкви на средства благотворителя В. Х. Спиридонова, оставив старую, еще начала XVIII в., колокольню.

Главный алтарь церкви был во имя равноапостольного князя Владимира, придел — св. Григория Богослова, а другой придел — мученика Христофора. Он был сделан уже в новом храме, представлявшем живописное соединение шатровой колокольни и самого храма с его византийскими формами. Комиссия искусствоведов отмечала в 1921 г.: «В общем, весь храм, как памятник современной живописи... и архитектуры, представляет художественное целое как таковой и в целом заслуживает взятия на учет. Храм содержится в прекрасном состоянии — в чистоте и сохранности». Эти соображения не сыграли никакой роли в принятии решения о сносе церкви. Казалось бы, не было прямой необходимости в разрушении ее, ведь ничего и не построили — тут теперь просто пустое место.

Церковь Вознесения в Варсонофьевском переулке

Церковь Вознесения Господня явно не повезло: она оказалась прямо в логове ГПУ—НКВД. Эта организация, обосновавшись на Большой Лубянке, захватила в свое время здание на углу с Варсонофьевским переулком и стала распространяться во все стороны, как злокачественная раковая опухоль. Естественно, ни то, что церковь являлась выдающимся архитектурным памятником, ни то, что она была связана со значительными событиями в русской истории, не спасло ее от вандалов-чекистов.

Здесь, в Варсонофьевском переулке, по преданию, в глубокой древности был основан женский монастырь, названный по имени первой игуменьи монастыря, матери святителя Филиппа, митрополита московского, Варсонофии. Возможно, это произошло во второй половине XVI в.

У монастыря находился так называемый убогий дом — кладбище странников, убогих, погибших насильственной смертью. Именно здесь, на кладбище для отверженных и безымянных, похоронили тела всемогущего когда-то царя Бориса Годунова, его жены Марии и Федора.

Царь Борис происходил из незнатного рода, их родоначальником был некий Мурза-Чет, подвизавшийся при московском великокняжеском дворе в XIV в. Сам Борис Годунов еще с детства познакомился со двором — его дядя занимал должность царского постельничьего. Когда наследник престола, сын Ивана Грозного Федор женился на его сестре Ирине, то Борис стал боярином, а с воцарением Федора — первым лицом в государстве. Борис был женат на Марии, дочери Малюты Скуратова. После кончины грозного царя Борис Годунов вошел в состав узкого круга руководящих государством лиц, ему удалось постепенно удалить своих соперников и стать фактическим правителем государства. После смерти недужного Федора достиг он высшей власти — стал царем и государем вся Руси. Его избра-

ние на царство 1 сентября 1598 г. было утверждено Земским собором, но сидеть на московском престоле Борису суждено было не долго — 13 апреля 1605 г. он скончался.

Царя Бориса похоронили, как и всех московских государей, в Архангельском соборе, однако Лжедмитрий, придя к власти, распорядился по-своему. Как писал летописец, «он его велел оттоле вынять, и велел положить в Ворсунофьеве монастыре».

Еще до того, как самозванец пришел к Москве, он приказал расправиться с женой и сыном Бориса: «прислал Гришка Розстрига к Москве бояр князя Василья Михайловича Масальского, да дьяка Богдана Сутупова и велел царицу Марью и сына ея царевича Феодора задавити и положили в Ворсунофьеве монастыре на Москве».

Перезахоронили Годуновых только после того, как в Москве воцарился Василий Шуйский, приказавший положить тела их в Троице-Сергиевом монастыре.

В Варсонофьевском монастыре уже в XVIII веке приступили к строительству новой большой церкви, продолжавшемуся с 1709 по 1714 г. К тому времени она была закончена и ждала лишь окончательной отделки, но как раз в 1714 г. вышел петровский указ о запрещении каменного строительства по всей России — Петру было необходимо срочно возводить «по мшистым, топким берегам» Невы новую столицу. Указ гласил: «Великий государь указал объявить свой Царского Величества указ всех чинов людям, понеже здесь каменного строение зело медленно строится, от того, что каменщиков и прочих художников того дела трудно и за довольную цену, того ради запрещается во всем Государстве на несколько лет, пока не удовольствуются строением, всякое каменное строение, какого бы имени ни было, под разорением всего имения и ссылкой».

За продолжение строительства Вознесенской церкви взялись лишь в 1730 г. В течение этого года ее закончили — дата окончания была выбита на каменной плите, вмурованной в наружную алтарную стену.

Красивая, изящная, украшенная изысканными резными каменными карнизами и наличниками, Вознесенская церковь была одной из достопримечательностей Москвы. Наш известный искусствовед Игорь Эммануилович Грабарь причислял эту церковь к единому кругу произведений, созданных гениальным архитектором. Он писал: «Варсонофьевский собор отличался исключительной стройностью, соразмерностью пропорций и законченностью найденных форм, служивших источником неоднократного подражания и заимствования в течение XVIII в.».

Вознесенскую церковь еще в 1923 г. закрыли. Предлогом было то, что верующие помогали своему священнику, осужденному за сопротивление властям по изъятию предметов церковного обихода.

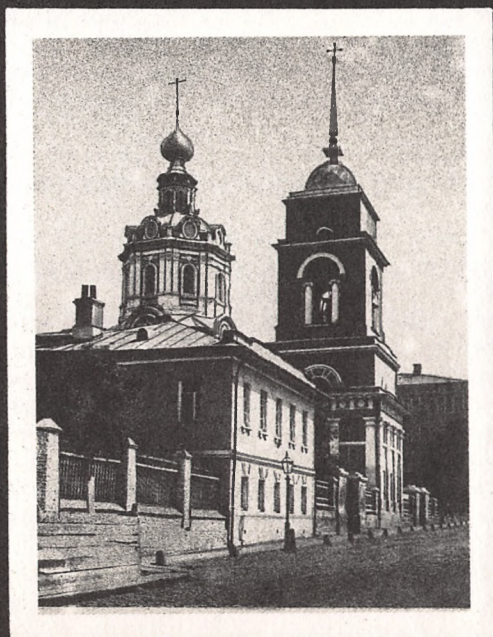
Зимой 1931 г. это необыкновенное произведение русского таланта было разрушено, а вместо него построено что-то плохое и гадкое. Здесь, говорят, поликлиника КГБ.

Церковь Вознесения
в Варсонофьевском переулке,
1880-е гг.
(Варсонофьевский пер., 5)

Церковь святого Григория
Богослова, 1880-е гг.
(Богословский пер., 3)

Церковь Введения на Лубянке

Это была первая церковь, снесенная в Москве — разрушили еще задолго до тотальных сносов 30-х годов взялись за эту славную своей историей и архитектурой церковь.

Во-первых, Введенская церковь — одна из немногих, сохранившихся в Москве церковей, построенных итальянским зодчим Алоизио Ламберти да Монтаньяна, ставшим известным в Московии под именем Алевиза Нового, или Алевиза Фрязина. Именно ему принадлежит авторство кремлевского Архангельского собора, архитектура которого оказала такое большое влияние на все последующее развитие русского зодчества.

В 1514 г. великий князь Василий III задумал невиданное еще дело в Москве — он указал построить в городе одновременно одиннадцать каменных церковей и, как написал летописец, «всем тем церковем был мастер Алевиз Фрязин». Одной из этих одиннадцати и была церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, поставленная на углу Сретенки (так тогда называлась Большая Лубянка) и улицы Кузнецкий мост.

Церковь эта обозначалась часто «что во Псковичах», так как здесь находилось поселение жителей Пскова, вывезенных в Москву после покорения города великим князем Василием III в 1510 г. Псковский летописец, повествуя об этом горестном событии, сокрушался: «Псков взял, а вече порушил и колоколы вечные на Москву велел свезти, и посадников Псковских, и бояр Псковских, и купцов, и лучших людей свел на Москву». И далее: «триста семей Псковичь к Москве свел... И бысть во Пскове плачь и скорбь велика, разлучения ради».

Здесь, возможно на средства переселенцев-псковичей, была построена Алевизом Введенская церковь, освященная в 1518 г.

Через 200 с лишним лет алевизовская церковь стала уже маленькой для разросшегося прихода и к ней в 1745—1749 гг. пристроили трапезную, а также новую колокольню.

Во-вторых, Введенская церковь была славна своей историей — она ведь являлась приходской церковью князя Дмитрия Михайловича Пожарского, одного из руководителей народного ополчения, освободителя Руси от польско-литовских интервентов. Дом князя находился как раз напротив церкви, на другой стороне Большой Лубянки.

Это была большая усадьба, занимавшая нынешние участки под №№ 12, 14 и 16. Там стояли несколько каменных и деревянных строений.

Именно здесь, у своего дома и своей приходской церкви, бился князь Пожарский с захватчиками.

В 1611 г. Москва была занята отрядами польских войск и наемников. К городу приближалось народное ополчение — захватчики чувствовали себя неуютно, обстановка была неспокойной. Москва походила на пороховую бочку, готовую вот-вот взорваться.

Утро 19 марта 1611 г., казалось бы, началось вполне спокойно. Был будний день, вторник страстной недели, по улицам шествовал народ, на Красной площади началась обычная торговля, и ничто не предвещало трагических событий. Отряды поляков готовили московские крепости к обороне, группа москвичей стояла неподалеку и с усмешками наблюдала, как надрывались солдаты, втаскивая на стены тяжелые пушки. Тут начальник польского отряда приказал москвичам помочь солдатам, они отказались, их пытались заставить силой — началась потасовка. Из Кремля выскочили наемники с оружием в руках и набросились на безоружную толпу. В ответ зазвучал набат, и восстание началось.

Упорные бои проходили, в основном, в Белом городе — на Никитской, у Яузских и Тверских ворот. Участник боев, шляхтич Самуил Маскевич, писал о сопротивлении москвичей: «Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загорают улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из ограды, они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей».

Особенно упорным был бой на Сретенке, у Введенской церкви. Князь Пожарский, очевидно, еще раньше пробрался в город со своим отрядом и теперь устроил «острожек» или баррикаду поперек Сретенки у церкви и у своей усадьбы, бывшей напротив. На помощь князю пришли жители Москвы, посадские люди. Пушкари из ближней слободы притащили пушки из Пушечного двора и установили у острожка. Бой продолжался весь день. Интервенты не смогли пробиться по Сретенке, дружина князя «их отбиша и в город [г. е. в пределы Китай-города — Авт.] втопташа». Только на следующий день удалось захватить Введенский острожек, а князь Пожарский, «кизнемогши от великих ран, паде на землю». Его соратники «взем его, повезоша из города вон к Живоначальной Троице, в Сергиев монастырь».

Вернулся Пожарский в Москву победителем в 1612 г. вместе с Козьмой Мининым во главе народного ополчения.

В своей приходской церкви он поставил ту самую икону, с которой он вошел в Москву и которая была покровительницей русского воинства — икону Казанской Божьей Матери. С построением Казанского собора на Красной площади икона была торжественно перенесена туда самим князем из Введенской церкви.

Эта церковь была настолько прочно соединена в памяти москвичей с событиями борьбы с захватчиками, что еще много-много лет спустя прихожане ее утверждали, что памятник двум героям русского народа Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади изображает сцену, происшедшую якобы именно на паперти их приходской церкви.

Пожарский возобновил и украсил пострадавшую во время военных действий церковь, он же пристроил к ней придел во имя мученицы Параскевы, в память своей первой жены Праксвии, умершей в 1636 г.

С именем Пожарского предание связывало и икону Знамения, принадлежавшую ему и стоявшую рядом с церковью на

отдельном каменном столбе. Именно у этой иконы прекратился грандиозный московский пожар 1737 г., начавшийся у Колымажного двора от забытой свечки и разрушивший почти весь город.

После того на столбе напротив церкви поставили копию, а саму Знаменскую икону в окладе, украшенной драгоценными камнями, хранили в церкви. Там же можно было увидеть и икону Спасителя, шитую на убрусе, по преданию, дочьерью Пожарского, а также точную копию иконы Казанской Божьей Матери, им самим пожертвованную храму.

У Введенской церкви 25 июля 1662 г. собирався возбужденный народ, жадно читавший прокламацию, или, как тогда говорили, «воровской листовки», прибитый у церкви. В листе подробно перечислялись вины бояр, дьяков, богатых купцов в ухудшении жизни, вызванном введением медных денег, заполонивших страну и совершенно обесценившихся. Выгоду от этих денег получила лишь богатая верхушка — те, кто находился у кормила власти. Так на Сретенке, у церкви Введения, начался «медный бунт», сурово подавленный правительством царя Алексея Михайловича.

Долгие века стояла эта церковь на углу двух оживленных московских улиц, напоминая горожанам о давно минувших днях, пока рядом не поселились новые хозяева.

В 1921 г. большое жилое здание (№ 5/21), окружавшее полукругом церковь, занял НКВД, т. е. Народный комиссариат иностранных дел, и, конечно, церковь, стоявшая прямо перед его окнами, не могла не вызвать у большевиков желания ее разрушить.

Под предлогом того, что именно на место Введенской церкви необходимо было передвинуть недавно перед тем поставленный у стены здания НКВД памятник В. В. Воровскому, новоиспеченные дипломаты начали кампанию по сносу церкви. Некий Аралов, член коллегии НКВД, сочинил 24 мая 1924 г. следующее послание Президиуму Моссовета: «В виду того, что означенная выше церковь [Введенская — Авт.] находится в совершенно ветхом состоянии [что было вопиющей неправдой — Авт.] и служба в ней не производилась уже более года, в целях благоустройства, НКВД считает вполне своевременным снятие этой церкви для переноса туда памятника Воровскому. В виду изложенного Народный Комиссариат Иностранных Дел просит Президиум Московского Совета распорядиться о снятии церкви, либо дать разрешение НКВД самостоятельно приступить к этой работе».

Прослышав о подобных притязаниях, ученые, работавшие в Российской академии материальной культуры, направили письмо в тот же Моссовет, прося «принять меры к сохранению» церкви.

Но тщетно. Моссовет охотно откликнулся на требование красных дипломатов и в октябре 1924 г. отряд безработных ломает церковную колокольню, а в следующем году и саму церковь.

Церковь Введения на Лубянке,
1880-е гг. (ул. Б. Лубянка, 3)

Дом князей Голицыных,
начало XX в. (ул. Б. Лубянка, 12)

Сретенский монастырь, 1880-е гг.
(ул. Б. Лубянка, 19)

Разговоры о переносе памятника так и остались разговорами — на месте церкви так ничего не возникло — только стада автомобилей заполнили площадь.

Дом князей Голицыных

Напротив церкви Введения во храм, на углу с Фуркасовским переулком, находилась усадьба князей Голицыных.

В XVI в. тут было обширное владение князя Дмитрия Михайловича Пожарского, героя войны против польско-литовских интервентов. Часть этой усадьбы перешла после смерти Пожарского к его вдове княгине Федосье Андреевне, а после нее — к ее братьям, князьям Голицыным.

Для одного из этой фамилии, князя Н. М. Голицына, по проекту, утвержденному в 1776 г., знаменитый архитектор М. Ф. Казаков на месте старых палат выстроил дворец в классическом стиле с великолепными интерьерами. Особенно красив был большой парадный зал, украшенный тонкой лепниной.

Голицыным дворец принадлежал до 1807 г.; потом он находился в руках различных владельцев, в 1843 г. стал сдаваться в наем для размещения 3-й московской гимназии, а через 12 лет казна и вовсе купила его для той же гимназии, которая занимала дворец до самой революции.

Среди многих выпускников 3-й гимназии необходимо упомянуть поэта В. Ф. Ходасевича и известного органиста А. Ф. Гедике.

При гимназии в 1870—1889 гг. работали Лубянские женские курсы — первенец женского высшего образования в Москве.

После 1917 г. гимназическое здание, как и многие другие в этом районе, захватила ВЧК. К концу 1920-х гг. этому учреждению понадобился «культурный центр». Проект его заказали архитектору И. А. Фомину, который выполнил его, как он сам выражался, в стиле «пролетарского классицизма».

Летом 1928 г. казаковский дворец начали ломать и осенью того же года строить клуб чекистов, так называемый «Дом Динамо», в котором находились зрительный зал, магазин и квартиры.

Сретенский монастырь

Одно из самых достопамятных мест московских — Сретенский монастырь, основание которого связано с событием, случившимся в 1395 г. Тогда до Москвы дошло ужасное известие: к ней приближался грозный и неумолимый враг — знаменитый своей жестокостью, непобедимый Тимур, разбивший перед тем заклятого и сильного врага русских — Золотую Орду. «Весть о нашествии сего нового Батыя привела в ужас всю Россию, — рассказывает Н. М. Карамзин. — Ожидали такого же общего разрушения, какое за 160 лет перед тем было жребием Государства нашего». Великий князь Василий Дмитриевич встал во главе войска, отправившегося к реке Оке, где у Коломны он приготовился встретить нежданного гостя; Москву же он поручил своему дяде Владимиру Андреевичу Храброму. «Между тем все церкви Московские были открыты с утра до глубокой ночи. Народ лил слезы пред олтарями и постился. Митрополит учил его и Вельмож Христианских добродетелям, торжествующим в бедствиях. Но слабые трепетали», — продолжает свой рассказ Н. М. Карамзин.

Для ободрения москвичей и поднятия духа народного великий князь просил митрополита перенести в Москву чудотворный образ Владимирской Божьей Матери, самой почитаемой святыни русской земли: «бесчисленное множество людей на обеих сторонах дороги преклоняло колена, с усердием и слезами взывая: «Мать Божия! спаси землю Русскую!»

Икону встретили толпы народа вместе с митрополитом Киприаном, князем Владимиром и семейством великокняжеским на Кучковом поле, и, как писали современники, именно в тот же час грозный Тимур без всякой видимой причины повернул назад. На месте встречи, или сретенья, как говорили тогда, Владимирской иконы, оставшейся с тех пор навечно в Москве, и был основан монастырь, названный Сретенским.

Кучково поле, находившееся за пределами города, по дороге на Владимир, было довольно обширным: начиналось оно, возможно, от посада, на краю которого стояла церковь Троицы в Старых полях (у нынешней Никольской улицы). Это поле было известно в летописях Москвы: на нем состоялась казнь последнего тысяцкого из знатного рода Вельяминовых вместе с сурожским купцом Некоматом, замысливших измену великому князю. Случилось это в 1378 г.: «Бе множество народа стояща, и мнози прослезышась о нем и опечалишась о благородстве его и величестве его», — повествует летописец.

Еще до основания монастыря на Кучковом поле, у места встречи Владимирской иконы, находилась небольшая деревянная церковь св. Марии Египетской. Рядом с ней в 1395 г. построили церковь в честь Владимирской иконы и вокруг этих

двух церквей и основали в 1397 г. новую мужскую обитель — Сретенский монастырь.

Иван III в 1482 г. построил в монастыре каменное здание Владимирской церкви, которое в свою очередь, как обветшавшее, было перестроено заново в 1679 г. Этот храм — единственный сохранившийся до наших дней.

Не так повезло в советское время другим монастырским постройкам: была сломана церковь св. Марии Египетской, обновленная в 1784 г. Афанасием Абрамовичем Гончаровым, прапрадедом Натальи Николаевны Пушкиной. Та же участь постигла и вышедшую на улицу колокольню с замечательным гармоничным подбором колоколов, и вместе с ней — церковь святителя Николая постройки 1688 г.

Снос происходил в 1930 г.

Церковь святого Иоанна Предтечи

На углу Фуркасовского переулка и Малой Лубянки находилась небольшая церковь — скромный одноглавый четверик ее был украшен узорными наличниками, к нему примыкала широкая трапезная, над которой на четырехугольном основании поднимался восьмигранный ярус звона невысокой колокольни.

По преданию, церковь Иоанна Предтечи была построена в этой местности впервые еще во времена великого князя Ивана Даниловича Калиты, рядом с великокняжеским дворцом, который якобы находился именно здесь. Однако, документально подтверждается лишь то, что церковь эта существовала в 1620 г. и была тогда деревянной. Каменное же здание церкви было выстроено значительно позже — в 1741 г.

В церкви, по словам современника, сохранялись замечательные по своей древности иконы: Иоанна Предтечи, Николая чудотворца, Екатерины великомученицы и Божией Матери Виленской.

Как это ни странно, Предтеченская церковь пережила годы сплошных сносов в 30-х годах, находясь в непосредственной близости от своего страшного соседа: ГПУ—НКВД. Однако, это соседство, в конце-концов, и погубило ее.

Произошло это в 1944—1945 гг. при строительстве нового здания для этого ведомства, все время испытывавшего нехватку помещений для своей, достаточно хорошо известной теперь деятельности, и, конечно, небольшая старинная церковь оказалось еще одной жертвой наших славных чекистов.

Церковь святого Иоанна Предтечи,
1880-е гг. (ул. М.Лубянка)

Церковь Гребневской Божьей Матери,
1880-е гг. (Мясницкая ул., 2)

Златоустовский монастырь, 1880-е гг. (Б. Златоустинский пер., 5)

Церковь Гребневской Божьей Матери

Необычная церковь стояла на Лубянской площади, на углу с Мясницкой улицей. Маленькая, одноглавая, с небольшой приземистой колокольней, более похожая на скромную сельскую приходскую церквушку, она, как приезжий провинциал, остановилась в самом центре, на одной из самых оживленных площадей, изумленно глядяваясь в суету большого города.

Седой древностью веяло от ее облика — по преданию, ее каменное здание воздвиг тут царь Иван Грозный в конце XVI в., но еще раньше здесь стояло деревянное здание церкви Успения Пресвятой Богородицы, называвшейся «что на Бору». Ее построил в 1462 г. великий князь Иван III перед походом на Новгород, закончившимся его покорением и переселением многих семей новгородцев в Москву, на Лубянку.

При перестройке церкви в камне внук его, царь Иван IV Грозный принес сюда и поставил в церкви почитаемую икону Гребневской Божьей Матери, по преданию, поднесенную еще в XIV в. великому князю Дмитрию Донскому.

Один из приделов этой церкви, посвященный св. Иоанну Белгородскому, был выстроен в 1635 г. на средства дьяка Стрелецкого приказа Гавриила Леонтьева, а в 1711 г. вся церковь была обновлена — заменена церковная глава и выстроена трапезная с приделом св. Сергия. 21 ноября 1711 г. церковь была освящена митрополитом Стефаном Яворским.

Особенно интересной была архаичная, простых форм, шатровая колокольня, бывшая, возможно, самой древней шатровой колокольней в Москве. Специалисты относили церковь к новгородско-псковскому типу и считали ее единственной среди архитектурных памятников XVI в.

Уникальной была и настенная фреска «Успение Богоматери» также XVI в., находившаяся в киоте на наружной северной стене, а также надпрестольная сень с оловянными украшениями и слюдяными вставками. Прекрасен был и резной иконостас XVII в. с иконами того же времени и такое же древнее бронзовое литое паникадило.

В церкви был похоронен один из известных ученых начала XVIII в., автор первого русского учебника арифметики, бывшего, по сути, своеобразной энциклопедией математических знаний того времени, Леонтий Магницкий, умерший в 1739 г.

В числе немногих самых ценных архитектурных памятников Москвы церковь Гребневской Божьей Матери была в 1924—1928 гг. расчищена от поздних пристроек и тщательно отреставрирована. А потом... Потом началась «славная» эпоха преобразований.

Не пожалели строители социалистической Москвы древней церкви. 25 марта 1933 г. Моссовет принимает постановление о том, что «В связи с прокладкой шахт №№ 13 и 14 Метростроя церковь Гребневскую закрыть, а здание передать Метрострою для установки машин».

И в недавно отреставрированной церкви загудели машины...

К концу строительства первой очереди метро бывшая церковь оказалась совсем ненужной, и в 1935 г. к пролетарскому празднику 1 мая ее снесли.

Златоустовский монастырь

Судьба Златоустовского монастыря — еще один пример того, как ведомство советской политической полиции обращалось с русским национальным достоянием. Ему, этому ведомству, понадобилось построить несколько жилых домов для своего раздувавшегося персонала, да так, чтобы эти дома стояли недалеко от их главного офиса на Лубянке.

Инженерно-строительный отдел ОГПУ (это сокращение, когда-то всем известное, обозначало Особое Главное Политическое Управление) определил место для будущего строительства на участке, где находился древний Златоустовский монастырь.

Монастырь был основан в московском посаде, возможно, в конце XIV или в начале XV вв. — летопись упоминает о нем в 1412 г. В монастыре находилась тогда деревянная церковь св. Иоанна Златоуста, «гостей московских строение», т. е. выстроенная московскими купцами. Монастырь был небольшой, бедный, но на него обратил внимание сам великий князь Иван III Васильевич. Рядом простирались обширные великокняжеские сады, стоял его загородный дом, и великий князь возымел желание сделать крупные пожертвования в соседний монастырек, ибо «да уже оскудевати начят монастырь той», но самое главное — храм его был освящен во имя небесного покровителя великого князя — святого Иоанна Златоуста.

На щедрые пожертвования Ивана III строительство нового монастырского храма псковскими мастерами началось в 1479 г., и примерно в то же время стали строить еще одну церковь во имя св. апостола Тимофея, ибо в день его поминовения родился великий князь. Главный собор долго стоял неосвященным, так как великий князь и митрополит никак не могли сойтись во мнении — как ходить с крестами при освящении: по солнцу или против.

Почти через двести лет главный монастырский собор стали перестраивать заново и в 1663 г. на средства князя Федора

Барятинского возвели большой пятиглавый храм с ходовой папертью. На протяжении первой половины XVIII в. в монастыре опять проходят большие строительные работы: в 1712—14 гг. поднимается колокольня, перестроенная в 1746 г. известная тогда архитектором И. Ф. Мичуриным; в 1713 г. на средства адмирала Федора Апраксина строится Благовещенская церковь, а над святыми воротами монастыря в 1742 г. возводится церковь святых Захарии и Елизаветы на пожертвования, сделанные самой императрицей Елизаветой Петровной. Тогда только-только произошел переворот в Петербурге — сторонники Елизаветы арестовали правительницу Анну Леопольдовну и возвели на престол «дщерь Петрову», и в 1742 г. в Москве происходит торжественная коронация новой императрицы. Она делает щедрые пожертвования в Златоустовский монастырь и приглашает московского архитектора И. Ф. Мичурину для составления проекта и руководства постройкой. Церковь славилась великолепным резным иконостасом, выполненным также по рисунку Мичурина.

Последней большой постройкой в Златоустовском монастыре была Троицкая церковь, возведенная в 1757—1761 гг. с приделом во имя незадолго перед тем канонизированного русского святого Дмитрия, митрополита Ростовского, одного из выдающихся деятелей русской церкви, праведника и труженика, создателя грандиозного сочинения — «Четьих Миней». В Троицкой церкви был первый престол в честь этого святого. В 1821 г. усердием купцов-сибиряков, торговавших в Москве, к церкви был пристроен придел, освященный во имя еще одного русского святого — Иннокентия Иркутского, прославившегося миссионерской деятельностью среди малых народов Сибири. Он учил их ремеслам, строил церкви, прививал оспу, переводил для них Библию.

Вероятно, к XVIII в. относятся и скромные здания монастырских келий.

На небольшом монастырском кладбище находились могилы известных русских государственных деятелей.

Там похоронили сподвижника Петра Великого — генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, с детских лет бывшего неразлучным товарищем в играх юного царя. Позже вместе с ним он побывал за границей, где изучал морское дело; в России Апраксин строил речные и морские суда, верфи и гавани, заведя Адмиралтейским приказом. Он участвовал и в военных действиях, отличившись в Северной войне. Апраксин один из первых получил графское достоинство и стал тогда генерал-адмиралом и кавалером высшего российского ордена святого апостола Андрея Первозванного. Ф. И. Апраксин много жертвовал монастырю, и на его средства была построена Благовещенская церковь, где он и был похоронен в 1728 г. В монастыре долгие годы бережно сохранялось пожертвованное им паникадило с надписями на шведском и латинском языках, в память о шведском походе Апраксина.

В Златоустовском монастыре покоился и Александр Иванович Румянцеv, когда-то небогатый костромской дворянин, замеченный Петром, взяв-

шим его своим ординарцем за беспрекословное и точное выполнение всех его приказов. Вместе с Петром Толстым он захватил и привез в Россию царевича Алексея, он участвовал и во многих сражениях и дипломатических переговорах. За заключение мирного договора с Швецией в 1743 г. Румянцев получил графский титул, перешедший по наследству к его сыну Петру Александровичу Румянцеву, ставшему знаменитым полководцем, и к внуку — Николаю Петровичу, канцлеру и меценату, основателю Румянцевского музея.

На том кладбище была также могила сотрудника Петра Великого, моряка и военного деятеля, одного из первых потешных, принимавшего участие в Полтавской битве и в персидском походе. Как свидетельствовала надпись на его надгробной плите, Федор Александрович Матюшкин, «веселым добротным сердцем, забыв прежде понесенные военные труды и все прежние случаи смерти [!], поступал смело, воевал крепко, побеждал с триумфом».

В Златоустовском монастыре были похоронены и царевичи Касимовские, князья Урусовы, Засекины, Пронские, Барятинские, Хилковы, Мосальские, и многие многие другие.

Ничего не пожалели доблестные чекисты — ни древних могил, ни соборов. На месте уютного монастырского двора, утопавшего в зелени разросшихся старых лип и буйном цветении густых кустов сирени, они стали строить себе жилые дома. Зимой 1933 г. сломали главный монастырский собор — святого Иоанна Златоуста, весной и летом этого же года за ним последовали и все оставшиеся постройки. Останки предков были выкинуты, вырыт котлован и начато строительство нескольких жилых домов, клуба и столовой.

Любопытно отметить, что среди многих заслуженных чекистов квартиры в новых домах получили писатели А. А. Фадеев и А. Н. Афиногенов.

Церковь святого Евпла

После установления советской власти в Москве одна из первых пала жертвой церковь архидьякона Евпла на Мясницкой. Она стояла на небольшом участке на самом углу Милютинского переулка (ныне ул. Мархлевского — Авт.) и Мясницкой и ничему и никому не мешала, но именно на нее покусились советские хозяйственники при явном попустительстве, а то и поддержке, Моссовета и Московского комитета большевистской партии.

Церковь иногда называлась «Евпл великий» и, вероятно, была настолько заметна, что сама улица, на которой она стояла, некоторое время называлась по ее имени — Евпловкой. Есть известия, относящиеся к XVI и XVII вв., что рядом с ней стояла еще одна каменная церковь — во имя св. Ильи пророка.

К середине XVIII в. здание Евпловской церкви обветшало, приход ее увеличился, да и архитектурная мода изменилась, и

на средства, завещанные генерал-майором Томиловым, по прошению его вдовы Дарьи Лукинишны Томиловой и прочих прихожан началось строение нового здания церкви, которое продолжалось с 1750 по 1769 год. Выстроили великолепное здание — автором его был незаурядный архитектор, к сожалению, оставшийся неизвестным, хотя можно было бы предположить авторство Мордвинова. На квадратном основании четверика возвышался мощный шестиугольник с еще одним, значительно меньшим, увенчанным куполом. Рядом стояла прекрасных форм колокольня, повторяющая в несколько измененных пропорциях главное здание. Все здание опоясывала аркада с плоской крышей — с нее можно было попасть в верхнюю церковь, с престолом, освященным во имя св. Троицы. Престол св. Евпла находился в нижней церкви.

Здание Евпловской церкви очень выгодно стояло на Мясницкой — оно было поставлено как раз на изгибе улицы и было прекрасно видно с самых разных ракурсов.

Здесь решили горе-хозяева выстроить новое здание для трестов. Оно было задумано по тому времени огромным, в газетах писали чуть ли не о небоскребе, и вот 30 мая 1925 г. контора Мосстроя посылает письмо в Главнауку, в котором просит «снять с учета» Евпловскую церковь. Ученые отвечают: здание «представляет историко-художественный интерес, являясь цельным и единственным в Москве в своем роде образцом памятника переходной эпохи, объединившим архитектурные приемы допетровского времени с западноевропейскими воздействиями». Ввиду этого Главнаука категорически была против снятия с учета церкви (т. е. ее разрушения — Авт.). Ученые даже предложили подходящее место для задуманного строительства — на углу с Кривоколенным переулком, где ничего стоящего сохранения не было.

Но не тут-то было. Никакие резоны, тем более такие, которыми оперировали ученые из Главнауки, не действовали. Участь церкви была предрешена, выступление архитектора А. В. Щусева за сохранение церкви вызвало отповедь некоего Попова (Сибиряка), написавшего в журнале «Коммунальное хозяйство», что «Мясницкой нужны многоэтажные дома из железа и зеркальных стекол; побольше стекла, поменьше камня. На Мясницкой лишняя не только церковь Евпла, но и «Флора и Лавра» и «Меньшикова башня»... Сохранять же при росте и перепланировке столицы всякую церковь Евпла только потому, что это памятник старины, нельзя, так как это бесполезно и даже вредно». Вот так, бездоказательно, коротко и ясно, — по-большевистски!

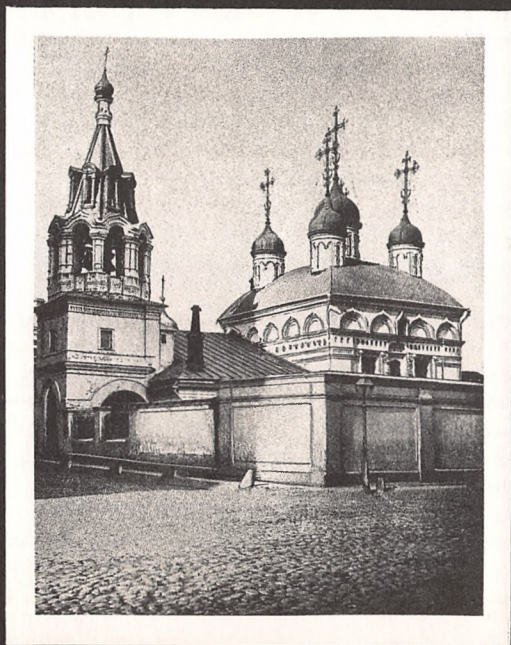
И уж, конечно, никак делу не помогло письмо общины верующих при Евпловской церкви, подписанное 83 прихожанами.

ВЦИК РСФСР 6 июля 1926 г. выносит постановление, разрешающее снос церкви, а Президиум Моссовета, получив его,

Церковь святых Флора
и Лавра в Мясниках,
1880-е гг. (Мясницкая
ул., 23)

Церковь святого Евпла
архидьякона, 1880-е гг.
(Мясницкая ул., 9)

принимает как руководство к действию, и 25 июля того же года выносит свое собственное постановление — снести. Но все это было оформлением уже содеянного *post factum*: еще за пять месяцев до этой милой переписки газета «Рабочая Москва» в номере от 27 февраля писала, что «в данное время производится сломка церкви на Мясницкой улице, на углу Милютинского переулка», а через месяц в заметке под названием «Расширение Мясницкой улицы» в номере от 25 марта она сообщила своим читателям о Евпловской церкви: «Это здание сильно мешает уличному движению. Силами безработных эта церковь разбирается. Уже снята колокольня и разобрана часть здания. Работы окончатся в середине лета».

Обещание было сдержано — церковь разрушена. Но что же было построено в результате всей этой лихорадочной деятельности? Да ничего.

Церковь Флора и Лавра

Из окон знаменитого Московского училища живописи, ваяния и зодчества была хорошо видна церковь святых Флора и Лавра, стоявшая на Мясницкой, почти у самых Мясницких ворот. Главы ее, осененные крестами, и шатровая колокольня запечатлевались не только на ученических холстах, но и на картинах известных художников.

Теперь будущие художники уже не рисуют в стенах Юшкова дома, где находилось училище — оно давно покинуло его, — да если бы и случилось чудо, и Перов, Саврасов, Левитан, Нестеров оказались бы в стенах *alma mater*, то они сочли бы вид, открывшийся из окон, дурным сном: вместо красавицы-церкви теперь на грязной, неухоженной площадке стоят вонючие грузовики, по краям площадки — разнокалиберные ларьки и прямо за ними, на другой стороне бульвара — уродливая стена недавно возведенного административного здания, перекрывшая полностью перспективу Мясницкой улицы.

Церковь святых Флора (в народе часто говорили Фрола) и Лавра была сооружена в 1657 г. вместо старой деревянной, стоявшей к востоку от нее. Возможно, что старая церковь, как и новая, была приходской для слободы мясников, поселившихся у Мясницких ворот (сами ворота и улица получили свое название от этой слободы). Старая же церковь упоминалась в известии о пожаре, случившемся 21 июня 1547 г.

Новую каменную церковь выстроили на земле, подаренной тяглецами слободы Александром Марковым и Никитою Гавриловым. Приверженность слобожан к этим святым — Флору и Лавру — объяснялась тем, что они считались покровителями

скота и особенно лошадей: «умолил Фрола и Лавра — жди лошадям добра». Это было чисто русское поверье, ибо ничто в житиях святых не указывало на то, что они были как-то связаны со скотоводством.

С давних пор установился обычай приводить к церкви 18 августа, в день поминовения святых, празднично украшенных лошадей. Секретарь при шведском посольстве Э. Кемпфер, посетивший Москву в конце XVII в., записал: «В субботу 18 августа был праздник св. Флора, покровителя скота и лошадей, почему привели бесчисленное множество лошадей к главному входу церкви сего Святого у Мясницких ворот, где одетый в красные ризы священник окроплял их по нескольку раз святою водою». Значительно позже, в 1836 г. о том же обычае оставил запись в своем дневнике москвич, известный историк Иван Михайлович Снегирев: «Я поехал на праздники к Св. Фролу и Лавру, где встретился с матушкой своей. Окропив лошадей своих по примеру других св. водой...»

Церковь была настолько известна и уважаема в Москве, что после окончания ее строительства и освящения царь Алексей Михайлович указал переименовать Мясницкие ворота и впредь называть их Фроловскими, но, правда, название это в народе так и не прижилось.

При осмотре церкви до революции архитектор В. П. Десятов писал, что она представляет «прекрасный памятник русского искусства». Здание церкви внешне хорошо сохранялось, а внутри нее стоял замечательный резной золоченый иконостас, современный церкви, с иконами XVII в. Интересно отметить, что на клиросах церкви были изображены греческие философы со свитками в руках: Платон, Аристотель, Солон. В церкви были похоронены многие ее прихожане и в их числе Дмитриевы-Мамоновы и Бахметьевы.

Попытки снести церковь св. Флора и Лавра предпринимались еще в 1925 г.: 8 августа Московский совет народного хозяйства просил разрешить снос церкви для постройки здания машиностроительного треста, так как, видите ли, здание церкви было ветхим и, по мнению чиновников, «малоценным».

Тогда удалось отбиться: Главнаука Наркомпроса решительно воспротивилась вандализму. В письме, направленном в Президиум Моссовета, говорилось, что здание церкви «отлично сохранилось во всех почти деталях», особо отмечались фигурный портал со старинными дверями, низкие шлемовидные купола и отличная по форме колокольня. Главнаука настаивала на сохранении церкви, отмечая, что она вместе с соседним зданием бывшего училища живописи, ваяния и зодчества составляет «чрезвычайно интересную группу».

В 1930-х гг. церковь стали приспособлять для нужд Метростроя — рядом строилась станция метро «Кировская». При этом пробили алтарную стену церкви и обнаружили колодец,

дно которого находилось на метр ниже уровня фундамента, там начинался подземный ход, который через шесть метров разделялся еще на три коридора, засыпанных землей. По предположению археологов, ходы вели в тайники, где хранили ценности.

После окончания строительства первой очереди метро, когда прямая необходимость в сохранении церкви отпала, ее просто разрушили, а место, где она стояла, заровняли асфальтом. Случилось это в 1934 г.

Армянская церковь Воздвижения Креста Господня

Москва издавна была многонациональным городом. Она находилась на пересечении важных торговых путей, соединявших страны Востока с Западной Европой. В Москве жили и имели свои конторы и склады купцы из многих стран, и среди них важную роль играли армянские купцы, которые, по мнению некоторых исследователей, обосновались в Москве с XIV столетия. Но армяне особенно часто стали приезжать со второй половины XVII в. — тогда в Москве поселяются не только армянские купцы и духовенство, но и ремесленники, а в Москве и под Москвой армянами заводятся фабрики.

Одним из таких фабрикантов был некий Игнатий Шериманян, поселившийся у Покровки, где, возможно, уже тогда была большая колония армян, обосновавшаяся в Столповском (его иногда называли Артамоновским) переулке, и с того времени называвшимся Армянским.

В 1758 г. у Шариманяна всю усадьбу приобретают Лазаревы (Лазарян), семья армянских купцов, переселившаяся из города Нор-Джюльфа сначала в Астрахань, а потом в Москву. Под городом они основали большую шелковую фабрику, а в самой Москве Лазаревы купили усадьбу у Шериманяна. Позднее один из Лазаревых оставляет 200 тысяч рублей на строительство «приличного здания для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» — на будущий знаменитый Лазаревский институт.

Христофор Лазаревич Лазарев жертвует значительную сумму денег на строительство армянской церкви, которую он предполагает выстроить на участке напротив усадьбы в Армянском переулке. В 1770 г. он получает разрешение на строительство и поручает подготовить проект известному петербургскому архитектору Юрию Матвеевичу (Георгу Фридриху) Фельтену, который ранее выстроил армянскую церковь на Васильевском острове в Петербурге. Фельтен работал у

Церковь святого Николая
чудотворца в Столпах,
1880-е гг. (Армянский пер., 4)

Армянская церковь
Воздвижения, конец XIX в.
(Армянский пер., 5)

Растрелли, он был автором знаменитой решетки Летнего сада и великолепной Чесменской церкви. Архитектор исполнил проект, по которому в 1779 г. (упоминается также 1781 г.) церковь и была выстроена.

В 1820-х гг. церковь перестраивалась крепостным архитектором И. М. Простаковым. Тогда она была украшена замечательными скульптурами известного московского скульптора Ивана Витали.

Этот прекрасный памятник архитектуры снесли в 1930-х гг.(?) без всякой видимой причины, ибо церковь стояла в глубине двора и никому не мешала. На ее месте выстроили типовое школьное здание.

Церковь святого Николая, что в Столпе

Сначала о названии. Высказывалось такое мнение: слово «столп» обозначало контору или канцелярию, которая якобы тут недалеко и помещалась, а рядом стояла церковь, которая так и называлась — «что у Столпа». Но такое значение этого слова, насколько мне известно, нигде не было зафиксировано. В применении же к канцелярскому обиходу «столпом» назывался длинный бумажный или пергаментный свиток, состоящий из многих отдельных листов, склеенных между собою.

Другое значение этого слова связано со святыми подвижниками, умерщвлявшими плоть и достигавшими высот духа — они могли сидеть на столбе (столпе) по многу времени без пищи и воды, не разговаривая ни с кем. Они так и назывались — столпники.

«Столпом» был также сторожевой или дозорный столб, ставившийся на высоком месте для наблюдения за неприятелем и передачи необходимых сведений о его передвижении. По обычаю, на столбе ставилась икона и, возможно, что по минуванию надобности в нем, здесь могла появиться церковь с престолом, освященным во имя святого, изображенного на иконе — в данном случае широко почитаемому на Руси святому Николаю угоднику.

Теперь о самом здании. Есть сведения от 1629 г., что по указу царя Алексея Михайловича и, возможно, по ходатайству его друга боярина Артамона Матвеева, вместо стоявшей на этом месте каменной церкви было выстроено новое великолепное здание, которое освятили в 1669 г. Зодчим был некий подмастерье каменных дел Иван Казмин, может быть, тот самый зодчий Иван Кузьмин Кузнецик, который построил живописную церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке и церковь Покрова в Измайлове.

Здание церкви было нарядно украшено — по богатству

декора эту церковь можно было сравнить с такими прекрасными образцами древнерусского искусства, как церковь Рождества в Путинках и Троицы в Никитниках. Верхний храм, увенчанный горкой кокошников, стоял на подклете, окруженной ходовой папертью, поддержанной арками на столбах. У церкви была красивая, украшенная поливными изразцами, шатровая колокольня с 48 слухами — больше, чем у какой-либо другой московской колокольни.

И внутреннее ее убранство соответствовало внешнему великолепию: церковь украшал роскошный пятиярусный резной иконостас, выполненный в 1700 г. В нем находились древние иконы XVII или даже XVI столетия. В алтаре сохранялась храмовая шитая икона св. Николая чудотворца.

Что же касается истории, то необходимо сказать, что в приходе этой церкви жили два непримиримых врага — Артамон Сергеевич Матвеев и Иван Михайлович Милославский, дома которых стояли рядом друг с другом напротив церкви.

Сын дьяка Сергея Матвеева Артамон был другом царя Алексея Михайловича, он с детских лет находился при дворе и воспитывался вместе с царевичем. Матвеев отличился на военном и дипломатическом поприщах, но особенного влияния он достиг, когда умерла Мария Милославская — первая жена Алексея Михайловича, и царицей стала его воспитанница Наталья Нарышкина. Кроме дел иностранных Матвеев заведывал приказами Малороссийским и Новгородским, ему же был поручен и Аптекарский приказ. Матвеев был человеком новой формации, содействовавшим введению западных нравов и обычаев на Руси. Возможно, этому способствовала его жена шотландка, урожденная Гамильтон, — в его домашней церкви иконы были написаны «наилучшим итальянским письмом». Матвеев занимался изданием исторической литературы, при нем зарождается театр: «тешили немцы, как Алоферну царю царица голову отсекала, и на органах играли немцы да люди дворовые Матвеева», и концертные музыкальные исполнения: «На заговенье была потеха — немцы и люди Матвеева играли на органах, на фиолах и на страментах, и танцовали».

Матвеев стал ближним боярином, начальником Монетного двора, главой Стрелецкого и Казанского приказов. За границей первым министром московского царя, но с кончиной Алексея Михайловича враги боярина, Милославские, обвинили Матвеева в чародействе и злом умысле на благополучие государя. Его сместили и послали воеводой в маленький и далекий город Верхотурье, но по дороге туда, он был остановлен и отправлен в ссылку в Пустозерск. Оттуда он вернулся только после того, как его крестница Марфа Матвеевна Апраксина была избрана супругой царя Федора Алексеевича.

Боярин попал в столицу уже после смерти царя Федора, когда к власти пришли Нарышкины и провозгласили царем малолетнего Петра, отстранив таким образом Милославских, — ведь брат Петра, слабый и тщедушный Иван был сыном первой жены Алексея Михайловича Марии Милославской.

Матвеев приехал в Москву 12 мая 1682 г. и сразу же настроил против себя стрельцов, распущенных и разбалованных Нарышкиными: «Они так-вы, — сказал Матвеев, — что, если им хоть немного попустить узду, то они дойдут до крайнего бесчинства...» Он оказался прав. Подстрекаемые Иваном Милославским, который по образному выражению С. М. Соловьева, «кипятил заговор», и князем Хованским-«Тараруем», стрельцы взбунтовались. Между ними был пущен слух, что один из Нарышкиных, молодой,

надменный и неумный Иван, став в 23 года боярином и оружничим, сажился на трон, примерял на себя царский наряд и говорил, что он ему идет как никому другому и, когда царевна Софья и царевич Иван стали его укорять, он бросился на царевича и едва не задушил его.

Во вторник 15 мая 1682 г., в полдень, когда бояре собрались в Кремле на совет, толпы вооруженных стрельцов, возбужденные криками: «Иван Нарышкин задушил царевича Ивана Алексеевича!», бросились на Красную площадь и ворвались в кремлевские ворота, которые не успели затворить. Они потребовали показать им царевича Ивана: Наталья Кирилловна вышла на крыльцо, ведя с собою Петра и Ивана, но стрельцы не унимались и кричали «Выдайте нам изменников! Выдайте Нарышкиных, мы корень их весь истребим!» Они ворвались во дворец, набросились на бояр, хватили их и бросали на копыя стрельцов, стоявших у дворца. Они схватили Матвеева, стоявшего около царицы Натальи и маленького Петра. Матвеев взял за руку Петра, но стрельцы оттащили его. Князь Черкасский пытался защитить боярина, но его избili, порвали на нем платье, вытащили Матвеева, бросили на копыя и изрубили в куски.

Изуродованное тело убитого долго лежало на Красной площади, и никто не решался приблизиться к страшному месту, за исключением только верного слуги боярина, крещеного арапа Ивана, который собрал останки своего господина, отнес их в приходскую церковь св. Николы, что в Столпе и похоронил их у церкви.

Над гробом Матвеева построили небольшое деревянное строение, более похожее на простую избу, чем на памятник. Рядом с Матвеевым похоронили и верного его слугу, а потом и членов его семьи — жену боярина Евдокию Григорьевну, сына, известного государственного деятеля, дипломата Андрея Артамоновича Матвеева, его жену и двух внуков.

Любопытно отметить, что при этой же церкви погребались и Милославские — тут в 1680 г. был похоронен боярин Иван Михайлович. Но после подавления стрелецкого восстания, Петр I, запомнивший на всю жизнь ужасные сцены стрелецкого бунта (говорят, что именно после этих событий у Петра начались нервные припадки), приказал извлечь гроб с его полуразложившимся трупом и отвезти на повозке, запряженной свиньями, в Преображенское и поставить под помостом с плахой, на которой рубили головы мятежным стрельцам. Кровь их стекала ручьем в гроб Милославского...

Потомок Матвеевых граф Николай Петрович Румянцев (его бабушка, мать знаменитого полководца П. А. Румянцева-Задунайского, приходилась внучкой боярину Артамону Матвееву) решил соорудить достойный предков памятник над могилой.

Воздвигнутый в 1821 г., он представлял собой небольшое сооружение в виде классического греческого храма, проект которого принадлежал архитектору А. Ф. Элькинскому. На памятнике была надпись: «...в смутное время, от воров и бунтовщиков убиен бысть шестидесятилетний страдалец мученически ближний боярин Артемон Сергеевич Матвеев, три дни пробыв в царствующем граде Москве, свободився из общего соблюдения и из заточения из Пустозерского острогу в 4 день, убо скончався венцем страдания...»

Дальнейшая судьба памятника Матвеевым печальна.

В 1923 г. нарком просвещения получил письмо о заброшенном состоянии гробницы Матвеевых: «стекла в окнах все выбиты, входная дверь открыта, на полу между гробницами мусор». Для поддержания гробницы прихожане просили разрешить им собирать деньги и устраивать «торжественные богослужения и духовные концерты с участием выдающихся сил». Ничего, конечно, им не разрешили, но гробницу все-таки отремонтировали и... устроили там квартиру с печью, кухней и уборной, предварительно выбросив на улицу надгробия.

Сама же церковь дождала до зимы 1935 г. Ее (и памятник) снесли, на ее месте построили школу, а совсем недавно на месте алтарей «воздвигли» что-то уж совсем уродливое...

Церковь Успения в Котельниках

Вот уж что было подлинным московским чудом! Взор поражало необыкновенное здание, сияющей горой вздымавшееся над окружающими низкими зданиями, подобно дворцу, созданному по единому мановению руки неведомого волшебника.

«Остановитесь здесь, почтенный читатель, и полюбуитесь на единственный вид сего храма... Это своего рода идеал... вы увидите, что все части сего здания имеют симметрию и не постижимую легкость», — так написано в «Историческом путеводителе» 1831 г. А вот, как оценивали храм авторы «Истории русского искусства», изданной в 1956 г.: «...подчеркнутая симметрия в композиции здания и его декоративном убранстве придают необычайную торжественность и классическую законченность этому выдающемуся сооружению... Изящество белокаменных деталей, высокое мастерство и тонкий художественный вкус зодчего, сказавшийся в стройной и торжественной композиции здания, делают этот памятник, построенный на рубеже двух столетий, своеобразным художественным итогом развития русского зодчества XVII в.».

Украшение Москвы — Успенская церковь — находилась на Покровке, старинной московской улице, где в XVII в. и, возможно, еще ранее находилась слобода котельников — ремесленников, делавших котлы, казаны, горшки и прочую кухонную металлическую утварь, и по этой слободе церковь называлась — «что в Котельниках». Люди они были, видно, не бедные, ибо выстроили после смутного времени трехпрестольный храм. В 1652 г. им была дана благословенная грамота, и уже в 1656 г. церковь была выстроена, так как в «Строельной книге церковных земель» было записано, что в тех местах «кладбище тесно и порозжих мест нет потому, что занято кладбище под каменную новую церковь».

Возможно, что тогда, когда слободы котельников уже не существовало, их церковь, ставшую обычной приходской, вознамерился перестроить самый уважаемый прихожанин, «гость», т. е. богатый купец, Иван Матвеевич Сверчков, владевший неподалеку, в переулке, который сейчас носит его имя (ранее он назывался Малым Успенским), прекрасными каменными палатами (они сохранились и недавно отреставрированы).

Немалых денег стоила постройка — задумал купец выстроить нечто еще невиданное в Москве и, надо думать, нанял мастера-зодчего не своего доморожденного, московского, а, судя по композиции здания, из дальней Украины.

Постройка проходила в два срока: сначала в 1697 г. построили нижнюю церковь и 24 сентября того же года выдали антиминос к новопостроенной церкви в придел Иоанна Предтечи (это был ангел-покровитель храмоздателя), главный же престол был освящен во имя св. Петра митрополита (в ней и похоронили позже храмоздателя и его родных). Потом, возможно, в начале XVIII в., выстроили верхнюю, Успенскую, самую замечательную и живописную церковь с тринадцатью (!) главами. Тогда же, вероятно, возвели и изящную колокольню с пятью шатрами.

По давнишней традиции принято считать автором этого архитектурного чуда некоего Петра Потапова. Эта фамилия стала известной из не очень разборчивой надписи на колонке западных дверей, находившихся в верхней церкви. Пропись этой надписи находится в архиве Центральных государственных реставрационных мастерских: «Ле[...] 7214 октября 21 дело рук усо[...] цир[...] о[...]ль именем Петрушы Потапов». Конечно же, отсюда никак нельзя заключить, кто был автором этого здания; единственное, что можно понять, это то, что некий Петруша Потапов в 1705 г. (это перевод в наше летоисчисление даты 7214) работал над резьбой колонки обрамления церковной двери и, следовательно, в это время заканчивалась отделка верхней церкви.

Успенская церковь стала одной из самых известных достопримечательностей Москвы. Знаменитый архитектор Василий Иванович Баженов в своей речи по случаю заложения нового Большого Кремлевского дворца, сравнивая две прекрасные московские церкви — Климента на Пятницкой и Успенскую, говорил: «Церковь Климента покрыта золотом, но церковь Успения на Покровке больше обольстит имущего вкус, ибо созиждена по единому благоволению строителя».

Церковь Успения на Покровке настолько поражала воображение москвичей, что именно с нею была связана легенда о том, как император Наполеон, явно не особенно озабоченный проблемой сохранения архитектурных памятников в занятой им Москве, был так поражен ее видом, что приказал своей гвардии охранять церковь от ограбления и пожара.

Ф. М. Достоевский, по словам его жены, приезжая в Москву, всегда останавливался у этой церкви и любовался ею. Вспоминая о своем медовом месяце в Москве, Анна Григорьевна писала: «Проезжая мимо церкви Успения божией матери (что на Покровке), Федор Михайлович сказал, что в следующий раз мы выйдем из саней и отойдем на некоторое расстояние, чтобы рассмотреть церковь во всей ее красе. Федор Михайлович чрезвычайно ценил архитектуру этой церкви и, бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть. Дня через два, проезжая мимо, мы осмотрели ее снаружи и побывали внутри».

Другой писатель, Стефан Цвейг, был восхищен ею, а наш известный ученый, филолог, специалист по древнерусской культуре, академик Д. С. Лихачев сам писал о том, что именно вид Успенской церкви побудил его выбрать свой жизненный путь.

В советское время церковь, хотя и не была разрушена в числе первых, все же не избежала общей участи: 28 ноября 1935 г. Моссовет вынес вот такое постановление: «Имея в виду острую необходимость в расширении проезда по ул. Покровке, церковь так называемую Успения по Покровке закрыть, а по закрытии снести».

Преступный приказ должным образом исполнили: церковь закрыли и зимой с 1935 на 1936 г. снесли.

Конечно же, никакого «расширения» проезда по ул. Покровке» произведено не было — все это только предлог. Теперь тут небольшой чахлый скверик.

Москва, и не только она, но вся Россия, да и весь мир обеднели, ибо потеряны памятник мирового значения, одно из самых замечательных свершений человеческого духа.

Церковь Спаса Преображения, что на Глинищах

Прекрасной формы ротонда виднелась на склоне холма над низменным Васильевским лугом у берега Москвы-реки на Лубянском проезде. Украшенная трехчастными «итальянскими» окнами, она — центр композиции всего здания — была окружена с трех сторон полукружиями с круглыми окнами-люкарнами, а с четвертой стороны, противоположной алтарю, к ней примыкал четырехугольный выступ с папертью.

Это было здание Спасопреображенской церкви, «что в Глинищах», впервые упомянутой в духовном завещании старца Симонова монастыря Адриана Ярлыка, написанном не позднее 1460 г.: «А загородский свой двор у святого Спаса на Глинищах, свою куплю, и с огородом, а то дал есми Фролу Яковлю и его жене и детям».

Название этого урочища до сих пор сохраняется в названии Малого Спасоглинищевского переулка — как раз на углу его с Лубянским проездом (с 1939 г. — проезд Серова) и стояла эта церковь.

Перестройка старой и обветшавшей церкви была начата в 1780 г. богатым прихожанином, коммерции советником Александром Уваровым, чей прекрасный дом в соседнем Большом Спасоглинищевском переулке до сих пор радует глаз ценителя своими формами. Тогда была выстроена только часть церкви, вся она закончена лишь в начале XIX в., а трапезная и колокольня — к середине того же столетия.

Приводятся и иные даты начала строительства — 1774 и 1776 г., но они вызывают серьезные сомнения в их истинности, так как существует план 1777 г., опубликованный П. В. Сытиным, на котором показаны очертания еще старой церкви.

На основе искусствоведческого анализа, авторство проекта Спасопреображенской церкви приписывается архитектору В. И. Баженову: «Ее целостный, выразительный, несмотря на довольно сложную конфигурацию, образ, спокойные и торжественные пропорции, центричность композиции — очень близки к творчеству знаменитого зодчего», — писала историк искусства Т. П. Каждан. Интересно, что недавно был обнаружен памятник, очень похожий на Спасопреображенскую церковь: в 1983 г. В. П. Выголов опубликовал статью о найденной им в городе Белозерске церкви, которая также может быть приписана В. И. Баженову.

На Лубянском проезде именно то место, где стояла Спасопреображенская церковь, было выбрано для постройки жилого здания «Военстроя». Церковь сломали в 1931 г., тогда же начали строительство и к 1934 г. выстроили такое, что журнал «Строительство Москвы» (№ 2 за 1934 г.) охарактеризовал как «пример чрезвычайно непродуманного и халтурного решения». И до сих пор это «халтурное решение» стоит на месте замечательного творения одного из самых выдающихся архитекторов России.

Церковь святых Кира и Иоанна

На Солянке, там где сейчас убогое строение с магазином кулинарии, стояла церковь св. Кира и Иоанна, прелестное небольшое здание, прекрасный образец барочного, немного вычурного, кокетливого стиля, широко распространившегося в России с воцарением Елизаветы Петровны, вместе с безумными тратами при дворе, с бесконечными увеселениями беззаботных вельмож. Замечательные примеры этого стиля дал граф Франческо Бартоломео Растрелли в своих летних и зимних дворцах Петербурга и Москвы.

Правда, начало европейского барочного влияния в России приходит на последние годы царствования Петра, когда его вкусы начинают меняться и он обращается от скромной, уютной голландской архитектуры к роскоши и пышности французского двора. В Петербург приглашают из Западной Европы зодчие Трезини, Леблон, Микетти, познакомив-

Церковь Успения Божьей Матери
в Котельниках, 1880-е гг.
(ул. Покровка, 7)

Церковь Спаса Преображения
в Глинищах, 1880-е гг.
(Лубянский проезд, 17)

Церковь святых Кира и Иоанна на
Солянке, 1880-е гг. (ул. Солянка, 4)

шие Россию с новой для нее архитектурой. Позднее в России продолжают работать в традициях барокко Ухтомский, Мичурин, Жеребцов, Бланк и другие.

Карл Бланк в 1760—70-х гг. считался первым архитектором в Москве и был буквально завален заказами, особенно после того, как он восстановил шатер монастырского собора в Новом Иерусалиме — это было тогда подлинной сенсацией.

Неудивительно поэтому, что императрица Екатерина II обратилась именно к нему с указанием построить церковь во имя святых Кира и Иоанна на Солянке, так как день празднования памяти этих святых приходится на 28 июня, на день, когда в Успенском соборе проходило ее коронавание.

Принцесса из захудалого германского княжества, ставшая самодержавной императрицей Всероссийской, она старалась получить, так сказать, «одобрение» небесных сил своему, мягко говоря, незаконному восшествию на престол. В Москве в память ее коронации были возведены две церкви — одна на Большой Ордынке, освященная в память святой великомученицы Екатерины, а другая здесь, на Солянке. Автором обоих храмов был Карл Бланк.

Бланк много строил в городе: ему принадлежат проекты храма святых Бориса и Глеба на Арбатской площади, снесенного в 1931 г., храма святого Николая, что в Звонарях, на Рождественке; под его руководством и, возможно, частично по его проектам строился Воспитательный дом, под его влиянием застраивалась графом Шереметевым подмосковная усадьба Кусково. По некоторым предположениям, автором одного из самых замечательных московских дворцов в стиле барокко — дома Апраксиных на Повровке — также был Карл Бланк.

На Солянке до постройки им церкви св. Кира и Иоанна стояла Троицкая церковь, каменное здание которой было освящено в 1653 г. Она сгорела во время пожара 1754 г. и через четыре года была восстановлена и освящена митрополитом Тимофеем. Новая церковь во имя св. Кира и Иоанна стала строиться согласно именному Высочайшему указу в 1765 г., а освящение построенной церкви митрополитом Амвросием в присутствии самой императрицы происходило 11 января 1768 г.

В 1874 г. церковь отдали Сербской митрополии для подворья, т. е. посольства ее при Русской церкви. В 1892 г. по проекту архитектора М. С. Шуцмана построили небольшую часовню с кокошниками и шатровым верхом в модном тогда русском стиле, освященную во имя св. Саввы Сербского.

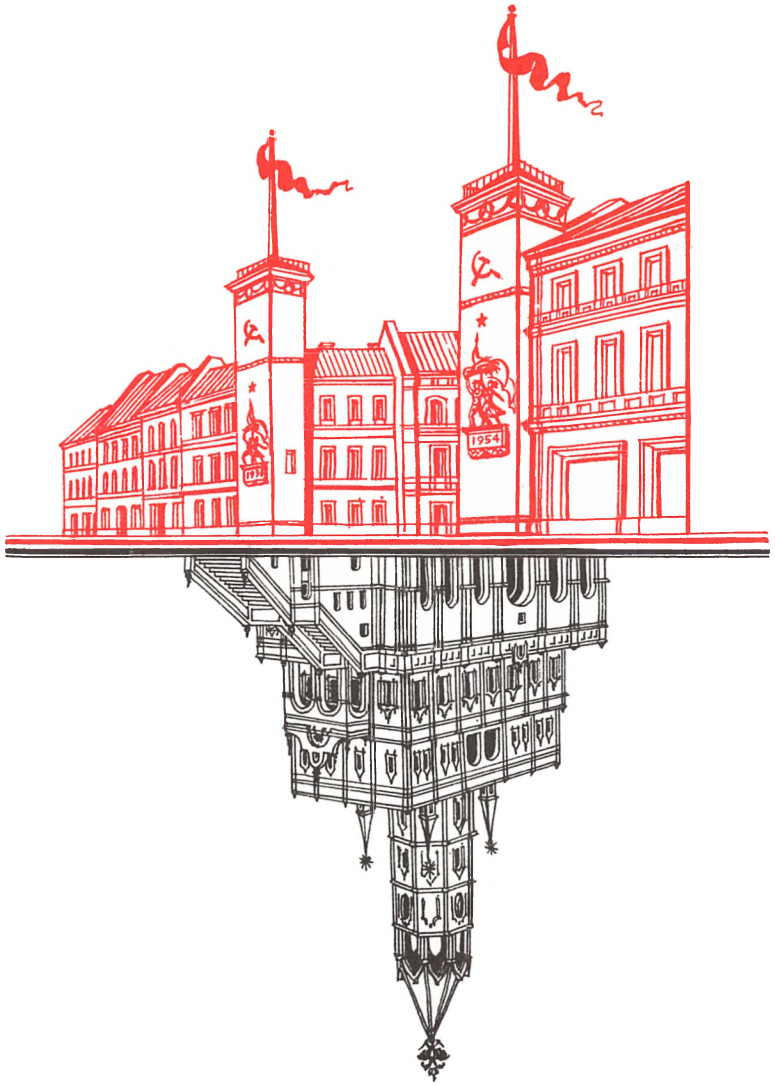
Что же явилось предлогом для сноса часовни св. Саввы и церкви св. Кира и Иоанна? Доподлинно это неизвестно — власти не очень-то затруднялись подысканием предлогов. Отдел по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса заранее — 7 февраля 1933 г. — дал добро на снос, и в 1934 г. церковь св. Кира и Иоанна вместе с часовней св. Саввы снесли. То, что теперь стоит на этом месте, нет смысла сравнивать с тем, что было когда-то.

- Церковь Рождества Христова
в Кудрине 200
Колокольня церкви Феодора
Студита 202
Церковь Воскресения
на Малой Бронной 203
Церковь святого Георгия
Победоносца, что на Всполье 204
Церковь святого Спиридония
чудотворца на Козьем болоте 206
Церковь святого Ермолая
на Козьем болоте 208
Церковь Благовещения Божьей
Матери 209
Церковь Рождества Христова
в Палашах 209
Страстная площадь 210
Церковь святого Пимена
в Старых Воротниках 216
Дом М. С. Щепкина и церковь
Спаса в Каретном ряду 218
Церковь святого Сергия
в Пушкарях 220
Церковь Спаса Преображения
в Пушкарях 222
Сухарева башня 223
Церковь святого Панкратия 228
Церковь святого Николая
чудотворца, что в Драчах 230
Тургеневская читальня 231
Церковь святого Николая
чудотворца в Мясниках 232
Красные ворота 233
Церковь Трех Святителей 237
Церковь святого Харитония
Исповедника в Огородной
слободе 240
Дом в Большом Казенном
переулке 242
Церковь Иоанна Предтечи
в Казенной 244
Церковь Покрова в Грузинском
переулке 245
Церковь святого Николая
чудотворца в Воробине 246
Церковь святого Николая
чудотворца в Кошелях 248
- Зачатьевский монастырь 169
Церковь Успения Пресвятой
Богородицы на Остоженке 172
Церковь Воскресения Словущего
на Остоженке 173
Дом между Пречистенкой
и Остоженкой 174
Церковь Сошествия
святого Духа 176
Церковь Спаса на Божедомке 178
Церковь святой Троицы
в Зубове 179
Церковь Покрова Пресвятой
Богородицы, что в Левшине 180
Арбатские переулки 182
Церковь святого Иоанна
Предтечи в Кречетниках 186
Церковь святого Иоанна
Предтечи, что
в Староконюшенной 187
Церковь святого Николая
чудотворца «Явленного» 190
Церковь святого Николая
в Плотниках 191
Церковь святого Николая
чудотворца, что на Песках 192
Церковь святой Троицы 194
Церковь святого Николая
чудотворца на Курьих ножках 196
Церковь Ржевской Божьей
Матери на Поварской 198
Церковь Бориса и Глеба
на Поварской 198

Зачатьевский монастырь

В лабиринте переулков около старинной московской улицы Остоженки еще осталось кое-что от Зачатьевского монастыря. Еще можно увидеть его стены, надвратную церковь Спаса Нерукотворного Образа и другие монастырские постройки. Но многое, очень многое не уцелело. Погиб прекрасный собор во имя св. Анны праведной Зачатия — великолепный образец псевдоготики, стиля, которым так увлекались в России на рубеже XVIII и XIX вв. Погиб и более поздний собор известного московского архитектора Михаила Быковского, исчезли и многие другие замечательные постройки.

Зачатьевский монастырь возник на том месте, где в XIV в. святителем Алексием был основан девичий монастырь, в котором жили его сестры Юлиания и Евпраксия. Это произошло около 1360 г., и монастырь по главной его церкви во имя Алексея, человека божьего, назывался Алексеевским. Иногда монастырь также называли Стародевичьим по старшинству его над прочими девичьими монастырями. По преданию, митрополит часто приезжал сюда, останавливаясь в монастырской слободке у стен его. В летописях Алексеевский монастырь впервые упоминается в 1472 г.

В 1514 г. по указу великого князя Василия III зодчий Алевиз Фрязин начал строить «церковь Алексея святой Человек Божий в девичи монастыре за Черторьею да за рекою», но вскоре, после одного из пожаров, возможно после пожара 1547 г., монастырь перевели в пределы Белого города и выстроили новые постройки почти в самом углу крепостных стен его, недалеко от мощной Семиверхой башни. Сохранилось изображение одной из монастырских построек — изящной трехшатровой церкви. В этом месте Алексеевский монастырь находился до его перевода в 1837 г. в Красное село в связи с постройкой храма Христа Спасителя.

На старом месте, у Остоженки, монастырь был восстановлен заново, но уже значительно позже. Мысль восстановить монастырь возникла у царицы Ирины Федоровны, жены царя Федора Иоанновича.

Супруги долго ожидали появления на свет наследника московского престола. Все моления, неоднократные поездки по святым местам не помогали, патриарх Иов написал царице Ирине послание, в котором он говорил о

молитве и уповании и приводил в пример святую Анну. Имя Анна в переводе с древнееврейского означает «удостоившаяся благодати» — жена св. Иоакима, Анна, не имела ребенка, но после долгих молитв она родила Деву Марию, мать Иисуса Христа.

Царица Ирина и царь Федор решили восстановить старинный монастырь у Остоженки, памятный по уважаемому и почитаемому святому, посвятив главный монастырский храм празднику Зачатия святой Анны праведной.

Сохранилось известие о том, что в Зачатьевском монастыре жила сестра Кузьмы Минина, спасителя Руси во времена борьбы с польско-литовскими интервентами. Вот выписка из расходной книги Патриаршего приказа за 1653 г.: «По государеву патриархову имянному приказу, Зачатейского девича монастыря старице Софье, Кузmine сестре Минина для ее бедности, в приказе, 5 рублей; да Ивановския площади подъячому Василью Любимову, что он писал духовную и список той же старице Софье, а приказала она душу свою строить и поминать государю Святейшему патриарху, за работу 23 алтына 2 деньги».

В Зачатьевский монастырь была отвезена под крепкое начало известная раскольница Евдокия Уурсова, выступавшая вместе с боярыней Федосьей Морозовой, которую отправили на дровнях на Арбат, на подворье Печерского монастыря.

Главный храм Зачатьевского монастыря, посвященный св. Анны зачатию, имел приделы во имя св. Федора Стратилата и св. Ирины мученицы, покровителей царственной четы, в другой же монастырской церкви во имя Рождества Богородицы находился придел Алексея митрополита, московского чудотворца. В ней в конце XIX в. был сооружен, как писали в газетах, «великолепный трехъярусный иконостас из белого мрамора». В другом храме, церкви Неопалимой Купины, выстроенном в 1766 г. на средства, пожертвованные Анной Михайловной Аничковой, находилась могила сестры митрополита св. Алексея Евпраксии. На святых воротах монастыря в 1696 г. стольником Петра Великого Андреем Леонтьевичем Римским-Корсаковым была возведена церковь Нерукотворного Образа Спасителя.

В конце XVIII в. в монастыре началось большое строительство: в 1798—1799 гг. построена трапезная, в 1800 г. — трехъярусная колокольня, а в 1805—1807 гг. был возведен большой псевдоготический собор по плану и «под смотрением» знаменитого московского архитектора Матвея Федоровича Казакова и его сына Матвея Матвеевича Казакова.

Последние большие постройки в Зачатьевском монастыре производились в середине XIX в.: М. Д. Быковский в 1846—1850 гг. на средства, пожертвованные В. М. Головиным, выстроил церковь Сошествия св. Духа.

Так монастырь дожил до 30-х годов нашего столетия, когда его стали планомерно крушить. Предварительно монастырь,

Зачатьевский монастырь, 1880-е гг. (2-й Зачатьевский пер., 2)

Церковь Успения Пресвятой Богородицы
на Остоженке, 1880-е гг. (ул. Остоженка, 15)

конечно, закрыли, монахинь выгнали и во все постройки вселились новые хозяева. В 1933 г. с церкви Сошествия св. Духа сняли купол, а внутри все перестроили; тогда же начали уничтожать и главный собор — произведение М. Ф. Казакова. Собор окончательно снесли в 1934 г. — на его месте к 1939 г. построили типовое здание средней школы.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Остоженке

По обе стороны дороги, шедшей вдоль берега Москвы-реки к Кремлю, расстиались обширные луга, на которых паслись табуны коней и стада коров, принадлежавшие жителям Москвы. На этих же лугах косили сено, складывая его в стога — отсюда и название дороги, ставшей городской улицей: Стоженка, или Остоженка. Рядом с ней в продолжение многих лет стоял государственный Остоженный конюшенный двор.

У берега виднелись и постройки двух сел — Семчинского и Киевца. Первое из них принадлежало великим князьям, оно много раз упоминалось в великокняжеских духовных грамотах и передавалось по наследству. Первые о нем написал в своем завещании Иван Данилович Калита в 1339 г., передавая его своему второму сыну, отцу Дмитрия Донского, Ивану Ивановичу. При Иване Грозном село было отдано в опричнину.

Семчинское часто упоминалось в летописях. Вот, например, картинное описание «великого пожара» 1547 г.: «И бысть буря велика, и потече огонь, яко же молния и пожар силен, и промче во един час за Неглинною и до Всполья за Неглинною и Черторья погоре до Семчинского сельца, возле Москву реку».

По преданию, основание второго села было связано с переходом на службу к московскому князю боярина Родиона Нестеровича. В 1332 г. из Киева пришла целая армия: вместе с боярином пришли «сын его Иван, и с ним же Княжата и Дети Боярския и двора его до тысящи и до семи сот». Переход на службу к московскому князю такого знатного и богатого боярина был значительным политическим событием для Москвы: «Князь же Великий прият его с радостию, и даде ему Боярство на Москве и устави ему надо всеми большинство...»

Выходцы из Киева поселились у берега Москвы-реки в селе, которое стало называться Киевец, и построили там церковь св. Николая чудотворца. В этой церкви находилась древняя храмовая икона, принесенная, вероятно, тогда же киевлянами в Москву. После того, как обветшавшая и угрожавшая падением Никольская церковь, стоявшая на самом берегу реки, в 1772 г. была разобрана, икона была передана в Успенскую на Остоженке церковь и в конце концов попала в Третьяковскую галерею. Исследование ее показало, что икона эта относится к XIII в. и принадлежит к киевской школе живописи, что неожиданно подтвердило истинность рассказа о киевских переселенцах.

Еще долго после исчезновения самого села Киевец сохранялась память о нем в названиях близких к этому месту Киевских бань и питейного дома «Киевцы».

Церковь Успения долго была приходской сельской церковью — по крайней мере, есть упоминание о ней в 1670 г. как о церкви села Семчинского.

Первые документальные сведения о ней относятся к 1625 г., а в 1670 г. было выстроено каменное здание ее, измененное в XVIII в. переделками. Так, в 1731 г. был построен придел Симеона и Анны, ставший позднее Сретенским. Другой придельный престол был освящен во имя святителя Николая (в память престола в соседней церкви в селе Киевцах).

Снос церкви Успения происходил в 1933 г., и в настоящее время на ее месте пустырь между домами №№ 39 и 47 по Остоженке.

Церковь Воскресения Словущего на Остоженке

Остоженка за время советской власти полностью лишилась всех своих церквей. Была сломана и Воскресенская церковь, стоявшая в самом начале улицы.

Она упоминалась в 1625 г. и тогда называлась «Новое Воскресение». Позже ее перестраивали, добавляли различные пристройки, но все-таки главная церковь сохраняла свой основной объем, который относился к первой половине XVIII в. В 1831 г. были выстроены колокольня и трапезная с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и святой Варвары мученицы.

Во время тяжелых боев, развязанных большевиками в Москве в октябре-ноябре 1917 г., пострадало много зданий в городе и, в их числе, церковь Воскресения на Остоженке, купола которой были разбиты орудийным огнем.

В 1933 г., когда стали разбирать соседнюю Успенскую церковь на Остоженке, добрались и до Воскресенской. Президиум Московского Совета 11 сентября 1933 г. «в связи с началом строительных работ по прокладке Усачевского радиуса метрополитена» вынес постановление «о закрытии церковей так называемых Воскресения и Успения». В этом постановлении предлагалось: «здания указанных церковей, как подлежащих сносу, передать Метрострою».

Здание Воскресенской церкви, совершенно неисследованное, как и здание церкви Успения, было разрушено. Сейчас, на углу Остоженки и 1-го Зачатьевского переуллка — неприглядный садик, огороженный небольшим заборчиком.

Дом между Пречистенкой и Остоженкой

1972 год. Время эйфории на Западе: можно договориться с русскими. Становится не так страшно за будущее. Никсон и Брежнев встречаются за столом переговоров. Подписывают договор. Всеобщее ликование.

Еще много времени потребуется американцам, чтобы понять, насколько бессмысленны были надежды договориться о чем-либо с коммунистами.

Но пока... Брежнев едет в Америку, потом Никсон — в СССР. Перед приездом Никсона московские руководители пребывали в беспокойстве: как бы не ударить в грязь лицом перед столь высокопоставленным визитером. Они решают, что по пути следования президента из аэропорта в Кремль надо чем-то украсить город. Их «интеллекта» хватает, однако, только на то, чтобы что-нибудь сломать. И вот начинается вакханалия разрушений. Партийные дикари приговаривают к сносу несколько зданий на Моховой, церковь Казанской Божьей Матери на углу Калужской площади и Якиманки, а также старинный дом между Пречистенкой и Остоженкой.

Никакие усилия общественности не спасают приговоренные памятники — все сносится. На углу двух московских улиц — Пречистенки и Остоженки — ведется настоящая борьба за спасение, энтузиасты предпринимают все усилия, но все тщетно — угловой дом разрушен. Правда, благодаря самоотверженной борьбе удается спасти старинные палаты, стоявшие во дворе, но фасадный дом погибает.

Ничто не помогло ему.

Дом находился на территории усадьбы, принадлежавшей, по сведениям знатока московской топографии Н. П. Чулкова, в конце XVII в. боярину Борису Гавриловичу Юшкову, который, вероятно, и построил прекрасные каменные палаты в глубине двора. Наследники его в 1713 г. продали усадьбу адмиралу князю Михаилу Михайловичу Голицыну, а в 1765 г. она перешла к Лопухиным, родителям декабриста Павла Петровича Лопухина, участника Союза спасения и благоденствия — он был членом Коренного совета, а также Северного общества.

В 1825 г. новые владельцы этого участка, купцы Обуховы, строят здание на углу двух улиц. На его первом этаже находились лавки, а второй этаж был жилым. Это был неплохой пример новой городской застройки, оформления важных градостроительных образований. Центр здания выделялся пилястрым портиком с арками на втором этаже и высоким фронтоном.

Это здание имело и историко-мемориальную ценность. Здесь находилась первая московская квартира великого русского художника Василия Ивановича Сурикова. Он приехал в Москву из Петербурга для участия в росписи храма Христа

Церковь Воскресения «Новая» на Остоженке,
1880-е гг., (ул. Остоженка, 41)

Дом между Пречистенкой и Остоженкой, 1930-е гг. (ул. Пречистенка, 1,
ул. Остоженка, 2)

Спасителя — ему было поручено написать на хорах храма четыре больших, размером 3 на 4 метра, фрески на темы четырех Вселенских соборов (только одну из них пощадили разрушители храма).

Суриков поселился в этом доме, поблизости от храма. Он предполагал, что работа над фресками займет у него сравнительно мало времени. В письме родным в Красноярск 10 октября 1877 г. художник писал: «Я все еще живу в Москве и работаю в храме Спасителя. Работа моя идет успешно. Думаю в этом месяце кончить». Но В. И. Суриков только летом следующего года смог закончить картины в храме.

Позже он рассказывал: «Я как в Москву приехал, прямо спасен был. Старые дрожжи, как Толстой говорил, поднялись... Памятники, площади — они мне дали ту обстановку, в которой я мог поместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живых людей, смотрел, расспрашивал их: Вы видели, вы слышали, вы свидетели». Суриков с того времени навсегда остался в белокаменной.

Интересно отметить и то, что в этом здании, на углу двух оживленных московских улиц, на его втором этаже находился один из первых московских кинотеатров. Это был памятный многим старым москвичам кинотеатр «Чары».

Ныне на месте дома устроили площадку со ступенями, которые ведут к памятнику Фридриху Энгельсу, угнездившемуся прямо перед старинными русским палатами.

Церковь Сошествия святого Духа

Неплохое строение поставили в самом начале Пречистенского (Гоголевского) бульвара. Это — наземный вестибюль станции метро, которая называлась когда-то «Дворец Советов», а теперь «Кропоткинская». Даже удивительно, что при таком гротескно-монументальном проекте самого Дворца Советов удалось выстроить легкое сооружение, более похожее на садовый павильон для одноименной станции метро. Было бы совсем хорошо, если бы при этом не понадобилось разрушить небольшую старинную церковь, стоявшую как раз на том же месте.

Главный престол церкви был освящен во имя праздника Сошествия св. Духа, но в народе она обычно называлась по приделу — церковью Покрова. Здание церкви находилось совсем рядом с Пречистенскими воротами крепости Белого города. В Москве было принято называть церковь по местности, где она стояла. Эту церковь москвичи прозвали «что на Грязи». Тут было бойкое торговое место, толпился народ, приезжали возчики с товарами — в средневековых городах рынки часто располагались у крепостных ворот, и неудивительно, что эта местность получила такое название.

Церковь
Спаса Преображения
на Божедомке,
1880-е гг.
(ул. Пречистенка, 12)

Церковь святого Духа,
1880-е гг. (Пречистенский
бульвар)

Первое известие о церкви относится к весьма древним временам — о ней упоминается в Никоновой летописи в связи с пожаром 1493 года. Главная церковь была выстроена в 1699 г. «тщанием» стольника Б. Ф. Дементьева. Покровский придел был пристроен в 1812 г. и тогда же выстроена трапезная.

Сломана она была в начале 1933 г.

Церковь Спаса на Божедомке

Какой замечательный ансамбль стоял на Пречистенке когда-то! Рядом с одним из самых прекрасных памятников московского ампира — домом Хрущевых-Селезневых (там, где сейчас музей А. С. Пушкина), с его замечательными усадебными постройками, старинными каменными палатами, рядом с их толстыми стенами и крохотными окнами стояла небольшая приходская церковь, главка которой виднелась из-за зелени усадебного сада.

Эта церковь называлась также Пятницей по приделу, освященному во имя святой Параскевы Пятницы. Прибавлялось и название — «что на Божедомке».

Божьим, убогим домом, или скудельницей, в древней Руси называлось такое место, в котором хоронились умершие без церковного обряда, не «по христианскому обычаю» — умершие внезапно или насильственной смертью или же те, о которых ничего не было известно.

В 1625 г. впервые упоминается в документах деревянное здание церкви; надо думать, что церковь была здесь и значительно раньше, возможно, с середины XVI в., когда эта местность стала застраиваться. Каменное ее здание было выстроено самой царицей Марфой Матвеевной. Это произошло тогда, когда царица уже была вдовой — ее муж, царь Федор Алексеевич умер за 14 лет до этого. Вдовствующая царица Марфа устроила эту церковь «в вечное поминовение мужа ее», как следовало из текста храмозданной грамоты, воспроизведенном на вделанной в стену церкви доске.

Почему же царица выстроила церковь именно здесь? Дело в том, что совсем недалеко от церкви находился большой двор Апраксиных, сама же царица была из этого рода и, может быть, даже родилась или выросла тут.

Закладка церкви происходила 12 ноября 1694 г., а освящение в 1696 г. Церковь была очень скромной — на небольшом односветном четверике стоял такой же небольшой восмерик с главкой. Здание было очень скудно декорировано, особенно, если учесть время, когда оно строилось: в самый разгар увлечения богатым и, можно даже сказать, несдержанным деко-

ром церковных и гражданских зданий целым ковром разнообразных украшений.

В 1729—1730 гг. в церкви на средства прихожанки Елены Никитичны Лодыженской устраивается придел святителя Николая чудотворца, а в самом начале XIX в. к старому зданию церкви пристраиваются трапезная и примыкающая к ней с запада колокольня с псевдоготическими арками.

Весной 1934 г. церковь, перед тем закрытая и разграбленная, была сломана. На ее месте — здание средней школы.

Церковь святой Троицы в Зубове

Самой высокой шатровой колокольней в Москве была колокольня Троицкой церкви, которая стояла на Пречистенке, недалеко от Садового кольца.

Построили ее стрельцы — жители особой стрелецкой слободы. Войска Московского государства состояли из различных родов, и одной из самых главных считалась пехота, которая была вооружена огнестрельным оружием и называлась стрелецким войском. Многие стрелецкие части были расположены в столице — для их расквартирования отводились целые слободы, которые так и назывались стрелецкими. Особенно много таких слобод находилось в Замоскворечье, месте, подвергавшемся нападению врагов, приходивших из южных степей, но много стрельцов было поселено и на западе, поблизости от границы города — мощного земляного вала, на месте которого сейчас проходит Садовое кольцо. Они получали от казны денежное и хлебное жалованье, форменную одежду и оружие. В слободе каждый из них имел земельный надел и мог торговать продуктами своего труда.

Одной из таких слобод и была слобода полковника Ивана Зубова, в которой в 1642 г. стрельцы построили Троицкую церковь. Колокольню построить сразу, видно, не удалось — только через 10 лет возвели красавицу — стройную свечу, вознесшуюся над невысокой слободской застройкой. В шатре колокольни прорезались специальные отверстия, так называемые «слухи», для того, чтобы лучше был слышен колокольный звон. Колокольня Троицкой церкви имела 32 таких слуха.

В перестроенной в 1849 г. трапезной находились два придела: Покрова Богородицы и Николая чудотворца.

Церковь стали ломать в 1933 г., тогда же, когда и многие церкви в центре города, в связи со строительством метро. Но Троицкую церковь сломали не из-за метро. Понадобилось, видите ли, место на одной из самых красивых улиц города для жилого дома работников милиции. К 1937 г. его, по проекту архитектора З. М. Розенфельда, и выстроили. Мрачным и

страшноватым уродом, как, впрочем, и положено ему по штату, стоит он на Пречистенке. Только с переулка любопытный прохожий увидит остатки церковного украшения — решетку красивой рисунка, на которой можно усмотреть и крест.

Недоглядели разрушители...

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Левшине

Такой же стрелецкой церковью, как и Троицкая на Пречистенке, была Покровская, выстроенная в слободе, также расположенной на западе столицы. По фамилии стрелецкого полковника Левшина местность надолго сохранила название «Левшино». И до сих пор в Москве есть переулок — Малый Левшинский.

Церковь была небольшой, весьма скромной — видно, стрельцы полковника Левшина были победнее зубовских, выстроивших большую, пятиглавую церковь с высокой колокольней по соседству. Здание церкви Покрова, находившейся на углу двух московских переулков — Большого Левшинского (ныне ул. Щукина) и Глазовского (ул. Луначарского), состояло из небольшого четверика с горкой кокошников и одной главкой, украшенной изящным арочным пояском. С запада стояла колокольня, на массивном четверике которой возвышался восьмиугольный ярус звона.

Облик церкви находится в некотором несоответствии с датой постройки: для 1712 г. она кажется несколько архаичной. Правда, это можно объяснить тем, что заказчиками церкви были стрельцы, одна из самых консервативных прослоек русского общества.

Широкая трапезная была пристроена к церкви в 1748 г. В церкви находилось два придельных храма: во имя св. Сергия, устроенный в 1722 г., и св. Дмитрия Ростовского (1798 г.).

Место, где стояла Покровская церковь, показалось лакомым для новых советских хозяев, не отягощенных любовью к прошлому своего народа. Для них ничего не стоило снести, как они выражались, «старый хлам», а на его месте выстроить себе уютное гнездышко — новый жилой дом. Так они и сделали: высокое начальство 7 февраля 1930 г. выдало разрешение на снос, ВЦИК РСФСР 15 марта того же года его подтвердил.

Теперь тут неприглядный дом, построенный в середине 1930-х годов. О составе его жильцов можно судить по двум мемориальным доскам, висящим на его стенах: одна в память члена-корреспондента-строителя, а другая — тоже строителя, но министра-крупного организатора-видного деятеля.

Церковь Покрова
в Левшине, 1880-е гг.
(Б. Левшинский пер., 9)

Церковь Троицы
в Зубове, 1880-е гг.
(ул. Пречистенка, 31)

Арбатские переулки

Целый район старой Москвы был почти полностью перестроен за время власти коммунистов в нашем городе. Это переулки между улицами — Пречистенкой, Арбатом и Поварской. Одно из самых поэтических мест Москвы превратилось в фешенебельный район для избранных, получивших доступ к спецблагам: к продуктам, товарам, любым видам обслуживания и, конечно, к возможности получить хорошую квартиру в хорошем доме и в хорошем районе. Хорошим же районом народившаяся партократия считала еще с 30-х гг. именно арбатские переулки. Для них, наверное, было важно, что это был еще дворянский район старой Москвы: раз так, раз тут дворяне жили, значит должно быть хорошо, значит и мы пользуемся!

И попользовались! Неузнаваемо изменились арбатские переулки — и тут и там выросли громадины 12-14 этажных одинаково безликих зданий. Первенцем партийного строительства в этом районе стал большой жилой дом, выстроенный на месте очаровательной маленькой церкви св. Иоанна Предтечи в Старокожухинском переулке. Заказчик дома — Управление делами ЦК ВКП(б), автор — архитектор Ф. М. Терновский, время строительства 1931—1938 гг. За первой ласточкой потянулась стая, но, скорее, не ласточек, а стервятников.

Правда, еще раньше тут, в одном из переулков, поселился нарком просвещения тогда Луначарский вышел из фавора и его выселили из кремлевской квартиры, из цитадели особо доверенных. Он, возможно, и проложил путь своим однокашникам сюда, в арбатские переулки.

Особенно много стало строиться в арбатских переулках новых «гнездышек» для партийных руководителей после войны, в 50—60-е гг. И тогда же началось тотальное разрушение старой застройки переулков.

В этих переулках было множество небольших деревянных домов, построенных после пожара 1812 г., когда эта часть Москвы полностью выгорела. Все они были построены по «образцовым», т. е. типовым проектам, разработанным группой талантливых архитекторов, работавших в Комиссии длястроев в Москве, на которую была возложена неслыханная дотоле задача восстановить почти полностью уничтоженный грандиозным пожаром один из самых больших городов Европы, да не только восстановить, но и создать, спланировать новый город, с новыми общественными центрами, новыми площадями и магистралями. Эти уютные, красивые, небольшие и, в то же время, монументальные здания были, так сказать, визитной карточкой Москвы, и архитектурный стиль, в котором они были выстроены, получил название «московского ампира», более

камерного, более близкого человеку, чем холодный и величественный ампир Петербурга.

Как отмечали исследователи деревянных жилых домов Москвы первой четверти XIX в., «светлые, уютные дома с колоннами и мезонинами, украшенные лепными вставками и львиными масками в замках над окнами, с флигелями и службами, с обязательным двором и садом, въездными воротами и оградами, были более характерны для Москвы, чем отдельные усадьбы дворцового характера, возведенные в те же годы».

Но уникальный заповедник московской архитектуры был почти полностью разрушен, особенно когда в 60-х гг. живую ткань переулков прорезал проспект Калинина, полностью изменивший весь характер этого района Москвы.

Если описывать все, что было разрушено за десятки лет, только в арбатских переулках, можно написать большую книгу — здесь же придется ограничиться немногими примерами.

Один из прекрасных образцов «московского ампира» стоял до недавнего времени под № 37/16 на углу Сивцева Вражка и Никольского (ныне Плотникова) переулков. Он был построен к июню 1823 г. для полковника Н. П. Поливанова и являлся очень характерным для своего времени — одноэтажный, с четырехпилястровым портиком, отмечающим центр композиции фасада, с парадной анфиладой комнат по переднему фасаду, с сдержанным лепным декором и рустовкой. Автор его так и остался неизвестен, но он был весьма незаурядным мастером. В интерьере ко времени сноса сохранилось сравнительно много из лепного и живописного декора, что было бы очень важно для последующей полной реставрации дома. Однако, до этого не дошло. Дом снесли в 60-х гг.

Снесли и несколько очаровательных деревянных домов по Сивцеву Вражку. Партийная знать стала еще до войны строить для себя огромную поликлинику.

Даже название этого монстра было соответствующее: Лечсанупр (т. е. лечебно-санитарное управление — Авт.) Кремля. Срок сноса всех строений был определен — июнь 1937 г. Все снесли еще раньше — с этим-то долго не тянули — и начали строительство в мае того же года. В числе снесенных домов был и интересный историко-литературный памятник: дом графа Федора Толстого-«Американца», стоявший на самом углу Сивцева Вражка и Колошина переулков. Дом построили в 1820-х гг. и Толстой жил в нем вместе со своей семьей до 1834 г. Хозяин дома был хорошо известен в Москве и, надо думать, многие из известных москвичей побывали в нем.

Здание кремлевской поликлиники проектировал архитектор Н. В. Гофман-Пылаев (тот самый, что выстроил убогое здание для Кремлевской больницы на Воздвиженке). Строительство уже началось, но закончить его помешала война. После войны, в обстановке нищеты и разрухи, острейшего жилищного кризиса, когда не хватало ни кирпича, ни извести, ни отде-

лочных материалов, здесь к 1950 г., уже по другому проекту, выросло помпезное, грандиозное здание, с колоннами, башнями, рустовкой и, Бог его знает, с чем еще, отделанное ценными породами естественного камня — гранита, лабрадора, мрамора. Сметная стоимость здания, скорее всего во много раз превышенная, составляла 46 миллионов рублей.

Но разрушали не только отдельные дома, извели целые градостроительные образования. Была же в центре Москвы, рядом с Арбатом, красивая площадь, носившая совершенно уникальное московское имя — Собачья площадка.

Почему площадь получила это необычное название, не совсем ясно. Некоторые историки города предполагают, что тут находилась царская псарня; предположение основано на том, что рядом был царев кречетный двор, на котором содержались соколы для царской охоты.

Сама площадь в ее габаритах возникла, возможно, в середине XVIII в. и застраивалась небольшими деревянными домами. К середине следующего века дома на ней принадлежали, в основном, мелкому чиновничеству и весьма небогатому дворянству.

Можно вспомнить тургеневский роман «Дым»: «В начале пятидесятых годов проживало в Москве, в весьма стесненных обстоятельствах, чуть ли не в бедности, многочисленное семейство князей Осининых... Проживало оно около Собачьей площадки, в одноэтажном деревянном домике, с полосатым парадным крылечком на улице, зелеными львами на воротах и прочими дворянскими затеями, и едва-едва сводило концы с концами, должая в овощную лавочку и частенько сидя без дров и без свеч по зимам».

В совсем уж непрезентабельном здании на углу площади и Борисоглебского переулка жил в 1826 г. друг А. С. Пушкина Сергей Соболевский. У него осенью этого года остановился поэт. Сам хозяин дома в письме к историку М. П. Погодину спустя много лет так вспоминал о посещении этого дома: «Мы ехали с Лонгиновым (знакомый С. Соболевского, историк русской литературы — Авт.) через Собачью площадку. Сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевичевой, в котором жил я, а у меня Пушкин... Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в самоемском ергаке. Вот где он выронил (к счастью, что не в кабинете императора) свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его покоило, пока оно не нашлось... Вот, где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Баратынский, вы, я... и другие мужи; вот, где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!

На другой стороне площади стоял дом, который принадлежал Алексею Хомякову, одному из самых замечательных представителей славянофилов. И в этом скромном домике встречались русские мыслители в то время, когда литература заменяла собою политику, а споры в частных домах, где они скрепляли шпаги словесных поединков, — выступления на общественных форумах. В доме Хомякова для таких споров была отведена даже особая комната, которая так и называлась — «говорильня». После революции, благодаря тому, что

Собачья площадка, начало XX в.

Церковь святого Иоанна Предтечи
в Кречетниках, 1880-е гг. (Кречетниковский пер.)

обстановка дома полностью сохранилась, в бывшем хомяковском доме открыли прекрасный музей, пользовавшийся огромной популярностью. «Бытовой музей сороковых годов» — так он официально назывался. Но существовал музей только до 1929 г., когда ревнителю новой советской культуры закрыли его. Дом был передан институту им. Гнесиных и еще много-много лет из окон его неслись звуки музыки.

Музыкальным был дом напротив — примечательный образец поздней псевдоготики — особняк К. П. Мазурина, построенный в 1897 г. по проекту архитектора Н. В. Карнеева. В нем находилось правление Союза советских композиторов.

Еще одно имя вспоминается в связи с этой уютной площадью. Марина Цветаева жила на Собачьей площадке. Она искала дом, который напоминал бы ей родной дом в Трехпрудном переулке. И нашла его тут, на Собачьей площадке, где, как она говорила, «Пушкин бывал. Вот по этим камням ходил».

Всей окрестной округе была известна Долгоруковская лечебница, здание которой выходило на западную сторону Собачьей площадки.

Площадь до самой своей смерти сохранила очень уютный, московский вид. В центре ее, у прекрасного ампиричного фонтана, увенчанного урной, сживали старушки с детьми.

Прямо по ней прошел широкий Калининский (Новоарбатский) проспект — антипод подлинной московской архитектуры, подлинного московского быта, окончательно разрушивший весь этот своеобразный, ни на какой другой не похожий московский уголок.

Церковь святого Иоанна Предтечи в Кречетниках

Совсем забытое слово — кречетники, а когда-то оно было понятно многим. Это слово относилось к одной из любимых царских забав — соколиной охоте, которую в Москве обслуживали тысячи слуг, в числе которых было много и кречетников — тех, кто натаскивал и ухаживал за кречетами, т. е. соколами.

Особенным любителем соколиной охоты был царь Алексей Михайлович. «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальные, и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичья добыча», читаем в написанном им самим руководстве под названием «Книга, глаголемая урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути». Интересно, что именно из этой книги пошло крылатое выражение «делу время, а потехе час» — так царь-писатель предупреждал увлекающихся охотников.

Соколиная охота в то время рассматривалась как важное государственное дело — ею заведовал приказ тайных дел: именно там была «ведомая царская летняя потеха: птицы, кречеты, соколы, ястребы, челики, и иныя, бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, и на иныя птицы и на зайцы».

В западной части Москвы находился государев двор, который так и назывался — кречетный, а вся местность — Кречетники. Неподалеку от Кречетников, в районе, где позднее возникла небольшая площадь, прозывавшаяся Собачьей площадью, вероятно, находился государев псарный двор.

Кречетники выстроили в своей слободе церковь во имя св. Иоанна Предтечи, которая в документах 1657 г. так и называлась «У Кречетного двора, подле Земляного города», позднее (в 1673 г.) — «позади Государева Кречетного двора» или «за Кречетным двором» (в 1669 г.). После кончины царя Алексея Михайловича стало не до этих забав, и церковь начала называться «у старого Кречетного двора».

Упоминание о каменном здании церкви впервые появляется в 1657 г.; в 1706 г. к нему пристроили придел, освященный во имя св. Иоанна Воина. Старая церковь простояла недолго: в 1753 г. ее из-за ветхости разобрали и стали строить новую, законченную в 1761 г. архитектором В. Обуховым. В 20-х гг. XIX в. трапезную и колокольню построили заново.

Придельные храмы были освящены во имя св. Антипия и св. Иоанна Воина.

Сломали Иоаннопредтеченскую церковь летом 1930 г., когда в этом месте начали перестраивать Садовое кольцо, готовя по генеральному плану реконструкции «вставную челюсть» Москвы — будущий Новоарбатский проспект.

Церковь святого Иоанна Предтечи, что в Староконюшенной

Староконюшенная — это сокращенное название государевой старой конюшенной слободы. Церковь, освященная в память Усекновения Главы Первокрестителя, была приходской для слободы дворцовых конюхов. Любопытно отметить, что церкви в память Иоанна Предтечи издавна находились в конюшенных слободах. Так, в Кремле, у малых Аргамачьих конюшен стояла церковь Рождества Иоанна Предтечи, «что под Бором», а на Ленивом Торжке, у Конюшенного двора — церковь Зачатия Иоанна Крестителя.

Возможно, что конюхи поселились в этом месте в начале XVII в., после тяжелых годов Смутного времени, когда Москва начала по сути дела заново застраиваться. Они выбрали себе место около дороги, ведущей из Кремля на запад (ныне это ул. Рылеева).

Первоначально церковное здание было деревянным, но в 1653 г. прихожане смогли выстроить каменное однопридельное здание. Правда, церковь была небольшой — конюхи не были самыми высокооплачиваемыми слугами царского двора.

После одного из опустошительных пожаров конюхов из слободы перевели еще дальше, за Земляной вал. Там, вокруг новой церкви, на этот раз Неопалимой Купины, они образовали новую слободу (в районе нынешних Неопалимовских переулков), которая так и стала называться — Новая конюшенная слобода. Старая же церковь дворцовых конюхов стала обычной приходской и, когда со второй половины XVIII в. тут стали селиться дворянские семьи, само название «Старая Конюшенная» стало ассоциироваться с родовитостью жителей и исключительностью всего этого района.

Как писал в своих «Записках революционера» князь П. А. Кропоткин, «...тут жило и медленно вымирало старое московское дворянство, имена которого часто упоминаются в русской истории до Петра I... В какой бы дальний угол России их ни забрасывала служба, родовитые дворяне все как-то ухитрялись доживать старые годы в собственном доме в Старой Конюшенной, вблизи той самой церкви, где их когда-то крестили и где отпевали их родителей. Церквей в этой части Москвы множество; все они с множеством главок, на которых непременно красуется полумесяц, пирамидный крестом. Одни из этих церквей раскрашены в красный цвет, другие — в желтый, третьи — в белый или коричневый, и каждого тянуло именно к своей — желтой или зеленой — церкви...»

Отец князя Кропоткина также приобрел небольшой домик в приходе «своей» церкви — Иоанна Предтечи в Староконюшенной, совсем недалеко от нее, в соседнем Малом Власьевском переулке на месте дома № 8. П. А. Кропоткин вспоминал, что в этом доме «жил зимы 1855—1857 гг. и он связан со многими воспоминаниями, с первыми пробуждениями литературных наклонностей, потом — с эпохой нашего "народнического" движения. Здесь мы переписывали с моим "русским" учителем Н. П. Смирновым 2-й том "Мертвых душ"... и здесь я прочел впервые "Евгения Онегина" и "Горе от ума".»

Со временем церковь св. Иоанна Предтечи стала приходской не столько для дворян, сколько для интеллигенции и мелкого чиновничества, поселившихся в этих местах.

В 1930 г. место, занятое церковью, привлекло внимание партаппаратчиков — им захотелось выстроить жилой дом для себя в хорошем, удобном районе, в самом центре города, недалеко от Кремля. Они направили в Моссовет требование начать дело по подготовке строительства. Моссовет спросил у ученых. Ученые, отметив, что «здание церкви "Иоанна предтечи" по Староконюшенному пер. стоит на учете Сектора науки Наркомпроса как архитектурный памятник 1653 г. во II категории», заключили: «Учитывая большую необходимость в застройке этого участка под кооперативные дома, Сектор науки Наркомпроса допускает снос вышеуказанной церкви с предварительным фотографированием и производством обмеров».

Были ли сделаны столь необходимые обмеры, осталось неизвестным, но церковь св. Иоанна Предтечи в 1933 г. сломали, и дом построили. Первую очередь окончили в 1936 г., а вторую — перед войной. Дом так и назывался — «Для ответственных работников ЦК».

Церковь святого Николая
чудотворца «Явленного»,
1880-е гг. (ул. Арбат, 16)

Церковь святого
Иоанна Предтечи
в Староконюшенной,
1880-е гг.
(Староконюшенный
пер., 9)

Церковь святого Николая чудотворца «Явленного»

«Роскошнейшие формы дал тип обширных надвратных шатровых колоколен, входивших в замкнутые когда-то ограды храмов. Самая выдающаяся из них принадлежит церкви Николая Явленного на Арбате... Верхом изящества и вкуса является верх колокольни, где аркам звона дана красивая, «висячая» двойная форма, с которой очень вяжется изумительный скульптурный шатровый верх, пронизанный 40 слухами в четыре ряда... Кто-то очень картинно выразился, назвав этот шатровый верх царскою шапкою «большого наряда», так писал о колокольне Никольской церкви на Арбате историк русской архитектуры, и сам незаурядный архитектор, Иван Павлович Машков в путеводителе, изданном для съезда зодчих в 1913 г.

Остались от колокольни только эти слова... Ее снесли «преобразователи», а за нею последовала и сама церковь.

Колокольня была построена в то время, когда Москва оправлялась от ужасных последствий многолетних смут и войн, когда только-только начиналась мирная жизнь — в 1639 г. Колокольня стояла недалеко от старинной церкви, выстроенной, по уверениям епископа Элассонского Арсения, побывавшего в Москве в конце XVI в., еще Борисом Годуновым. Название этой церкви объяснялось тем, что в церкви «явилась» исцеляющая икона святителя Николая.

Св. Николай был одним из самых почитаемых святых на Руси. Память его праздновали два раза в год — 9 мая и 6 декабря. Эти праздники так и назывались: «Никола весенний» и «Никола зимний», а кроме того, каждую неделю по четвергам проходили службы в память тех, кто попал в беду. Эти особенности почитания святого объясняются его житием.

По обеим сторонам основания колокольни прохожие могли видеть большие картины: «Спасение заключенных из темницы» и «Спасение от потопления».

Церковь Николая «Явленного» запомнилась Льву Николаевичу Толстому.

Описывая Москву сентября 1812 г., он дважды упомянул ее: «Около середины Арбата, близ Николая Явленного, Мюрат остановился, ожидая известий от передового отряда, в каком положении находилась городская крепость "le Kremlin". Второй раз Толстой, рассказывая, как Пьер Безухов пробирался по сожженному городу сюда, чтобы совершить то, что он задумал — покушение на Наполеона, писал: «Путь Пьера лежал через переулки на Поварскую и оттуда на Арбат к Николе Явленному, у которого он в воображении своем давно определил место, на котором должно быть совершено его дело».

К середине XIX в. церковь обветшала. «Железная связь под сводами давлением купола прервана и тем, по сказанию архитектора, угрожает опасностью», — так было написано в акте обследования здания. Кроме того, она стала совсем мала для большого прихода, и прихожане задумали перестройку.

Строилась церковь долго — в 1836 г. начали строить трапезную, оконченную в 1841 г.; главная же церковь возводилась еще дольше — закладка была 18 августа 1846 г., а освящение происходило только 2 октября 1860 г.

После 1917 г. церковь, конечно, закрыли, все помещения реквизировали и устроили там склады Книжной палаты. К 30-м гг. с религией стали бороться не только оскорбительными статейками в антирелигиозных журналах и стихами, подобными поделкам Демьяна Бедного, но и массовым сносом церковных зданий.

Не был исключением и Никола Явленный. В первую очередь взялись за колокольню: уж очень она была хороша и, конечно, как всякая красота, как всякое выдающееся вон из обыкновенного порядка вещей, всегда вызвала ярость убогих умом и совестью. В 1931 г. с нею все было покончено. Саму церковь снесли летом 1933 г. Сохранились сведения, что в составе снесенного здания находился четверик той самой, годовновской церкви конца XVI века. Кто теперь может сказать?

Церковь святого Николая в Плотниках

Арбат был улицей торговой и ремесленной. В начале ее, у Арбатских ворот Белого города слободой жили иконники, и теснилось множество лавочек, ближе к концу — плотники, и у самых ворот другой московской крепости, Земляного вала, также было оживленное торговое место. Кроме того, на Арбате жило еще и немалое количество стрельцов. На этой деловой улице было так тесно, что московские власти в 1686 г. были вынуждены издать даже специальный указ: «по обе стороны (улицы Арбат — Авт.) и мясной, и посной, и пряничной, и горшечной, и сенные шалаша снести... и впредь на тех местах тем рядам для утеснения той большой улицы и Стрелецкой слободы, которая на той улице, не быть».

Государевы плотники соорудили себе церковь и освятили ее во имя св. Николая. Она стала известна по документам с 1625 г., когда церковь была упомянута как уже существующая. В продолжение XVII в. она несколько раз перестраивалась и к ней достраивались приделы. В самом конце XVII в. — 3 мая 1700 г. был выдан антиминс в «новопостроенную» церковь и, следовательно, очень возможно, что тогда и была построена главная церковь.

По документальным сведениям изящная, стройная колокольня поднялась над арбатскими домиками сравнительно поздно — в 1853 г., хотя это утверждение вызывает некоторое сомнение: прекрасную классическую колокольню можно было бы датировать самое позднее первой третью XIX в.

Никольская церковь, также как и другие, была обречена на уничтожение только лишь потому, что она была церковью. Занимаемое ею место облюбовали для постройки жилого дома: Президиум Моссовета 10 апреля 1931 г. обратился во ВЦИК с просьбой разрешить закрыть и снести церковь, «как находящуюся на участке, отведенном для жилищного строительства». Разрешение было получено, и на месте замечательного здания церкви построили жилой дом для привилегированных жильцов.

Церковь святого Николая чудотворца, что на Песках

На западной границе Москвы, издавна беспокойной из-за возможности вторжения наших западных соседей, правительством расселялись по слободам стрелецкие полки. На Арбате и рядом с этой улицей, переходившей в дорогу на Смоленск, располагались несколько таких стрелецких слобод. В одной из них слобожане выстроили церковь с престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы, известную по документам с 1635 г. С 1657 г. она числится каменной, но последнее ее здание было выстроено в 1699 г. с приделом св. Николая чудотворца, по которому церковь обычно и именовалась. В 1819 г. один из именитых прихожан, князь А. А. Щербатов, имевший большую усадьбу в приходе Никольской церкви, выстроил большую ампирную трапезную, в которой находились придельные храмы св. Николая чудотворца и московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. В том же стиле тогда построили и колокольню, заканчивавшуюся высоким шпилем-обелиском. Автор описания московских достопримечательностей И. К. Кондратьев отмечал в 1893 г., что «архитектура храма отличается древностью и оригинальностью».

Напротив церкви св. Николая чудотворца, что на Песках, жил композитор А. Н. Скрябин, нанимавший квартиру на втором этаже дома № 11. При заключении договора на наем он упорно настаивал на том, чтобы договор был заключен на три года ровно по 14 апреля 1915 г. В апреле 1915 г. Скрябин простудился, на губе у него возникла опухоль, далее — заражение крови и смерть в возрасте 43 лет, случившаяся именно 14 апреля 1915 г.! Отпевали его в церкви св. Николая чудотворца, что на Песках. Был холодный ветреный день. На отпевании простудился и вскоре умер другой замечательный русский композитор С. И. Танеев.

Мешала церковь св. Николая строителям новой Москвы — именно на ее месте они задумали выстроить жилой дом. Кооператив «Энергетик» получил под застройку место, занимаемое церковью, а предварительно на заседании Президиума Мособлсовета 4 марта 1932 г. было вынесено следующее решение: «Принимая во внимание, что участок земли по Песковскому переулку, на котором находится церковь Николая, под-

Церковь святого
Николая чудотворца
на Песках, 1880-е гг.
(Б. Николепесковский пер., 6)

Церковь святого Николая
чудотворца в Плотниках,
1880-е гг. (ул. Арбат, 45)

лежит застройке под многоэтажный дом "Энергетик", наличия соответствующих материалов к постройке дома, что группа верующих может быть переведена в церковь так называемую Николая на Б. Молчановке (расстояние менее 1/4 километра), руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8.IV.29 г., указанную церковь закрыть, а здание ее снести». И снесли!

Церковь святой Троицы

У самых ворот Земляного города слева от Арбата находилась стрелецкая слобода, обитатели которой построили себе церковь во имя святой Живоначальной Троицы.

Документально она стала известна с 1642 г. — тогда церковь была записана как «вновь прибылая» на основании писцовых книг Семена Соболева да подьячего Ильи Степанова — но, конечно, существовала еще и раньше. Со временем прихожане ее стали побогаче, ибо стрельцы, живя постоянно в Москве, становились все более и более похожими на обычных городских жителей, а не на солдат: каждый из них владел участком земли, мог возделывать его, мог и торговать на рынке. Задумали они, «стрельцы Леонтьева приказа Азарьева» — так звали тогда их полковника — построить для своей церкви каменное здание. Начали 17 мая 1649 г., а закончили 1 октября 1650 г. — даты эти были вырезаны на стене церкви. Приделов тогда было три: иконы Тихвинской Божьей Матери, Николая чудотворца и Иоанна и Прокопия Устюжских.

Почти через сто лет обветшала старая церковь, понадобилось ее перестраивать. Стрельцы давно уже не жили тут, главными лицами в приходе были купцы, они и решили построить церковь заново и пригласить самого известного и уважаемого московского архитектора Ивана Федоровича Мичурин, который много работал в Москве: он и восстанавливал, и строил многие как церковные, так и гражданские здания.

В 1739 г. старую Троицкую церковь на Арбате разобрали и тогда же стали строить по новому проекту. Главную (так называемую холодную) церковь освятили 23 августа 1741 г., а позднее — в 1742 и 1750 гг. — построили приделы.

Некоторая суховатость очертаний, подчеркнутая геометричность и плоскостность здания Троицкой церкви были обязаны иностранной школе, которую прошел Мичурин — он, в числе петровских пенсионеров, был послан за границу и изучал архитектуру в Голландии. Как выяснили специалисты, работавшие в 1920-х гг. в обществе «Старая Москва», отнюдь не вся старинная Троицкая церковь была, как считалось по традиции, сломана в 1739 г. При обследовании здания церкви они обнаружили орленый кирпич XVII в. и декоративные украшения

Церковь святого Николая
чудотворца на «Курьих
ножках», 1880-е гг.
(ул. Б. Молчановка, 26-28)

Церковь Троицы на Арбате,
1880-е гг. (ул. Арбат, 55)

окон того же времени на южной стене. У церкви была прекрасная решетка и ворота красивых очертаний.

В пожар 1812 г. весь Арбат выгорел: «кругом храма, кроме трех обгорелых каменных домов, и на церковном погосте народного Арбатского училища и каменной же богадельни, остались один пепел и уголья с голыми печами и трубами». Церковь сильно пострадала, восстановлена она была только в 1818 г. Тогда в церкви устроили великолепный иконостас, иконы которого были написаны художником Т. Ф. Дурновым.

Это место власти выбрали для предполагаемого строительства амбициозного здания для так называемого ОПТЭ, что расшифровывалось как Общество пролетарского туризма и экскурсий. Церковь сломали в 1931 г. и тогда же начали новое строительство.

Проект здания ОПТЭ принадлежал архитекторам И. А. Голозову и Д. Д. Булгакову. Скучное и сухое, оживляемое лишь барельефом, изображающим радостно путешествующих по просторам родины «пролетариев», оно было выстроено в 1934 г.

Церковь святого Николая чудотворца на Курьих ножках

Ну, кто может сказать, что означает это выражение — «Курьи ножки»?

Вот московская загадка!

Были знатоки топонимики, которые объясняли это выражение тем, что здесь якобы находился большой кухонный двор и, конечно, в отбросах около него было множество ножек от кур, готовившихся для царского двора. Вот что писал собиратель русских преданий, выдумщик и придумщик, фантазер, писатель М. Н. Макаров: «Устроилась при Московских царях поварня и много было поваров при той при поварне: и отвели тем поварам место на слободу и назвали ту слободу Поварской... В особую статью поставил царь Михаил Федорович поваров, хлебную; особый же приют дал он слугам столовым, скатертникам, молочникам, коровникам, птичникам и завел он тут большой куриной двор. А стоял тот двор у часовни Никольской». Далее Макаров рассказывает о споре о земле, необходимой обитателям Поварской слободы: «...смело повара опять поклонились Царю до земли и указали на Николину часовню при дворе курином. Не малую-де ножку та часовня занимает; а ножка-де лежит в пусте... И пожаловал тут он поварам грамоту на Николينو кладбище и с тем же вместе, при курином дворе, две от того двора ножки. И вот с той то поры прослыло это урочище на курьих ножках... А народная догадка близка к делу: у нас был земляной размер ножками (полосками), особенно в поростях лесных. Тут и теперь вы еще услышите: Борисову ножку, Марьину ножку и проч.»

Конечно, были и более серьезные попытки объяснить это выражение. Одно из самых удачных и вызывающих доверие объяснений дано нашим известным географом Э. М. Мурзаевым. Он приводит в своем словаре слово «курья», означающее узкий проток или небольшую речку, не имеющую названия... Очень может быть, что тут и была небольшая безымянная речка, т. е. «курья». А что же с пресловутыми «ножками»? Ножкой, возможно, и называлась земельная мера.

Известно, что в 1635 г. церковь была деревянной, а в 1729 г. она числилась уже каменной — в этом году происходило обновление церкви, но когда было построено ее первоначальное каменное здание, осталось неизвестным. Можно предположить, что это произошло в 1681 г., так как тогда от Курьей ножки перенесли здание деревянной церкви св. Николая чудотворца в Нововоскресенское село у Пресненских прудов, где был выстроен загородный государев дворец.

В начале XIX в. церковь была существенно увеличена — в 1805 г. к церкви пристроили новую трапезную и возвели колокольню.

После этих значительных для прихода новых построек, в деревянном доме недалеко от церкви, поселилась семья Сергея Львовича Пушкина, отца великого поэта. Он снимал дом, принадлежавший священнику церкви Василию Иванову, выходивший фасадом на Борисоглебский переулок.

С. Л. Пушкин снял дом 7 сентября 1810 г., и в книге для записи условий, контрактов, договоров за этот год было записано: «подполковник Сергей Лвов сын Пушкин дал сие условие... в том, что нанял я него, священника, собственный его дом без мебели, состоящей Арбацкой части 1-го квартала под № 62-м и к оному дому две людские избы, кухню, два каретных сарая, две конюшни и два погреба сроком на один год ценою за тысячу четырехста рублей».

Жизнь пушкинской семьи здесь была омрачена двумя трагическими событиями: 12 сентября 1810 г. умерла Софья, маленькая сестра Александра — ей тогда был год и восемь месяцев, а 27 декабря того же года умер пятимесячный Павел. Это был последний дом, а котором в Москве жил ребенком Александр Пушкин — отсюда в июле 1811 г. выехала тяжелая дорожная карета, увозившая его в Петербург, в Лицей, навстречу судьбе.

Возможно, из-за этих памятных для него событий, дом на Большой Молчановке мог запомниться Пушкину более, чем какие-либо другие дома в Москве, в которых он жил в детстве и, кто знает, может быть, название церкви святого Николая — «на Курьих ножках» — вспомнилось ему, когда он в Михайловском писал вступление к «Руслану и Людмиле»...

Деревянный дом священника церкви св. Николая исчез в пламени пожара 1812 г.

Перед самым своим отъездом из России в церковь св. Николая чудотворца, что на Курьей ножке зашел Иван Алексеевич Бунин, живший неподалеку, на Поварской. Он записал в дневнике 4 мая 1918 г.: «Великая суббота... Вчера от Ушаковой зашел в церковь на Молчановке — «Никола на курьей ножке». Красота этого еще уцелевшего островка, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко!»

Через семнадцать дней Бунин навсегда покинул свою Россию...

Эта замечательная церковь погибла в ужасные года разрушения прошлого Москвы. В 1934 г. ее снесли и на ее месте выстроили типовое школьное здание.

Церковь Ржевской Божьей Матери на Поварской

Много раз перестраивалась церковь Ржевской Божьей Матери на углу Поварской улицы и переулка, носившего название по этой же церкви, — Ржевского.

Упомянутая впервые в 1653 г. уже как каменная, она была перестроена — а, может быть, и построена заново — в 1685 г. прихожанами, жившими на Поварской, главной улице большой царской слободы, заселенной поварами, хлебниками, квасниками, приспешниками, в общем, всеми теми, кто обеспечивал разнообразные потребности царского стола.

А стол этот был не бедным. Великое его изобилие всегда вызывало изумление иностранцев. Да и не удивительно: ведь иногда на обед подавалось до пятисот блюд, а на день на государя, царицу и их детей выходило до трех тысяч «еств», не считая столов праздничных и торжественных. Ествами назывались порции на двух человек, да еще с излишком: на обедах ели из одного блюда двое и, бывало, часто спорили с кем есть.

Церковь Ржевской Божьей Матери заново перестраивалась в самом начале XIX в. (в 1804 г.), а также в 1864 г. Во время этих перестроек появилась большая, как бы «расплывшаяся», трапезная — необходимость такой перестройки объяснялась большим населением прихода — в старой маленькой трапезной помещалось совсем мало прихожан.

Ломать церковь стали еще до войны — в 1938 г. приступили к ней с ломами и кирками. Разрушили довольно много, но не все — война помешала: если бы не она, Москва наверняка приобрела бы желаемый для коммунистов вид — никаких церквей, никакого, как они выражались, «хлама», т. е. исторических и архитектурных памятников, не было бы. Ржевская церковь все же не сохранилась — в 1952 г. ее окончательно снесли.

На ее месте по проекту архитектора Б. П. Лейбо построили здание Верховного суда СССР — символ советского «правового» государства.

Церковь Бориса и Глеба на Поварской

Здание церкви св. Бориса и Глеба было одним из пушкинских мемориалов в нашем городе.

В начале марта 1830 г. А. С. Пушкин приехал в Москву. В один из первых дней он, конечно, заехал на Поварскую к своему другу Сергею Дмитриевичу Киселеву (дом его сохранился под № 27). Там он

Церковь святых Бориса
и Глеба на Поварской,
1880-е гг. (Поварская ул., 30)

Церковь Ржевской
Божьей Матери
на Поварской, 1880-е гг.
(Поварская ул., 15)

узнал, что в скором времени состоится свадьба Киселева и Елизаветы Ушаковой.

С семьей Ушаковых Пушкин был знаком с осени 1826 г., когда фельдшер привез его в Москву из михайловской ссылки. В эту семью его привлекала ее открытость, веселье, царившие в ней, добродушие хозяев, но особенно влекло Александра то, что в доме жили две очаровательные молодые девушки. За одной из сестер — Елизаветой Ушаковой — ухаживал Сергей Дмитриевич Киселев, и считалось, что за второй, Екатериной, — Пушкин. Но, правда, как он сам позже признавался, «он ездил всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон» Натальи Николаевны Гончаровой.

Свадьба Сергея Дмитриевича Киселева и Екатерины Ушаковой была назначена на среду 30 апреля 1830 г. Обряд венчания состоялся в приходской церкви жениха, церкви св. Бориса и Глеба на Поварской. В найденном и недавно опубликованном документе — метрической церковной записи — было записано: «Женился... Статский Советник и кавалер Сергей Дмитриевич Киселев первым браком, понял за себя статского советника Николая Васильева Ушакова дочь девицу Елисавету Николаевну Ушакову; о коих надлежащий обыск с поручительством учинен. Поручителями были по означенном женихе: гвардии корнет Сергей Алексеев Неелов, 10 класса Александр Сергеев Пушкин, полковник и кавалер Василий Абрамов Наскин...»

Церковь св. Бориса и Глеба уже существовала в 1635 г. — тогда она была деревянной с одним престолом, освященным во имя Смоленской Божьей Матери Одигитрии. В 1685 г. церковь сгорела, и прихожане собрали деньги на строительство уже каменного здания храма, которое было перестроено в 1686—1690 гг., в значительно более крупное — с тремя престолами: Спаса Нерукотворного Образа, Бориса и Глеба и московских митрополитов святых Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Но и это здание было перестроено. В мае 1799 г. по прошению причта и прихожан, на средства генерал-майора Петра Николаевича Жеребцова и его жены Марии Александровны (они пожертвовали 25 тысяч рублей), началось строительство новой церкви, ставшей украшением всей улицы — издали был виден ее мощный купол, увенчанный небольшой главкой.

Церковь св. Бориса и Глеба закрыли по постановлению Моссовета от 7 мая 1933 г., а через три года разрушили — историк московских церквей М. И. Александровский записал в своем дневнике в июле 1936 г.: «доламывают».

Церковь Рождества Христова в Кудрине

Кто теперь помнит, что на месте странных форм здания, где ныне помещается Театр киноактера, стояла когда-то церковь? Наверно, уже никто.

Церковь эту сломали для того, чтобы специально очистить место, но не для этого театра, а для клуба Общества политкаторжан. Было такое общество, образованное в 1921 г. теми,

Церковь Рождества в Кудрине, 1880-е гг.
(Поварская ул., 33)

Церковь святого Феодора Студита, 1880-е гг.
(Никитский бульвар, 29)

кто подвергался преследованиям при царском режиме и кто был сослан на каторгу, кстати весьма комфортабельную по сравнению со сталинской, на которую они же и отправились.

Здание клуба построили по проекту архитекторов братьев Весниных в 1931—1935 гг. — это был образец выходившего уже из моды конструктивизма, но вскоре клуб у общества отобрали, а само общество разогнали, причем, как ни удивительно, по его же просьбе: Президиум ЦИК СССР 25 июня 1935 г. постановил «удовлетворить просьбу пленума Совета Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев о ликвидации Общества...» Здание несостоявшегося клуба превратили в кино и уже потом отдали под театр.

Церковь, стоявшая на месте театра, впервые была построена в начале 1640-х гг. недалеко от ворот Земляного города в стрелецкой слободе (в писцовых книгах 1639 г. она еще не значится, а в 1642 г. уже есть). Церковь в 1643 г. называлась «в Денисьеве приказе Золотарева», в 1657 г. — «в стрелецкой слободе в Иванове приказе Ендогурова».

Первоначально храм, освященный во имя св. Софии, был деревянным и стоял где-то рядом с построенной позднее каменной церковью, освященной во имя Рождества Христова, которая появилась здесь в 1692—1693 гг. Храм обновлялся в 1717 г., а позже появились приделы Казанской Божьей Матери (1722 г.) и Тихвинской Божьей Матери (1757 г.).

Колокольня церкви Феодора Студита

Церковь Феодора Студита особо отмечена в московских летописях: по преданию, в ней на клиросе пел сам Александр Васильевич Суворов. Его дом, приобретенный в мае 1768 г. отцом, генерал-аншефом Василием Ивановичем Суворовым, был расположен недалеко отсюда, на Большой Никитской улице (ныне ул. Герцена, д. № 42) и, возможно, Александр Васильевич, большой любитель церковного пения, приходил сюда, в церковь св. Феодора Студита.

В XVII в. за Никитскими воротами Белого города, на пустыре у крепостной стены, патриарх Филарет по обету основал небольшой больничный монастырь, возможно, в память своего освобождения из польского плена, в котором он провел восемь лет. Его сын, царь Михаил Федорович, 25 апреля 1626 г. указал: «На том месте отцу нашему патриарху Филарету по его обещанию создати монастырь, а в нем храм воздвигнути во имя преподобного отца нашего Феодора Студийского... и братию устроить иноков двадцать человек».

Главный престол церкви был освящен во имя русского палладиума — иконы Смоленской Божьей Матери. Ведь имен-

но Смоленск был тем городом, из-за которого велись переговоры русской делегации, членом которой был патриарх Филарет, с Польским королевством. Другие приделы были во имя св. Феодора Студита и св. Аверкия Иерапольского.

Патриарх чудесно украсил обетный храм: в 1627 г. сентября 6 дня «по указу великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича велено в Новый монастырь, что за Микицкими ворота, в новую церковь преподобного отца Феодора игумена Студийского написать Назарью Истомину двери царские, да местные образы, да деисусы, да образ Пречистой Богородицы запрестольныя, да крест запрестольной на золоте».

Само церковное здание — маленькое, чудесное, изящное, все еще стоит на своем месте и после десятков лет небрежения ныне восстанавливается, но вот церковная колокольня погибла. Она была также очень небольшой и очень красивой; колокольня, как отмечал путеводитель, изданный в 1913 г. для съезда зодчих, была одной из первых такого типа в Москве.

К несчастью, колокольня выходила на бульвар, а на бульваре очень хотелось построить жилой дом. Наркомпрос протестовал, но, конечно же, колокольню разрушили — это случилось в 1928 г., и дом построили.

Москва получила еще одно уродливое здание, зато лишилась еще одного замечательного памятника.

Церковь Воскресения на Малой Бронной

Главный престол церкви был освящен во имя праздника Воскресения Словущего, т. е. того, который только называется, или слывет — раньше говорили «словет» — Воскресением, в противоположность Воскресению Иисуса Христа после ужасной смерти на кресте. Словущим Воскресением называли восстановление храма в Иерусалиме.

Каменное здание Воскресенской церкви было выстроено на средства окольного Семена Полтева в 1689—1690 гг., но документально существование церкви зафиксировано по крайней мере с 1642 г. В XIX в. она переделывалась — сначала в 1820 г., а потом — в 1832 г. В последнюю перестройку были возведены новые колокольня и трапезная. В церкви было два придела — Алексия, человека Божьего, и св. Иоанна Богослова.

В пожар 1812 г. она сгорела, да и от приходских домов почти ничего не осталось, и тогда московское церковное начальство вознамерилось ее разобрать, а приход приписать к соседним церквям. Однако, прихожане воспротивились и отстаивали церковь, обещав содержать ее и приют.

В середине XIX в. священником Воскресенской церкви состоял Григорий Степанович Клиентов, земляк матери Чернышевского, и она, отправляясь в 1846 г. с сыном в Санкт-Петербург для поступления его в университет, остановилась в домике священника на Малой Бронной.

В середине 1930-х гг. в Москве прокатилась волна сносов церковных зданий и на их месте, как правило, строились типовые школьные здания. На Малой Бронной Воскресенскую церковь закрыли по постановлению Моссовета от 25 сентября 1935 г. и тогда же снесли. На ее месте — школа.

Церковь святого Георгия Победоносца, что на Всполье

По Далю: «всполье — край, окраина, начало поля, выгон». Вспольем называлось место в городе, свободное от застройки, начало загородных полей или же городской выгон для скота.

Появление церкви здесь — «на Всполье» — во имя святого Георгия объяснялось тем, что издавна этот святой считался покровителем скотоводства.

На «вешнего Егория», день памяти святого, приходившийся на 23 апреля (по старому стилю), обычно выгоняли после долгой зимы скот в поле. Этот день в деревнях, да и в старых русских городах, не очень отличавшихся от деревни, был большим праздником: на всполье выносили стол с иконой на нем и служили молебен. Скотину выгоняли в поле веткой вербы, срезанной в Вербное воскресенье, приговаривая: «Егорий храбрый, прими мою животину на все полное лето и спаси ее!» Крестьяне верили, что в этот день святой Георгий сам выезжает на своем белом коне в поле и защищает крестьянский скот от всякой напасти.

Церковь святого Георгия на Всполье впервые упоминается в документах в 1631 г. В писцовых книгах 1657 г. говорится, что тут были два церковных здания: «церковь деревянная страстотерпца Георгия... Да вновь же сооружена церковь каменная... на данном дворовом месте, что была преж сего тот двор боярина Никиты Ивановича Романова». Богатый боярин, двоюродный брат царя Михаила Федоровича, он владел в Москве несколькими участками земли и один из них, загородный, возможно, хозяйственный, боярин отдал по завещанию под постройку нового каменного здания церкви святого Георгия на Всполье.

Это здание дожило почти до конца XVIII в., когда незабываемые братья Орловы, главные участники переворота, посадившие Екатерину Алексеевну на русский престол, решили построить новое здание Георгиевской церкви, в приходе которой у них была усадьба, перешедшая к ним от отца Г. И. Орлова. Дело о постройке началось в 1777 г. — тогда подали

Церковь святого Георгия
на Всполье, 1880-е гг.
(ул. М. Никитская, 2)

Церковь Воскресения
на Малой Бронной,
1880-е гг.
(ул. М. Бронная, 7)

прошение, получили разрешение, но строили очень долго — главный престол был освящен только 3 июля 1788 г. В церкви находилось два придела: во имя преподобного Сергия Радонежского и иконы Иерусалимской Божией Матери. Значительно позднее, в 1823 г. на древнем основании возвели изящную колокольню, увенчанную острым длинным шпилем.

В церкви св. Георгия произошло венчание Петра Ильича Чайковского с бывшей его ученицей...

Здание церкви святого Георгия было украшением всей улицы: особенно выделялся мощный, прекрасной формы купол над приземистой ротондой. Судя по формам церковного здания, предполагается, что автором проекта церкви святого Георгия на Всполье мог быть архитектор Василий Иванович Баженов.

Эти обстоятельства никак не повлияли на большевиков-преобразователей. Церковь святого Георгия на Всполье сломали в 1932—1933 гг. и на ее месте выстроили «Дом звукозаписи», мрачно-помпезное здание для радиостудий: большевики прекрасно понимали всю важность пропагандистского средства — радио — для оболванивания масс.

Церковь святого Спиридона чудотворца на Козьем болоте

Главный престол церкви был посвящен празднику Рождества Богородицы, но церковь в народе обычно называлась по приделу Спиридоньевской. В Москве церкви часто назывались не по своему главному престолу, а по приделу, освященному в память уважаемого в данной местности святого.

Посвящение придела святому Спиридону можно объяснить тем, что в слободе, где построили церковь, разводили коз. А так как святой Спиридон был в юности пастухом, то он считался покровителем скотоводства — отсюда и принятое название церкви.

Эта местность изобилвала болотистыми местами (в одном из документов о церкви она именовалась «что на Черном болоте»), из которых вытекали несколько речек. Пруды, выкопанные по приказу патриарха, способствовали осушению болот. От прудов в этой местности остался лишь один — Патриарший. Большевики, желая искоренить самую память о старой Москве, переименовали его почему-то в Пионерский, но москвичи все-таки сохранили в своей памяти старинное название, а теперь оно официально восстановлено. Тут устроили огороды и держали коз: отсюда могло быть и другое название — «Козье болото».

В этих местах находилась принадлежавшая самому патриарху слобода, обслуживавшая потребности его обширного хозяйства. В слободе закупали мясо для патриаршего двора:

Церковь святого Ермолая
на Козьем болоте, 1880-е гг.
(ул. Б. Садовая, 8)

Церковь святого
Спиридония на Козьем
болоте, 1880-е гг.
(ул. Спиридоновка, 24/1)

певчим, дьякам и подьякам, а также иноземцам, занимавшимся на патриаршем дворе серебряным делом.

В патриаршей слободе, которая в самых ранних известиях о ней (1627 г.) называлась «государевы патриарховы слободы козья болото», выстроили в 1633—1639 гг. «благословением патриарха Филарета», каменную церковь. В 1717 г. «коштом приходских людей» в ней устроили придел апостолов Петра и Павла, а большая трапезная и красивая колокольня были сооружены значительно позже — в 1821 г.

Церковь стояла на очень завидном месте, на углу Спиридоновки и Спиридоньевского переулка в хорошем районе города. Приглянулось местечко строителям треста «Теплобетон», и тут же они получили разрешение от Моссовета на возведение своего «тепlobетонного» жилого дома.

В 1932 г. церковь святого Спиридона сломали.

Церковь святого Ермолая на Козьем болоте

Еще одна церковь стояла в Козьей патриаршей слободе — церковь св. Ермолая, «что на Козьем болоте».

Она, так же как и соседняя Спиридоньевская, называлась не по главному престолу Введения во храм Пресвятой Богородицы, а по приделу. Объяснялось это историей церкви, выстроенной в 1610—1612 гг. как моленной патриарха в его патриаршей слободе. А патриархом в то время был Гермоген, прославленный в летописях Смутного времени как неустрашимый защитник православия и Русской земли. Его в миру звали Ермолаем, и он освятил один из престолов своей церкви в память этого святого.

В 1682 г. было выстроено новое каменное здание церкви с главным престолом во имя Введения во храм и с приделом св. Ермолая. В продолжение многих лет своего существования церковь несколько раз перестраивалась. Так, в 1738 г. на средства графа С. Б. Шереметева сделали Троицкий придел, в 1822 г. он был перестроен княгиней Ф. П. Барятинской; в 1836 г. была построена новая колокольня; в 1839 г. заново была выстроена трапезная — освятили ее 19 октября 1840 г. Многие перестройки XIX в. делались на средства богатого прихожанина купца Петра Гавриловича Чухина.

В церкви стоял прекрасный резной пятиарусный иконостас XVIII в. с весьма древними и хорошо сохранившимися иконами. Старинные многоцветные изразцы украшали стены храма, главы его венчали древние фигурные кресты. В начале века писали, что «звон колоколов Ермолаевской церкви по своему благозвучию считается одним из выдающихся в Москве и слышен на очень далекое расстояние».

Церковь св. Ермолая была центром притяжения для многих жителей — при храме действовали приходская школа, богадельня и попечительство о бедных.

Прожила церковь св. Ермолая на Козьем болоте до 1932 г., когда ее, очевидно, заодно с соседней Спиридоньевской, стали ломать. Но если церковь св. Спиридония сломали для постройки нового дома, то Ермолаевскую сломали просто так — чтоб не было.

Сейчас на ее месте проход между двумя министерскими зданиями «сталинской» постройки.

Церковь Благовещения Божьей Матери

Церковь стояла на углу Тверской и переулка, который и поныне называется Благовещенским. По книгам Патриаршего казенного приказа церковь значилась с 1635 г.

Каменное здание стали строить в 1660 г., но построили, видно, небрежно, ибо через восемьдесят лет своды его обрушились и их пришлось возводить заново. Купол церкви вывели только в 1732 г., а колокольню и того позже — в середине XVIII в. Последняя постройка относилась к XIX в. — в 1863 г. выстроили трапезную с приделами св. Николая чудотворца и св. Зосимы и Савватия Соловецких.

Красивая была церковь, особенно хороша колокольня, далеко выдвинутая от церкви, прямо на улицу.

Ничего не построили на ее месте преобразователи. В 1929 г. они поломали колокольню, а при полной перекройке-переделке старинной Тверской улицы в 1933 г. сломали и церковь.

Церковь Рождества Христова в Палашах

Палаш и броня — не связанные ли это понятия? Конечно, да: наступление и оборона, удар и защита от него. Палаш — это холодное оружие, сабля с широким и обоюдоострым лезвием, а что такое броня — всем известно.

А «Палашаши» и «Бронники»? Эти две местности в Москве находились рядом и были населены ремесленниками родственных специальностей. В Москве «Палашами» называлась местность, урочище — там, где ныне проходят Большой и Малый Палашевские переулки. Здесь селились те, кто выделял холодное оружие. Правда, некоторые москвоведы говорят, что название местности произошло не от «палашей», а от «палачей». Но, думается, вряд ли серьезно можно говорить о целом поселении людей такой профессии в нашем городе.

«Бронники» — большая слобода ремесленников-бронников. Бронная слобода, находилась в районе современных Большой и Малой Бронных улиц, недалеко от Палашей.

Церковь Рождества Христова, «что в Палашах», была приходской слободской церковью, которую выстроили в 1537 г. Издавна ремесленники, занятие которых было связано с огнем, селились вдалеке от жилой застройки, и тут, за крепостными стенами Белого города, сразу за его Тверскими воротами, устроились кузнецы, выделывавшие и броню и оружие.

Церковь в XVII в. — возможно, это произошло в 1636 г. — была значительно перестроена: к ней тогда была пристроена стройная шатровая колокольня. В XIX в. опять постройкой: как правило, в связи с тем, что население церковного прихода в то время существенно увеличивалось, требовалось идти на полные перестройки трапезных. Новая трапезная в Рождественской церкви была сделана в 1836 г.

В советское время небольшая эта церковь приглянулась военному ведомству. Президиум Моссовета 17 мая 1935 г. постановил ее закрыть «для помещения там спецлаборатории Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского». Но таинственная эта спецлаборатория, наверно, даже не въезжала в здание церкви.

В том же году церковное здание начали ломать, а доломали же ее «преобразователи» окончательно в 1936 г.

Страстная площадь

Совершенно неузнаваемо изменилась еще одна московская площадь — с 1937 г. Пушкинская, а до этого — Страстная, по названию монастыря, занимавшего место нынешнего сквера и кинотеатра «Россия». Исчезли не только монастырские постройки, разрушили и дом, которым когда-то гордились москвичи — так называемый дом Фамусова. Снесли и старинное, еще XVIII в., здание аптеки и, вдобавок ко всем надругательствам, не оставили в покое памятник Александру Сергеевичу Пушкину, перетаскивая его с места на место.

Рассказ о кошунствах, творимых большевиками на многострадальной московской площади, начну с Страстного монастыря.

Назывался он так потому, что в главном его соборе хранилась чудотворная икона Богородицы, именуемая «Страстной»: на ней были изображены два ангела с орудиями «страстей» Иисуса Христа — орудиями, которыми его истязали.

Монастырь возник вокруг храма, ранее выстроенного на месте встречи в 1654 г. чудотворной «Страстной» иконы, пере-

Церковь Рождества Христова в Палашах,
1880-е гг. (М. Палашевский пер., 3)

Церковь Благовещения Божьей Матери
на Тверской, 1880-е гг. (Тверская ул., 25)

несенной по повелению царя Михаила Федоровича из нижегородского имения князей Лыковых. Главная соборная церковь во имя этой иконы была восстановлена и расширена после пожара 1778 г. — это была величественная церковь, состоявшая из высокого четверика, украшенного пятиглавием; на уровне второго этажа храм был окружен гульбищем на арках. Над святыми воротами монастыря находилась церковь во имя святого Алексия, имя которого носил «тишайший» царь Алексей Михайлович. Колокольню в Страстном монастыре построили заново по проекту архитектора М. Д. Быковского в 1855 г. Церковь в новой колокольне была украшена иконами художника В. В. Пукирева.

Последними постройками в монастыре были здание Ксеновской церковно-приходской школы на 50 учениц, выстроенное по проекту архитектора В. Ф. Жигардловича в 1894 г., и того же автора — монастырская трапезная с храмом во имя святителей Печерских, 1898—1899 гг.

Вокруг собора были разбиты красивые цветники, а около стен монастыря стояли здания келий, где жили монахи. Монастырь славился своими просфорами и еще больше — прекрасным пением: монастырские сестры даже посылались во все концы России для устройства в других обителях стройного пения.

После 1917 г., как и все монастыри в Москве, Страстной был закрыт, монахи выселены, а в монастырских зданиях устроен... антирелигиозный музей. Сюда свозили множество реквизированных вещей из закрываемых церквей и, наверное, поэтому монастырь довольно долго не ломали. На монастырском дворе, по воспоминаниям свидетелей, долго лежали под дождем и снегом бесценные иконы, резные иконостасы, церковная утварь и облачения.

Большевики добрались до Страстного монастыря только в 1936 г. — тогда они сломали монастырскую стену и несколько зданий монастыря, но основной снос проводился в 1937 г.

Вот отрывки из записей за этот год видного историка московских церквей М. И. Александровского, извлеченные из его архива: «18 июня — Страстная колокольня разбирается; 29 августа — доламывают Страстной...; 18 октября — Страстного нет...; 4 ноября — Страстного нет вовсе...»

И вместо Страстного монастыря на площади образовалось обширное пустое пространство, ровно залитое серым асфальтом.

Другим «подвигом» по очистке города от старины отличились наши власти сравнительно недавно — был уничтожен «дом Фамусова», тот самый, в котором жила известная в Москве начала XIX в. семья Римских-Корсаковых, так живо описанная по семейным документам М. О. Гершензоном в книге «Грибоедовская Москва».

Сам дом был весьма старым — еще в 1791 г., когда к нему делались пристройки, писали, что дом «построен в давнем времени». Корсаковы приобрели его, вероятно, в первое десятилетие XIX в. и с тех пор он стал одним из центров московской великосветской жизни и продолжал им быть в продолжение нескольких десятков лет.

Множество воспоминаний об обитателях дома оставили нам современники, особенно часто упоминали о хозяйке дома.

«Мария Ивановна Римская-Корсакова, писал князь П. А. Вяземский, должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою — санные катанья за городом, импровизированные завтраки... Сама Мария Ивановна была тип Московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова».

Урожденная Наумова, она вышла замуж за камергера Александра Яковлевича Римского-Корсакова, как видно, мало принимавшего участия в делах дома. Вот как характеризовала его одна современница: «прекрасный собой и человек очень богатый, но, сколько я о нем слыхала, не из очень умных».

Дом Марии Ивановны был славен детьми — их у нее было восемь человек: пятеро очаровательных дочерей и трое славных сыновей. Старший — Павел, силач и красавец, был убит под Бородином, но Мария Ивановна долго томилась неизвестностью о его судьбе — ей говорили, что он в плену».

Средний сын — Григорий — тоже был при Бородине, но остался невредим и награжден орденом св. Анны. Он участвовал в битвах при Малоярославце, Смоленске и Лейпциге и за последнюю получил золотую шпагу за храбрость. В 1826 г. Григорий Корсаков, вероятно, через Вяземского познакомился с Пушкиным, который еще раньше понаслышке знал о семье Корсаковых, ибо в апреле 1823 г. писал Вяземскому из Кишинева: «где Мария Ивановна Корсакова, что живет или жила против какого монастыря (Страстного, что ли), жива ли она, где она...»

После своего освобождения из михайловской ссылки и приезда в Москву осенью 1826 г. Пушкин бросился в увлечения света. К этому времени относятся и первые его посещения гостеприимного дома Корсаковых на Страстной площади. Так, 26 октября 1826 г. Мария Ивановна специально для него устроила званый вечер. Об этом событии вспоминает А. Г. Хомутова, знакомая Пушкина: «По утрам получаю записку от Корсаковой — «Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин, — Пушкин, возвращенный из ссылки императором Николаем, Пушкин, коего дозволенные стихи приводили нас в восторг, а недозволенные имели в себе такую всеобщую завлекательность. В 8 часов я в гостиной у Корсаковых; там собралось уже множество гостей. Дамы разоделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все они устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтобы он сказал ей хоть бы слово».

Конечно, Пушкин не однажды бывал в доме Марии Ивановны Римской-Корсаковой на Страстной площади. «Красавицы-дочери ее, — по свидетельству Вяземского, — и особенно одна из них, воспетая Пушкиным в Онегине, были душою и прелестью этих собраний». Из пяти дочерей Корсаковых две были замужем, а трое — Наталья, Екатерина и Александра — нет. На последнюю и намекал Вяземский: в Александру был влюблен Пушкин и о ней он писал в седьмой главе «Евгения Онегина»:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна,
Средь жен и дев блестит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..

Мария Ивановна умерла 66 лет, в 1833 г., но в ее доме на Страстной еще долго гремела музыка и танцевали пары.

Ее младший сын, Сергей Александрович, живя в этом доме в 1845—1851 гг., «веселил Москву своими многочисленными и блестящими праздниками, и можно сказать, что он был последним московским хлебосолом. Его дом, при его матери, приветливой и радушной, в продолжение стольких лет средоточие веселий столицы, еще раз оживился и в последний раз заблестел новым блеском и снова огласился радостными звуками: опять осветились роскошные и обширные залы и гостиные, наполнились многолюдною толпою посетителей, спешивших на призыв гостеприимных хозяев, живших в удовольствие других и веселившихся весельем каждого».

С. А. Римский-Корсаков был женат на Софье Алексеевне Грибоедовой, двоюродной сестре знаменитого драматурга, послужившего ему прототипом Софьи Фамусовой в «Горе от ума». Недаром в Москве дом на Страстной площади звали «домом Фамусова», а его парадная лестница была воспроизведена в спектакле по пьесе Грибоедова в Малом театре.

В более позднее время дом перешел из частных рук в казну: там находилось Строгановское училище, а после его перевода на Рождественку в доме поместилась 7-я московская мужская гимназия. После революции сюда вселились некоторые кафедры и часть общежитий так называемого Коммунистического университета Востока, готовившего кадры для подрывной работы в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

В 1927 г. рядом с «домом Фамусова» выстроили здание редакции газеты «Известия» в сухих, геометризованных формах модного тогда конструктивизма. Со временем, как это обычно бывает со всеми московскими конторами, помещений для редакции стало не хватать. Подняли вопрос о строительстве еще одного здания и, конечно, не где-нибудь, а именно на месте дома Римской-Корсаковой.

Естественно, варварское по существу намерение снести это здание вызвало многочисленные протесты. Вот, что писал Иракий Андроников в марте 1967 г.: «Речь идет о площади Пушкина... На которой возвышается памятник Пушкину!.. На которой сохранился дом, где Пушкин бывал... И на котором, по нашему мнению, следует укрепить мемориальную доску... И как было бы хорошо для истории сохранить особняк на Пушкинской площади! Как хорошо — для культуры! И как важно для современности! Если снесут этот дом, пушкинский памятник останется на площади одиноким — уже ничто не будет связывать его с эпохой Пушкина... Нет, не надо разру-

шать связь времен! Надо сохранить это здание — красивое по архитектуре и столь важное по своему историческому, литературному и бытовому значению».

Но все письма и возмущенные протесты не возымели никакого действия — что для современных вандалов «эпоха Пушкина», «история», «культура»? Дом был снесен.

На его месте в 1975 г. выстроили архитектурный «шедевр» — новое здание редакции «Известий» — белым слепым пятном уродующее эту многострадальную московскую площадь...

Преобразователи не оставили в покое и любимый всеми москвичами памятник Пушкину.

Сооруженный на народные деньги, собранные по всей России, он был открыт в июне 1880 г. в атмосфере необыкновенного общественного подъема. «Это открытие, — писал А. Ф. Кони, — было одним из незабвенных событий русской общественной жизни последней четверти прошлого столетия. Те, кто в нем участвовал, конечно, навсегда сохранили о нем самое светлое воспоминание».

Памятник находился в начале Тверского бульвара, и он удивительно хорошо выглядел на фоне неба и зелени бульвара. Именно там автор памятника А. М. Опекушин и рассчитывал его поставить: ведь сам Александр Сергеевич любил Тверской бульвар и неоднократно бывал в этом «зеленом клубе» столицы. Так и казалась, что поэт только что вышел на шумную площадь после тихого бульвара и на секунду остановился, прислушиваясь к своим мыслям.

Но нет — несчастный зуд всеобщей переделки не давал покоя хозяевам-большевикам. Они решили переставить памятник в скверик напротив, туда, где когда-то стоял Страстной монастырь. Как писал корреспондент газеты «Вечерняя Москва», «передвинуть бронзовый памятник, который вместе с гранитным постаментом весил более 70 тонн, было не так-то просто». Но какие только преграды не преодолевали советские люди по приказу партии, а уж эта была сущим пустяком: через улицу Горького устроили деревянный помост с рельсами, памятник приподняли, поставили на тележки и перетаскивали на новое место. Перетаску начали в 8 часов вечера 14 августа 1950 г. и к утру следующего дня изумленные москвичи лицезрели поэта на новом месте.

Теперь он стоит, поникший и потерянный, на фоне стеклянного аквариума кинотеатра «Россия», еще одного «выдающегося» произведения советской архитектуры.

Вместе со всеми этими изменениями и уничтожением очаровательной церкви св. Дмитрия Солунского, стоявшей на углу Тверского бульвара и Тверской, решительный удар по облику площади нанесла недавняя сломка старинного, XVIII в. (а может быть, и старше) здания аптеки в квартале между пло-

щадью, Сытинским переулком и Тверским бульваром. Кроме аптеки, в этом доме было еще молочное кафе, в котором когда-то подавались давно забытые москвичами взбитые сливки...

Квартал снесли весь, подчистую, устроили еще один сквер и... площадь развалилась: она просто перестала существовать, как единый архитектурный городской организм — таков еще один результат элементарной некомпетентности, да просто невежественности наших правителей и их пособников.

Церковь святого Пимена в Старых Воротниках

Название этого урочища — Воротники — с ударением на втором слого — произошло от его насельников, воротников, живших тут отдельной слободой. Они служили государеву службу, охраняя десятки ворот в нескольких московских крепостях, — Кремле, Белом и Земляном городах. Живя в слободе, воротники занимались также и ремеслом, и торговлей, и огородничеством.

Слобода воротников была довольно замкнутым сообществом, ибо каждый из слобожан отвечал за поведение других. Тот, который вступал в воротники, приводился «к вере» и с него бралась поручная запись: «Будучи в той воротничьей службе, всякую его государеву службу служить и на карауле стоять, где по наряду указан будет, с своею братьею в равенстве». Особо подчеркивалось, что, «стоя на карауле его великого государя, никакой казны не покрасть и хитрости не учинить и не пить и не бражничать и за воровством не ходить и с воровскими людьми не знаться и великому государю не изменить».

В начале XVIII в. воротники считались состоящими в артиллерийском ведомстве — их тогда насчитывалось 84 человека. С переводом столицы на берега Невы воротники работу свою потеряли и постепенно превратились в обыкновенных городских обывателей. Но почему места здесь назывались Старыми Воротниками? Дело в том, что в XVII в. воротников перевели из сильно застроенного Земляного города за его пределы, там они образовали новую воротничью слободу и выстроили свою церковь с приделом в память того же преподобного Пимена, как и в старой слободе.

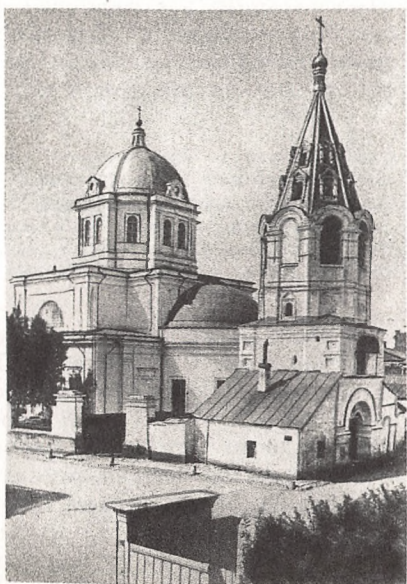
В Старых Воротниках двухэтажный пятиглавый четверик церкви святого Пимена был построен в 1681 г. Интересно отметить, что шатровая колокольня стояла совершенно отдельно от самого храма, с восточной стороны перед апсидами, составляя часть церковной ограды.

Старая колокольня осталась невредимой при полной перестройке Пименовской церкви в XIX в. Тогда один из самых из-

Страстная площадь, конец XIX в.

Церковь святого Пимена
в Старых Воротниках, 1880-е гг.
(Воротниковский пер., 9)

вестных московских архитекторов Афанасий Григорьев построил великолепную большую церковь с выразительным куполом. Строилась церковь долго: в 1848 г. начали постройку, но только в 1859 г. ее освятили.

В Пименовской церкви 27 апреля 1869 г. происходило бракосочетание Ивана Тютчева, сына выдающегося русского поэта, с О. Н. Путьтой, на котором присутствовал и сам Ф. И. Тютчев.

Церковь закрыли в первые годы советской власти, выискивая для этого смехотворный предлог: на колокольне обнаружили самогонный аппарат, или, как для усиления эффекта писала газета «Известия», «самогонный завод», якобы принадлежавший церковному сторожу. Придравшись к этому, договор с общиной расторгли, церковь закрыли и решили, что «по предложению Краснопресненского совета, церковь будет приспособлена для культурных целей». Однако, открыли там... магазин, в котором распродавали не выкупленные в срок вещи.

В 1932 г. церковь св. Пимена в Старых Воротниках сломали для того, чтобы соорудить на ее месте жилой дом.

Дом М. С. Щепкина и церковь Спаса в Каретном ряду

Церковь Спаса Преображения находилась в переулке, который получил по ней свое название — Большой Спасский. В 1956 г. его переименовали в улицу Ермоловой в память великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой, в детстве жившей здесь.

Она родилась около Тверской, в приходе церкви Благовещения, и сюда ее родители переехали, когда будущая актриса еще была маленькой. Ермоловы жили в давно исчезнувшем деревянном домике просвирни около Спасской церкви. Отсюда ее отец, второй суфлер императорских театров, Николай Алексеевич Ермолов, отправляясь в театр, брал с собой малышку-дочь. Здесь она играла в театр, отсюда пошло ее увлечение, ставшее делом всей жизни.

Еще один знаменитый актер был прихожанином церкви Спаса Преображения. Михаил Семенович Щепкин в 1830 г. приобрел небольшой деревянный дом, стоявший позади церкви — в письме от 18 июня того же года он писал: «Я живу в своем уже доме». На протяжении многих лет (М. С. Щепкин продал его в 1847 г.) дом был центром московской культурной жизни: «Дом Щепкина принадлежал к тем домам старинной Москвы, в которых находило приют искусство, а простые и добрые обычаи семьи отрадно действовали на посещавшую их молодежь».

«В доме и в жизни семьи Михаила Семеновича сохранился тот быт, к которому он привык исстари в провинции, когда живал в Курской и Полтавской губерниях. Вся обстановка была проста и нероскошна. Но стоявший в зале рояль, ноты и книги давали тотчас понятие о вкусах и занятиях семьи», вспоминала его родственница, А. В. Щепкина.

В мае 1836 г., вероятно, сюда приезжал А. С. Пушкин, отношения которого с Щепкиными были очень дружественны. По настоянию Пушкина артист начал писать свои воспоминания, причем сам Александр Сергеевич подарил ему тетрадь и набросал первые строки: «17 мая 1836. Москва. Записки актера Щепкина. Я родился в Курской губернии Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке...»

Дом Щепкина был похож на сельскую усадьбу, утопавшую в зарослях сирени, полную цветов, которые очень любил хозяин дома. Позади дома расстился большой сад с фруктовыми деревьями.

В то время места вокруг Спасской церкви, хотя и находились недалеко от центра Москвы, более походили на уездный городок: «Тихий переулочек с редкими пешеходами и еще более редкими извозчиками и ломовыми, тархатящими тяжелыми колесами по булыжной мостовой. Две лавки — мясная и колониальная, булочная, из которой по утрам так вкусно пахнет свежеепеченными булочками. Белая церковь за чугунной оградой. Подстриженные тополя, желтая акация, одуванчики в густоразросшемся газоне» — это свидетельство дочери писателя Н. Н. Златовратского, жившего в этом переулке в 1885 г.

Церковь Спаса Преображения была выстроена в Спасской слободе в 1642 г. (по другим источникам в 1657 г.). Ее невысокий грузный четверик, украшенный рядом кокошников, венчалось широко расставленное пятиглавие, на барабанах глав виднелись изящные аркатурные пояса. С западной стороны к трапезной примыкала стройная шатровая колокольня. Трапезная церковь в 1774 г. была перестроена — значительно расширена в связи с тем, что она стала мала для прихожан. В церкви находились прекрасный иконостас с иконами XVIII в., богослужебные книги XVII и XVIII столетий.

Спасопреображенская церковь не мешала никому, за исключением, конечно, большевиков, поставивших себе целью уничтожить старую русскую культуру, столь тесно связанную с религией. Церковь сломали в 1936 г. и построили на ее месте здание школы.

Разрушительная деятельность не ограничилась тридцатыми годами. Совсем недавно тихо-мирно исчез уникальный памятник русской культуры — дом Щепкина.

Стоял он без протеста и медленно, но верно разрушался. Общественность била тревогу, взывала к совести властей держащих.

Те что-то авторитетно обещали, но все тщетно. Дом Щепкина, памятник, стоявший на государственной охране, включенный в официальные списки, был в одночасье снесен каким-то местным районным деятелем. И никто не в ответе —

как-будто ничего не произошло. А на месте дома осталась лишь площадка, аккуратно присыпанная желтым песочком.

И все это произошло совсем недавно, в 1985 г.!

Церковь святого Сергия в Пушкарях

Одними из наиболее уважаемых жителей средневековой Москвы были пушкарки — их продукция в больших количествах требовалась для армии, а производство пушек считалось одним из трудных дел, требующих самой высокой квалификации. Так как в то время пушки отливали, как правило из бронзы, те же пушкарки занимались и еще одним делом — отливкой и отделкой колоколов.

Около Сретенки располагалась большая слобода пушкаррей. По переписи 1638 г. в ней состояло 102 двора пушкарских, «да Пушкарского ж двора всяких мастеровых людей 60 дворов». В них жили «зелейные» мастера т. е. те, кто изготовлял порох, кузнецы, паяльщики, резчики и многие другие. В слободе находились две приходские церкви — одна на Сретенке, а другая — в переулке, позже получившем название Большого Сергиевского.

В этом переулке стояла Троицкая церковь, но, как часто бывало в Москве, церковь называли по приделу — Сергиевской, а не по главному, Троицкому, престолу.

Впервые она упоминается довольно давно — в 1547 г., когда в летописи было записано известие о пожаре: сгорели «Рождественская улица, и монастырь Рождественский, и Сергей Святый до Николы до Драчевского монастыря». Тогда церковное здание было деревянным и еще по переписи 1620—1621 гг. значился «храм Сергей чудотворец в пушкарях деревяной теплой».

10 июня 1653 г. прихожане начали строить каменную церковь, получив благословение и грамоту патриарха Никона. По этой грамоте им разрешалось выстроить церковь в честь Живоначальной Троицы и с приделом во имя преподобного Сергия, но «за скудостью» пушкарки никак не могли довершить всего строения и были вынуждены ограничиться «для божественных служб» лишь Сергиевским приделом.

Только через долгих 30 лет прихожанам удалось продолжить церковное строение — явился жертвователь: свой дом завещал приходу Александр Григорьев сын Колокольников. Дом этот продали 1 апреля 1680 г. Федору Дмитриевичу Маторину за 400 рублей. Да еще на церковь своим пушкарям подарили кирпич и «всякие каменные припасы» цари Иоанн и Петр Алексеевичи. С такой помощью строение могло наконец совершиться — освящение церкви состоялось в 1684 г.

Церковь Спаса Преображения
на Песках, 1880-е гг.
(Б. Спасский пер., 10)

Церковь святого Сергия
в Пушкарях, 1880-е гг.
(Б. Сергиевский пер., 6)

Церковь Спаса Преображения
в Пушкарях, 1880-е гг.
(ул. Сретенка, 20)

Церковь преподобного Сергия долгое время считалась особой — артиллерийской. Еще в XVIII в. подавание в церкви раздавалось от имени артиллерийских полков, а в старину, в день 1 августа совершался крестный ход из церкви на один из Неглинских прудов, где при огромном стечении народа пушкари показывали свое искусство — производили пушечную пальбу.

Сергиевской церкви повезло — она одна из немногих московских церквей совсем не была затронута пожаром 1812 г. Уцелело все — и само здание, и интерьеры, и ризница. По сообщению благочинного, церковь «как снаружи, так и внутри находится в хорошем состоянии, в стенах и сводах тверда, архитектуру благовидна, внутри благолепием украшена, утварью и ризницей богата...» Церковь не перестраивалась, только в 1836—1840 гг. к ней пристроили придел, освященный во имя святителя Митрофана, епископа Воронежского.

Так и стояла она на самом склоне крутого спуска Сретенского холма к реке Неглинной, радуя глаз своей красотой, пока разрушители не приступили к своей «деятельности».

По постановлению Президиума Моссовета от 14 июня 1935 г. ее закрыли «ввиду острой необходимости помещения для клуба глухонемых». Глухонемые так и не дождались своего клуба от городских властей, но в том же году все церковные постройки были безжалостно снесены.

Церковь Спаса Преображения в Пушкарях

Сретенка — уникальная московская улица. Ни на одну другую улицу города не выходит столько переулков, буквально, через каждый дом. По левой стороне улицы их — восемь, а по правой — семь. Объясняется это тем, что по обе стороны улицы находились слободы с маленькими участками, выходившими в переулки. Жили тут пушкари, печатники, стрельцы.

Жители одной из таких слобод — Пушкарской — и построили себе приходскую церковь на Сретенке.

Далеко была видна колокольня ее. Построенная в 1753 г., она стояла прямо на красной линии улицы. Сам же храм находился несколько в глубине — его, вместо деревянной церкви, выстроили в 1683 г. Храм, однако, позднее перестраивался неоднократно: в 1701, 1722, 1753 и 1817 гг.

Так же, как и многие другие церкви, Спасопреображенская церковь стала жертвой большевистского рвення искоренить религию в любой форме, будь это религиозное сознание в душах людей, или религиозные здания на улицах городов.

Церковь Спаса Преображения снесли в 1935 г. и ныне тут школьное здание.

Сухарева башня

«Кому из русских, даже не бывших в Москве, неизвестно название Сухаревой башни?» — так начинается рассказ о ней автор одного из самых интересных московских путеводителей прошлого века И. К. Кондратьев. И действительно, Сухарева башня была известна всей России — как и Кремль с его Иваном Великим и соборами, как Красная площадь с Василием Блаженным, Сухарева башня стала символом стольного града. Нигде, ни в одном русском городе не было ничего ей подобного — это было уникальное сооружение.

Сухарева башня много раз упоминалась писавшими о Москве. В своем юношеском сочинении М. Ю. Лермонтов описывал ее: «На крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе!»

Поэт М. А. Дмитриев посвятил ей стихотворение:

Что за чудная, право — эта зеленая башня!
Высока и тонка; а под ней, как подножье, огромный Дом
В три жилья, и примкнулось к нему на откосе,
под крышей,
Длинное сбоку крыльцо, как у птицы крыло на
отлете.
Кажется, им сейчас и взмахнет! — Да нет,
тяжеленька!

Первоначально здесь, у конца улицы Сретенки, находилась деревянная Сретенская башня, построенная в 1591—1592 гг., бывшая частью последней, четвертой московской крепости — так называемого Скородома, или Деревянного города. Крепость сгорела в 1611 г., и вместо нее в конце 1630-х гг. насыпали земляной вал, на котором в 1659 г. устроили деревянную ограду с проездными башнями в ней. В 1692—1695 гг. Петр I вместо деревянной башни при выезде с Сретенки на Троицкую дорогу построил каменные двухэтажные палаты со сквозным проездом под ними и трехярусной башней (в качестве автора без особых к тому доказательств упоминается живописец Михаил Чоглоков).

По давней традиции это строительство связывалось с переходом на сторону Петра стрелецкого полка под командованием Лаврентия Сухарева во время борьбы за власть с царевной Софьей. Петр якобы выстроил башню с палатами в благодарность за столь своевременную помощь стрелецкого полковника и назвал ее именем Сухарева. Но отвлекаясь от совершенно неслыханного способа выражения царем благодарности одному из своих подданных — строить башню в городе, надо сказать, что никаких до-

кументальных свидетельств, подтверждающих этот рассказ, не обнаруживается. Башня в народе получила название Сухаревой только лишь потому, что она стояла в той местности, которая называлась Сухарево — по фамилии того же Лаврентия Сухарева, главы стрелецкого полка, расквартированного у ворот крепости: в Москве ведь многие местности назывались по фамилиям командиров стрелецких полков — Пыжи (Пыжов), Зубово (Зубов), Левшино (Левшин).

В надписи на двух досках, помещенных на стенах башни, не упоминалось о какой-то особой благодарности Сухареву. На одной доске было написано: «Повелением благочестивейших, тишайших, самодержавнейших государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев, по Стрелецкому приказу, при сиденье в том приказе Ивана Борисовича Троекурова», и на второй продолжение: «Построены во втором Стрелецком полку по Земляному городу Сретенские ворота, а над теми воротаы палаты и шатер с часами, а подле ворот по обе стороны караульные малыя палаты, да Казенный анбар, а позадь ворот к новой Мещанской слободе часовня с кельями к Николаевскому монастырю, что на Перерве, а начато то строение строить в лето 7200, а совершенно 7203, а в то время будущего у того полку стольника и полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева».

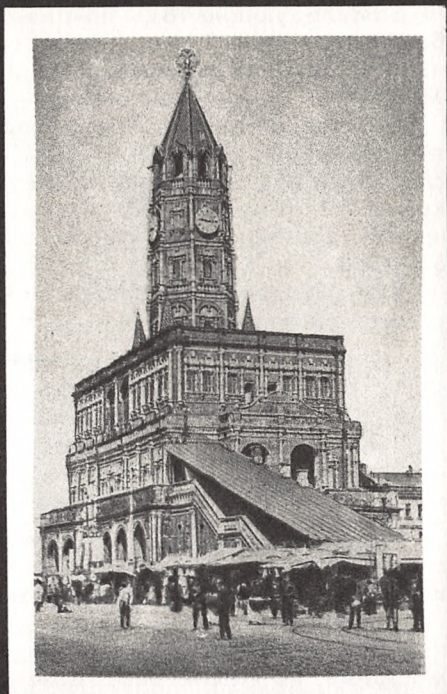
После возвращения из поездки за границу Петр I приказал надстроить на палатах еще один этаж, а на башне еще два яруса, и Сухарева башня стала похожа на те ратуши, которые царь видел в Западной Европе. Это строительство началось в 1698 г. и закончилось в 1701 г. Новое сооружение стало самым крупным светским зданием в России.

В обширных помещениях башни Петр I разместил математическую и навигацкую школу, в которой преподавали выпитанные им из Европы иностранные учителя, а также наш Леонтий Магницкий, автор первого русского учебника арифметики. Школа находилась в Сухаревой башне до 1715 г., когда сюда перевели из Кремля Адмиралтейскую контору, просуществовавшую здесь до 1806 г.

При Петре в башне помещалась астрономическая обсерватория, которой заведывал шотландец Фарварсон, здесь хранились часы, научные инструменты, немалая библиотека. В нижнем этаже находился большой медный глобус, привезенный еще отцу Петра царю Алексею Михайловичу из Голландии.

Все эти вещи, очевидно, и послужили распространению множества легенд о Сухаревой башне: здесь якобы замурованными в стены хранились «черные» волшебные книги, в башне сидел чародей Брюс, занимаясь колдовством... И даже двуглавый орел, украшавший шпиль башни, тоже участвовал в народных рассказах: видели, как перед войной 1812 г. в стрелах у его лап запутался ястреб: в этом видели явное предзнаменование гибели Наполеона от русского орла.

Суарева башня, конец XIX в.

Разрушение Суарева башни, 1934 г.

В последующие годы по-разному использовалась Сухарева башня: там были склады, жили солдаты, а в XIX в., пользуясь необыкновенной крепостью кладки, в башне устроили два резервуара — на 6 и 7 тыс. ведер — мытищинского водопровода.

Достойное употребление ей придумали в советское время: там поместили музей. В 1925 г. башню отремонтировали, приспособили под музейные нужды, и в самом начале 1926 г. открыли Московский коммунальный музей — официальное открытие состоялось 3 января, а посетителей начали пускать 6 января.

В. А. Гиляровский, посетивший новый музей, оставил такое стихотворное приветствие:

Вода ключевая
Отсюда поила
Московский народ,
Отныне живая
Знания сила
Отсюда польет.

Вдохновитель всего предприятия, историк Москвы Петр Васильевич Сытин вложил всю душу в новый музей. Он предполагал развернуть там большие экспозиции, устраивать лекции, хотел устроить вокруг башни уголок московской истории — поставить различной формы фонари, положить разного типа мостовые, на башне оборудовать наблюдательную вышку — ведь высота Сухаревой башни превышала 60 метров да еще стояла она на высоком московском холме.

Ничего этого сделать не удалось, сначала П. В. Сытина уволили из музея, а потом... потом Сухареву башню снесли.

Тот же Гиляровский с негодованием писал о разрушении Сухаревой башни в письме к дочери: «Ее ломают. Первым делом с нее сняли часы и воспользуются ими для какой-нибудь другой башни, а потом обломали крыльцо, свалили шпиль, разобрали по кирпичам верхние этажи и не сегодня-завтра доломают ее стройную розовую фигуру. Все еще розовую, как она была! Вчера был солнечный вечер, яркий закат со стороны Триумфальных ворот золотил Садовую снизу и рассыпался в умирающих останках заревом.

Жуткое что-то! Багровая, красная,
Солнца закатным лучом освещенная,
В груди развалин живых превращенная.
Все еще вижу ее я вчерашнюю —
Гордой красавицей, розовой башнею...»

По мнению коммунистов, Сухарева башня мешала улично-му движению. Архитекторы, инженеры предложили схемы движения в обход башни, но хозяева России не хотели ничего слушать — дело было не в каких-то там схемах, а в нечто большем: в желании уничтожить прошлое русского народа.

Недавно опубликовали переписку Сталина и его подручных по поводу сноса башни. Вот выдержка из письма И. Э. Грабаря, И. В. Жолтовского и других, посланного в августе 1933 г. Сталину: «Газетное известие о сломке Сухаревой башни заставляет нас, пока еще не поздно, сигнализировать Вам об ошибочности принятого решения... Сломка башни нецелесообразна по существу, ибо, если цель ее — урегулирование уличного движения, то тот же результат с одинаковым успехом может быть достигнут иными путями... Группа архитекторов берется в течение одного месяца разработать проект реорганизации Сухаревой площади, с идеальным разрешением графика движения... Сухарева башня есть неувядаемый образец великого строительного искусства, известный всему миру и всюду одинаково высоко ценимый...

Пока еще не поздно, мы убедительно просим приостановить бесцельную сломку башни, недостойную наших славных дней построения социализма и бесклассового общества, и пересмотреть постановление, если таковое существует».

В ответ 18 сентября 1933 г. Сталин собственноручно пишет Кагановичу:

«Мы (это он сам и Ворошилов — Авт.) изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к тому, что ее надо обязательно снести. Предлагаем снести Сухареву башню и расширить движение. Архитектора, возражающие против сноса — слепы и бесперспективны».

Подручный Сталина Каганович, выступая в эти дни на собрании коммунистов-архитекторов, угрожающе заявил: «В архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Пример можно взять хотя бы из фактов последних дней — протест группы старых архитекторов против слома Сухаревской башни. Я не вхожу в существо этих аргументов, возможно, Сухаревскую башню мы и оставим (!), но ведь характерно, что не обходится дело ни с одной заваливающей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках обвинить советскую власть в вандализме».

Представители творческой интеллигенции — А. В. Щусев, К. Ф. Юон, А. М. Эфрос и другие — все же не успокаиваются. 17 апреля 1934 г. они опять отправляют Сталину послание: «С волнением и горечью обращаемся к Вам...», — и опять они приводят неопровержимые доводы в пользу сохранения Сухаревой башни.

В ответ же за подписью Сталина: «Решение о разрушении Сухаревой башни было принято в свое время Правительством. Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня...»

Вот так: именно «советские люди» создадут (конечно, под руководством самого Сталина) нечто более достопамятное...

Что бы там ни писали ученые, Сухарева башня была обречена. Сломка ее шла полным ходом. Вот восстановленная по газетным сообщениям хронология варварства.

19 апреля 1934 г.: «Верхние шесть метров Сухаревой башни уже разобраны. Закончена также разборка главной гранитной лестницы. 60-пудовый шпиль башни спущен на землю. Самая ответственная часть работы, таким образом, закончена... Вчера закончена съемка часов с башни».

29 апреля: «Вчера закончился разбор призмы (верхней части) Сухаревой башни. Приступлено к сносу основного здания...»

24 мая: «Разборка Сухаревой башни заканчивается... Общий план работ выполнен более чем на 80 процентов. Нижний этаж будет разобран в течение ближайших 5—6 дней. Все строительные материалы предоставлены гордоротделу для использования при замощении улиц».

12 июня: «В ночь на 11 июня закончились работы по сносу Сухаревой башни. Разобрано свыше 16 тыс. кубометров стройматериалов. Образцы работы показали лучшие ударники Мосразбора гг. Ульбашев, Латыпов, Себерзьянов, Барбарошин. Они будут премированы».

Вот и все.

Церковь святого Панкратия

Церковь св. Панкратия стояла в тихом, спокойном переулке, который по церкви назывался Панкратьевским. В XVII в. в окрестностях этого переулка находилась Панкратьевская, или Новая слобода, которая была частью Сретенской сотни, как говорили тогда, «а тянет в Устретенскую сотню». В этой слободе были земли, данные князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому: «то место велеть ему пахать и владеть по сей данной до тех лет, покамест на тех местах жильцы будут».

Панкратьевская церковь не была древней, ее начали строить в 1700 г., а освятили 9 июля 1701 г. Главный престол был во имя Всемиловитого Спаса, а придел — св. Панкратия. В 1756 г. построили новый алтарь и в 1838 г. — еще один придел во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи.

В конце 1920-х гг. над церковью нависла смертельная опасность: ее вознамерились снести, ибо, видите ли, она была, как оказалось, «расположена в центре квартала, отведенного под рабочее строительство».

Общественность тогда еще могла, хотя бы для проформы, выражать свои протесты. Группа верующих 13 августа 1928 г. направила письмо в Президиум ВЦИК РСФСР с просьбой — нет, с мольбой — не разрушать их церковь. В качестве аргументов, долженствовавших смягчить сей Президиум, были упоминания о том, что приход у церкви огромный — 9 тысяч человек, что совсем недавно много средств было потрачено на ремонт и что, наконец, ведь есть много пустующих участков, где могли бы разместить это «рабочее строительство».

Общество по изучению Московской губернии тоже послало протест, подписанный П. Н. Миллером. Во ВЦИК пошел и протест Главнауки. В нем повествовалось и о замечательном иконостасе, и о лепных украшениях, и о порталах с коваными дверями, и о редкой кованой решетке, и о самом здании церкви — «типичнейшем памятнике переходной эпохи».

А что же Президиум?

Церковь святого Панкратия,
1880-е гг. (Панкратьевский
пер., 4-6)

Церковь святого Николая
чудотворца в Драчах, 1880-е гг.
(Трубная ул., 38)

Читальня им. И. С. Тургенева, начало XX в. (Тургеневская пл.)

А вот что. 17 сентября 1928 г. он постановил: «Ходатайство верующих отклонить. Протест Главнауки оставить без последствий... Обязать Моссовет производить сломку в кратчайший срок».

Этим все и кончилось...

Церковь святого Николая чудотворца, что в Драчах

Есть сведения, что еще в XVI в. тут находился монастырь, называвшийся «что на старом городище». Как обычно, древнейшие поселения располагались на высоких мысах над речными долинами, и, возможно, здесь, на высоком берегу реки Неглинной, находилось одно из поселений раннежелезной культуры, так называемой дьяковской — по селу Дьякову, где впервые в 60-х гг. прошлого века было раскопано городище, давшее характерные для этого времени находки. Период «раннего железа» был довольно длительным: в Москве и Подмоскovie он продолжался с VII в. до н. э. до VI—VII вв. н. э.

Можно также предположить, что городище не заглохло в последующее время и на этом месте находилось одно из «сел красных», принадлежавших боярину Степану Кучке, столь трагично кончившему свою жизнь в распре с сильным князем — по преданию Юрий Долгорукий велел того боярина «ухватити и смерти предати». К селу вела торная дорога по-над берегом Неглинной от такого же поселения на Боровицком мысу у слияния ее с Москвой-рекой.

Первое летописное известие о существовавшем здесь монастыре содержится в сообщении о большом московском пожаре 1547 г., когда огонь дошел «до Николы до Драчевского монастыря».

Монастырь уже в конце XVII в. перестал существовать, и тут находилась только обычная приходская церковь в поселении стрельцов. Они в 1682 г. получили благословение патриарха выстроить себе каменное здание церкви во имя св. Николая чудотворца. 24 июля того года была выдана храмозданная грамота «прихожанам надворная пехоты Васильевского полка Пушешникова пятидесятникам, десятникам и рядовым».

В XVIII в. в Никольской церкви были сделаны два придела: один из них — во имя Девяти мучеников (1731 г.), а другой — святителя Дмитрия, епископа Ростовского (1757 г.).

К XVIII в. относилась и колокольня; тогда же, вероятно, в церкви появился замечательный деревянный ампирный позолоченный иконостас с иконами, относившимися, в основном, к XVII в. Там находилась икона Владимирской Божьей Матери в окладе — дар патриарха Никона.

Уже в XX в. по проекту архитектора З. И. Иванова выстроили большую трапезную (1901—1903 гг.).

Церковь св. Николая чудотворца, казалось бы, никому не мешала — она стояла в глубине квартала, где не предполагалось большого строительства и где было много незастроенных

пустырей. Но именно на месте церкви понадобилось властям выстроить школьное здание.

Сначала — в 1937 г. — снесли колокольню, а в 1939 г. и сама церковь св. Николая чудотворца.

Тургеневская читальня

Какой замечательный памятник снесли коммунисты! Десяткам поколений москвичей он был памятен и дорог. Это было место, где они впервые приобщились к русской и мировой культуре, где в тихом читальном зале они могли погрузиться в любимую книгу, прочитать последний журнал, подготовиться к экзаменам...

Читальня имени И. С. Тургенева была первым такого рода учреждением в Москве, специально предназначенным для тех, кто не имел другой возможности пользоваться книжными богатствами.

Мысль об основании общедоступной библиотеки-читальни возникла в кружке интеллигенции, собиравшейся в доме богатой и умной купчихи Варвары Алексеевны Морозовой, происходившей из рода Хлудовых. Она 13 сентября 1883 г. обратилась к городскому голове с заявлением о желании пожертвовать десять тысяч рублей на устройство читальни. Половина этой суммы предназначалась на приобретение книг, а половина обращалась в неприкосновенный капитал, проценты с которого шли на дальнейшее ее содержание. Новое московское учреждение она желала назвать именем своего кумира, незадолго перед тем скончавшегося писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Город с благодарностью принял ее щедрый дар.

Сначала предполагалось, что читальня будет находиться в наемной квартире, но впоследствии Морозова решила построить для нее особое здание. Она просила архитектора Д. Н. Чичагова взять на себя составление проекта здания, а город, в свою очередь, выделил для строительства участок в 66 квадратных саженей, образовавшийся в результате отрезки части Сретенского бульвара. Постройка здания, стоившая Морозовой более 26 тысяч рублей, закончилась в конце 1884 г., и в начале следующего года Тургеневская библиотека-читальня была открыта: «Вчера, 27 января, — сообщала газета «Русские ведомости», — состоялась торжественное открытие городской бесплатной читальни, учрежденной в память И. С. Тургенева... Помещение ее не оставляет желать лучшего: высокий светлый зал, обставленный простою, но изящной мебелью, может поместить в себе до 100 человек. Вечером читальня освещается двумя большими газовыми лампами, по образцу тех, которые освещают залу Думы. В библиотеке кроме газет и периодических изданий имеется до 3000 названий книг. Чтение книг и журналов бесплатное. Это первая русская бесплатная читальня». Работой читальни заведывал попечительный комитет в составе профессоров Московского университета И. И. Ян-

жула, М. Е. Богданова, А. И. Чупрова и самой В. А. Морозовой.

Первая читальня стала образцом для подражания: в Москве открылись библиотеки-читальни имени А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина. Все они были очень популярны в Москве, но «Тургеневка» была особенно известна.

Вспоминает театровед С. Н. Дурылин: «Я стал посещать ее во второй половине 90-х годов. Тогда это была единственная в стране библиотека с хорошим подбором книг, открытая для всех... В Тургеневской читальне открывался для пытливого юношеского ума и чувства свободный выход в необъятный простор мировой мысли и литературы».

Со временем помещения библиотеки стали тесными, и в 1901 г. надстроили второй этаж для размещения книг и журналов.

Библиотека исправно обслуживала читателей до тех пор, пока московские власти не вспомнили о Новокировском проспекте, предусмотренным генеральным планом 1935 г. Проспект этот должен был пройти по живому организму города, разрушая уже сложившуюся застройку, а «Тургеневка» стояла как раз на трассе проспекта... Никакие просьбы ученых, литераторов, общественников не помогли. Для укладки и вывоза книг дали смехотворно мало времени, и на здание библиотеки надвинулись бульдозеры и экскаваторы. Разрушили ее в 1972 г., и с тех пор бесценные книжные фонды ютятся и гибнут в самых разных помещениях. .

Но что же построили вместо «Тургеневки»?

Ничего. Сейчас на ее месте пустой асфальт.

Прокладку Новокировского проспекта удалось остановить на линии бульваров, но Тургеневскую площадь все-таки сумели обезобразить.

Церковь святого Николая чудотворца в Мясниках

Замечательное зрелище открывалось на Мясницкой. Если посмотреть вдоль улицы от Мясницких ворот к Садовой, то середину улицы отмечала высокая колокольня с маленькой главкой на ней. А если смотреть в обратном направлении — от Садового кольца к воротам, — то был виден мощный церковный барабан, утверждаемый на высоком четверике. Это была видна церковь св. Николая чудотворца, что в Мясниках, одна из древнейших московских церквей.

Однако, самую древнюю часть всего комплекса с улицы не было видно. Дело в том, что в XIX в. к самой старой части пристроили новые, значительно большие, скрывшие за собой седую древность. Если войти в церковный двор, то позади большого храма, выходящего фасадом на Мясницкую, можно было увидеть небольшую одноглавую старинную церквуш-

ку. Когда она была построена, остается неизвестным. Здание ее представляло новгородско-псковский тип с характерными для него четырьмя фронтонами. Как писал историк архитектуры И. П. Машков в 1913 г., «внутри храм перекрывает великолепно сохранившийся сомкнутый с распалубками крещатый свод». Он относил строительство этого храма к началу XVI в.

К этой маленькой церкви в 1705 г. пристроили обширный храм во имя Сошествия св. Духа и тогда же построили высокую колокольню. По рассказам москвичей, новую церковь выстроили по плану царя Петра Алексеевича, который сам, якобы, наблюдал за ее строительством. Другая легенда утверждает, что храм выстроил некий думный дьяк, мучимый грехом непочтения к своему отцу.

По соседству с церковью св. Николая чудотворца в 1809—1810 гг. жила пушкинская семья. Сергей Львович Пушкин нанял дом купца Птицына, стоявший у церкви ближе к Мясницким воротам. В церковной исповедной ведомости тогда были записаны «подполковник Сергей Львов Пушкин 40 лет, жена его Надежда Осипова 33 лет, дети Ольга 12, Александр 10 лет и капитанша вдова Марья Алексеева Ганнибалова 65 лет».

С этой церковью связаны воспоминания юного Александра Пушкина: «В 1810 г. в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которому должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо...» Год, однако, Александр Сергеевич запомнил — император Александр I был в Москве с 6 по 12 декабря 1809 г.

Конечно, оказалось, что именно здесь, на месте церкви св. Николая чудотворца, что в Мясниках, которая представляла собой «наилучшее и единственно сохранившееся в Москве сооружение с восьмискатным перекрытием новгородского типа», понадобилось строить новое здание для правления Центросоюза, богатой кооперативной организации. По результатам конкурса приняли проект французского архитектора Ле Корбюзье.

Выстроили высокий каменно-стеклянный ящик, выходящий плоским невыразительным фасадом на Мясницкую. Для нового здания снесли Никольскую церковь, хотя были прекрасные проекты сохранения церкви в окружении нового здания.

Церковь св. Николая чудотворца была разрушена осенью 1928 г.

Красные ворота

Уникальным памятником обладала Москва — старейшими в России Триумфальными воротами. Да еще какими! Барочными, постройкой середины XVIII в. — произведением самого Дмитрия Ухтомского, знаменитого московского архитектора.

Эти ворота, прозванные Красными, стояли на площади, образованной пересечением нескольких магистральных улиц — Садового кольца, Мясницкой, Каланчевской и Новой Басман-

ной, отмечая, таким образом, один из самых важных градостроительных узлов Москвы.

История сооружений, строившихся в честь торжественных событий в истории государства, начинается в России с Петра Великого, введшего этот, еще невиданный на Руси обычай.

Первые триумфальные ворота появились в 1696 г. Поводом для этого было взятие Азова. Тогда, после столь долгожданной победы, достигнутой дорогой ценой, первой пробы сил русского военно-морского флота, Петр отдался празднеству. Сам он и выбрал место для триумфальной арки — «на мосту, через Москву-реку устроенном». У Большого Каменного моста, со стороны Замоскворечья, возвели высокие ворота, с украшениями на темы античной мифологии и военной арматуры, надписями и статуями. На воротах стоял морской бог Нептун с надписью: «Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь». Среди прочих на воротах была и такая ироническая надпись, обращенная к побежденным: «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали».

В день торжественного открытия ворот через них проходила длинная процессия: впереди проезжал «князь-папа» Никита Зотов, за ним — командующие войсками Алексей Шейн и Франц Лефорт, а сам царь, к невыразимому удивлению москвичей, одетый в немецкое платье, шел пешком.

Потом было много такого рода и триумфальных ворот и шествий. Так в 1709 г. отмечалась победа под Полтавой, а в 1721 г. успешное окончание Северной войны.

Тогда же купечество выстроило триумфальные ворота с портретом Петра и многими аллегорическими картинами. Это были первые триумфальные ворота, построенные у выхода Мясницкой к Земляному валу и, возможно, уже в то время ворота назывались Красными, ибо дорога от них вела к Красному селу и Красному пруду. В 1724 г. на том же месте строились триумфальные ворота к коронации Екатерины I, и композиция этих ворот послужила образцом для всех последующих. Через восемнадцать лет к коронации «дщери Петровой» Елизаветы Петровны здесь же сооружаются триумфальные ворота, предназначенные «для шествия Ея Императорского Величества».

В 1753 г. они сгорели, но если все предыдущие временные деревянные ворота не сохранялись, эти, учитывая их мемориальную значимость и положение в городе, Сенат решил восстановить в долговременном материале — камне и поручил архитектору князю Дмитрию Ухтомскому заняться этим делом. Исследователь творчества Ухтомского А. А. Михайлов писал, что «тема триумфальной архитектуры, выдвинутая периодом преобразований как новая тема, выражающая исторические победы и подъем Русского государства, нашла в лице Ухтомского самого блестящего для своего времени истолкователя».

Двадцатидвухлетний архитектор создал монументальное сооружение, рассчитанное на круговое обозрение. Красные

Церковь святого Николая чудотворца
в Мясниках, 1880-е гг. (Мясницкая
ул., 29)

Красные ворота, начало XX в.

ворота были украшены несколькими скульптурами, резными картушами и замками. Все они были позолочены, а сами ворота окрашены под мрамор.

К сентябрю 1755 г. Ухтомский сообщил, что «Триумфальные Красные ворота каменной работою совсем во окончание приведены», но отделочные работы продолжались еще до конца 1757 г.

«Красные ворота представляли одно из наиболее замечательных произведений русского зодчества середины XVIII в., — писал А. А. Михайлов. — Их идейное содержание и архитектурное воплощение проникнуты глубоким национальным своеобразием. Это произведение, представлявшее высокий образец триумфального памятника, от начала и до конца было создано руками русских мастеров».

Ни это обстоятельство, да и никакое другое, не могло оказать никакого влияния на действия разрушителей-большевиков, вознамерившихся убрать с лица земли все, что напоминало о «ненавистном самодержавии». Для них ценность представляло только то, что было непосредственно связано с укреплением и прославлением их власти.

После ремонта, затеянного в 1926 г., возможно, из-за кражи 18 из 20 фигур, установленных на воротах, Красные ворота приговариваются к уничтожению. Газета «Известия» сообщила 11 марта 1927 г., что «в связи с усилением движения на улицах Москвы и необходимостью упорядочения уличного движения, Московский Совет обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством о разрешении сноса Красных ворот...». И этот высший орган оказался верен себе — тут же разрешил.

Это не могло не взволновать всех еще оставшихся порядочными людей:

московское архитектурное общество обращается в Совет народных комиссаров с ходатайством о «пересмотре указанного решения, влекущего за собой невозместимую утрату художественно-культурных ценностей, характеризующих исторический облик Москвы»;

комиссия «Старая Москва» за подписью 111 своих членов «решительно высказывается за сохранение»;

Академия наук: «Уничтожение такого замечательного памятника является безусловно недопустимым... Сломка Красных ворот, по глубокому убеждению Академии наук, была бы равносильна сознательному уничтожению полотна крупного художника, ни при каких условиях недопустимому»;

архитектор А. В. Щусев: «Лучшие московские архитекторы согласились бы безвозмездно принять участие в конкурсе на перепланировку площади с сохранением Красных ворот... Красные ворота после перепланировки площади ни в коем случае не будут мешать движению».

И даже советские чиновники решили вмешаться: Наркомпрос обратился во ВЦИК с просьбой приостановить разрешение о сносе, так как Красные ворота «являются единственными в своем роде не только во всеююзном, но и в мировом масштабе», а Управление губернского инженера вообще считало «сломку нецелесообразной».

Что же власти? Выражением их отношения к русскому национальному наследию может послужить статья в журнале «Пржектор»: «Старые, груз-

ные ворота мешали. О них разбивалось неумное движение быстро растущего города, терялись миллионы драгоценных минут, необходимых, чтобы объехать массивные купеческие арки, увенчанные золоченым ангелом».

Некий Коробьин в статье «Несколько слов о старых вещах», опубликованной в официальной газете «Известия», напирал на более тонкие материи: «Что же касается художественной красоты Красных ворот, то едва ли кто решится отстаивать ценность этого тяжелого замоскворецкого барокко, не характерного ни для настоящего французского барокко, ни для русских построек XVIII в».

Тогда искусствовед и художник И. Э. Грабарь, отчаявшись и памятуя о меркантильности новой власти, предложил ей... продать Красные ворота в Америку: и доллары получить, и хоть так спасти Красные ворота от смерти. Но и это предложение поддержки не получило.

К сносу Красных ворот приступили 3 июня 1927 г. Ломали их безжалостно, просто сбрасывая резные украшения и статуи с высоты. Энтузиастам удалось спасти лишь несколько фрагментов и перевезти их в музей. К осени того же года площадь опустела — на месте чудесных триумфальных ворот простиралось пустое заасфальтованное пространство...

Церковь Трех Святителей

Вместе с изумительными Красными воротами, украшавшими одноименную площадь в продолжение почти 200 лет, исчезла и церковь Трех святителей, стоявшая у края ее, у начала Садовой-Черногрязской улицы, где сейчас разбит чахлый скверик. Никакого здравого смысла нет в действиях разрушителей, никакого предлога нельзя отыскать в их оправдание.

Церковь Трех святителей была построена на краю Огородной слободы, у крупного делового и торгового центра рядом с воротами Земляного города. Изящный небольшой четверик с восмериками с одной главой — основное здание церкви с приделом св. Иоанна Богослова — был выстроен в 1699 г. на средства, завещанные подьячим Большого казенного приказа Иваном Венюковым. Через пятьдесят лет построили высокую колокольню и уже в XIX в. пристроили новую большую широкую трапезную с приделом св. Харлампия (1823 год).

Посвящение главного престола трем святителям — Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту — отражало уважение, вызываемое этим отцом церкви.

Творения Василия Великого были хорошо известны на Руси — это были лучшие произведения христианской литературы. Его «Шестоднев», толкование библейского рассказа о сотворении мира, а также «Любомудрие», написанное вместе с Григорием Богословом, были любимыми произведениями русских книжников. Василий Великий известен и своими трудами по устройству монашеской жизни, именно он является духовным отцом всех монашеских орденов, в которых личное подвижничество соединяется со служением миру.

Его друг и ровесник, Григорий Богослов, получил блестящее образование, его учение о некоторых церковных догмах стало основополагающим, а поэтическое произведение — церковными песнопениями.

Третий отец церкви — Иоанн Златоуст — был младшим современником двух других. Его учителем был знаменитый греческий ритор Ливаний, и Иоанн выказал еще в молодости необычайный ораторский дар. Его проповеди, с необыкновенной силой и убедительностью обличившие пороки имущих классов и, в том числе, духовенства, навлекли на него преследования и обвинения в хуле против императрицы Евдокии и растрате церковного имущества. Его несколько раз ссылали, и на пути в одну из таких ссылкок — на восточное побережье Черного моря, в византийскую Сибирь — он умер. Творения Иоанна Златоуста были излюбленным чтением в древней христианской Руси.

Церковь Трех Святителей была не только архитектурным, но крупным историческим памятником. В церкви хранилась метрическая книга, в которую были внесены две особенно интересные памятные записи.

Одна из них повествовала о рождении будущего великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Он родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 г. в доме у Красных ворот. Новорожденного крестили в ближней церкви Трех Святителей — в ее метрической книге было записано: «В доме покойного господина генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя, у живущего корпуса капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын Михаил... Крещен того же октября 11-го дня».

Супруги Лермонтовы сняли квартиру на втором этаже этого дома, но жили там недолго. Уже в конце года они уехали из Москвы в родовое имение матери поэта Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, Тарханы в Пензенской губернии.

Хотя Лермонтов в детстве и мало жил в Москве, но он считал древнюю столицу своей настоящей родиной: «Москва моя родина, и такую будет для меня всегда: там я родился, там много страдал, и там же был слишком счастлив», — писал он М. А. Лопухиной из Петербурга в 1832 г.

Дом, в котором родился поэт, также не пощадили строители новой социалистической Москвы — он находился там, где ныне высотный дом, один из тех, что в Москве прозвали «недоскребами».

Вторая запись повествовала о кончине знаменитого полководца: в церкви Трех Святителей отпевали генерала Михаила Дмитриевича Скобелева.

Он был необычайно популярен в России, почему и казался подозрителен для властей. Его внезапная смерть в гостинице Дюссо в Театральном проезде в Москве вызвала много толков. Отпевание, которое привлекло огромные толпы народа к церкви Трех Святителей, происходило в 11 часов утра 28 июня 1882 г.: «Какие проводы устроил русский народ своему любимцу! — писала газета «Русь». — Нам не приходилось видеть похорон публичного и официального лица торжественнее, умилительнее и искреннее». Из Трехсвятительской церкви его тело на поезде проводили в Рязанскую губернию, в его имение в селе Заборове-Спасском, где и похоронили рядом с могилами его отца и матери.

Трехсвятительскую церковь ломали заодно с Красными воротами, но если ворота «мешали» движению по площади, то причину для сноса церкви найти было труднее — она ничему не мешала, за исключением, конечно, цели большевиков раз-

Церковь святого
Харитония в Огородниках,
1880-е гг. (Б. Харитоньевский
пер., 12)

Церковь Трех Святителей,
1880-е гг. (Садовая-
Черногрязская ул., 2)

рушить как можно больше. Постановление Моссовета о сносе церкви Трех Святителей было вынесено 22 июля 1927 г., а снесли ее в мае следующего года.

Одно только осталось от нее — удалось спасти от варваров прекрасный резной позолоченный иконостас. Теперь им можно любоваться на Якиманке, в церкви св. Иоанна Воина.

Церковь святого Харитония Исповедника в Огородной слободе

В самом центре Огородной слободы, среди домишек, огородов и садов слобожан стояла приходская церковь, освященная во имя иконы Владимирской Божьей Матери, но известная более как Харитоньевская — по приделу. Впервые о церкви, которая тогда, вероятно, помещалась в маленьком деревянном здании, было записано в приходной патриаршей книге 1618 г. Ее начали перестраивать или, скорее, строить заново в середине XVII в.

В алтаре церкви сохранялась плита с вырезанной на ней надписью: «Лета 7160 июля в 8 день начата строиться сия церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирские при Державе Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, а совершена сия церковь с пределом под колоколы во имя преподобного отца нашего Харитона Исповедника во 170 г. июля в 30 день...» Если перевести даты на современное летоисчисление, то получится, что церковь строилась в продолжение десяти лет — с 1652 по 1661 год.

Здание церкви представляло собой типичный для Москвы, да и для многих других русских городов, конгломерат разновременных построек, причудливо соединенных в общее целое. Крупный четверик с закомарами и традиционным пятиглавием, украшенный декоративными деталями «московского» барокко, соседствовал с трапезной, смотревшей на переулок классическим дорическим портиком, а рядом виднелся восьмigrанник колокольни, одновременный церкви.

Авторство классической трапезной с ее сдержанными и благородными формами принадлежало одному из самых замечательных московских архитекторов, последних «классиков», Евграфу Дмитриевичу Тюрину, построившему ее в 1830 г. В 1881 г. на Харитоньевскую церковь обратили внимание такие известные ученые, как И. Е. Забелин и В. Е. Румянцев: под их наблюдением церковь была тщательнейшим образом отреставрирована.

Совершенно необычно для московской церкви было то, что в ней выставались древние предметы — как в музее! Молящиеся и посетители церкви могли видеть там рукописи и

старопечатные книги, древние облачения, а также фотоснимки с реставрированных фресок.

Харитоньевская церковь была приходской для семьи Пушкиных. После кончины деда поэта, полковника артиллерии Льва Александровича Пушкина, семья недолго прожила в обширной усадьбе на берегах Неглинной, и в 1797 г. она переехала сюда, в нынешний Малый Харитоньевский переулок, купив небольшую усадьбу (на месте современного дома № 7) у «гвардии поручицы» Е. М. Еропкиной. Здесь жили бабушка Ольга Васильевна, дядя Василий Львович, тетушки Анна и Елизавета. В 1808 г. Анна Львовна Пушкина продала эту усадьбу.

Маленький Саша Пушкин, без сомнения, бывал тут у своих родных, да и сам он с родителями почти все детство прожил в окрестностях церкви св. Харитония — в Огородной слободе. Возможно, что жизнь здесь вспоминалась ему, когда он описывал приезд Татьяны Лариной в Москву:

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился.

Перед войной москвичи показывали приезжим «домик Татьяны» — маленький одноэтажный деревянный дом, стоявший на углу Большого и Малого Харитоньевских переулков. Теперь вместо него — скверик с бюстом математика С. А. Чаплыгина.

В приходе церкви св. Харитония жил известный поэт того времени Иван Иванович Дмитриев. После выхода в отставку в 1801 г. он приобрел у профессора Московского университета Карла Лангера небольшую деревянный дом на участке, выходящем в Большой Козловский переулок, ныне дом № 12.

И. И. Дмитриев, как он сам вспоминал, переделал свой домик, «украшил небольшим количеством эстампов, достаточного для меня библиотекою и возобновил авторскую жизнь... С весны до глубокой осени, в хорошую погоду, каждое утро и каждый вечер обхаживал я мой садик, занимаясь его отделкою или поправкою; иногда же чтением под густою тенью двух старых лип, прозванных Филемоном и Бавкидою... Но не проходил ни один день, чтоб я не виделся с Карамзиным...»

Кроме Николая Михайловича Карамзина Дмитриева часто посещали и молодые писатели — Василий Львович Пушкин, Владимир Васильевич Измайлов, Василий Андреевич Жуковский. Последний с грустью вспоминал, стоя на пепелище этого дома, сгоревшего в пожар 1812 г.:

Итак — ея уж нет,
Сей пристани спокойной,
Где добрый наш поэт
Играл на лире стройной...
Как весело бывало,
Когда своим друзьям,
Под липою ветвистой
С коньяком чай душистой
Хозяин разливал,
И круг наш оживлял
Веселым острым словом!

В 1814 г. И. И. Дмитриев продал здесь «пустопорожную» землю и переехал в другую часть города, на Спиридоновку, где выстроил себе новый дом по проекту архитектора А. А. Витберга.

Недалеко от церкви св. Харитония, также в ее приходе, имел дом полковник В. А. Сухово-Кобылин, на средства которого была перестроена трапезная церкви.

Его сын знаменитый впоследствии драматург, автор нашумевших комедий «Дело», «Свадьба Кречинского», «Смерть Тарелкина», родился в этом приходе. Он писал в автобиографических заметках: «Родился в 1817 г. 17 сентября в московском доме Сухово-Кобылиных, состоящем в приходе Харитония в Огородниках».

Детские годы художника Павла Андреевича Федотова тоже прошли в приходе Харитоньевской церкви. Его отец был воином екатерининских времен, редко говорившим о своих походах, но выдавшим многое на своем веку. «Большое наше семейство, — рассказывал художник, — помещалось в небольшом домике, и жили мы бедно; но пока наш отец мог служить, нужды особенной мы не испытывали».

Чиновник, титулярный советник А. И. Федотов владел маленьким деревянным домиком, стоявшим по Большому Харитоньевскому переулку. Многие впечатления детства художника, отраженные в его картинах, были навеяны жизнью в приходе церкви св. Харитония в Огородниках: «Все, что вы видите на моих картинах (кроме офицеров, гвардейских солдат и нарядных дам), было видно и даже отчасти обсуждено во время моего детства: это я заключаю как по воспоминаниям, так и потому, что, набрасывая большую часть моих вещей, я почему-то представлял место действия непременно в Москве».

Церковь св. Харитония была свидетелем бракосочетания поэта Евгения Баратынского, состоявшегося 6 июня 1826 г. «Браком сочетался в оном приходе живущий в доме коллежского советника Михайлы Васильевича Мясоедова отставной прапорщик Евгений Абрамович Баратынской с дочерью Генерал-майора Льва Николаевича Энгельгард девицею Настасьею Львовною, оба первым браком», — так было записано в церковной метрической книге.

Много имен, много событий были связаны с этой церковью. Красовалась она здесь долгие годы, но пришли большевики и наступил ее смертный час. Ее снесли зимой 1935 г.

Дом в Большом Казенном переулке

В самом начале XIX в. усадьба в небольшом переулке (тогда он назывался Чиченовским, потом — Большим Казенным и, наконец, улицей А. Гайдара), ведущем к Земляному валу, принадлежала ротмистру Якову Афанасьевичу Татищеву. Отец его, А. Д. Татищев, был денщиком Петра I и умер в

Церковь Иоанна Предтечи
в Казенной, 1880-е гг.
(ул. Земляной вал, 2)

Дом в Большом
Казенном переулке,
1960-е гг.
(Б. Казенный пер., 4)

чине генерал-майора. Женат он был на М. Д. Еропкиной, сестре того самого Еропкина, который действовал так решительно во время чумного бунта 1771 г. в Москве. Возможно, в этой усадьбе воспитывалась их дочь, ставшая потом известной под именем княгини Зинаиды Волконской.

В центре усадьбы Татищевых стоял двухэтажный каменный дом с колонным портиком. Он вел свою родословную из глубокой старины: возможно, что он был выстроен в середине XVIII в. на основе еще более старого здания.

В 1972 г. в «Литературной газете» появилось письмо читательницы, в котором та сообщала, что старинное здание хотя и снести и на его месте построить современный жилой дом. «В тихом переулке А. Гайдара, окруженный зеленым садом и изящной решеткой, удивительно органично «вписался» в городской пейзаж новой Москвы красивый особняк, привлекающий гармоничностью своих форм и пропорций», — писала она.

С просьбами о спасении редкого здания тогда же обратились в Моссовет Министерства культуры СССР и РСФСР, Общество охраны памятников старины, Академия наук СССР.

На все просьбы некий Макаревич, ведавший застройкой и отводом участков, а потом ставший главным архитектором Москвы, отвечал так: «Извините, мне некогда».

Никого не желали слышать ни подручные коммунистических правителей, ни, тем более, они сами. Ценнейший памятник русского зодчества военные команды снесли летом 1972 г. и вместо него построили «шедевр» — кирпичный 12-этажный дом.

Церковь Иоанна Предтечи в Казенной

Казенная слобода в XVII в. была одной из самых больших в Москве — в ней в 1639 г. насчитывалось 164 двора, в 1680 г. — 275 дворов, а также две церкви: Иакова апостола в Яковлевском переулке и Иоанна Предтечи на Земляном валу.

Церковь св. Иоанна Крестителя, предтечи Христа, выстроили в слободе, может быть, еще до XVII в., но упоминается она в документах впервые в 1625 г.

В XVIII в. церковь стали перестраивать. К сожалению, ничего не известно о том, кто явился жертвователем на постройку нового здания, но, надо думать, что это был очень и очень состоятельный человек, ибо новую церковь задумали огромной. Наняли лучшего московского архитектора — Матвея Федоровича Казакова. И стали строить. Закончили строительство в 1801 г. (начали в 1799 г.) и 25 августа освятили.

Построили прекрасное, еще невиданное в Москве сооружение. Это была огромная церковь-ротонда, украшенная

большими пилястровыми выступами и монументальным полукружием алтарного выступа. Как писал Ю. Шамурин, автор книги о московском классицизме начала XIX в., «в ней пре-красно и сильно выражена классическая тенденция к упрощению, совмещающая простоту с предельной ясностью и художественностью всех частей. Среди памятников московского классицизма Предтеченская церковь, наравне с некоторыми произведениями Д. Джилярди, воплощает мечту художников эпохи классицизма о гигантской архитектуре, гигантской не по размерам, а по духу».

В 1920-х гг. специалисты реставрационных мастерских отмечали, что церковь «сохранилась полностью» и что она отличается «чистотой подлинности». Словом, это был вполне незаурядный случай в Москве: такую постройку, да еще такого архитектора — надо было поискать.

В 1933 г. церковь еще не была закрыта: в ней происходили церковные службы, но долго так в то время, конечно, продолжаться не могло: в 1936 г. церковь Иоанна Предтечи вообще снесли.

Теперь тут «красуется» мрачный жилой дом. Плоское пятно брандмауэра этого дома слепым пятном позорит всю улицу. Дом не закончили, началась война, а то бы он протянулся до угла с Покровкой, и тогда бы исчезла небольшая колокольня Предтеченской церкви. Это единственное, что осталось от нее.

Церковь Покрова в Грузинском переулке

Эта церковь называлась чаще церковью Грузинской Божией Матери — по чтимой иконе, хранившейся в ней.

В 1622 г. икона Богоматери вместе с многими другими священными предметами была вывезена шахом Аббасом из Грузии в Персию. Там через семь лет икону приобрел купеческий приказчик Степан Лазарев и пожертвовал ее в монастырь около Архангельска. Прослышав о многих чудесах ее, москвичи принесли икону в стольный город во время холеры 1654 г. и сняли с нее точный список, помещенный в Троицкую церковь в Никитниках в Китай-городе.

В Покровской церкви в Грузинском переулке также находился ее список XVII в. Икона стояла в богато украшенном ките, который был сделан «обещанием и вкладом царицы Прасковьи Федоровны и цариц Екатерины, Анны и Прасковьи Иоанновны и Натальи Алексеевны» в 1706 г.

Художественный золотой оклад иконы был украшен большим бриллиантом, четырьмя сапфирами и более чем тремястами изумрудами. Все это богатство, конечно, исчезло при коммунистическом правлении, но сама чтимая икона сохрани-

лась — сейчас она в церкви св.апостолов Петра и Павла у Яузских ворот.

Церковь впервые упоминается в переписной книге 1620 г.: перед тем ее перенесли из-за линии крепостных укреплений, спешно возводившихся в связи с ожидаемым нашествием войск польского королевича Владислава. Каменное здание церкви было построено к декабрю 1693 г., вероятно, стрельцами — она иногда носила название «в Стрелецкой слободе» или «в новой Воронцовской слободе». В 1712—1714 гг. ее перестроили заново и возвели колокольню, а в 1872—1875 гг., на средства купца С. А. Капцова построили новую трапезную.

Сломали ее в 1932 г., и сейчас на ее месте типовое здание школы.

Церковь святого Николая чудотворца в Воробине

На горке стояла эта церковь, на крутом склоне берега Яузы, около ее впадения в Москву-реку.

Реки издавна привлекали торговых людей — ведь они служили идеальным средством сообщения в древности, когда по суше среди густых лесов пробираться было весьма затруднительно. Недаром почти все старые города зародились на речных путях и чаще всего у слияния двух рек. И вот здесь, на горке над низменной местностью у устья Яузы, селились купцы или, как их называли, гости. Горку же прозвали Гостиной, да и церковь часто называли — «что на Гостиной горке».

Каменное здание церкви св. Николая чудотворца, дожившее почти до нашего времени, построили на стрелецкой земле. Стрельцы полка Степана Стрекалова сами собирали деньги на строительство, но собранных средств не хватило, и из казны им было выдано щедрое вспомоществование: 550 рублей. Выдана была эта огромная по тем временам сумма «для рождения царевича Алексея Петровича и за многия службы». Родился царевич в феврале 1690 г., и по весне того года приступили к строительству. Окончили его в 1693 г. Долгое время церковь считалась стрелецкой и еще в 1716 г. ее называли церковью св. Николая чудотворца, «что Воробина полку» — отсюда, кстати, и название Николоворобинского переулка.

При церкви было два придела: один во имя московских митрополитов Алексия, небесного покровителя царевича, Петра и Ионы, а второй — св. Иоанна Воина, который считался покровителем стрелецкого войска.

В приходе церкви в 1778 г. приобрел дом знаменитый архитектор Василий Иванович Баженов. В том же приходе, совсем неподалеку от церкви, в 1840 г. поселился Николай Федорович Островский, отец драматурга, купив у семьи Тессин обширный участок со многими строениями.

Церковь Покрова в Грузинском переулке, 1880-е гг. (Грузинский пер., 3)

Церковь святого Николая чудотворца в Воробине, 1900-е гг. (ул. Воронцово поле, 4)

Церковь святого Николая чудотворца в Кошелях, 1880-е гг. (Яузская ул.)

Разрушили церковь св. Николая чудотворца, что в Воробине летом 1932 г., но еще стояла прекрасных форм шатровая колокольня. Ее порушили уже позднее...

Церковь святого Николая чудотворца в Кошелях

В Москве, да и в других российских городах, церкви назывались не только по имени святого или праздника, в честь которого был освящен церковный престол, но они имели обычно еще одно название — по урочищу или местности, где стояла церковь.

Что же означает название местности — «Кошели» — неподалеку от Яузских ворот крепости Белого города, где стояла Никольская церковь? Сразу же напрашивается простое объяснение: «кошель» это сумка, большой кошелек, но причем же здесь эта местность?

Судя по этимологическим словарям, слово «кошель» произошло от слова «кош», означающего плетеную корзину, и можно думать, что тут, в низменной местности около устья реки Яузы, где были немалые заросли камыша, плели коши, или кошели — отсюда название и местности и церкви.

Есть также еще одна возможность объяснить это слово: существует такое выражение — «кошельная мука», т. е. мука, которая была просеяна на мельнице. Известно же, что в том же устье Яузы стояли мельницы, на которых не только мололи зерно, как на всякой мельнице, но и просеивали муку.

Каменное здание Никольской церкви в «Кошелях», богато изукрашенное, с красивыми наличниками, полуколонками, узорными карнизами, было заложено в 1692 г., но когда оно было закончено, точно неизвестно. Есть, правда, сведения о том, что в 1706 г. в «новопостроенную» церковь был выдан антиминос. Колокольня была возведена в 1740 г., а в 1877 г. к церкви пристроили придел Всех скорбящих радости и перестроили старый придел — святых Бориса и Глеба.

Церковь же уничтожили в 1937 г., — не иначе как в пылу борьбы с «опиумом для народа».

Да и все уже изменилось в этой местности: нет, конечно, мельниц и зарослей камыша. Остались, правда, и Яуза и Москва-река, но все одето в камень и асфальт. Около устья Яузы еще недавно существовал целый квартал жилых домов — он был снесен в 1970-х гг., и на его месте устроили зеленый газон.

MAZ 5

YANBUENVECHER

- Церковь святых Космы и Дамиана в Нижних Садовниках 253
Церковь святого Николая чудотворца в Пупышах 253
Церковь святых Космы и Дамиана в Кадашах 254
Церковь святой Параскевы Пятницы 258
Церковь святого Никиты в Старых Толмачах 259
Церковь Покрова в Голиках 259
Церковь Воскресения Слоущего в Монетчиках 260
Церковь Троицы в Больших Лужниках 260
Церковь Спаса Преображения в Наливках 262
Церковь святых апостолов Петра и Павла 264
Церковь святых Иоакима и Анны 264
Церковь Казанской Божьей Матери 266

Церковь святых Космы и Дамиана в Нижних Садовниках

Тремя слободами жили царские садовники — Нижней, Средней и Верхней. И все они находились прямо против Кремля, на пойменных плодородных землях, орошаемых ежегодными разливами Москвы-реки. Хозяйство у садовников было большое — сотни, если не тысячи, плодовых деревьев, теплицы, обширные огороды: царский двор требовал огромных количеств всякого рода овощей и фруктов.

Несколько церквей находилось в садовничьих слободах — одной из них была церковь во имя иконы Владимирской Божьей Матери, что в Нижних Садовниках. Она имела два придела: св. Космы и Дамиана и была более известна под именем Космодемьянской, и св. Николая чудотворца.

Церковь, впервые упомянутую в документах в 1625 г., построили в камне в 1657 г., потом, немного позднее, к ней пристроили трапезную, а в 1689 г. — прекрасной формы стройную шатровую колокольню. Вообще вся церковь была очень живописна, особенно выделялись рельефные украшения на высоких шейках пятиглавия и порталы, которые архитектор И. П. Машков, автор путеводителя по Москве, подготовленного специально для съезда зодчих в 1913 г., назвал изумительными.

Внутри церковь была небольшой и в таинственной полутьме ее сверкали ризы на множестве древних образов.

Разрушили одну из самых замечательных церквей Замоскворечья в 1933—1934 гг. для того, чтобы выстроить на ее месте жилой дом.

Церковь святого Николая чудотворца в Пупышах

Еще одно странно звучащее для уха современного человека московское название — Пупыши. Что оно могло обозначать? В описании московских церквей 1817 г. давалось такое объяснение: церковь эта стояла «как бы на пупе, которое место, по свидетельству самого опыта, при большом разлитии воды Москвы-реки, водою не понимается» (т. е. не заливаётся). Но есть еще и другое объяснение, может быть, более ве-

роятное: когда-то тут была «пупырчатая», т. е. неровная, кочковатая местность. Кочки действительно вполне могли быть в низменном и, возможно, болотистом старом русле — старице Московской-реки. Это любопытное название не сохранилось в московской топонимике, оно оставалось лишь в названиях церкви св. Николая чудотворца и переулка, тоже исчезнувших в результате неоднократных реконструкций.

Известна была церковь в Пупышах с 1565 г. Возможно, незадолго до этого на низменном, богатом хорошей почвой, берегу Москвы-реки стали разбивать царские сады и селить там садовников, которые и построили в своих Садовничьих слободах несколько церквей. Одна из них была посвящена св. Николаю чудотворцу, каменное здание которой относилось к 1690 г. Главный престол ее освятили во имя иконы Смоленской Божьей Матери, а придельные храмы — св. Николая чудотворца и иконы «Утоли моя печали». Чудотворная икона эта, находившаяся в церкви, считалась самым древним, самым точным ее списком.

Старую трапезную у церкви разобрали в 1731 г. «за умалением», и тогда к 1735 г. «приходские люди» построили новую, а в середине XIX в. ее опять стали перестраивать, так же как и колокольню, выстроенную вновь по проекту архитектора П. П. Буренина.

На здании церкви, стоявшем совсем недалеко от Москвы-реки, регулярно делали отметки об уровне воды во время наводнений, начиная с 1788 г. Последняя отметка была датирована 1908 г., когда в Москве случилось одно из самых больших наводнений.

Ломать церковь св. Николая чудотворца в Пупышах начали довольно давно — в 1931 г., но окончательно уничтожили ее в конце 1950-х гг., когда стали строить на ее месте большой жилой дом.

Церковь святых Космы и Дамиана в Кадашах

Кадашевцы в Москве жили своею особою слободою в Замоскворечье, недалеко от Кремля, так сказать, перед государевыми глазами — ведь слобода была его, государева. Вся она трудилась на царский двор, ткала хамовное полотно, скатерти да покрывала и работала всякую иную работу. Кадашевцы были людьми зажиточными, и даже богатыми, им позволялось и торговать с другими городами.

Существует мнение, что Кадашевская слобода ранее была заселена бондарями, «кадашами», делавшими деревянные кадушки, бочки, ведра, и в одной газетной заметке даже приводилась в связи с этим ссылка на некий документ 1504 г. Но, как часто бывает, за написание заметок по ис-

Церковь святых Космы и Дамиана в Садовниках,
1880-е гг. (Садовническая ул., 51)

Церковь святого Николая чудотворца
в Пупышах, 1880-е гг. (Пупышевский пер.)

тории Москвы часто берутся невежественные люди, нагромождающие одну выдумку на другую, так что потом бывает очень трудно докопаться до истины. Документ, датируемый 1504 г., действительно существовал — это была духовная грамота великого князя Ивана Васильевича, и там действительно говорилось о Кадашове, но это было просто первое упоминание села: «Да ему ж [старшему сыну, будущему великому князю Василию III — Авт.] даю... село Воробьево и с Володимеровским, и с Семеновским, и с Воронцовским, и с Кадашовым, и с деревнями, как было при мне». Возможно также, что слово «кадаш», что означало в древне-тюркских языках «товарищ», осмыслялось как общинник.

Первые сведения о ткацком производстве в Кадашове относятся к довольно позднему времени — к 1613—1614 г. Примерно с 1626 г. слобода стала числиться в дворцовом приказе Царицыной Мастерской палаты. Это была одна из самых крупных московских слобод, в которой в 1630—1631 гг. было 413, а в 1682 г. — 510 дворов. Земельные участки в слободе давались только с тем условием, что новый владелец будет заниматься ткацким ремеслом и нести общие для всех слобожан повинности. «...Купил тот Федор двор мой на скатертном месте, и такое скатертное дело с меня снял», — так было записано в одной из купчих.

Кадашовцы построили в слободе две церкви, и обе были по-своему замечательны. Особенно хороша Воскресенская церковь с ее колокольной-свечой и белокаменной пеной украшений, каким-то чудом сохранившаяся до наших дней. Но и Космодемьянская была неплоха — пятиглавая, узорочная, в кокошниках, в резных поясах. Ее соорудил вместо сгоревшей деревянной, построенной в слободе царем Иваном Васильевичем Грозным, кадашовец Филипп Савельев в 1656 г. В новой каменной церкви главный престол был освящен во имя Рождества Богородицы, а приделы в честь св. Николая чудотворца и св. Космы и Дамиана — под именем этих святых церковь и была известна в Москве. Почему-то особенным уважением святые Косма и Дамиан пользовались среди учащейся братии: перед каждым экзаменом придел был полон гимназистами.

Во второй половине XVIII в., а именно в 1782 г., к основному четверику пристроили широкую трапезную, декорированную двойными лопатками и капризно изогнутыми наличниками. Возможно, тогда же возвели отдельно от церкви, по красной линии Полянки, высокую многоярусную колокольню со сквозными ярусами звона.

Именно эту прекрасную церковь выбрали для того, чтобы на ее месте построить один из первых сборных домов, первенца многочисленной семьи уродов, заполонивших не только Москву, но и всю страну.

Но предварительно церковь закрыли, и в 1928 г. московские хозяева начали грабить церковное имущество. В церкви находился один из самых замечательных в городе иконоста-

Церковь святых Космы и Дамиана в Кадашах, 1880-е гг.
(ул. Полянка, 4)

Церковь святой Параскевы Пятницы, 1880-е гг.
(Пятницкая ул., 23)

сов, а в нем — икона св. Иоанна Предтечи, писанная знаменитым иконописцем Тихоном Филатьевым. Главной же святыней была икона с частицами мощей святых Космы и Дамиана. В церкви бережно сохранялась серебряная дарохранительница, приобретенная на пожертвования костромского дворянства в память избавления Москвы от нашествия наполеоновских войск.

В связи с грабежом церкви Главнаука Народного комиссариата просвещения обратилась в административный отдел Моссовета: «...получены сведения о разрушении музейного иконостаса в церкви Косьмы-Демьяна на Б. Полянке вопреки данных вам специальных указаний Главнауки. Ввиду этого срочно сообщите подробности, сопроводив надлежащими материалами...»

Наплевав на «специальные указания», московское начальство, что захотело, то и уничтожило, и к 1933 г. церковь была сломана вовсе.

Церковь святой Параскевы Пятницы

Главный престол церкви был освящен во имя Троицы, а придел, по которому она обычно была известна в народе, — Параскевы Пятницы.

Обычно церкви, освященные в честь святой Параскевы, ставились на оживленных торговых местах — городских рынках и, вероятно, здесь, в Замоскворечье, недалеко от живого, т. е. наплавного, моста через Москву-реку, располагался торг, на котором и была построена деревянная церковь Параскевы Пятницы. Она пользовалась особенным уважением москвичей, потому что в ней находилась чудотворная, «явленная», икона.

В летописи она упоминается в известии о пожаре 1564 г.

Согласно так называемым «строельным» книгам в 1657 г. она уже числится каменной. В 1739 г. богатые прихожане, купцы Гаврила и Роман Журавлевы пожертвовали немалые средства на постройку новой церкви, и через три года тут поднялось прекрасное здание. В нем поставили чудо-чудное — деревянный резной иконостас работы самого князя Дмитрия Ухтомского, выдающегося архитектора Москвы. Рядом с церковью высилась и замечательная колокольня с придельным храмом пророка Ильи, законченная в 1744 г. Здание церкви Параскевы Пятницы являлось одним из выдающихся архитектурных памятников середины XVIII в., автором которого, по мнению искусствоведа И. Э. Грабаря, был архитектор И. Ф. Мичурин.

В путеводителе по Москве, изданном в конце XIX в., об этой церкви был написано так: «Архитектура храма величест-

венна. Внутри храм отличается своим благолепием. Иконостас хорош, многие образа украшены богатыми ризами. Ризница и утварь храма очень хороши и богаты».

Как и многие выдающиеся произведения русской архитектуры, да и не только ее, но и всей русской культуры, церковь Параскевы Пятницы пала жертвой вандалов-коммунистов. По генеральному плану реконструкции Москвы 1935 г. Бульварное полукольцо должно было замыкаться в Замоскворечье и проходить как раз по тому месту, где стояла церковь Параскевы. Бульварное кольцо никуда не продолжили, но церковь сломали. Произошло это в 1934 г., а через десять лет, в 1944 г., на образовавшемся пустыре выстроили вестибюль станции метро «Новокузнецкая».

Церковь святого Никиты в Старых Толмачах

Деревянная Никитская церковь стояла в поселении толмачей, т. е. переводчиков, и, возможно, была выстроена тут в первой половине XVII в.

В 1693 г. деревянное здание заменили каменным. Теплая церковь была освящена во имя св. Никиты великомученика, а холодная — в честь Сретения Господня. Только в XIX в. прихожане решили заменить старое здание церкви и пригласили архитектора М. Д. Быковского для разработки проекта. Архитектор спроектировал большое здание в русском стиле с величественным куполом, ставшее доминантой целого района. Митрополит Филарет отзывался о ней как об «образце величия и благолепия». Строительство церкви начали в 1858 г. и закончили в 1863 г.

На месте церкви решили строить жилой дом для милиционеров, и в 1931 г. церковь св. Никиты сломали.

Церковь Покрова в Голиках

Не позже 1625 г. выстроили церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая в окладных книгах патриаршего приказа называлась, «что в Малых Ордынцах, за Москвой-рекою». Как и многие другие московские церкви, Покровская была обыденною, т. е. построенной «обыдень», в один день, очень скоро. Обычно так бывало, когда церковь строилась по обету, обещанию.

Вероятно, местность, где она стояла, была безлесной, голой, и поэтому прозывалась Голиками и церковь стала также называться — «что в Голиках».

Купцы Лобазины построили каменное здание, начатое в 1695 г. и законченное в 1702 г. Только в XX в. ее трапезную и колокольню перестроили — это произошло в 1902—1903 гг.

Сломали церковь Покрова в Голиках в 1931 г., и теперь тут просто пустое место.

Церковь Воскресения Словущего в Монетчиках

Поселение в южной части Замоскворечья называлось Монетчики, ибо тут, вероятно, жили ремесленники, которые были связаны с монетным производством. В этой местности целых шесть Монетчиковских переулков, и в одном из них находилась Воскресенская церковь, построенная на месте деревянной в 1750 г. Рядом со зданием собственно церкви — это был строгий, почти без украшений, куб, выделенный только небольшими фронтонами, на котором стояла красивая ротонда с высокими полуциркульными окнами — пристроили в 1812 г. небольшую трапезную. Высокая трехъярусная колокольня постройки 1750—1760-х гг. стояла отдельно от церкви.

В приходе этой церкви жила семья будущего драматурга, «Колумба» Замоскворечья, А. Н. Островского. Его отец в 1825 г. купил собственный дом и переехал в него с Малой Ордынки, где снимал квартиру у священника местной церкви Покрова в Голиках. В доме в Монетчиках Островский прожил восемь лет.

Воскресенскую церковь разрушили в 1930 г., чтобы построить типовое здание школы. Здание церкви находилось как раз на нынешнем школьном дворе, перед зданием самой школы.

Церковь Троицы в Больших Лужниках

Двое Лужников было в Москве. Одни в излучине Москвы-реки, там, где построили большой стадион, а вторые — севернее, в низменной местности, в Замоскворечье. На Лужнецкой улице стояла Троицкая церковь, которая несколько раз меняла свое название — сначала ее главный престол был освящен в честь св. Николая чудотворца, затем Рождества Иоанна Предтечи, а с 1638 г. она стала Троицкой. Каменное здание церкви построили в 1730 г., потом его перестраивали два раза: в 1778—1779 гг. и в 1858—1861 гг.

Придельные храмы были освящены в память Усекновения главы Иоанна Предтечи и св. Николая чудотворца.

Снесли церковь в 1932 г., теперь тут типовое здание школы.

Церковь святого Никиты
в Толмачах, 1880-е гг.
(Кузнецкая ул., 4)

Церковь Покрова в Голиках,
1880-е гг. (ул. М. Ордынка, 9)

Церковь Воскресения в Монетчиках,
1880-е гг. (5-й Монетчиковский пер., 7)

Церковь Спаса Преображения в Наливках

Наливки — целый район в Замоскворечье, находящийся около нынешних Спасоналивковских переулков. Тут, якобы, великим князем Василием III были поселены иноземцы-наемники, которым позволялось пить в любое время года, а москвичам тогда разрешалось заниматься этим делом только в определенные начальством дни. Так вот, солдаты-нехристи и наливали себе, сколько хотели, отсюда, мол, и пошло название «Наливки». Считалось также, что в этих местах находился винный двор и «стояли шатры, в коих наливали и отпускали вино». Это типичный пример так называемой народной этимологии, идущей от самого простого, лежащего на поверхности, объяснения слова.

Существует, однако, другое толкование слова «наливки». Это — небольшая роща среди полей, и было бы вполне правдоподобно видеть эти самые наливки-рощи здесь, в Замоскворечье.

По писцовым книгам, составленным в 1642 г., Спасопреображенская церковь в Наливках «прибыла вновь», т. е. была только что построена заново. Строилась она в стрелецкой слободе, «в Степанове приказе Алалыкина». Церковь была деревянной и на ее месте в 1738—1751 гг. выстроили каменное здание, но уже не стрельцы, которых и след простыл к тому времени, а местные прихожане. Вопреки расхожим представлениям, Замоскворечье не всегда было купеческим и ремесленным районом, тут в XVII и начале XIX в. немало было усадеб и земельных участков, принадлежавших дворянам. Так, в приходе Спасоналивковской церкви были записаны князья Барятинские, Репнины, Мещерские, Вяземские. Только примерно с 30-х гг. XIX в. в приходе стали появляться мещане и купцы.

Эти новые прихожане заказали маститому московскому архитектору М. Д. Быковскому построить в их церкви новую трапезную, начатую в 1838 г. и законченную три года спустя. Возможно, к тому же времени относится и колокольня с приделом св. Иннокентия Иркутского. В самой церкви находилось еще три придела: Всех скорбящих радости, св. Николая чудотворца и третий, во имя Михаила Архангела, устроенный при перестройке храма в 1876—1877 гг.

Коммунистическим «отцам города» понадобилось место для нового жилого дома, и церковь Спаса Преображения в Наливках была обречена — ее разрушили в 1930 г.

Церковь Троицы в Лужниках, 1880-е гг. (Лужнецкая ул., 26)

Церковь Спаса Преображения в Наливках, 1880-е гг.
(1-й Спасоналивковский пер., 17)

Церковь святых апостолов Петра и Павла

Очень красивое здание находилось примерно в середине Якиманки — все изукрашенное, в мелкях, с ювелирной красотой и тщательностью сделанных декораций.

Это была церковь св. апостолов Петра и Павла, выстроенная первоначально стрельцами. Почти все Замоскворечье населялось в XVI—XVII в. стрелецким войском, и посещавшие Московию иностранные путешественники даже называли все Замоскворечье стрелецкой слободой.

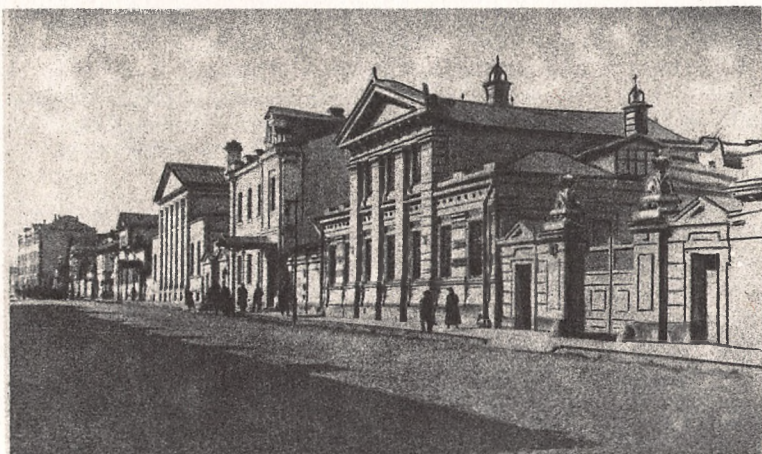
Стрельцы «Иванова приказа Полтева» выстроили эту церковь в своей слободе в 1649 г., как свидетельствовала надпись на камне в трапезной, но в 1713 г. церковь стали перестраивать, ибо, как было сказано в прошении, «ныне та церковь с пределы весьма ветха и за ветхостью служить невозможно». Однако в 1714 г. Петр I запретил каменное строительство по всей России и Петропавловскую церковь пришлось заканчивать уже после 1737 г. К скромному четверику основной церкви уже в XIX в. архитектор П. П. Буренин пристроил большую трапезную и новую колокольню (1852 г.). Это было очень живописное здание в псевдорусском стиле, построенное с щедрым использованием деталей русской архитектуры XVII в. Хороша была колокольня, прототипом которой были шатровые колокольни с рядами слухов на гранях шатра.

В конце 1920-х гг. здание церкви переделали под жилье, в 1930-х гг. ее перестроили, а потом еще раз перестроили для торгового представительства мирно почившей Германской Демократической Республики. Ныне только «подозрительные» для внимательного глаза выступы бывших апсид на восточной стороне выдают церковное здание.

Церковь святых Иоакима и Анны

Москвичам трудно было произносить такое мудреное имя, как Иоаким, и в быту оно сокращалось до удобного Якима, — от имен святых Якима и Анны произошло название одной из главных улиц Замоскворечья — Большой Якиманки, переименованной в улицу Димитрова, болгарского коммуниста, чей памятник почему-то поставили в начале этой улицы.

Но памятник Димитрову был только последней каплей в той чаше страданий, которая выпала на долю старинной московской улицы. За Якиманку принялись в конце 70-х гг. — надо было устроить для властителей страны широкий удобный выезд из их кремлевской резиденции, ведь уютно им было ехать по узкой московской Якиманке, слишком близко к народу. Ломали Якиманку, несмотря на протесты, несмотря на то, что она была полна замечательных зданий, подлинных шедевров архитектуры, несмотря на то, что был тут дом, в котором жил Антон Павлович Чехов...

Большая Якиманка, начало XX в.

Церковь святых апостолов Петра и Павла на Якиманке,
начало XX в. (ул. Б. Якиманка, 31)

Церковь св. Иоакима и Анны на Якиманке была сооружена в 1684—1686 гг. с главным престолом во имя Благовещения и приделами во имя преподобного Сергия и св. Иоакима и Анны. Строил тогда церковь патриарх Иоаким. В XVIII в. колокольня, как это часто бывало, перестраивалась. В том же XVIII в., в самом конце его, церковь обогатилась шедевром — произведением самого Баженова: в 1791 г. там поставили иконостас по его рисунку.

Незадолго перед тотальным разрушением всей Якиманки храм являл собою печальное зрелище — колокольня была сломана до первого яруса, а в самой церкви гудел кузнечно-прессовый цех. Художник Павел Корин в 1966 г. выступил в газете «Комсомольская правда» с гневной статьей под названием «Как гражданин России», в которой он говорил, что не может примириться с надругательством над церквями и, в частности, над церковью Иоакима и Анны. Коммунисты, выслушав все отповеди, взяли да и снесли ее остатки.

Произошло это в конце 1970 г.

Церковь Казанской Божьей Матери

Прекрасный, выразительный силуэт вырисовывался на Калужской площади — красивые очертания купола, окруженного плавными закруглениями апсиды и арок, острый контур шатровой колокольни у трапезной. Об этой церкви тепло вспоминал в эмиграции писатель Иван Шмелев, живший когда-то в ее приходе.

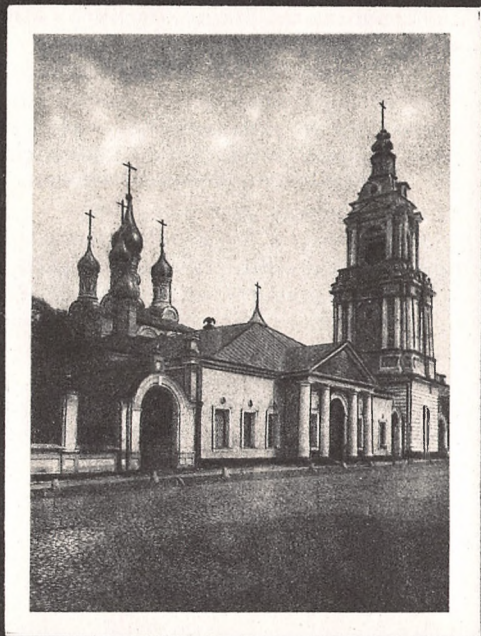
Это была большая церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери, выстроенная в византийском стиле на углу Якиманки и Калужской площади. Проект грандиозного храма принадлежал архитектору Н. В. Никитину.

Строительство ее началось в 1876 г. и продолжалось в течение десяти лет: 21 сентября 1886 г. новопостроенное и отделанное здание было освящено.

Приделов у церкви было два: св. Николая чудотворца и Воздвижения Креста Господня. Внутренность храма была необыкновенно красива. Как писала тогда пресса, «этот обширнейший из московских храмов принадлежит к числу выдающихся по великолепию своей отделки». Особенно хороши были беломраморные иконостасы.

Церковь на этом месте известна давно. На самом краю города, около укреплений, проходивших по нынешней трассе Садового кольца, были поселены стрельцы, построившие в 1660 г. свою слободскую церковь во имя св. Николая чудотворца, которая более известна по местной иконе Казанской Божьей Матери. Есть данные, что на ее месте еще рань-

Церковь Казанской
Божьей Матери, 1880-е гг.
(ул. Якиманка, 45)

Церковь святых Иоакима
и Анны на Якиманке,
1880-е гг.
(ул. Якиманка, 13)

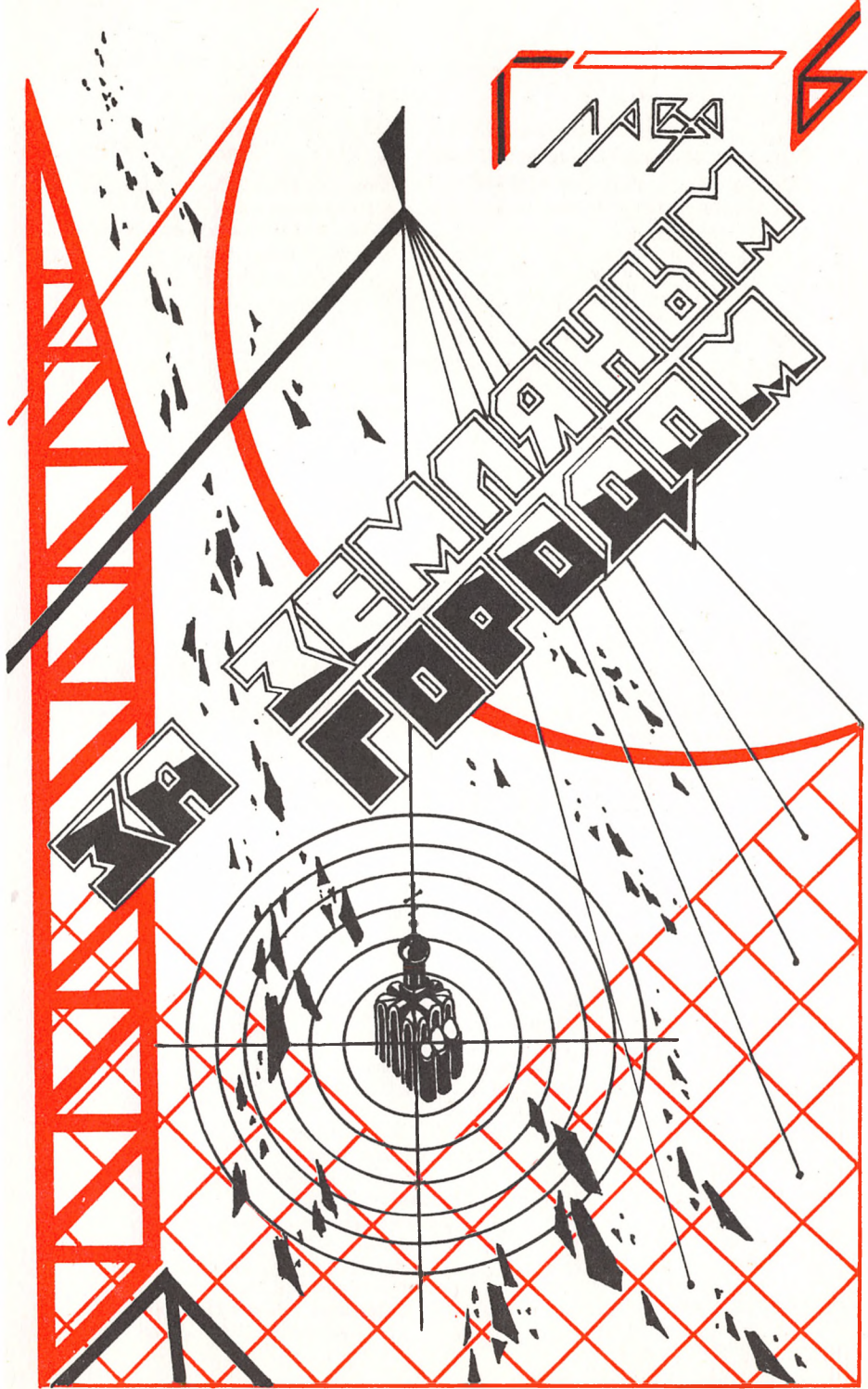
ше стоял храм Введения Богоматери, сведения о котором относятся к 1627 г.

В великолепном храме Казанской Божьей Матери, который был украшением всей площади, в 1935 г. сняли внутреннее убранство и устроили кинотеатр под названием «Авангард». По крайней мере, хоть здание сохранялось, пока коммунисты — радушные хозяева Москвы — не решили украсить город к приезду дорогого гостя — президента Никсона. Перед его визитом в 1972 г. они наводили лоск по маршруту его предполагаемого проезда, разрушая неприглядные, по их мнению, здания и заливая места, где они стояли, асфальтом или засаживая цветочками. Снесли дома XVIII в. перед Боровицкой башней Кремля, снесли мемориальный дом на развилке Остоженки и Пречистенки и добрались до церкви Казанской Божьей Матери на Калужской площади, переименованной к тому времени в Октябрьскую.

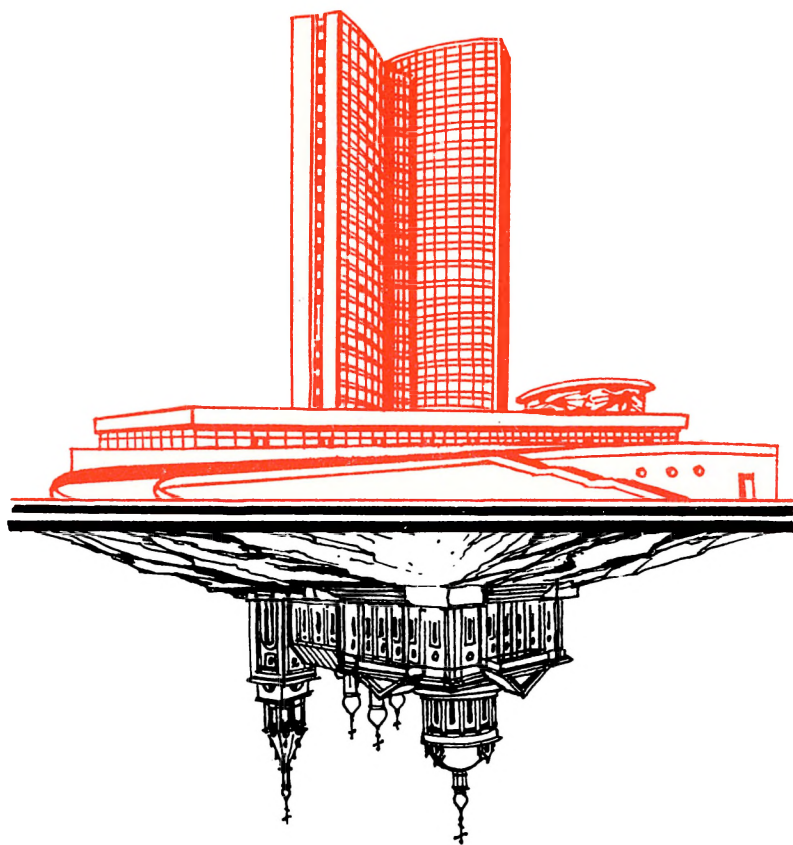
Снесли ее в марте 1972 г.

- Скорбященский монастырь 296
Казанский Головинский
монастырь 297
Церковь святых Петра и Павла
в Петровско-Разумовском 298
Собор святого Александра
Невского 300
Церковь Казанской Божьей
Матери в Сущове 302
Церковь Троицы в Капельках 304
Церковь святого Иоанна Воина
на Божедомке 306
Церковь святых Адриана
и Натальи 306
Церковь Спаса Преображения
в Спасской 308
Куракинская богадельня 310
Преображенское 311
Лютеранская церковь святого
Михаила 314
Церковь святого Николая
чудотворца, что в Кобыльской 315
Церковь Троицы
в Сыромятниках 315
Церковь святого Николая
чудотворца на Ямах 316
Церковь архидиакона Стефана
за Яузой 318
Церковь святых Космы и Дамиана
«Старого» 318
Церковь святых Космы и Дамиана
«Нового» 320
- Церковь Спаса Преображения
в Чигисах 320
Церковь Воскресения Слоущего
в Таганке 321
Церковь Воскресения Христова
в Гончарах 322
Симонов монастырь 324
Кладбища 328
Указатель 332
- Церковь святого Георгия
Победоносца в Хамовниках 273
Церковь святых Отец Седьмого
Вселенского Собора 273
Церковь Тихвинской Божьей
Матери в Лужниках 274
Церковь святого Саввы
Освященного 278
Церковь Знамения Пресвятой
Богородицы в Зубове 279
Церковь Неопалимой Купины 279
Церковь Благовещения
на Бережках 280
Церковь Тихвинской Божьей
Матери на Бережках 284
Церковь Богоявления
в Дорогомилове 286
Церковь Смоленской Божьей
Матери 286
Церковь Введения во храм
Пресвятой Богородицы,
что в бывшем Новинском
монастыре 287
Церковь Покрова Пресвятой
Богородицы в Кудрине 288
Армянская церковь Успения
на Пресне 290
Дом Ушаковых на Средней
Пресне 290
Церковь святого Василия
Кесарийского 293
Церковь святого Сергия
на Ходынском поле 294

Церковь святого Георгия Победоносца в Хамовниках

В начале XX в., после того как власти позволили старообрядцам открыть их давно запечатанные церкви, служить там и даже строить новые, церковная русская архитектура как бы возродилась заново — в разных местах города стали появляться здания-сказки, образы которых навеяны древностью. Лучшие московские архитекторы принялись работать по новым заказам: И. Е. Бондаренко выстроил несколько старообрядческих церквей в разных местах города, В. М. Маят и В. Д. Адамович построили старообрядческую церковь недалеко от Остоженки, А. В. Щусев — церковь в Марфо-Мариинской обители, Ф. О. Шехтель — деревянную церковь на улице Соломенная сторожка.

На плацу перед Хамовническими казармами в 1910 г. по проекту архитектора И. И. Бони построили чудесную деревянную церковь. Средства на строительство были собраны солдатами и офицерами Сумского полка, расквартированного тогда в этих казармах. В них стояли еще два полка — Несвижский и Перновский, и у каждого из них была своя полковая церковь. И вот теперь Сумской драгунский полк, имевший долгую и славную историю — он был сформирован в 1765 г. — тоже получил свой полковой храм. Освящение его происходило в торжественной обстановке 5 декабря 1910 г.

Недолго простояла эта сказка — разобрали ее на дрова в суровые годы разрухи и голода во время гражданской войны.

Церковь святых Отец Седьмого Вселенского Собора

Почему церковь в Москве была освящена в память участников одного из церковных соборов? Ведь святые отцы седьмого Вселенского Собора, созванного в 787 г., хотя и много сделали для укрепления церкви, для обличения иконоборцев, но явно не были очень-то популярны в Москве белокаменной. Загадка эта объясняется тем, что в день поминовения этого собора, 8 октября (по старому стилю) 1812 г. французские войска, оккупировавшие Москву, покинули город.

Желая увековечить столь знаменательное событие, преосвященный Августин, глава московской церковной администрации, благословил закладку нового храма близ стен Новодевичьего монастыря.

До этого с юго-восточной стороны монастырской стены стоял древний храм св. Иоанна Предтечи, выстроенный в 1525 г. одновременно с самим монастырем. Наполеон, захватив в 1812 г. Новодевичий монастырь, устроил там склад продовольствия, самого ценного имущества, что было у него в пожираемой пламенем Москве. Монастырь стали укреплять, а около стен насыпать земляную насыпь. Церковь мешала, и он приказал ее сломать.

После ухода наполеоновской армии из Москвы церковный староста купец Семен Афанасьевич Милюков решил восстановить Предтеченскую церковь: «Церковь прихода моего, известная как древностию лет, так и царским построением, к величайшему ныне прискорбию, в бытность неприятеля в столице вся до основания минами разрушена; таковое разрушение или гряда камней пред глазами пронзает сердца наши до слез...»

Староста пожертвовал на новое строительство громадную сумму — 163 тысячи рублей, и Архиепископ Августин, рассмотрев прошение купца, решил: «Господь сил да благословит по сему созидать храм в вечную память изгнания нечестивого врага из первопрестольной столицы Российской и в возблагодарение Богу Спасителю нашему». Новый храм повелено было освятить в память святых отцов седьмого Вселенского собора.

Большой храм строился долго — с 1818 по 1833 г. Это было прекрасное сооружение в классическом стиле с выразительной ротондой главной церкви, удлинённой трапезной и примыкающей к ней стройной колокольней.

В России было только два храма-памятника в честь победы в Отечественной войне: храм Христа Спасителя, воздвигнутый в память победы, и эта церковь у стен Новодевичьего монастыря. И оба памятника были разрушены коммунистами — «Иванами, не помнящими родства».

В 1935 г. церковь снесли, чтобы построить на ее месте громадную, неуклюжую домину с кинотеатром.

Церковь Тихвинской Божьей Матери в Лужниках

Лужниками называлось в Москве обширное пространство в нижней части москворецкой поймы — там река делает большую петлю. Здесь в излучине реки находилась небольшая слобода, которая называлась Малыми Лужниками. Была она конюшенной, и жили там конюхи, пасшие лошадей на заливных лугах. Первые документальные сведения о слободе

Церковь Георгия в Хамовниках,
начало XX в. (Хамовнический плац)

Церковь святых Отец Семи Вселенских соборов, 1880-е гг.
(Б. Саввиновский пер., 28)

относятся к 1638 г. В давние времена слобожане выстроили себе небольшую приходскую церковь, освященную во имя иконы Тихвинской Божьей Матери. Церковь очень уютно устроилась в излучине Москвы-реки, и первой обращала на себя внимание путешественников, любующихся Москвой с Воробьевых гор.

Впервые известие о ней появляется в 1654 г., когда начинается строительство ее деревянного здания: «по челобитью Коношенной слободы Малых Лужников, что под Новодевичьим монастырем, иконописца Патрекея Евдокимова с товарищи и по благословенной грамоте построили они церковь Божию во имя Иоанна Златоустаго». Но возвести здание удалось лишь до «верхнего помосту», так как тогда «волею Божией стало быть моровое поветрие» — в Москве разразилась эпидемия чумы.

Только почти через столетия — в 1701 г. — прихожане подали новое прошение: «И нам великому государю пожаловать бы их, велеть на прежнем церковном месте построить вновь церковь во имя Пресвятыя Богородицы Тихвинские, да посторонь тоя церкви за стеною другую церковь во имя Иоанна Златоустаго». Обе церкви предполагалось строить «древяныя», однако вместо этого решили выстроить одно каменное здание церкви Иоанна Златоуста, а Тихвинскую строить прихожане «за оскудением» уже не смогли.

Только в 1757 г. состоялась закладка Тихвинской церкви, скромное каменное здание которой вместе с приделом св. Иоанна Златоуста было закончено в 1762 г., колокольню же осылили позднее — в 1772 г.

С церковью Тихвинской Божьей Матери связаны события по закладке храма Христа Спасителя. 12 октября 1817 г. к ней подъехала карета с императрицами Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной, сопровождаемая Александром I и большой свитой. У церкви их встретил архиепископ Августин с многочисленным духовенством московских церквей — священников было около 300, а дьяконов — 200. В церкви Александр и сопровождающие его прослушали литургию и далее проследовали по нарочно устроенной дороге к наплавному мосту на другой берег Москвы-реки к месту закладки храма.

В этой отдаленной церкви, в скромной обстановке, 29 июля 1827 г. произошел обряд бракосочетания князя Ивана Алексеевича Гагарина и актрисы Екатерины Семеновой. Они нарочно выбрали Тихвинскую церковь, чтобы не привлекать к себе внимания, но, конечно, об этом узнали, и о них злословила вся великосветская Москва. Священник и пономарь подверглись штрафу «как повенчавшие сей брак не своего прихода».

Бедная приходская церквушка на самой окраине города могла бы еще жить и жить, радуя прихожан своим уютом и неприхотливостью, но успели осквернители и разрушители.

Сначала ее закрыли и разграбили, а в 1955 г. изувеченное здание Тихвинской церкви уничтожили.

Церковь Тихвинской Божьей Матери
в Лужниках, 1880-е гг.

Церковь святого Саввы, 1880-е гг. (Б. Саввинский пер., 14)

Церковь святого Саввы Освященного

Церковь св. Саввы осталась от мужского монастыря, который упоминался в 1454 г. в духовном завещании князя Петра Добрынина, старшего боярина при великих князьях Василии Дмитриевиче и Василии Васильевиче: «Се яз... дал есмь в дом пречистыа Богородици и своему господину Ионе митрополиту киевскому и всеа Руси монастырь святого Савы, на Москве, на посаде, и со всем тем, что к тому монастырю из старины потягло, и земель, и лугов, и Собакинская пустошь. Так же есмь придал к тому монастырю святого Савы свою мельницу на усть Сетуни, да две деревни у Крылатска, что есмь выменял у владыки у Ростовского у Григорья...» Монастырь св. Саввы князь Петр отдал «на поминок своих прародителей и родителей и по своей душе» митрополиту Ионе и, следовательно, с тех пор этот монастырь становится монастырем московской митрополии, а с учреждением патриаршества — патриаршим.

Около 1654 г. монастырь стал женским и получил название «Ново-Саввинского Киевского, что под Девичьим монастырем», поскольку первые его монахини приехали из Киева. В 1690 г. скончался патриарх Иоаким, и деньги на поминки были выданы уже не в монастырь, а в приходскую Саввинскую церковь и, стало быть, примерно в это время монастырь был упразднен.

В Саввинском монастыре было, по меньшей мере, две церкви: Никольская и Саввинская. Каменное здание церкви св. Саввы было построено в 1592 г. на месте старинного деревянного. Средства на новую постройку, о которой говорилось в 1632 г., выдал приказ Большого дворца, что указывает на связь этой церкви с высокими покровителями: известно, что в монастыре находились хоромы патриарха. Так, в 1637 г. сообщалось, что «киот с деисусы поставлен в Саввинском же монастыре перед патриарши хоромы в сенях».

В подклете церкви в 1732 г. устроили придел во имя Знамения, а колокольню, которая относилась к 1637 г., перестроили заново, как бывало почти всегда, значительно позже — в 1817 г.

Эта церковь стояла совсем недалеко от большой усадьбы, принадлежавшей историку Михаилу Петровичу Погодину, который был близок с Гоголем. Последние годы своей жизни Гоголь жил в Москве и проводил много времени в молитве и размышлении о смысле земной жизни. Почти перед кончиной писатель побывал здесь. Погодин вспоминал: «В четверг на масляной неделе, 7 февраля 1852 года явился Гоголь в церковь св. Саввы Освященного на Девичьем поле, еще до заутрени, и исповедался. Перед принятием св. Даров, за обеднею, пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался». Умер он через четырнадцать дней — 21 февраля 1852 г.

Церковь св. Саввы снесли в 1931 г.

Церковь Знамения Пресвятой Богородицы в Зубове

В той же стрелецкой слободе полковника Ивана Зубова, в которой в 1642 г., построили Троицкую церковь, стояла деревянная Знаменская церковь. Слобода была большая и богатая, и деревянное здание стрельцы решили перестроить — теперь уже в камне. Уже в самом конце XVII в. перед тем, как исчезнуть стрельцам как особому роду войск в Москве, выстроили они себе большую пятиглавую церковь, покрытую красивым узорочьем, с небольшой шатровой колоколенкой, совсем теряющейся по сравнению со своей соседкой — великолепной колокольней Троицкой церкви, рядом на Пречистенке.

Строили Знаменскую церковь с 1694 по 1698 г., и имела она приделы св. Николая чудотворца и св. Александра Свирского.

В 1929 г. Управление Московской телефонной сети возбудило вопрос о постройке новой АТС — автоматической телефонной станции — именно на том месте, где стояла Знаменская церковь. Главнаука Народного комиссариата просвещения отказалась выдать разрешение на снос церкви и направила следующую отповедь: «Главнаука отмечает, что церковь «Знамения» в Зубове является историко-архитектурным памятником XVII в., отнесенным междуведомственной комиссией к 1-й категории. Ввиду этого Главнаука высказывается против разборки этого памятника». Но для того, чтобы хоть как-то ублажить рвущихся разрушать телефонистов, эта самая Главнаука великодушно предложила «использовать под станцию участок, занимаемый церковью «Успения на Остоженке».

За подсказку поблагодарили и разрушили Успенскую церковь, но не пощадили и Знаменскую в Зубове, не посмотрев на то, что она была памятником «1-й категории».

Сломали церковь Знамения Пресвятой Богородицы, что в Зубове в 1930 г., поставив все же на ее месте телефонную станцию.

Церковь Неопалимой Купины

Стояла эта церковь в Новоконюшенной слободе, за Земляным городом. Слободу основали царские конюхи, когда им пришлось покинуть насиженные места в старой Конюшенной слободе у Пречистенских ворот Белого города.

По преданию, церковь Неопалимой Купины построил царский конюх Дмитрий Колошин. Попал он в переплет — затаскали его по судам и не чаял Дмитрий живым выйти оттуда, но неожиданно-негаданно получил он прощение от самого царя Федора Алексеевича. Счел царский конюх свое не-

ожиданное спасение особым знаком благоволения к нему Богоматери, ибо бывая в Кремле в приказах по своей судебной тяжбе, он каждый раз усердно молился перед иконой Богоматери «Неопалимая Купина» в сенях Грановитой палаты. Легенда рассказывает, что Богоматерь явилась царю Федору во сне и объявила ему, что конюх ни в чем не виноват. В память своего чудесного избавления Дмитрий Колошин построил в слободе церковь Неопалимой Купины и перенес туда чудесный образ Богоматери.

Предание это документально засвидетельствовано в клировых документах церкви, в которых первоначальное построение приписывается «усердию стремянного конюха Дмитрия Колошина». По данным, извлеченным из архива Синода, церковь была построена в 1680 г. по благословению патриарха и «по челобитью приходских людей Конюшенной, всяких разных чинов».

По библейскому рассказу неопалимой Купиной назывался куст, росший на горе Хорива, который мог гореть ярким пламенем и не сгорать в нем. В пламени этого куста явился Моисею ангел, и Моисей услышал голос Господа, призвавший его вывести евреев из Египта. Неопалимая Купина в новозаветной символике является прообразом воплощения Бога от Пречистой Девы Марии.

Икона Неопалимой Купины по своему происхождению — греческая, на Руси она считалась защитницей от страшного бича ее — пожаров. Интересно отметить, что священник церкви Неопалимой Купины писал в прошлом веке: «жители нашего прихода замечают, что пожары в нем бывают очень редки, хотя большая часть построек здесь деревянная».

В 1707 г. церковь построили заново — в камне — на добровольные пожертвования, и с тех пор она почти не перестраивалась и не изменялась. Церковь Неопалимой Купины была центром общественной жизни всей окружающей местности. Она славилась широкой благотворительностью: при церкви с 1845 г. существовала богадельня, в которой призывались престарелые и неимущие женщины прихожанки, с 1833 г. — попечительство, оказывавшее материальную помощь беднейшим прихожанам, а с 1892 г. — так называемый елизаветинский комитет, помогавший родителям в воспитании детей, выдавая им денежные суммы.

Церковь Неопалимой Купины закрыли в 1928 г. и разрушили в 1930 г. — на ее месте теперь дом № 11/22 по 1-му Неопалимовскому переулку.

Церковь Благовещения на Бережках

Интересно отметить, что эта церковь, находящаяся так далеко от древнего центра города, была, однако, одной из самых старых церквей в Москве. В 1412—1413 гг., в княжение великого князя Василия III, ростовский епископ Григорий по-

Церковь Знамения в Зубове, 1880-е гг.
(Зубовская ул., 3)

Церковь Неопалимой Купины, 1880-е гг. (1-й Неопалимовский
пер., 11/22)

строил тут, в своем подворье, церковь и освятил ее во имя Благовещения Господня. Подворье ростовских епископов, а потом и митрополитов, находилось в одном из самых живописных мест Москвы, на высоком берегу реки, среди густых лесов. Подворье с церковью окружали бедные избы жителей слободы, которая называлась по церкви — Благовещенской. Там, на месте бывшего подворья и слободы, еще недавно находились целых семь Ростовских переулков.

В 1676 г. в приходных книгах Патриаршего приказа Благовещенская церковь была названа «прибылой», т. е. недавно построенной, и имела один престол. Тогда она считалась «домовой» церковью ростовских иерархов.

Во время пожара 1685 г. и Ростовское подворье, и церковь Благовещения сгорели. После пожара стали строить новую, каменную, церковь, которую освятили в 1697 г. Тогда подворье уже не существовало, и церковь стала обычной приходской.

В следующем столетии к ней пристроили трапезную с приделом святого Николая (1732—1737 гг.); потом (1765—1770 гг.) трапезную расширили и устроили там еще один придел, освященный в память св. мученика Иоанна воина. Перестройки и достройки, однако, тем не ограничились: новая колокольня появилась около церкви в 1831—1837 гг. и тогда же была выстроена и трапезная.

Интерьеры приделов славились своим прекрасным одноярусным мраморным иконостасом, и особенным уважением пользовалась икона Божией Матери «Коневской».

Подворье ростовских митрополитов служило убежищем известного в XV в. писателя, знатного боярина, ставшего монахом и ростовским митрополитом, Вассиана Рыпо. Тут он писал свое «Послание на Угру», сыгравшее столь значительную роль в освобождении Руси от татаро-монгольского ига, когда он убеждал великого князя Ивана III не бояться татар, а идти вместе с войском сражаться с ними: «Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родительницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же мы слышим? Ахмат приближается, губит христианство, грозит тебе и отечеству; ты же пред ним уклоняешься, просишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление?»

Иван III отправился к войску, и после «стояния на Угре» двух противоборствующих сторон татаро-монгольское войско ушло из пределов Руси. Формальной зависимости Руси от татаро-монголов был положен конец.

В приходе Благовещенской церкви жил поэт Владислав Ходасевич, упомянувший ее в стихотворении «Музыка»:

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало все: и домик, и дымок,
Завившийся под крышей!..

Церковь Тихвинской
Божьей Матери
на Бережках, 1880-е гг.
(Бережковская наб., 4)

Церковь Благовещения
на Бережках, 1880-е гг.
(Ростовская наб., 5)

Церковь Благовещения в начале 1930-х гг. закрыли, но не снесли: много лет стояло ее здание, полуразрушенное и обезглавленное. Агония Благовещенской церкви длилась долго — сломали ее не сразу. Сначала отломали часть в 1950-х гг., остатки исчезли в 60-х, а колокольню снесли позже всего: она еще долго стояла перед жилым домом, построенным на высоком берегу, полукругом огибавшим ее.

Церковь Тихвинской Божьей Матери на Бережках

В Дорогомилове, на краю его, стояло старое здание церкви Тихвинской Божьей Матери.

Вариант Одигитрии — икона Тихвинской Богородицы — весьма чтилась в России. Икона чудесным образом явилась в 1383 г. около города Тихвина, по преданию она происходила из Константинополя и была написана самим евангелистом св. апостолом Лукой.

Церковь имела название «что на Бережках» — так назывались оба берега, и правый и левый, Москвы-реки в этом месте. Было и еще три названия: «что в Ямах в Дорогомиловке», или «что в Патриаршей домово́й Бережковской слободе», и «что на Бережках в Рыбной слободе». Здесь, у церкви, на правом берегу Москвы-реки находилась небольшая патриаршая рыбацья слобода.

Скромная церковь во имя Тихвинской Божьей Матери была приходской для рыбаков и крестьян, жителей этой слободы. Точно неизвестно, когда церковь была первоначально выстроена (возможно, в 1642 г.), но каменное ее здание появилось здесь в 1718 г., а ее новое здание, небольшое и изящное, было построено заново в 1746 г.

Закрыли церковь в 1930 г., но сломали сравнительно недавно — в начале 1960-х гг. Теперь на ее месте чахлый газончик перед большим жилым домом на набережной.

Церковь Богоявления в Дорогомилове

Дорогомилово. Народная этимология этого слова ясна: связка слов «дорого» и «мило». Но наиболее вероятно название «Дорогомилово» объясняется тем, что здесь были владения некоего боярина Ивана Дорогомилова.

Это было предместье города, слобода, в которой селились ямщики, ездившие по тракту, ведущему на Можайск, Смоленск, западные земли Русского государства. Возможно, что в

Церковь Богоявления в Дорогомилове, начало XX в.
(Б. Дорогомиловская ул., 21)

Церковь Смоленской Божьей Матери, 1880-е гг.
(Смоленская ул., 7)

этой слободе и была построена церковь Богоявления, известная по документам с 1625 г., когда ее деревянное здание было перестроено после пожара. В 1716 г. ее построили заново и опять перестроили в 1733 г. Однако, эти перестройки не были последними. Так, архитектор Миронов в 1862 г. строит новое здание церкви Богоявления, а в 1868 г. устраиваются приделы преподобного Сергия и св. Тихона Задонского. В 1874 г. архитектором Н. В. Никитиным строится высокая колокольня.

Но на самом рубеже двух столетий — XIX и XX вв. — церковь Богоявления в Дорогомилове подвергается самым большим перестройкам. К старой церкви, которая становится трапезной, пристраивается большой новый храм по проекту архитектора В. Е. Сретенского. Закладка происходила 25 сентября 1898 г., крест на законченный купол подняли 7 октября 1901 г. После очень долгой и тщательной отделки интерьеров главный престол был освящен 29 сентября 1908 г., а последний пятый престол освятили 21 февраля 1910 г.

После того, как большевики, утвердившись в Кремле, выгнали отсюда священнослужителей и закрыли Успенский собор, а храм Христа Спасителя захватили обновленцы, большая церковь Богоявления в Дорогомилове стала кафедральным собором патриаршей церкви.

Но долго Богоявленская церковь не прожила. Борьба с религией в 1930-е гг. вступила в новую фазу: церкви разрушались десятками... Все подряд. В 1934—1935 гг. церковь Богоявления сломали и на ее месте построили жилой дом.

Церковь Смоленской Божией Матери

У Смоленских ворот Земляного города, почти сразу за ними, стояла церковь Смоленской Божией Матери, выстроенная в 1689—1691 гг. Главный ее престол был освящен во имя Рождества Богородицы, и церковь имела четыре придела — Рождества св. Иоанна Предтечи, иконы Смоленской Божией Матери, Введения во храм и св. Константина и Елены.

К церкви, возможно, в первой половине XIX в. пристроили новую трапезную и высокую колокольню. В 1870-х гг. церковь опять значительно перестраивают и расширяют, и в результате этого она приобретает совсем другой вид.

При церкви Смоленской Богородицы до революции находилось церковно-приходское попечительство, бравшее на себя заботу о своих неимущих или попавших в беду прихожанах.

В 1933 г., когда сносятся все дома на пересечении Арбата и Смоленской улицы, ломают и церковь Смоленской Божией Матери. Теперь на ее месте коробка жилого дома с магазином «Орбита» на первом этаже.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, что в бывшем Новинском монастыре

На живописном месте, на холме крутого берега Москвы-реки, расположился Введенский монастырь. «Каменная ограда в старину опоясывала весь этот холм, с коего открывались взорам с одной стороны златоверхий Кремль, с другой Поклонная гора с Дорогомиловскою дорогою, там Три горы, далее Воробьевы горы», — писал архимандрит Григорий в книге «Из моих воспоминаний», изданной в конце прошлого века.

Старинный митрополичий Введенский монастырь, основанный между 1410 и 1431 гг. св. митрополитом Фотием, с введением патриаршества стал домовым патриаршим.

Монастырь дожил до введения в 1764 г. Екатериной II штатов, когда многие обители упразднились. По некоторым сведениям, его упразднили несколько позже, в 1771 г., и церковь обратили в приходскую. В бывших монастырских постройках разместили так называемую Новинскую школу, в которой обучались сироты — дети военных, а когда школу перевели в Екатерининские казармы, тут поместили Фурманский двор — место для изготовления и хранения различных пожарных инструментов. Здесь до 1812 г. делали еще и пушечные лафеты.

Главным монастырским собором был Введенский храм, сначала, как водится, деревянный, а потом уже отстроенный в камне. Об этом храме упоминается в известии 1565 г., когда он был заново построен после пожара. Вновь строительство началось в 1632 г. — тогда в книгах Патриаршего приказа церковь Введения была названа «прибылой», т. е. новопостроенной. В 1674 г. надстроили колокольню и сделали другое завершение храма: «верх на той церкви велено построить не шатровой», и теперь церковь увенчалась традиционным пятиглавием.

Патриархи часто посещали свой монастырь: сохранилось множество упоминаний об их выходах. Так, например, 21 мая 1683 г. патриарх совершил длительную прогулку: «в вечеру, св. патриарх ходил на Пресню и указал, где строить новый пруд и, осмотря место, в Новинском монастыре слушал вечерни, и из Новинского монастыря идучи, зашел в Федоровский монастырь, что за Никитскими воротами, и в час ночи пришел в Кремль».

Рядом с монастырем находилась крестьянская слободка, стоял большой Житный патриарший двор.

Церковь Введения в 1854 г. тщанием прихожан В. А. Куманина и Г. А. Москвина была «возобновлена и распространена»: к ней сделали пристройку с южной стороны, устроили шатер на колокольню и барельефы в кокошниках, освятили приделы Рождества Иоанна Предтечи и Всех святых.

Снесли Введенскую церковь в 1936—1937 гг.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Кудрине

Кудрино — так называлось великокняжеское село на окраине Москвы, одно из тех «красных», т. е. красивых и богатых сел, о которых упоминает безымянный автор повести «О зачатии Московского Княжения...», рассказывавшей о ранних годах истории стольного города Москвы. Село стояло на старинной и важной дороге, которая вела в Новгород. Сохранилось описание владений князя Владимира Андреевича Храброго, того самого, который командовал на Куликовом поле засадным полком, решившим исход всей битвы. Ему принадлежали обширные земли к северо-западу и северу от Москвы — от Можайской дороги (будущего Арбата) до Ходынки и до Тверской дороги, где привольно раскинулись 14 деревень с пашнями, лугами и лесами, а также большое село Кудрино. Княжеские хоромы гордо смотрели на все это богатство с высоты Трех Гор на берегу Москвы-реки. Вдова князя в 1437 г. пожертвовала все огромное владение митрополичьему Новинскому монастырю.

Уже, вероятно, тогда в Кудрине стояла церковь, но первое документальное упоминание о ней относится к сравнительно более позднему времени — сообщается, что в 1660 г. она «прибыла вновь», т. е. была построена заново. Оригинальное здание церкви построили в начале XVIII в. — небольшой четверик с прорезанными в нем круглыми окнами возвели по сведениям клировой ведомости в 1704 г., а в 1800—1819 гг. рядом выстроили трапезную и высокую, со сложными декоративными формами, колокольню. Церковь имела два придела: св. Николая чудотворца (1714 г.) и Алексея человека Божьего (1800 г.).

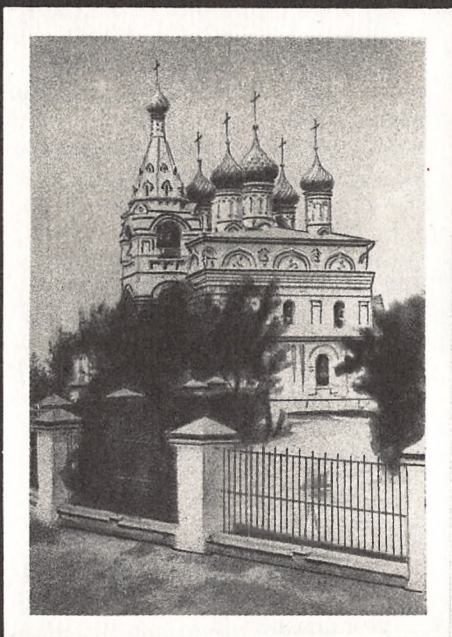
В 1931 г. церковь Покрова Пресвятой Богородицы закрыли, а в 1937 г. снесли. Почему сломали церковь? Кому она мешала?

Долгое время на ее месте ничего не было — только после войны стали строить высотное здание, часть которого как раз и захватила бывшее церковное место.

Армянская церковь Успения на Пресне

На Пресне с XVIII в. существовала большая грузинская колония: царю Картли Вахтангу VI, вынужденному покинуть родные места, пожаловали большой участок на Пресне. По указу Верховного Тайного совета от 19 декабря 1729 г. «велено одному Грузинскому царю Вахтангу двор на Пресне и с садом, которым владел бывший Рязанский архиерей Стефан, а потом отдан был к Невскому монастырю, отдать ему царю Грузин-

Церковь Введения в Новинском монастыре, 1880-е гг. (Новинский пер.)

Церковь Покрова в Кудрине, начало XX в. (Кудринская пл.)

скому и на строение того двора, також и на строение служителям ево... выдать ему 10000 руб. из Камор-Коллегии».

В его большой, в три тысячи человек, свите насчитывалось много армян, которые также жили в этих местах. На проезжей улице (позже получившей название Большой Грузинской), разделявшей поселение грузин от пашенной земли ямщиков Тверской ямской слободы, Вахтанг выделил им участок земли, размером 16 на 25 сажень (около 1800 квадратных метров), для устройства кладбища и постройки армянской церкви.

Сначала выстроили скромную деревянную церковь, а в 1746 г. было построено (возможно, по проекту архитектора Я. И. Алфеева) небольшое каменное здание церкви, освященной в память Успения Пресвятой Богородицы. Рядом устроили и кладбище, огороженное глухим забором, — с передней стороны в нем были сделаны красивые ворота.

Успенская церковь прожила до 1935 г., когда ее просто сломали и ничего не построили на ее месте.

Дом Ушаковых на Средней Пресне

Рассказывая об одном из домов на Пресне, все время вспоминаешь, что этой самой Пресни и нет: ни Большой, ни Средней, никакой — все тут сломали. Все изувечили коммунисты за время своего бесконтрольного правления.

Средняя Пресня была тихой, спокойной улочкой, застроенной немудреными, уютными домами, многие из которых стояли здесь с начала XIX в. В одном из таких домов жила семья купца Вавилова, в которой росли два брата — старший Николай и младший Сергей. Обои суждено было оставить нетленный след в русской науке, но старший кончил свою жизнь ужасно — замученный в сталинской тюрьме, а другой умер в почете и славе, президентом сталинской же Академии наук...

Напротив домов купцов Вавиловых стояло небольшое здание, которое в 1820 г. купил у полковницы М. В. Поливановой коллежский советник Николай Васильевич Ушаков, служащий Комиссии для строений Москвы. Дом был двухэтажный: первый этаж его каменный, а второй — деревянный. За домом находился небольшой сад и хозяйственный двор с двухэтажным флигелем.

Семья Ушаковых была гостеприимной, музыкальной, у них стали бывать многие литераторы. Известны были музыкальные вечера у Ушаковых и о них даже сообщали в журналах: В одной из таких корреспонденций, например, писали, что 21 марта 1829 г. в доме Ушаковых исполнялась симфония Гайдна, «а по окончании симфонии две прекрасные хозяйские дочери пели первую часть *Stabat Mater* знаменитого Перголези... и пели как Ангелы». После их пения выступил знаменитый тогда тенор Бантышев: «концерт закончился блестящим финалом, а вечер веселым ужином. В числе гостей было много знатоков, любителей и любительниц музыки».

Армянская церковь Успения на Пресне, 1880-е гг. (Б. Грузинская ул., 28)

Дом Ушаковых на Пресне, 1920-е гг. (ул. Средняя Пресня, 16)

В этом доме, в большой семье Ушаковых — у них было пятеро детей: три сына и две дочери — с зимы 1826/1827 гг. стал регулярно бывать Александр Сергеевич Пушкин. Осенью 1826 г. он, освобожденный Николаем I от михайловской ссылки, был радушно принят в московском обществе. «Его знает весь город, все им интересуются; отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Аруэту собирались все, имевшие хоть немного здравого смысла в голове», — писал современник.

На одном из многочисленных московских балов Пушкина познакомили с очаровательной семнадцатилетней девушкой с темно-голубыми глазами и пепельными волосами — это была Катенька Ушакова, старшая из двух дочерей. Пушкин, бывший сосланный, изгнанник, не видевший общества несколько лет, немедленно влюбился в нее и стал бывать в семье Ушаковых. В обществе начали поговаривать, что «...по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие свое у ног ее, т. е. сказать просто, влюблен в нее». «Еще не видевши их, — вспоминала современница, — я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что N., на балах, на гуляньях он говорит только с нею, а когда случается, что в собрании N. нет, Пушкин сидит целый вечер в углу, задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его».

В доме Ушаковых все напоминало о Пушкине: «на столе найдете его сочинения, между нотами «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепьянах его «Талисман»... а на языке вечно вертится имя Пушкина».

Поэт посвятил Екатерине Ушаковой несколько стихотворений. Вот одно из них, написанное перед отъездом в Петербург, веселое и игривое, но с неожиданно серьезным концом:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен.
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Оно было написано в мае 1827 г., менее чем через год после того, как повесили пятерых декабристов...

Все думали, что поэт нашел, наконец, ту, которой суждено быть ему спутницей в жизни, но отношения между ними не переросли в настоящее чувство и остались чисто дружескими. Через несколько лет, уже после гибели Пушкина Екатерина Ушакова вышла замуж, и ревнивый муж заставил ее уничтожить все написанное рукою Пушкина.

Теперь уже нельзя подойти к этому скромному дому, живо напоминавшему пушкинское время. Дом Ушаковых не уцелел в горячке бездумной перестройки: его снесли в послевоенные годы.

Церковь святого Василия Кесарийского

Само название улицы — Тверская-Ямская — говорит о том, кто тут жил. Возможно, еще в начале XVI столетия в этих местах, на важной дороге, соединяющей Москву с Тверью и Новгородом, были поселены царские ямщики, обязанные возить путешествующих и почту. Первое документальное упоминание о слободе относится к 1566 г., а папский посол Антоний Поссевин в 1581 г. упоминает слободу как уже застроенную и заселенную.

Ямщики образовали большую слободу, в которой было несколько параллельных друг другу улиц, называвшихся по номерам: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Тверские-Ямские; рядом же находились обширные огороды и выпасы. Тверская слобода ямщиков было довольно большой. Так, в 1636 г. она насчитывала 65 дворов, в 1651 г. — 96, а в 1686 г. — 107.

Ямщики жили здесь примерно до середины XIX в., когда уже почти все перевозки стали осуществляться по железной дороге, однако, уже после нашествия Наполеона 1812 г. слобода пришла в упадок. В конце 1830-х гг. Николай I выдал жителям слободы пособие на обустройство и, как писал журнал «Библиотека для чтения» в 1845 г., «теперь, вместо прежних полуразвалившихся хижин, все протяжение слободы застроено большими каменными домами».

Приходская церковь слободы была посвящена святому Василию, архиепископу города Кесарии в Каппадокии, имя которого носил великий князь Василий III (1505—1533) и, возможно, что именно он и дал начало слободе в начале XVI в. Первый раз церковь упоминается в переписи 1620—1621 гг., а в 1628 г. она записана так: «В московской Тверской-Ямской слободе церковь Василия Великого Кесарийского древяна клетчки...» Это означало, что церковь срублена подобно клетки деревянной избы.

В 1688 г. прихожане выстроили для своей церкви каменное здание, которое в XIX в. стало перестраиваться заново. Тогда население слободы снова значительно увеличилось, и стали строить большое здание, состоявшее из приземистого четверика с большой, красивой формы, ротондой. Прошение о перестройке прихожане подали в марте 1816 г., но строилась церковь долго — только в 1830 г. она была закончена. Однако, трапезная и, в особенности, замечательная высокая колокольня были закончены еще позже — в 1845 г. Постройки и перестройки этим не ограничились, и в 1885 г. прихожане затеяли значительно увеличить церковное здание: алтари выдвигались на восток, ближе к линии улицы, а большой купол над ротондой теперь окружили пять меньших куполов, и в результате получилось величественное здание, так обогащавшее перспективу 1-й Тверской-Ямской улицы. Внутри храм представлял

собой величественное зрелище — он был, вероятно, самым большим из московских приходских церквей — на 5000 молящихся, а его иконостас привлекал внимание своей красотой: он был выполнен из позолоченной бронзы с эмалевыми вставками.

В конце 1890-х гг. около церкви св. Василия Кесарийского стала строиться часовня, посвященная бракосочетанию императора Николая Александровича с Александрой Федоровной.

Часовня строилась на средства купца В. М. Заводова по проекту модного тогда архитектора Ф. О. Шехтеля, автора конторского дома фирмы Аршинова в Китай-городе, дома и магазина фарфорового «короля» Кузнецова на Мясницкой. Архитектор избрал для часовни форму шатровой церкви XVI в., украшенную целым набором декоративных деталей XVII в., — в результате получилась весьма живописная постройка. Часовня была прекрасно украшена — так, например, ее купол был мозаичной работы из белой эмали с позолотой. Несмотря на миниатюрность часовни, ее возведение заняло довольно много времени: закладка происходила 8 сентября 1899 г. и только через два с половиной года — 17 апреля 1902 г. — освящение.

В 1934—1935 гг. церковь и часовню сломали для того, чтобы построить на ее месте жилой дом.

Церковь святого Сергия на Ходынском поле

При выступлениях войск из казарм в летние лагеря обычно устраивалась летняя походная или, как ее называли, палаточная церковь. Ходынское поле еще с первой половины XIX в. использовалось как место летних лагерных сборов московского гарнизона и надобность в постоянной армейской церкви всеми ощущалась.

В марте 1888 г. почетный гражданин Николай Павлович Каверин пожертвовал значительную сумму на постройку в летних лагерях деревянной церкви во имя преподобного Сергия. Он пожелал посвятить свой дар памяти приезда в Москву императора Александра III в 1883 г. и смотра войск, на котором император присутствовал 28 мая того же года.

Деревянную церковь на каменном фундаменте заложили 24 июня 1892 г. Проект немалого храма — он вмещал 1000 молящихся — принадлежал архитектору И. П. Херодину. В храме св. Сергия было два придела. Один из них — св. Александра Невского и Марии Магдалины устроили в честь 25-летия супружества императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, а другой — чудотворца Николая — был посвящен спасению жизни наследника российского престола

Церковь святого Сергия
на Ходыньском поле,
начало XX в. (территория
Центрального аэродрома)

Церковь святого Василия
Неокесарийского,
1880-е гг. (1-я Тверская-
Ямская ул., 33)

Николая Александровича: во время путешествия его 29 апреля 1891 г. ударил саблей японский самурай, но все как-то обошлось благополучно. Этому событию (как писали тогда — чудесному спасению) были посвящены несколько храмов в разных частях России.

Храм был торжественно освящен 23 мая 1893 г. Это было красивое, все в резных украшениях, здание. Внутри обращал на себя внимание позолоченный иконостас с 94 иконами работы художника Ф. Е. Кудряшева.

Храм св. Сергия разрушили в 1920-х гг.

Скорбященский монастырь

Так же как и Головинский Казанский монастырь, Скорбященский был совсем молод — он основан в конце XIX в.

Тут, на окраине Москвы, в так называемом «Новом Сущове» за сто лет до того находилось обширное, площадью в 6 1/2 десятин, загородное владение вдовы действительного тайного советника Надежды Васильевны Шепелевой. По соседству, в так называемом «Новом Сущове», находилось еще несколько таких усадеб, принадлежавших князьям Скворонским, Вадбольским, графам Толстым.

Возможно, что А. С. Пушкин побывал в этом полузагородном имении Н. В. Шепелевой: его знакомый, с которым он встречался в свой последний приезд в Москву в мае 1836 г., племянник владелицы князь Владимир Сергеевич Голицын жил тогда здесь.

С 1837 г. усадьба переходит к С. В. Голицыну и перестает быть барским имением. Она теперь сдается внаем под разные увеселительные заведения: такие, как, например, Немецкий клуб или сад «Тиволи». Следующая владелица, Александра Владимировна Голицына, в 1865 г. основала в своей усадьбе, где у нее находилась домовая деревянная церковь, с освященным в 1857 г. престолом во имя иконы Всех Скорбящих Радости, приют для монахинь — сборщиц доброхотных подаяний, который в 1889 г. был обращен в женскую обитель. С тех пор на территории бывшей барской усадьбы, где когда-то гремела музыка и танцевали пары веселящихся приезжих из города, стал строиться и расти Скорбященский монастырь.

Главный монастырский собор во имя Всемилоственного Спаса — большое кирпичное здание, созданное по проекту архитектора И. Т. Владимирова — заложили 26 мая 1891 г. Строили его три года и освятили 25 октября 1894 г. Через три года заложили храм архангела Рафаила в двухэтажном здании трапезной и окончили его в 1900 г., а через год — в 1901 г. освятили храм во имя иконы Тихвинской Божьей Матери (про-

ект архитектора Н. Д. Струкова). Еще один храм — Трехсвятительский — освятили 5 октября 1910 г. Эта церковь была последней в Скорбященском монастыре.

В советское время его стали интенсивно разрушать, и сейчас остался лишь обезглавленный Спасский собор.

Но если от всех построек монастыря сохранился хоть один храм (правда обезображенный), то монастырское кладбище, на котором было много замечательных памятников, исчезло совершенно. На нем, среди других памятников, выделялись сделанное по рисунку В. М. Васнецова надгробие над могилой журналиста В. А. Грингмута, великолепное надгробие с «Пиетой» над могилой знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако, памятник известному историку Д. Н. Иловайскому.

Казанский Головинский монастырь

Этот монастырь был одним из последних, основанных в Москве. В 1869 г. к владелице сельца Головино, у северной окраины Москвы, Варваре Ильиничне Головиной пришел скиталец монах Николай и предсказал, что в скором времени тут возникнет новая обитель. Предсказание его сбылось. Головина приютила у себя несколько странниц и получила благословение митрополита Иннокентия на устройство домово́й Спасской церкви. На средства благотворителя, московского купца Н. И. Сидорова, который приобрел позднее все имение, построили церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери, освященную 19 октября 1882 г., и устроили женскую богадельню. В 1881 г. ее преобразовали в общину, а в 1886 г. — в монастырь, названный Казанским Головинским.

Монастырь был центром притяжения всей округи. Там работала иконописная мастерская, школа, в которой обучали девочек грамоте и рукоделию, богадельня и больница.

В монастыре из четырех храмов два были каменные: Троицкий, заложенный 1 сентября 1882 г. и освященный тоже 1 сентября, но два года спустя (он был выстроен на средства купца из Вологды Николая Киселева в память своей жены), и больничный — св. Акилины, построенный иждивением купчихи Акилины Смирновой в 1893 г., и два деревянных: Спасский (1872 г.) и Казанской иконы (1882 г.). В монастыре сделали ограду, построили каменные кельи и возвели высокую колокольню. Она была последней постройкой в монастыре (1911 г., архитектор А. А. Латков), и она же единственная сохранилась из всего, что было в Казанском Головинском монастыре. Высокая стройная колокольня, как странный, незнакомый пришелец из других миров, одиноко стоит среди убогих стандартных пятиэтажек.

Церковь святых Петра и Павла в Петровско-Разумовском

Казалось бы, это произведение безымянного автора, создавшего прекрасное здание, блестящий пример так называемого нарышкинского, или московского, барокко, должно было сохраниться в старинной усадьбе. Оно никому не мешало, не стояло на пути автомобилей, не было каким-то чужеродным элементом, но, наоборот, украшало всю местность, составляя интересный контрастный ансамбль со зданием Петровской академии. Но нет, эстетические соображения были совершенно чужды коммунистам, также как и историческая память. Церковь святых апостолов Петра и Павла в Петровско-Разумовском была разрушена.

Местность, известная позднее как Петровско-Разумовское, упоминается впервые под именем пустоши Семчино на речке Жабне, когда она в 1585 г. принадлежала боярину Александру Ивановичу Шуйскому. По писцовым книгам 1623—1624 гг. ею владел его брат Иван Иванович Шуйский. От Шуйских Семчино перешло к Прозоровским, а от них в 1676 г. к боярину Кириллу Полуэктовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи и деду Петра Великого.

Семчино, превратившееся из пустоши в село, было небольшим. В переписной книге 1678 г. было записано так: «село Семчино, по новому прозванью Петровское, куплено у князя Петра Семеновича Прозоровского, а в селе двор становой, в нем живет прикащик и 4 человека конюхов, 5 дворов крестьянских, людей в них 16 человек и 5 дворов бобыльских, в них 17 человек».

Судя по изменению названия можно предположить, что уже тогда в нем построили церковь во имя апостолов Петра и Павла. После 1682 г. село Семчино-Петровское переходит к жене боярина Кирилла Анне Леонтьевне, а потом — к сыну Льву Кирилловичу, который строит в 1692 г. (возможно, постройка начата еще в 1684 г.) каменное здание Петропавловской церкви.

Настоящий расцвет села начался после перехода его к графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому — село было приданым жены его Екатерины Ивановны Нарышкиной, которая приходилась родственницей императрице Елизавете Петровне, выдавшей ее замуж за брата своего фаворита Алексея Разумовского — венчание их происходило 27 октября 1746 г.

Несметно богатыми щедротами императрицы, граф Кирилл начал отстраивать Петровское, получившее с тех пор еще одно название — Разумовское. В 1750-х гг. были выстроены деревянный господский дом, каменные флигели, конюшенный двор, устроен обширный сад с прудами и разными затеями. Старожилы рассказывали, что для поддержания усадьбы в порядке сотни крестьян из малороссийских владений Разумовского приходили сюда на все лето. Владелец усадьбы привлек к проектированию и работам в новой усадьбе прекрасного мастера барокко и раннего классицизма архитектора А. Ф. Кокоринова.

Скорбященский монастырь, начало XX в. (Новослободская ул., 58)

Церковь святых Петра и Павла
в Петровском-Разумовском, 1880-е гг.

После него усадьба перешла к сыну Льву Кирилловичу, а потом через несколько рук попадает к аптекарю с Тверской улицы фон Шульцу, купившему ее в 1828 г. за 210 тысяч рублей. То, что такая огромная и богатая усадьба досталась какому-то аптекарю, в Москве вызывало разные слухи, и поговаривали, что он выиграл ее в карты. По словам бытописателя Москвы С. М. Любецкого, «новый владелец продал и порубил много патриархальных деревьев, украшавших летнюю резиденцию вельмож; многие мостики погнили, беседки превратились в развалины, широколиственные липы стали походить на какие-то плакучие деревья, как будто с грустью смотрящиеся в мутные тинистые пруды, оглашаемые однообразным, унылым кваканьем лягушек».

В 1861 г. усадьба приобретает казную для устройства там высшей сельскохозяйственной школы. Она, под названием Петровской земледельческой и лесной академии, открывается 25 января 1866 г., и церковь св. Петра и Павла делается академической. Первым ее настоятелем становится Я. А. Головин, в семье которого растет будущий известный художник Александр Головин, проведший первые девять лет своей жизни в Петровском-Разумовском.

В бывшей барской усадьбе строится главное здание академии — прекрасное, дворцового типа здание по проекту архитектора Н. Л. Бенуа. Заново устраивается парк, делаются обширные лесные посадки.

В советское время Петровская академия получает новое имя — Тимирязевская, она расширяется, строятся новые учебные здания, а вот церковь пришлась не ко двору новым хозяевам — зачем она будущим агрономам и лесникам?

Церковь св. апостолов Петра и Павла разрушили в 1930 г.

Собор святого Александра Невского

Одно из самых знаменательных событий в русской истории — отмена крепостного права. Необходимость этого шага давно сознавали все, начиная с самых верхов и кончая низами, но сделать его смогли лишь с началом царствования императора Александра II, создававшего, что стране нужны преобразования.

Крепостное право стояло непреодолимой преградой на пути развития страны, выхода ее из серьезного экономического, политического и нравственного кризиса. Как писал известный тогда публицист К. Д. Кавелин, крепостничество — это «неиссякаемый источник насилий, безнравственности, невежества, праздности, тунеядства и всех проистекающих отсюда пороков и даже преступлений».

Отмена крепостного права положила начало целой серии реформ в полфеодальной стране. Все подверглось переменам: центральное и местное управление, финансы, военное дело, система народного просвещения, деятельность печати, суд... Вся Россия была буквально перевернута, и одной из самых радикальных перемен было то, что государство ныне почти не вмешивалось в экономическую жизнь страны.

Результаты были впечатляющие: Россия на полной скорости стала выходить в ряды наиболее развитых стран, и в начале XX в. она далеко опережала по темпам роста и Соединенные Штаты, и Германия, и Францию.

Начало же было положено, как мы говорили, манифестом об отмене крепостного права, подписанном императором Александром II 19 февраля 1861 г. Почти сразу же после его обнародования возникла мысль о сооружении храма в память этого выдающегося события. В разных кругах высказывалась эта мысль: она принадлежала и известному историку М. П. Погодину, и безвестным крестьянам, работавшим по оброку в Москве. Уже 5 июня 1861 г. создали комитет по сбору пожертвований и стали собирать по всей России деньги на строительство, но достаточную сумму накопили только к концу 90-х гг.

Проект поручили академику архитектуры А. Н. Померанцеву: предполагалось, что это будет огромный, высотой 32 сажени (почти 70 метров), бесстолпный храм, увенчанный двадцатью одной главой. Внутри него по периметру должна была проходить надпись, объясняющая причину его возведения. Освятить его предполагали во имя св. князя Александра Невского, небесного покровителя императора-освободителя.

Город предоставил место для строительства на Миусской площади, которая долгое время была незастроенной.

В XVII в. тут, рядом с ямской Тверской слободой, находилось «Ямское поле» — вероятно, место для выгула скота ямщиков и для их огородов. Позднее, возможно в конце XVII в., на этом месте находился склад лесных материалов. Название Миус, или Миусской площади оно получило, по всей вероятности, после того, как тут устроили склад леса для строительства петровского флота в устье реки Миус рядом с незадолго перед тем завоеванным Азовом.

В конце XVIII в. тут был «Лесной ряд», потом торговая площадь. Так она пустовала до конца XIX столетия, когда ее стали разбивать на строительные кварталы. В начале XX в. на Миусской площади выстроили здания Народного университета имени Л. А. Шанявского, промышленного училища, родильного приюта Абрикосовых, трамвайный парк.

Закладка храма св. Александра Невского происходила 22 сентября 1913 г. Митрополит Московский Владимир подчеркнул в своей речи, что закладывается не обычная церковь, а как повелось издавна на святой Руси, храм-памятник.

Несмотря на трудности военного времени, до революции 1917 г. строительство храма вчерне было почти закончено: возведены стены и главы, и 16 ноября 1915 г. даже освятили небольшую церковь во имя св. Тихона Задонского в подвальном помещении, но внутренняя отделка еще только предстояла.

Конечно, после большевистского переворота о продолжении строительства нечего было и думать. Вскоре недостроенный храм стали приспособлять для разных нужд: устраивали там то склад, то дом пионеров, то хотели сделать фабрику-

кухню, радио-дворец или некий Дом химии им. Д. И. Менделеева.

В газетах время от времени появлялись заметки под заглавием «Как использовать Миусский собор?» Вот одна из них: «Недостроенное здание колоссального храма «во имя Александра Невского» на Миусской площади, с порыжевшими от времени куполами, с черными, длинными щелями незастекленных окон, давно уже поставило вопрос о способах использования здания собора. Еще в 1925 г. возник проект для использования его под первый московский крематорий, но его пришлось отклонить в виду нерентабельности. Стены собора сложены весьма прочно на цементном растворе и разборка их не дала бы большого количества годного кирпича».

Так и простояло грандиозное здание храма до 1940 г. Тогда его стали ломать и доломали уже в следующем году окончательно. Теперь тут ничего не напоминает о нем.

Церковь Казанской Божьей Матери в Суцове

Так же, как Кудрино, Хлыново, Семчинское, история села Суцово насчитывала многие сотни лет — оно было одним из тех «красных» сел, окружавших древнюю Москву. О его древности говорят не только легенды, но и строгие документы. Московские князья-собиратели очень ревностно относились к своей собственности, тщательно перечисляя все пустоши, деревни, села, дома в своих духовных грамотах — завещаниях. Суцово не было исключением.

Впервые оно было упомянуто в грамоте 1433 г. князя Юрия Дмитриевича: «А из Московских сел даю сыну своему Дмитрию... сельцо, что у города, Суцевское...» Село получил тот самый, недобрый в народной памяти, Дмитрий Шемяка, боровшийся за власть с московским великим князем Василием Васильевичем, захвативший его в плен и ослепивший его. Однако, московским престолом ему не суждено было владеть, борьбу он проиграл, и сельцо Суцово перешло к московскому князю.

Василий Васильевич Темный (он получил это прозвище после ослепления) в свою очередь, в 1461 г., завещал село сыну Андрею Большому: «А сына своего Ондreja благословляю, даю ему... у Москвы село Суцевское и з дворы з городскими, что к нему потягли». Много раз упоминается Суцово в княжеских документах, как великокняжеское село, расположенное у самого города. В его состав входили даже и городские дворы. В 1504 г. Иван III упомянул Суцово не как находящееся за городом, а уже «на Москве» — т. е. к этому времени, к началу XV в., оно фактически стало частью города.

В XVII в. в Суцове находятся две слободы: Старая и Новая Суцевские черные слободы, из которых в первой в 1632 г. насчитывался всего 21 двор.

Возможно, что церковь в селе существовала с незапамятных времен, надо думать гораздо раньше первого упомина-

Церковь Казанской
Божьей Матери
в Сушеве, 1880-е гг.
(Сушевская ул., 30-32)

Собор святого Александра
Невского, начало XX в.
(Миусская пл.)

ния о ней в церковных документах 1625 г. Тогда ее здание было деревянным, а в 1682 г. прихожане, жители Сущевских слобод заложили новое каменное здание церкви во имя иконы Казанской Божьей Матери, которое закончили постройкой через три года. В то время в церкви было два придела: Рождества Иоанна Предтечи и св. Николая чудотворца.

Как это неоднократно бывало, церкви со временем становились малы для прихода. Так и тут — церковь в 1877—1880 гг. существенным образом перестраивается. По проекту архитектора П. П. Зыкова строятся новая обширная трапезная и колокольня.

Церковь Казанской Божьей Матери в Сущове пала жертвой оголтелых, не знающих удержу разрушителей в 1939 г.

Теперь на ее месте — типовое школьное здание.

Церковь Троицы в Капельках

Каких только объяснений не было придумано этому странному и даже несколько фривольно звучащему названию церкви — «в Капельках»!

Первая мысль была, конечно же, о тех самых капельках, которые остаются на дне рюмки: якобы в местном кабаке недопитые остатки сливались, а потом опять продавались невзыскательным покупателям, и на этот-де доход и была построена церковь.

Автор «Седой старины Москвы», книги о нашем городе, изданной в 1893 г., писатель И. К. Кондратьев так передает бытовавшую тогда легенду:

«Невдалеке от нее [от Троицкой церкви — Авт.] находился кабак. Целовальник его, а по тогдашнему полный хозяин, древний почтенный старик, славился своей хорошей жизнью, и долгое время был церковным старостой при этой церкви. Он не имел после себя прямых наследников и был одинок и, притом, как говорится, скопидом. Ему пришла благая мысль употребить все свое наличное состояние на построение нового каменного храма на месте старого. Но для этого дела не достало бы его собственного капитала, а собирать прямо на построение церкви ему не хотелось, и он придумал простое средство. Кабак его стоял на большой Троицкой дороге, а в те времена, как и теперь, эта дорога была одна из проезжих, да и народ тогда был не хитрый, простой, и никто не считал за стыд зайти в кабак отогреться и даже повеселиться, следовательно, посетителей у старика-целовальника всегда было много. С тех пор, как старик возымел благочестивую мысль о построении храма, он каждого из своих посетителей просил не допивать всего налитого ему вина, а слить «капельку» на церковь».

Эта, так называемая народная, этимология получила неожиданное подтверждение в надписи на одной из старинных книг, хранившихся в церкви, в которой утверждалось, что первоначальное деревянное здание церкви было построено на участке, отведенном от питейного двора.

Церковь Троицы в Капельках, 1880-е гг.
(1-я Мещанская ул., 51)

Церковь святого Иоанна Воина на Божедомке, начало XX в.
(ул. Старая Божедомка, 3/13)

Но объяснение этому названию значительно проще: тут протекала речка и название ее было — Капля, так что сначала церковь прозывалась «на речке Капля» или «на Капле». Отсюда, кстати, название переулка — Капельский. Русло речки проходило по направлению современных Капельского и Самарского переулков. Капля была притоком реки Напрудной и впадала в нее у парка Екатерининского института (теперь в нем Центральный дом Советской армии).

Деревянное здание церкви Троицы, существовавшее с 1692 г., сгорело в 1708 г., и тогда же стала строиться новая церковь, законченная через четыре года. Весьма интересно отметить, что церковь строилась по указу царя Петра и средства на новое и, надо думать, дорогое строительство, были пожертвованы не только прихожанами — «на мирское подаяние», но и императрицей Екатериной Алексеевной.

В XIX в. церковь почти не перестраивается, только в 1829 г. происходят изменения в алтарной части, в 1832 г. возводится новая колокольня, а в 1845 г. — ограда. В начале следующего столетия архитектор И. С. Кузнецов сооружает большую трапезную с приделами св. Иоанна Воина и Митрофания Воронежского. Начали строительство 11 мая 1907 г., а освятили в 1908 г.

Сломали церковь Троицы на Капельках в 1931—1932 гг. и теперь на ее месте большой жилой дом.

Церковь святого Иоанна Воина на Божедомке

Вот еще одно старомосковское название — Божедомка.

Божьим домом, а скорее, Убогим домом, домом для убогих, божьих людей, обездоленных, обиженных в жизни, называлось на Руси то печальное место, в которое свозили никому не известных умерших, странников и тех, кто скончался насильственной смертью. Издавна на Руси к ним было особое, жалостливое отношение, и вот для них и устраивались такие убогие дома. Часто они находились при монастырях, как, например, тут, в верхнем течении Неглинной, где стоял мужской Воздвиженский Божедомский монастырь.

В монастыре стояла деревянная церковь во имя Воздвижения, впервые упоминаемая около 1539 г. Известно также, что в 1635 г. к колоколу этой церкви «кузнец Ивашка делал колокольный язык». Она упоминается как каменная в 1693 г.: «церковь Воздвижения Честнаго Креста Господня, за Петровскими вороты, на убогих домах». Монастырь упразднили в середине XVIII в., а его главную церковь обратили в приходскую. Возможно, что тогда же церковь перестраивали: возводили колокольню и пристраивали большую трапезную — есть

сообщение об «освящении вновь построенной каменной церкви» 15 июня 1744 г. Приделов у церкви было два: св. Иоанна Воина, по которому церковь и была известна, и св. Николая чудотворца.

В 1908 г. вместо старой колокольни архитектор Н. С. Курдюков построил высокую, красивую шатровую колокольню.

Снесли церковь св. Иоанна Воина в 1935—1936 гг. и на ее месте построили здание гостиницы.

Церковь святых Адриана и Натальи

Во второй половине XVII в. Русь воевала с своим западным соседом, Польшей, пытаясь вернуть давно потерянные земли — Украину и Белоруссию. Долгая война велась с переменным успехом, пока в местечке Андрусово в 1667 г. не был заключен мир. Во время этой войны в Россию попало довольно много пленных, расселенных по разным русским городам. После заключения мира многие из них вернулись на родину, но многие выразили желание остаться. Немало насчитывалось и тех, кто добровольно переселился в Россию — особенно это касалось белорусов. Всех их в России называли «мещанами», что означало горожане — от польских слов «mieszczanin» — горожанин и «miasto», что означает город.

Правительство царя Алексея Михайловича решило разместить всех мещан в одной московской слободе и отвело под нее немалое место на севере Москвы, у дороги, ведущей в Троицу, Переславль, Ростов. По указу царя тут поселили выходцев из западных городов, и таким образом получила свое начало московская Мещанская слобода. Точное время ее образования неизвестно, но историк С. К. Богдавленский, тщательно исследовавший слободские документы, полагал, что это произошло между ноябрем 1670 и июнем 1671 гг. Непосредственно устройством слободы руководил сам ближний боярин Артамон Матвеев, глава Малороссийского и Посольского приказов. В планировке Москвы до сих пор остались следы этой слободы: несколько длинных, параллельных друг другу улиц, до недавнего времени сохранявших название Мещанских.

В Мещанской слободе находились две церкви: одна у самого начала главной слободской улицы, 1-й Мещанской, — св. апостолов Петра и Павла, а другая почти у самого ее конца — св. апостола Филиппа. Здание последней каким-то образом сохранилось, а вот другая погибла.

В 1672 г., почти сразу же после основания слободы, на большом участке в 2800 квадратных сажен стали строить деревянное здание церкви на пожертвования слобожан и, кроме

того, из Посольского приказа выдали 102 рубля. Новая церковь была освящена во имя св. апостолов Петра и Павла и богато украшена, что свидетельствовало о высоком благосостоянии мещан.

В большой пожар осенью 1688 г. деревянная церковь сгорела, и мещане собрали деньги на новую, уже каменную. Но для окончательной отделки средств не хватило, и слобожане били челом государям с просьбой о помощи. Великие государи, цари Иван и Петр Алексеевичи, велели «в ту новопостроенную церковь к дверям и к окнам на затворы дать двести досок железа ис того, которое собрано с кровли государственного Посольского приказа и положено на Посольском дворе в анбары».

По просьбе мещан священником в слободскую церковь определили Ивана Фокина, служившего до этого в церкви Введения в Барашах, где он на собственные средства основал школу. Переведясь в Мещанскую слободу, он предложил своим прихожанам перенести и школьные постройки. Мещане согласились и устроили при церкви не только школу, но и богадельню.

Главный престол в церкви был Петропавловским, но церковь была всем известна по имени придела святых Адриана и Натальи. Другой престол посвящался святителю Николаю чудотворцу. К середине XIX в. трапезная церкви была значительно увеличена, и в 1882 г. с запада к ней пристроили ризницу и библиотеку.

Здание церкви св. Адриана и Натальи славилось своим замечательным изразцовым убором — ведь в числе ее строителей было много белорусских мастеров ценинного, т. е. изразцового, дела. Как отмечали специалисты-реставраторы, обследовавшие церковь в 1922 г., изразцы эти были первоклассной работы. В акте обследования один из наиболее авторитетных и известных специалистов по иконописи того времени Г. Чириков отмечал исключительную ценность иконостаса с иконами, одновременными самой церкви. «Они, — писал он, — представляют исключительное историко-художественное значение и являются редкими живописными памятниками конца XVII в. русских мастеров, к которым нужно относиться с большой осторожностью и бережностью».

Можно представить, с какой «осторожностью» и «бережностью» отнеслись большевики к этому чуду русского искусства и ремесла, когда они взялись за разрушение церкви. В июле 1936 г. во всю силу работала чугунная баба, безжалостно сокрушая и изразцы и все здание.

Церковь святых Адриана и Натальи Мещанской, 1880-е гг.
(1-я Мещанская ул., 11-13)

Церковь Спаса Преображения в Спасской, 1880-е гг.
(Б. Спасская ул., 15)

Церковь Спаса Преображения в Спасской

Эта церковь дала название целой слободе — Спасской. Она находилась недалеко от линии укреплений Земляного города, и главной ее улицей была Большая Спасская, обязанная своим именем той же церкви.

Спасопреображенская церковь по документам известна с 1642 г. Тогда она была деревянной, а каменную же церковь, с приделом св. Николая чудотворца, начали строить в 1698 г. и освятили в 1701 г. Еще один придел — во имя иконы Тихвинской Божьей Матери — пристроили в 1754 г., в то же время вся церковь была значительно обновлена.

Последнее обновление произошло в 1884—1885 гг., когда архитектор П. П. Зыков выстроил новую колокольню и увеличил алтари приделов, поставив их в одну линию с главным.

Все сломали в 1937 г., и осталась от бывшей церкви только одна ограда ее. Много уничтожили большевики в Москве, ничего они не пожалели, но вот замечательную ограду Спасопреображенской церкви почему-то удалось спасти. Ею можно и сейчас любоваться на Новой Басманной, у здания церкви св. Петра и Павла.

На месте же церкви было построено здание школы.

Куракинская богадельня

Одной из самых замечательных фигур петровского времени был князь Борис Иванович Куракин. Благодаря его «Истории о царе Петре», а также автобиографии, запискам, дневникам, мы значительно больше знаем об одном из самых важных периодов русской истории. Все исследователи, обращавшиеся к изучению петровской эпохи, не могли не использовать сочинения князя.

В семилетнем возрасте князя Бориса приставили к царю Петру в звании стольника, и с тех пор князь не расставался с ним — участвовал и в потешных битвах при Пресбурге и в настоящих сражениях, как, например, при Полтаве, когда князь Куракин командовал Семеновским полком. Князь с большим искусством проводил дипломатические конференции, руководя, по сути дела, всей российской иностранной политикой. Борис Иванович Куракин стал и родственником царя — он женился на Ксении Федоровне Лопухиной, родной сестре первой жены Петра.

Князь Б. И. Куракин не намного пережил царя — он умер в 1727 г. В своем завещании Куракин оставил большую сумму на создание учреждения для призрения увечных воинов и на строительство при нем храма св. Николая чудотворца. В завещании князь писал, что он «учинил обещание образу чудо-

творца Николая, который стоял в часовне в богадельне у Ильинских ворот».

Еще при жизни он испросил у императрицы Анны Иоанновны место для строительства приюта близ своей усадьбы. Она 18 марта 1731 г. пожаловала для строительства свободное место у казенного Житного двора длиной 50 и шириною 40 сажень. Сын Бориса Ивановича князь Андрей выполнил волю отца, выстроив в 1742—1745 гг. здесь богадельню вместе с храмом, на освящении которого присутствовала сама императрица Елизавета Петровна. По преданию, архитектурный проект был прислан из Парижа — ведь князь Б. И. Куракин последние годы жизни провел там в качестве русского посла.

Традиции благотворительности, заботы о падшем, бедном, униженном были в России очень прочными и давними: в статье журнала «Отечественные записки» 1824 г., где описывается Куракинская богадельня, не без гордости утверждалось, что «если исчислить все человеколюбивые заведения, учрежденные в России частными людьми в городах и поместьях, то самая Англия должна уступить им в сем отношении».

Куракинское благотворительное учреждение мирно и спокойно дожило до большевистской власти — высокая башнеобразная церковь св. Николая чудотворца стояла на обширном парадном дворе, окруженном корпусами богадельни. Но с приходом большевиков здания богадельни оккупировали, военнов-инвалидов разогнали, а прекрасную церковь разрушили.

Произошло это в 1935 г.

Преображенское

Село Преображенское имело богатое прошлое, и имя его навсегда записано в русской истории.

Тут были земли, принадлежавшие Алексеевскому монастырю, на которых любил тешиться охотой царь Алексей Михайлович. Полюбились ему эти места, и купил он у монастыря сначала две с половиной десятины на одном берегу Яузы, а потом к ним прикупил еще двенадцать на обоих берегах. Тут царь устроил себе загородную усадьбу, в которой построил деревянный дворец.

После 1670 г. Алексей Михайлович стал часто приезжать сюда — так, например, в тот год, когда он женился на Наталье Нарышкиной, царь жил в Преображенском с 20 мая до глубокой осени. В 1672 г. царь — любитель театральных действий — построил в Преображенском театр: «По тому великого государя указу комедийная хоромина построена в селе Преображенском со всем нарядом, что в тое хоромину надобно».

Но самые славные страницы истории Преображенского

связаны с именем Петра I. После кончины брата Федора Петр вместе с матерью, царицей Натальей Кирилловной, почти безвыездно жил в Преображенском. В Кремле правила сестра Софья вместе с князем Василием Голицыным, а здесь, в тиши отдаленного села, проводил время в играх будущий преобразователь России. Эти игры постепенно стали отнюдь не детской забавой, когда молодой царь не в шутку, а всерьез занялся военными делами. Из дворцовых служащих он набрал себе потешные полки, которые разыгрывали целые сражения. На правом берегу Яузы выстроили настоящую крепость, которую они брали штурмом, готовясь к будущим боям. Постепенно потешные стали реальной военной силой, впервые проявившими себя, когда Петр вступил в конфликт с сестрой.

Ночью с 7 на 8 августа 1689 г. в Преображенское из Кремля прискакали два стрельца, преданные Петру и Нарышкиным. Разбудили Петра и объявили ему страшную новость: стрельцы взбунтовались, идут в Преображенское с требованием выдать им Петра. В его памяти были живы кошмарные картины стрелецкого бунта в Москве 1682 г., озверевшие лица убийц, хватавших близких родственников, бояр и дьяков, и бросавших их на подставленные копья. Петр, охваченный безрассудным страхом, не рассуждая, в одной ночной рубашке вскочил на коня и ускакал в ближний лес — хорониться от убийц. Туда к нему привезли одежду, и он с кучкой верных приближенных и слуг поскакал к Троице. Это был переломный момент: потом к Петру перешли и войска и многие бояре — Софья осталась почти одна: дело ее было проиграно.

Еще долгое время Преображенское оставалось для Петра самым посещаемым местом в Москве — он явно предпочитал ему кремлевские дворцы. В Преображенском Петр выстроил себе небольшую домик, о котором с удивлением писали иностранцы, — настолько скромный и мал он был и совсем не подходящ самодержавному властелину огромной страны. Вот как описывал приезд в Преображенское камер-юнкер голштинского герцога: «Мы немало удивились, когда подъехав к дому императора, узнали от нашего кучера, что мы перед императорским дворцом: это старинный, маленький и плохой деревенный дом... Стоит он в узком и дурном переулке, к которому с большой улицы ведет очень тесный проход, и окружен небольшим частоколом. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека». Петр не любил пышности в своей приватной жизни, другое дело государственная необходимость — тут он мог не останавливаться перед большими расходами.

В Преображенском был и страшный застенок, в котором пытали виновных в преступлениях против государства — многие боялись Преображенского приказа, которым управлял князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский.

Долгое время Преображенское было солдатской слободой, от которой до нашего времени остались названия улиц: Девятая рота, Генеральная (по Генеральному двору), Потеш-

Церковь святого Николая чудотворца в Куракинской богадельне,
1880-е гг. (Н. Басманная ул., 4)

Церковь Спаса в Преображенском, 1880-е гг.
(Преображенская пл.)

ная. С переводом столицы на берега Невы слобода запустела и впоследствии стала заселяться разным людом. В конце XVIII столетия в Преображенском поселились раскольники, выстроившие себе целый городок у Камер-коллежского вала.

Название села пошло от церкви Спаса Преображения. Впервые село Преображенское упоминается в 1661 г. Тогда в нем была церковь, замененная в 1743 г. деревянной — сержант Преображенского полка купил в Семеновской слободе деревянный церковный сруб и перенес его в Преображенское. В то время в ней освящен был только один престол — во имя апостолов Петра и Павла, а в 1750 г. появился в ней и Спасо-преображенский престол. Позднее жители Преображенского вместо деревянной церкви решили выстроить каменное здание. В 1763 г. они стали собирать деньги, в мае 1765 г. выбрали место для нового строительства рядом со старой церковью, а в январе следующего года им была выдана храмозданная грамота. Новое каменное здание церкви выстроили в 1768 г., а в 1781 г. соорудили придел Петра и Павла и возвели колокольню. В 1886 г. перестроили трапезную с Петропавловским приделом и освятили новый придел — в память св. Александра Невского.

В советское время церковь Спаса Преображения была кафедрой известного церковного деятеля и оратора митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича).

В иконостасе церкви находилось несколько чтимых икон Божьей Матери: «Целительницы», «Отрады и утешения», «Знамения», большая икона Преображения Господня, пожертвованная лейб-гвардии Преображенским полком в день полкового праздника 6 августа 1856 г.

Можно было думать, что церкви, пережившей время тотальных сносов в 1930-х гг., ничто уже не угрожает, но не тут-то было.

Это совсем уж недавний пример вандализма, явного и неприкрытого неуважения коммунистов, власть имущих, к простому народу. Церковь Спаса Преображения, ту самую, которая дала свое имя московской слободе, целому московскому району, решили сломать под предлогом того, что она мешает строительству станции метро. Ничто не могло помешать варварскому деянию: ни просьбы и верноподданные прошения, ни даже отчаянные попытки прихожан помешать разрушителям делать свое позорное дело. В ночь с 10 на 11 июля 1964 г. церковь Спаса Преображения была снесена. На ее месте ныне ничего нет, и если бы она стояла на своем месте, она никак бы не помешала новой станции метро.

Разрушители московской старины продолжают делать свое дело в Преображенском — сносятся еще хорошие и крепкие здания прошлого века, вместо них вырастают безликие башни жилых корпусов, исчезает своеобразный уголок Москвы.

Лютеранская церковь святого Михаила

Вокруг Вознесенской улицы, вероятно, и зародилась первая в Москве Немецкая слобода, устроенная царем Иваном Грозным. Там первые ее жители, в основном торговцы и ремесленники, выстроили себе приходскую церковь св. Михаила, называвшуюся в московском просторечии Старой обедней. Слобода называлась Немецкой, но это вовсе не значило, что там жили одни только немцы. Так в Московии называли всех иностранцев — от слова «немые», т. е. не говорившие по-русски. Немецкая слобода процветала, и царь Иван даже не остановился перед тем, чтобы не пограбить ее. Правда, через несколько лет после набега опричников она опять восстановилась.

Церковь Немецкой слободы была центром всего поселения. В ней похоронили принца Иоанна Датского, который был женихом Ксении, дочери царя Бориса Годунова, но внезапно умер, не дожив до свадьбы.

Старая Немецкая слобода погибла в огне смутного времени, когда в 1610 г. войска Лжедмитрия II разграбили и сожгли ее. Возродилась слобода уже после изгнания интервентов и восстановления сильной центральной власти. Туда опять потянулись ремесленники, военные, торговцы, просто искатели приключений. Но на этот раз жители ее селились несколько выше по течению реки Яузы, и там они выстроили себе другую церковь, прозванную Новой обедней.

Но старая церковь продолжала существовать, в XVIII в. ее перестроили, и она дожила до нашего времени.

В 1920-х гг. на ее месте решили выстроить аэрогидродинамический институт, известный более под аббревиатурой ЦАГИ. Почти все постройки были сломаны, но особенно жаль церковного здания — это был редкий образец западноевропейской архитектуры, пересаженной на московскую почву.

Церковь святого Николая чудотворца, что в Кобыльской

Кобыльская — что это значит?

За пределами города, за его городской чертой, находился выгон, место, специально отведенное для выпаса скота, принадлежавшего горожанам. Тут, у восточных границ города, располагалась слобода, в которой на выгоне паслись лошади. Вот в этой Кобыльской слободе и была построена церковь св. Николая чудотворца.

Деревянное ее здание известно с 1678 г., главный престол церкви был освящен во имя Спаса Нерукотворного образа,

приделы — во имя Николая чудотворца и иконы Казанской Божьей Матери. С 1727 г. началась перестройка этой церкви. На средства московского купца Григория Мушникова были заново построены церковь — внушительная ротонда, покрытая мощным куполом, а также трапезная и колокольня. Освящение новых церковных построек происходило в 1731 г. Последняя постройка относится уже к XIX в. — в 1848 г. был заново устроен придел Казанской Божьей Матери.

Далеко по Садовой была видна красивая колокольня церкви, поставленная прямо по красной линии улицы, и ее купол с небольшой главкой на барабане, прорезанном высокими окнами.

Церковь св. Николая была уничтожена в 1930 г.

Церковь Троицы в Сыромятниках

В Москве было две слободы, в которых жили кожевенники. Большая Кожевенная слобода располагалась в Замоскворечье у берега Москвы-реки, а на другом ее берегу, ближе к Яузе, находилась Сыромятническая. В ней расселились кожевенники-шорники, обслуживавшие дворцовые конюшни. Слобода не была большой — в 1638 г. в ней насчитывалось 38 дворов.

Здание слободской церкви св. Троицы было построено в 1682 г. на месте старой, датированной еще 1600 г. В XIX в. церковь обновлялась: в 1806 и 1832 гг. переделывались верхи главного здания церкви и колокольни, изменились формы оконных проемов и строилась трапезная с приделами св. Сергия преподобного и св. Николая чудотворца.

В начале 1930-х гг. усилилось наступление атеистического государства на церковь — здания церквей сносились одно за другим. Моссовет 15 октября 1932 г. внес следующее постановление: «Принимая во внимание, что церковь так называемой Троицы (в Сыромятниках) находится на территории, забронированной для постройки нового центрального вокзала, церковь закрыть, а здание ее снести».

На следующий год, летом 1933 г., ее и снесли, а так называемый центральный вокзал так и остался в проекте. На месте церкви св. Троицы в Сыромятниках нелепый скверик.

Лютеранская церковь
святого Михаила, 1880-е гг.
(Вознесенская ул., 17)

Церковь святого Николая
чудотворца в Кобыльском,
1880-е гг. (ул. Земляной вал, 21)

Церковь Троицы в Сыромятниках,
1880-е гг. (В. Сыромятническая ул., 13)

Церковь святого Николая чудотворца на Ямах

Почему-то именно колокольня Николаямской церкви не понравилась коммунистическим хозяевам Москвы, которую они сломали значительно раньше самой церкви, в 1928 г. Церковь же жила еще почти тридцать лет, но, правда, в искаленном виде.

Первое упоминание о Николаямской церкви относится к 1642 г. — тогда ее престол был освящен во имя Живоначальной Троицы и она обозначалась «что за Яузскими воротами в Иноземской слободе против пороховой мельницы». Каменное главное ее здание с престолом св. Троицы выстроили в 1697 г., придел Николая чудотворца, по названию которого она стала известна с тех пор, — в 1722 г., а высокую многоярусную колокольню и трапезную — в начале XIX в. Колокольня была похожа на колокольню Крестовоздвиженской церкви на Воздвиженке, выстроенную архитектором П. П. Бурениным в 1849 г. Во второй половине XIX в. Николаямская церковь стала перестраиваться: старые стены ее получили другую архитектурную обработку с возведением на них нового светового купола. Колокольня и трапезная были построены заново. Большая перестройка заняла много времени — с 1867 по 1878 гг.

Главный престол был посвящен св. Троице, а придельные св. Николаю чудотворцу и Усекновению главы Иоанна Предтечи. Церковь св. Николая чудотворца на Ямах сломали в 1956—1957 гг. и построили на ее месте стандартную коробку жилого дома.

Церковь архидьякона Стефана за Яузой

Почти сразу же за мостом через Яузу — небольшая площадь, от которой ответвляются несколько улиц. Вверх идет Таганская, рядом с ней взбирается по отвесному холму над берегом Москвы-реки Большой Ватин переулок, а по низине долины Яузы идет Николаямская улица. Доминирующее положение на этой небольшой площади занимала церковь архидьякона Стефана, отмечая собою положение важного градостроительного узла.

О церкви св. Стефана осталось очень немного сведений. Известно только, что построили ее в конце XVII в., что она была небольшой церковью небогатого прихода, сохранила свой непритязательный облик скромной приходской церкви и что дожила она тихо и мирно до 1932 г., когда ее сломали. Теперь на ее месте — пусто.

Церковь святого Николая
чудотворца в Ямах, 1880-е гг.
(Николеямская ул., 39)

Церковь святого Стефана архи-
дьякона за Яузой, 1880-е гг.
(Таганская ул., 7)

Церковь святых Космы
и Дамиана «Старая», 1880-е гг.
(Гончарная ул., 26-32)

Церковь святых Космы и Дамиана «Старого»

Интересно было бы узнать, почему рядом, на одной и той же улице стояли две церкви — «Старая» и «Новая», — освященные в память одних и тех же святых — Космы и Дамиана? Помогут ли найти ответ на этот вопрос жития?

Эти святые прожили долгую жизнь, всю ее посвятив лечению страждущих, и всех лечили бесплатно — они так и прозывались — святые бессеребренники. Может быть, в этих местах жили врачи и это были их церкви? Нет, в Москве не было отдельных поселений врачей, да и не так уж много их было тогда.

В этих местах жили кузнецы, и Космодемьянские церкви были их приходскими слободскими церквами. Оказывается, святые Кузьма и Демьян, как их звали в народе, считались патронами ремесленников-кузнецов не только в Москве, но и в других местах Руси. Почему так случилось, найти ответ сейчас трудно и, может быть, даже невозможно. Можно лишь отметить это как факт, что и сделал автор книги о ремесле древней Руси Б. А. Рыбаков. Кузьма и Демьян на Руси считались покровителями не только кузнецов, но и всех тех, кто был связан с производством металлических изделий: котельников, серебрянников, плавильщиков, денежников.

У этой церкви было еще название: «что в Старой Кузнецкой» — это значит, что она находилась в слободе кузнецов.

Возможно, что в XV в. в этих местах находился монастырь, который назывался «Заяузским Космодемьянским, что на Вражке». Действительно, одна из Космодемьянских церквей в XVII в. писалась «что на Вражке», и было известно, что небольшой овражек проходил тогда с южной стороны храма. О монастыре упоминалось в духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева, датированной 1498 г.: «...да мои ж места: Заяузская слобода с монастырем Кузьмодемьяном... и теми моими места жена моя Авдотья и дети мои Василий, да Иван поделятся».

Соседство двух одинаковых храмов давно вызывало любопытство москвичей: издавна в Москве бытовала легенда о двух братьях-богачах, построивших на свои деньги одну из Космодемьянских церквей. После окончания постройки они рассорились, и тогда один из братьев решил, так сказать, выделиться и построить теперь уже на свои собственные средства другую церковь и тоже Космодемьянскую.

Время постройки церкви св. Космы и Дамиана Старого точно не известно. По клировым церковным ведомостям дата ее постройки — 1657 г., но, возможно, что она была построена и раньше. В пожар 1773 г. церковь сгорела и после была восстановлена с приделом св. Филиппа богатым прихожанином, бургомистром московского магистрата, владельцем мишурной фабрики Лукой Афанасьевичем Девятовым.

В 1936 г. Космодемьянскую церковь снесли, и теперь тут престижный «генеральский» жилой дом.

Церковь святых Космы и Дамиана «Нового»

«Новая» Космодемьянская церковь находилась на той же улице и в том же поселении кузнецов, но была освящена в память не Космы и Дамиана, врачей-бессеребренников, как соседняя «Старая», а других, одноименных им, святых, пострадавших в Риме за христианскую веру.

Время постройки церкви точно не известно, но, возможно, что ее каменное здание появилось тогда же, когда и у ее соседки, «Старой» Космодемьянской, — в 1657 г. В следующем столетии церковь св. Космы и Дамиана «Нового» была построена заново: в 1745—1752 г. выстроили новые здания главной церкви и колокольни. Основной престол был освящен во имя Рождества Богородицы, а приделы — во имя пророка Ильи, Симеона и Анны и Иоанна Богослова.

Возможно, что церковное здание, постепенно перестраивая и изменяя, встроили в нынешнее непрезентабельное здание, стоящее без вывески на улице Володарского (как стала называться Гончарная улица с 1919 г.).

Церковь Спаса Преображения в Чигасах

Еще одно необыкновенное московское название — Чигасы! Долго можно было бы гадать по поводу происхождения этого слова, если бы не сохранилось известие о том, что тут в XV в. был монастырь и что игумен этого монастыря по прозвищу (или по имени?) Чигас построил в нем Спасопреображенскую церковь. Сведения эти содержатся в Софийской летописи под 1483 г.: «заложи церковь кирпичну Спас святы за Яузою игумен Чигас».

В другом сообщении летописи за 1547 г. опять упоминается Чигас: «Того же месяца [апреля] в 20 дней, в среду вторья недели по пасце, в 10 часов дни загореся за Яузою, на Болвановке... церковь Спаса в Чигасове монастыре выгоре и верьх ея падеся». В этот московский пожар в Спасочигасовской церкви сгорели фрески самого Дионисия.

В продолжении XVII в. Спасочигасовская церковь перестраивалась еще несколько раз, а самом начале XVIII в. было построено ее здание, дожившее уже почти до наших дней. Возможно, что это событие можно отнести к 1706 г. — в то время строилось несколько церковных зданий, обладавших общими композиционными чертами, например, церкви проро-

ка Ильи Обыденного близ Остоженки и Трех Святителей у Красных ворот.

В 1733 г. в Спасочигасовской церкви выстроили трапезную с придельным храмом Кирика и Улиты.

В церкви был прекрасный иконостас начала XVIII в. с древними иконами, и в ней хранились старопечатные книги, ноты и другие ценности.

Разрушили церковь Спаса Преображения в Чигасах в 1929 г.

Церковь Воскресения Словущего в Таганке

В июле 1654 г. Москву посетила ужасная гостья — чума, или, как тогда говорили «моровая язва», от которой умерло множество москвичей. Павел, архидьякон из города Алеппо, посетивший Москву после эпидемии, писал: «Наше сердце готово было разорваться, когда мы въехали в город; мы горько плакали, видя как обезлюдела большая часть домов, в каком ужасном унынии улицы по милости лютой, опустошившей их чумы».

Боярин Богдан Хитров приводил такие страшные цифры, докладывая царю Алексею Михайловичу о слободах в окрестных местах: «Воронцовской слободы живых 35 человек, а умре 135, заяузской Семеновской слободы живых 68 человек, а умре 329, заяузской Алексеевской слободы живых 45 человек, а умре 114 человек».

Неудивительно, что оставшиеся в живых вознамерились возвести храм в благодарность за Божью милость, проявленную к ним. Возможно, что оставшиеся в живых слобожане, обитавшие в соседнем приходе церкви Воскресения в Гончарах, переселились «в прирост города Москвы», образовав новую слободу, где и построили к 1659 г. свою церковь. Она была освящена во имя Воскресения Словущего, т. е. праздника в воспоминание восстановления, обновления храма Господня равноапостольными Константином и Еленой на горе Голгофе вместо выстроенного там идольского капища Венеры.

По записанному в 1659 г. книгам переписи и дозору... «прибыла вновь церковь Воскресения, что за Таганными вороты, в Новой слободе». Есть сведения, что в храме был похоронен староста Каменного приказа Дмитрий Михайлович Старцов — может быть, он и был строителем этой церкви.

В 1790 г. она «за ветхостью» была разобрана и выстроена вновь; автором ее, по сведениям М. И. Александровского, знатока московской церковной истории, был знаменитый архитектор Матвей Казаков. Освящение церкви происходило 29 октября 1800 г. Тогда же была построена и трапезная с приделами Тихвинской Божьей Матери и Адриана и Натальи.

Церковь особенно славилась убранством своего интерьера. Недаром ее настоятель писал: «что составляет особенную красоту главного храма — это его иконостас. Посмотрите на него — и что вы увидите? Вы увидите как бы сплошную массу

Церковь святых Космы и Дамиана
«Новая», 1880-е гг.
(Гончарная ул., 20б)

Церковь Спаса Преображения
в Чигах, 1880-е гг.
(Спасочигасовский пер., 12)

Церковь Воскресения в Таганке,
1880-е гг. (Семеновская ул., 2)

золота, по которому отчетливо вырезаны различные узоры. Вся эта масса величественно возвышается на 5 ярусов».

Долгое время священником в этой церкви состоял Александр Иванович Беликов, скончавшийся 21 сентября 1848 г. Он был одним из самых образованных священнослужителей, занимался преподаванием и литературным трудом — ему, в частности, принадлежит составление катехизиса. Интересно отметить, что именно он был первым наставником маленького Александра Пушкина в Законе Божьем.

Воскресенскую церковь порушили в 1930—1931 гг. Тут сейчас пустое место между двумя совершенно перестроенными улицами — Марксистской и Таганской (бывшими Пустой и Семеновской).

Церковь Воскресения Христова в Гончарах

Особенно жаль эту церковь: уж очень хороши были ее стройные шатры, поставленные рядком на низком четверике. Буквально на пальцах можно было еще тогда пересчитать на Руси трехшатровые церкви — в Угличе, Вязьме, Москве, вот, пожалуй, и все. Особой любовью к прекрасному, видно, обладали жители Гончарной слободы, раз они выстроили у себя такие церкви, как эта и Успенская поблизости, украшенная изразцами. Да и не удивительно — ведь гончары не просто бездушные ремесленники, они тонко чувствовали красоту.

На месте старой деревянной Воскресенской церкви (упоминаемой, вероятно, еще в 1545 г.) гончары выстроили новую каменную. Время ее постройки в точности неизвестно, называются различные даты — и 1639, и 1649 гг. Есть также свидетельство о том, что она была построена по указу «великого государя святейшего патриарха» Филарета — следовательно, в период с 1619 по 1633 г. Но, во всяком случае, в церковной переписи 1657 г. она значится уже каменной. Ее колокольня по ветхости была выстроена заново в 1751 г., а столетие спустя к старому объему церкви была пристроена новая обширная трапезная, законченная в 1867 г.

Придельных храмов в церкви было два: во имя Тихвинской иконы Божьей Матери и преподобного Сергия.

Многие отмечали уникальность и красоту этой церкви. В последнем предреволюционном путеводителе по Москве отмечалось, что «таких храмов в Москве уцелело очень мало» и что эта церковь «дает живо почувствовать старую Москву». Историк русской архитектуры М. М. Красовский считал, что Воскресенский храм являлся «в высшей степени интересным памятником», который «заслуживает быть точно обмеренным и подробно исследованным».

Но церковь не дождалась ни обмеров, ни исследований.

Церковь Воскресения в Гончарах,
1880-е гг. (1-й Гончарный пер., 7)

Симонов монастырь, конец XIX в. (Восточная ул., 4)

Она пала жертвой деятельности коммунистов по переустройству Москвы. Предварительно ее перевели в более низкий разряд охраны памятников — ведь, сознавали, что творят — а потом и вовсе разрушили. Новое строительство, конечно, было нужно, спору нет, но, право же, не было никакой необходимости проводить новую магистраль с моста прямо через церковь...

Погибла церковь Воскресения Христова в 1935 г.

Симонов монастырь

Симонов монастырь был одним из самых красивых московских монастырей не только потому, что его постройки являлись гордостью русской архитектуры, но и из-за его живописного расположения на крутом берегу Москвы-реки, на виду всего города.

Первоначально — в 1379 г. — монастырь был основан на другом месте, несколько южнее, там, где сейчас стоит церковь Рождества Богородицы, которая так и называется — «в Старом Симонове». Монастырь основан по желанию великого князя Дмитрия Донского первым игуменом св.Федором, племянником Сергия Радонежского. Земля для него была пожертвована Симоном Головиным и Григорием Ховриным. Когда монастырь перенесли на новое место, на старом осталась маленькая обитель, зависящая от большого монастыря и называвшаяся «Рождественской, что на Лисьином пруде», на том самом, который после выхода в свет необыкновенно популярной повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», стал называться Лизиним прудом. В храме этой обители похоронили храбрых иноков Пересвета и Ослябю, павших на Куликовом поле.

Новый монастырь основан на берегу Москвы-реки в 1379 г., и там он стал расти и обстраиваться. Уже в начале XV в. был построен каменный Успенский собор на средства богатого вкладчика Григория Ховрина, в конце века появились каменные трапезная и звонница. Особенно большое строительство началось со второй половине XVI в.: перестраивается главный собор, у западных ворот строится храм, в память от избавления от нападения татарских орд хана Казы-Гирея, над восточными воротами — церковь св. Николая. В 1680 г. начинают возводить уникальную трапезную палату, позднее — многие другие постройки. Самой последней была грандиозная колокольня, введенная по проекту К. А. Тона в 1835—1839 гг. Высотой она была 44 сажени (без малого 100 метров), на ней висел тысячепудовый колокол, который «лил мастер Харитонка Иванов сын Попов с товарищи» в 1677 г.

Симонов монастырь был одной из самых почитаемых московских обителей. Как уже говорилось, он был связан с таки-

ми крупными деятелями русского государства и церкви, как Дмитрий Донской, Сергей Радонежский и митрополит Алексий. В нем подвизался в трудах св. Кирилл Белозерский, история монастыря неразделима с именами св. Ионы и св. Ферапонта Лужецкого.

Окрестности Симонова монастыря были очень живописны: с одной стороны монастыря виднелось «мрачное, покрытое сосновым бором укрепление, окруженное рвом и валом, где устроены теперь пороховые погреба; с другой — к самой реке спускается живописная дача, принадлежащая Селивановскому [известный в начале XIX в. типографщик — Авт.], а над обрывом берега зеленеет старинный Бекетовский сад, где жил в свое время наш знаменитый историограф».

Сам историограф — Н. М. Карамзин писал о себе в вводных строках «Бедной Лизы»: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так окрестностей города сего, как я... Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты. Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся...» Друг Карамзина поэт И. И. Дмитриев вспоминал, как они проводили там целые дни, как он, «переплыв в лодке Москву-реку, всходил за ним на крутой Симоновский берег».

Почитаемая московская обитель в первые годы после революции была, как и многие другие, закрыта. Монахов выгнали, часть помещений заняли различные учреждения, устроили небольшой музей, в котором рассказывали об эксплуатации крестьян, богатстве монастыря и его архитектурных памятниках. Но все чаще и чаще на него покушались идеологические конторы коммунистов — там задумали устроить клуб. Этому мешали музейные работники, которые, как писала газета «Вечерняя Москва», видите ли, доказывали, что «невозможно разрушать столь культурное учреждение — Симонов монастырь». И они даже осмелились предложить коммунистам «поискать участок под клуб, а монастырь оставить в покое».

Однако коммунисты-культуртрегеры не собирались ничего оставлять в покое. В ночь на шестую годовщину со дня смерти основателя их государства коммунисты взорвали стены и постройки Симонова. В журнале «Огонек» поместили несколько фотографий разрушенного монастыря с подписью: «Вместо крепости мракобесия — рабочий дворец культуры». Далее в журнале сообщалось, что после взрыва на субботнике 8000 рабочих разбирали останки, после чего «состоялся митинг».

Всем было ясно, почему под новое строительство отвели старинный монастырь. Об этом весьма недвусмысленно сказал некий Д. Аркин в журнале «Архитектура СССР» в 1937 г.: «Когда несколько лет тому назад старый Симонов монастырь окончил свою дряхлую жизнь на одном из окраинных московских холмов для того, чтобы очистить место строительству Дворца культуры Пролетарского района, это был красочный эпизод из истории реконструкции Москвы. Снос Симонова монастыря и закладка крупнейшего в Москве Дворца культуры — знаменательное событие... Москва обогатилась новым значительным культурным сооружением». Именно так: новая культура строилась на костях старой.

В то время сломали не только стены монастыря, образец русского крепостного строительства, но и разрушили Успенский собор, построенный в 1543—1549 гг. Этот собор являлся, как считали ученые, примером «оригинальной русской переработки византийского крестовокупольного храма, который получил на Руси совершенно своеобразную трактовку, определившую новый архитектурно-художественный облик культового здания».

Но коммунисты строили не только на месте древних и уважаемых церквей, они не гнушались возводить свои «культурные» учреждения буквально на костях, на останках наших предков. На старинном кладбище Симонова монастыря, которое тоже порушили, были похоронены представители таких известных русских родов, как Татищевы, Бутурлины, Головины, Мусины-Пушкины. На кладбище находились могилы поэта Д. В. Веневитинова, писателей М. М. Хераскова, Степана и Константина Аксаковых, библиографа В. М. Ундольского, историка А. Е. Викторова.

Владимир Солоухин приводит подробности уничтожения кладбища Симонова монастыря:

«Так вот, сохранился протокол. Ну, сначала идут обыкновенные подробности, например: «7 часов. Приступили к разрытию могил...

12 ч. 40 м. Вскрыт первый гроб. В нем оказались хорошо сохранившиеся кости скелета...»

Ну и так далее и так далее. Протокол как протокол, хотя и это ужасно, конечно. Потрясно же меня другое место из этого протокола. Вот оно:

«При извлечении останков некоторую трудность представляло взятие костей грудной части, так как корень березы, покрывавший всю семейную могилу Аксаковых, пророс через левую часть груди в области сердца». Вот я и спрашиваю: можно ли было перерубать такой корень, ронять такую березу и взрывать само место вокруг нее?».

Вопрос риторический. Для коммунистов таких вопросов не существовало.

Кладбища

Одно из самых поразительных и доказательных примеров варварства коммунистов — это их отношение к кладбищам, местам священным у всякого народа. Ими нещадно разорвались места последнего отдохновения наших предков, выкидывались гробы из усыпальниц, рушились и распродавались памятники, на скелетах строились дома и устраивались парки «культуры и отдыха».

Так, они полностью уничтожили старинное Лазаревское кладбище, превращенное теперь в некое подобие детского парка. До образования кладбища в 1748 г. москвичей хоронили на церковных кладбищах, а Лазаревское стало первым московским городским кладбищем.

Оно получило свое название от деревянной церкви, построенной там в 1750 г. — один из престолов ее был освящен во имя св. Лазаря. Сохранившееся здание этой церкви построено в 1784—1786 гг. на средства купчихи С. Ф. Долговой ее зятем, архитектором Е. С. Назаровым. Обширная трапезная ее относится к 1904 г. (архитектор С. Ф. Воскресенский).

На Лазаревском кладбище находились могилы профессора Московской духовной академии А. П. Смирнова, архитектора П. Е. Баева, ботаника П. Ф. Маевского, профессоров Московского университета П. А. Сахацкого, Р. Ф. Тимковского, А. И. Кикина, В. А. Евреинова; рядом с могилой юриста, также профессора университета Н. Н. Сандунова, был похоронен его брат, знаменитый артист С. Н. Сандунов.

Там, на могильном камне первого русского профессора медицины Семена Герасимовича Зыбелина, можно было прочесть:

По сердцу и уму се истинный мудрец:
Он славы не искал, но был наук красую...

А на могиле поэта, переводчика Ф. Б. Миллера тоже чудесная эпитафия:

Нелицемерный, в дружбе неизменный,
К добру пылал любовью он живой.
Он до конца хранил огонь священный
И до конца был юноша душой.

Ничего не сохранилось от старого кдадбища — все могилы уничтожили.

Так же безжалостно поступили и со старинным Семеновским кладбищем, которое буквально стерли с лица земли: как могилы, так и церковь исчезли.

По преданию, кладбище возникло тогда, когда в селе Семеновском устроили солдатскую слободу для расквартирования потешного Семеновского полка.

На Семеновском кладбище своей церкви не было до середины XIX в. Но в селе, где находился обширный царский Потешный двор, была Введенская церковь, построенная в

1643 г. царицей Евдокией Лукьяновной. Деревянное ее здание сгорело в 1728 г. и было выстроено заново, но уже каменным в 1731 г. (церковь была снесена в 1932 г.). Только в 1855 г. иждивением купца М. Н. Мушникова и других прихожан на кладбище выстроили большую каменную церковь во имя Воскресения Словущего с тремя приделами: Всех Святых, св. князя Владимира и св. Николая чудотворца. Освятил ее 17 июня 1855 г. митрополит Филарет. По отзывам церковь была очень красива, в ней был набранный из олонецкого мрамора мозаичный пол. Она имела старинные иконы, поставленные в превосходный иконостас.

На Семеновском кладбище был похоронен поэт с трагической судьбой — Александр Полежаев.

Исчезла полностью и Дорогомилловское кладбище, вместо которого выстроили жилые дома, где поселились наши руководители.

Первую церковь на этом кладбище освятили 2 января 1773 г. во имя преподобной Елисаветы, строили ее «под смотрением» архитектора В. И. Баженова. В 1839 г. церковь значительно перестроили, добавив два придела: Спаса Нерукотворного Образа и иконы Владимирской Божьей Матери. Церковь и кладбище были памятником Бородинской битвы — в день празднования Владимирской иконы произошла эта битва, подломившая силу наполеоновской армии. На самом кладбище находился памятник над могилой 300 воинов, павших в Бородинском бою.

Кладбище и церковь сравнивали с землей перед тем, как начали застраивать правую часть Кутузовского проспекта — незадолго до 1957 г.

Однако, наверное, самым вопиющим актом вандализма было разрушение Братского кладбища.

Кладбище было предназначено для захоронений тех, кто погиб на фронтах первой мировой войны. Инициатором его устройства была великая княгиня Елизавета Федоровна. Город приобрел вековую липовую рощу, прилежащую к селу Всехсвятскому, и к нему еще прирезали из государственной и удельной (т. е. принадлежащей императорской семье) земли еще 8 десятин. Первое погребение на Братском кладбище происходило 15 февраля 1915 г. — тогда похоронили пятерых воинов, погибших на фронте, и освятили временную деревянную часовню. Со временем кладбище стало, к сожалению, быстро заполняться. На средства А. М. и М. В. Катковых, у которых в самые первые дни войны погибли два сына, стали строить большую пятиглавую каменную церковь с отдельной звонницей по проекту архитектора А. В. Щусева.

Описанию Братского кладбища, изданному в 1915 г., автор предпослал такой эпитафия: «Граждане! Не забывайте, что здесь покоится прах наших братьев, отдавших свою жизнь на

на защиту Родины!» Но граждане нового, социалистического государства после победы Великой Октябрьской революции постарались как можно скорее забыть о своих погибших на поле брани братьях. При начале застройки района Песчаных улиц кладбище уничтожили.

Многие московские монастырские кладбища были либо уничтожены, либо изменены неузнаваемо — в них поработали нечистые руки новых хозяев. По кладбищу Донского монастыря, полному бесценных памятников, как будто прошла огромная гребенка с частыми зубьями: в результате от памятников его осталась едва ли десятая часть. Вместо кладбища Покровского монастыря вандалы сделали футбольное поле и теперь спортсмены азартно топчут могилы. Кладбище Данилова монастыря также исчезло под руками коммунистов-строителей светлого будущего. То же произошло и с кладбищем Скорбященского, Андрониковского и Алексеевского монастырей.

Указатель

Башня Сухарева 223

Ворота Красные 233

Дворец

Малый Николаевский 23

Большой Кремлевский 34

Дом

архива МИДа 99

князей Голицыных 142

в Большом Казенном переулке
242

Кологривовых на Тверском
бульваре 124

между Пречистенкой и

Остоженкой 174

Селивановского 127

Ушаковых на Средней Пресне 290

М. С. Щепкина 218

Зарядье 69

Кладбища 328

Монастырь

Вознесенский 25

Георгиевский 127

Зачатьевский 169

Златоустовский 147

Казанский Головинский 297

Никитский 100

Никольский греческий 56

Симонов 324

Скорбященский 296

Сретенский 143

Страстной 210

Чудов 15

Охотный ряд 104

Палата Оружейная 34

Памятник

Александру II 37

Александру III 86

Пушкину А. С. 210

Сергею Александровичу

вел. князю 39

Скобелеву 118

Петровско-Разумовское 298

Переулки арбатские 182

Площадь

Страстная 210

Арбатская 92

Преображенское 311

Собор

Александра Невского 300

Казанский 50

Никольский греческий 57

Спаса на Бору 11

Стена Китайгородская 47

Улица

Тверская 114

Москворецкая 68

Храм Христа Спасителя 77

Церковь

Адриана и Натальи в Мещанской
306

Алексия митрополита в Глинницах
130

Благовещения на Бережках 280

Благовещения в Кремле 31

Благовещения на Тверской 209

Богоявления в Дорогомилове 286

Бориса и Глеба на Воздвиженке 92

Бориса и Глеба на Поварской 198

Василия Кесарийского 293

Владимирской Божьей Матери 62

Введения на Лубянке 138

Введения в быв. Новинском

монастыре 287

Воздвижения на Воздвиженке 96

- Воздвижения армянская в Армянском пер. 154
 Вознесения в Варсонофьевском пер. 135
 Воскресения в Монетчиках 260
 Воскресения на Остоженке 173
 Воскресения на Малой Бронной 203
 Воскресения в Гончарах 322
 Воскресения в Таганке 321
 Георгия на Всполье 204-
 Георгия на Красной горке 112
 Георгия в Хамовниках 273
 Гребневской Божьей Матери 146
 Григория Богослова 134
 Дмитрия Солунского на Тверской 121
 Духа св. 176
 Евпла архидьякона 149
 Ермолая на Козьем болоте 208
 Знамения на Знаменке 90
 Знамения в Зубове 279
 Иоакима и Анны на Якиманке 264
 Иоанна Воина на Божедомке 306
 Иоанна Предтечи на Малой Лубянке 144
 Иоанна Предтечи в Казенной 244
 Иоанна Предтечи в Кречетниках 186
 Иоанна Предтечи в Староконюшенной 187
 Ипатия чудотворца 66
 Казанской Божьей Матери на Якиманке 266
 Казанской Божьей Матери в Суцове 302
 Кира и Иоанна на Солянке 162
 Константина и Елены 32
 Космы и Дамиана в Кадашах 254
 Космы и Демьяна Нового 320
 Космы и Дамиана в Садовниках 253
 Космы и Демьяна Старого 318
 Михаила лютеранская 314
 Неопалимой купины 279
 Никиты в Толмачах 259
 Николая чудотворца «Большой крест» 64
 Николая чудотворца в Воробине 246
 Николая чудотворца в Гнездняках 121
 Николая чудотворца в Драчах 230
 Николая чудотворца в Кобыльском 315
 Николая чудотворца в Кошелях 248
 Николая чудотворца в Куракинской богадельне 310
 Николая чудотворца на «Курьих ножках» 196
 Николая чудотворца в Мясниках 232
 Николая чудотворца на Песках 192
 Николая чудотворца в Плотниках 191
 Николая чудотворца в Пупышах 253
 Николая чудотворца в Столпах 156
 Николая чудотворца «Стрелецкого» 88
 Николая чудотворца в Хлынове 103
 Николая чудотворца «Явленного» 190
 Николая чудотворца на Ямах 316
 Отец св. Семи Вселенских соборов 273
 Панкратия 228
 Параскевы Пятницы в Охотном ряду 108
 Параскевы Пятницы на Пятницкой ул. 258
 Петра и Павла в Петровском-Разумовском 298
 Петра и Павла на Якиманке 264
 Пимена в Старых Воротниках 216
 Покрова в Голиках 259
 Покрова в Грузинском переулке 245
 Покрова в Кудрине 288
 Покрова в Левшине 180
 Похвалы Богородицы 87
 Ржевской Божьей Матери у Пречистенских ворот 88
 Ржевской Божьей Матери на Поварской 198
 Рождества в Кудрине 200
 Рождества Христова в Палашах 209
 Рождества в Столешниках 132
 Саввы 278
 Сергия Чудотворца в Глинищах 132
 Сергия в Пушкарях 220
 Сергия на Ходынском поле 294
 Смоленской Божьей Матери 286
 Спаса на Божедомке 178
 Спаса Преображения в Глинищах 161
 Спаса Преображения в Наливках 262
 Спаса Преображения в Пушкарях 222

Спаса Преображения в Спасской 308
Спаса Преображения в Чигасах 320
Спиридония на Козьем болоте 206
Стефана архидьякона за Яузой 318
Тихвинской Б. М. на Бережках 284
Тихвинской Б. М. в Лужниках 274
Тихона на Арбатской площади 93
Трех Святителей 237
Троицы на Арбате 194
Троицы в Зубове 179
Троицы в Капельках 304
Троицы в Лужниках 260
Троицы в Полях 60
Троицы в Сыромятниках 315
Успения Божьей Матери в Котельниках 159

Успения Божьей Матери армянская на Пресне 290
Успения Божьей Матери на Остоженке 172
Федора Студита 202
Флора и Лавра в Мясниках 152
Харитония в Огородниках 240

Часовня

Иверская 54
Моисеевская
Пантелеймона 63
Святого Александра Невского 110

Читальня имени И. С. Тургенева 231

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1 КРЕМЛЬ	7
Глава 2 КИТАЙ-ГОРОД	43
Глава 3 БЕЛЫЙ ГОРОД	73
Глава 4 ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД	165
Глава 5 ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ	249
Глава 6 ЗА ЗЕМЛЯНЫМ ГОРОДОМ	269
УКАЗАТЕЛЬ	332

Сергей Константинович Романюк
МОСКВА. УТРАТЫ

Редактор А. В. Д у б р о в с к и й
Технический редактор Г. В. Т р у ш и н а
Корректор Э. Н. П о л я к о в а

Сдано в набор 22.10.91. Подписано в печать с оригинал-макета 15.04.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 21,0. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1195. Цена договорная.

Издательство ПТО «Центр». Москва,
ул. Вс. Вишневого, д. 8.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

